

Annotation

Продолжение романа «Эра воды».

Действие, в основном, на древнем Марсе. Главные герои те же.

Технологическая НФ в антураже покорения Солнечной системы: с элементами мистики, личным героизмом и нетривиально развернувшейся любовной историей.

Это роман о Поле Джефферсоне.

История парня из недалекого будущего: молодого ученого, судьбою заброшенного на Ганимед.

Мир к тому времени насытился и отошел от материально-денежных мотиваций; основным стимулом развития стало научное любопытство.

Люди приступили к исследованию и преобразованию планет Солнечной системы, создавая на них земные условия для жизни. Ганимед — крупнейший из Галилеевых спутников Юпитера — был одним из первых пробных камней в этой игре. И он же оказался яблоком раздора между двумя социальными группами: преобразователями и натуралистами.

-
- [Станислав Михайлов](#)
    - [Часть 1. МИРАЖИ](#)
    - [Часть 2. ОСКОЛКИ СТЕКЛЯННОЙ РОЗЫ](#)
    - [Часть 3. ПАДЕНИЕ БАШЕН](#)
-

Станислав Михайлов
Жемчужина

Часть 1. МИРАЖИ

*«И, когда окончится тысяча лет, будет
освобожден сатана из темницы своей»*

Откровение Иоанна, гл.20, ст.7.

Пустыня.

Коричневые барханы, разрубленные поперек красными щербатыми скалами.

Полуденное отсутствие теней.

Скалы выступают из-под земли гигантскими позвонками — будто обнажились останки древних анамибсов, нашедших здесь свою могилу задолго до времени Башен. Дождь смыл, а ветер растер в пыль их гипсовые усыпальни, но, говорят, все же не смог одолеть легендарной крепости костей.

Крепость Костей — так называется утес, приютивший меня. Баальбетская застава, венчающая его уже тридевять лет — мертва, как и пустыня под моими ногами.

Красные кости анамибсов, торчащие из песка.... Это всего лишь сказки. Сказки мертвой земли. Коснись их рукой, и ощутишь обычный плитняк — слоистый шершавый камень. Но людские сказки иногда оказываются долговечнее камня.

Отчаянным и голодным взором вливаюсь в дымный горизонт — не дождь и не горящие леса, даже не пыль, клубами вздымаемая полчищем всадников — один лишь мираж. Раскаленная солнцем страна, до сих пор не прельстившая никаких захватчиков, тянется отсюда и до сверкающего солью западного берега моря Гем.

Страна, в которой останутся и мои кости, если осмелюсь спуститься по крутому, почти отвесному склону и погрузить ступни в горячий коричневый песок. Если осмелюсь ввериться злему ветру, постоянно дующему вдоль этих каменных стен. Если осмелюсь...

Как будто есть выбор.

* * *

Меня гнали от самого Дарсума.

Все согласно ритуалу: две тройки парящих и три девятки наследников отрезали мне путь к отступлению, сжимая полукольцо, оставляя единственное направление — на восток.

После падения баальбетов эти места знали только проклятых. Нечасто. По одному за троелетие. Ради меня святоши сделали исключение, да пресечется их род звездным огнем — тем, которого они так страшатся, — да лопнут панцири их скакунов, обрекая хозяев проехаться лицом по камням и пыли — ибо нет большего унижения для очищенных светом. Пусть плоть их высушит зной и кости выбелит пустыня. Пусть постигнет их участь, на которую они обрекли меня!

Я рычу, оглядываясь на запад, и сплевываю песок.

Над плоской вершиной далекой горы на восходящем воздушном потоке зависла птица.

Только это не птица, а один из парящих. Прятаться поздно, я попался. Можно прилечь, вжаться в скупую тень полуразрушенной крепостной стены и спокойно дожждаться смерти. Она придет не сразу. Сначала парящий камнем падет в руки наследников и расскажет им, что зверь загнан. Другой парящий тем временем примется разматывать круги небесной петли прямо надо мной. Они будут подменять друг друга, летающие шпионы, а те, кто несет смерть, не спеша взойдут на утес по удобной старой дороге, что еще хранит память моих следов.

Они наступят на мои следы, они — мои наследники. А потом раздавят меня.

Но я не буду ждать.

Никто не ждет исполнения.

Некоторые бросаются с обрыва: внизу белеют кости, их можно различить, если приглядеться.

Большинство спускаются живыми и уходят в тщетной надежде спастись.

Три девятки на земле и две тройки в небе ждут трижды девять и два по три дня. Втрое больше запретного числа, числа смерти. Больше девяти с двумя днями к западу от Крепости Костей не продержится никто, кроме Рожденного Пустыней. Вот его-то они и ждут, для него посылают приманку, его должны распознать и убить, чтобы спасти мир от гнева звезд. Я знаю это, меня этому учили. А для простого народа мы — проклятые — обычные жертвы троелетия. Глупцы верят: святоши кормят нами пустыню, чтобы та не росла.

Вернее, не нами, а ими. Я — исключение. Внеочередная жертва.

Неслыханное дело — не иначе как Пророчество, Прозрение, Предвидение... Какие еще весомые слова выпадают из грязных уст святош, когда у них чешутся руки от желания пролить кровь?

Наследники уже близко. Я чувствую, как они поднимаются на утес. Парящий прямо над моей головой закладывает широкий круг, в центре которого — солнце.

Но меня уже нет среди руин старой заставы. Устало волоча ноги по крупному песку, обжигающему даже сквозь толстую кожу ксенги, я переваливаю через очередной бархан и оставляю между собой и наследниками красную скалу. Таких еще много впереди — прежде, чем я упаду, вдохнув остатки вонючего пара из опустевшего бурдюка. В нем и сейчас-то уже меньше половины. Схватил на бегу первый попавшийся — хозяин шарахнулся к стене, даже не пытаясь помешать. Местные верят, прикоснешься к проклятому — последуешь за ним.

В этих варварских краях не знают о влагоуловителе или хотя бы паутинном конденсаторе, да и где бы я его спрятал, обобрали ведь до нитки... Если бы у меня было время подготовиться, я бы обеспечил себя источником воды даже здесь... Да что я говорю? Если бы у меня было время подготовиться, я бы просто сбежал.

Если бы...

Безумие — бродить по раскаленной солнцем сковороде. Нужно дождаться тьмы.

Едва узкая полоска тени падает на волнистый бок бархана, я приваливаюсь спиной к скале и, тяжело дыша, роняю соленые капли пота на жадный до влаги песчаный алтарь пустыни. Отсюда меня не видно: ни с утеса, ни с высоты птичьего полета. Впрочем, они за мной и не пойдут. Не их дело. Дальше уже не их.

Несколько глотков из нагретого бурдюка, несколько минут покоя. Тень удлиняется, и я проваливаюсь в тяжелый липкий сон — следствие крайнего напряжения последних дней. Во сне за мною гонится чудовище, напоминающее шакрата, но крупнее. Оно распадается на сотни слепых тварей, на ощупь подбирающихся ко мне. Во сне я считаю их не тройками и девятками, а десятками и сотнями, кратно числу пальцев, и это не кажется мне странным.

Я сжимаю в руках странное устройство с длинным хоботом, способное долго извергать непрерывный огонь. Жду, когда они подойдут на расстояние выстрела, переключаю что-то возле ручки и сжигаю их

широкой, но почему-то совершенно бесшумной струей пламени. Она бьет недалеко, на несколько десятков шагов, оружие рвется из рук — я прижимаюсь спиной к отвесной стене, чтобы удержать его и не быть отброшенным назад.

Белый холодный камень под огнем испаряется, но пар тут же замерзает и разлетается облаками мелких крупинок. Черное небо яркими звездами — глазами предков — глядит на мое безмолвное сражение. Чудовище подступает все ближе, опять собирается из многих маленьких в одно целое. Оно источает смерть. Мое оружие выключается. «Атомный резак разряжен, возобновите комплект батарей...» — чужой голос, смутно-знакомые слова ускользают из головы, я не могу вспомнить их звучание. Леденящая тень обрушивается на меня, и я просыпаюсь, дрожа и стуча зубами.

Время тьмы — треть суток между солнцепадом и солнцеростом.

Звезды сверкают, переливаясь блеском драгоценных камней, рассыпанных по черной материи. Так продают их в ювелирных лавках моей родины, россыпью, каждый может зачерпнуть горсть или две и заплатить за вес. Это уже потом, далеко-далеко от нас, в больших городах и дворцах Башен за каждый камушек дадут девятки две стержней. Сейчас мне хватило бы маленькой пластинки от одного, чтобы согреться — топливный стержень не только обменная единица, он еще и горит. Усмехаюсь. А еще можно помечтать о паланкине и сытном ужине. Да чего уж там паланкин, давай сразу вирману — угнездиться поудобнее в кабине, с короткого разбега взлететь и помчаться прямо по воздуху, громом и огнем пугая суеверных дикарей...

Ничего нет и не будет. Нужно идти.

Кое-как размяв дрожащее и затекшее тело, я побрел на восток через невысокие барханы. Темными пятнами в звездном свете вырисовывались скалы.

Я вспомнил легенду, рассказанную мне Зоакар за тридень до облавы. Когда предки нынешних людей пришли сюда, повсюду росли леса и расстилались богатые пастбища. Реки журчали, стекая с гор, несли воды к далекому морю Гем, чьи берега еще не были покрыты солью, а служили домом множеству животных с ценной шкурой. В общем, тогда был рай. Но люди забыли, кому обязаны жизнью, кто заслонял их собой от старых хозяев Жемчужины, чудовищных анамибсов — и люди перестали приносить жертвы Многорукому. А долго ли человеческий бог может протянуть без жертв? Он слабеет и распадается в прах, не поддерживаемый

верой.

Однажды небо вспыхнуло и страшные удары сотрясли мир. Обрушились колодцы, крыши домов провалились вовнутрь, стены рассыпались — все вокруг скрылось во тьме и пыли. Пал Многорукий, поверженный извечными врагами рода людского. Каменные топоры древних богов с размаху врезались в землю и застряли навсегда в когда-то плодородной почве. Раскаленные докрасна, они спалили леса и пастбища, высушили и затворили реки, сожгли все живое. Прах Многорукого, пепел пожаров, кровь умерщвленных, их последние крики смешались вместе, покрыв пространство до самого моря. Так родилась пустыня, поэтому у ее песков коричневый цвет.

Знание легенд не спасло Зоакар. Бедняжка недолго прожила после дня нашей злосчастной встречи, как и ее семья. Дающий приют проклятому — обречен. Слуги святош убили всех, кто касался меня или разговаривал со мной, ведь проклятье может захватить любого. Кроме наследников. Да и те умели убивать издалека.

Они уже убили меня, загнав в пустыню...

Убили бы.

Пусть поверят, что я плетусь на восток. Что я дурак, пытающийся доползти до моря, надеющийся на что угодно, лишь бы избежать смерти от их рук. Пусть.

Местные святоши упустили из виду, что имеют дело с учеником Дсебы. Или просто не знали этого. Что ж, и не узнают.

Загребая ногами и пошатываясь, я брел на восток — ждал, пока на небо не выскочит Вестник. Он всплыл невысоко над горизонтом и улыбнулся полным лицом, рассеивая ночную тьму. В его лучах скалы отбрасывали густые тени, в каждой из которых мне мерещилось невидимое страшное нечто, пытавшееся вернуться из детских кошмаров. Но несложно отстранить восприятие от переживания, это осваивают еще на первой ступени посвящения.

Не отвлекаясь на страх и усталость, спокойно и обстоятельно я выбрал место под нависшей каменной стеной. Выкопав яму порядочной глубины, укрепил откос собранными вокруг камнями и сложил из них же невысокую насыпь, поверх и сбоку от которой с помощью одежды натаскал песок. Если посмотреть сверху — естественное продолжение барханчика, наметенного под скалой.

Во мраке парящие шпионы видят намного хуже и, конечно же, не отлетают далеко от края пустыни. Они постараются перехватить меня,

если, воспользовавшись темнотой, я попытаюсь пробраться назад. Мои копания под восточной стороной скалы останутся для них незамеченными.

Едва живой от изнеможения, я позволил себе чуть отдышаться, хлебнул из бурдюка и, отойдя от ямы, побрел дальше на восток, оставляя глубокий след. Отдалившись достаточно, я несколько раз вильнул вправо-влево и упал, картинно распластавшись, чтобы получился четкий отпечаток. Затем сел, снял с тебя верхнюю одежду, заботливо набил ее песком и выложил в драматической позе: рука вытянута в сторону невидимого моря, а ноги поджаты, будто я до последнего мгновения полз, борясь за жизнь.

Точно по собственному следу в лучах заходящего Вестника, я вернулся к яме, забрался в нее и отдышался. Теперь можно не торопиться. Вернее, теперь торопиться нельзя. Нужно подготовить тело, как учил Дсеба. Нужно выпить мелкими глотками остатки воды, она не продержится столько дней в бурдюке. А я должен продержаться. Я засыплюсь, замкну поры на коже, замедлю сердце и дыхание до едва уловимого. Песок прогревается только снаружи, внутри он прохладный. К тому же, большую часть светлого времени я буду в тени. И я должен верно рассчитать, вернуться не раньше, чем минуют тринадцать и два по три дней, но и не слишком поздно, чтобы не потерять слишком много сил. Ведь целую ночь потом топать назад, к Крепости Костей, а оттуда еще до ближайшего источника воды и пищи, какого-нибудь скудного горного ягодника, стремясь никому не попасться на глаза...

Шансы на спасение призрачны, но не сдаваться же?

Парящие скоро отстанут, они не будут опускаться до земли, а с высоты не смогут отличить чучело от трупца.

Я ссыпал на себя заранее заготовленный песок и переключил внимание вовнутрь тела.

Когда над пустыней встало солнце, ничто не выдавало моего убежища летающим шпионам, и если бы даже они умели улавливать мысли, не поймали бы ни одной.

* * *

Уйти из бренного мира не так сложно, как вернуться.

Никогда раньше не закапывался под землю, обходясь лежаком, да и срок замедления жизни в моих опытах не превышал трех дней. В этом состоянии для минимального дыхания хватит воздуха, проникающего

между песчинками, но ничего нельзя поделать с тем, что после пробуждения его потребуется намного больше, а мышцы еще не будут готовы к движению, и я рискую превратиться в погребенного заживо и задохнуться. Чтобы избежать такой незавидной судьбы, я заранее собрал подобие трубы из камней и выложил ее внутреннюю поверхность тканью из остатков одежды. Лицо себе также прикрыл тряпкой, и надеялся, что этого окажется достаточно, что песок не забьет ни мой рот, ни мое импровизированное вентиляционное устройство.

Почти так и получилось.

Видения, сопровождавшие замедленное состояние жизни, отпустили меня, не оставив в памяти ничего, кроме теней.

Дни прошли как одно мгновение.

Усилием воли я вызвал дрожь, разогревая затекшие мускулы, расширил кровеносные сосуды, ускорил сердце почти до нормального ритма и погнал кровь по жилам. Так учил Дсеба, и я несколько раз практиковал этот прием, позволяющий быстро растормозить тело. Убедившись, что рот свободен, я осторожно вдохнул, постепенно расправляя диафрагму и придавленные легкие.

Когда в скрещенные на груди руки вернулась подвижность, я решил раскапываться и осознал, что совершенно не представляю, как это сделать, лежа на спине. Слой песка надо мной оказался неожиданно толстым — хорошо, что он был абсолютно сухим и не успел как следует слежаться — видимо, надуло недавно. Потихоньку ворочаясь и придерживая одной рукой тряпку на лице, мне удалось развернуться, подтянуть под себя ноги и только тогда, наконец, выбраться из заточения.

Выходное отверстие моей вентиляции за эти дни почти занесло, но труба не забилась, и воздуха в ней оказалось достаточно. Не зря я соорудил заградительную насыпь, хотя думал больше не о защите от ветра, а о маскировке.

Воля пахнула в лицо слабеющим предзакатным зноем.

Отряхнувшись, я высвободил обрывки одежды, кое-как обмотался ими и уселся спиной к скале, прищурив глаза. Голова сильно кружилась, страшно хотелось пить, голод терзал меня. Я отстранился от ощущений, как учил Дсеба, оставил их на границе кожи, чтобы следить за ними, но не переживать их.

Солнце садилось в горы где-то позади, невидимое для меня. Бледный Вестник, прикрытый полумаской, готовился скрыться за гребнем соседней скалы, кроваво-красной в огне заката. Ночь будет темна. Верному спутнику

требуется четвертая часть полного дня, чтобы обежать Жемчужину кругом. Только перед рассветом он выскочит на небо, как раз, чтобы осветить мне подход к горам. Или показать меня врагам. Если я ошибся во времени, и наследники еще ждут... Если по какой-то причине кто-нибудь еще караулит границу пустыни... Об этом лучше не думать, все равно нет сил ни бороться, ни прятаться, ни бежать — только упрямо ковылять и ковылять до предгорий и дальше по тропе, пока не попадется ручеек или какая-нибудь дикая древесная дыня.

Концентрация лопнула, как перезрелая кора дерева йови, и ощущения хлынули внутрь меня. Судорожно, до боли в горле, сглотнул; резью отозвались потрескавшиеся губы. Дыня, так похожая на бегущего по небу Вестника...

«Фобос», — чужой голос прохрипел в ушах слово, похожее на ругательство.

«Пить! Пить!» — вторили ему голоса пустыни.

Не дожидаясь темноты, я выполз из-под скалы, с трудом поднялся и, шатаясь, пошел за солнцем. Вытеснив ощущения обратно на границу осознания.

«Я — твой наследник, солнце! А ты — мой парящий. Дай мне воды, приведи ко мне тучу дождя! Дай руку, я уцеплюсь за нее...» — мысленно бормотал я. То бредил рассудок. Ноги же, заплетаясь и увязая по щиколотку, упрямо, как заведенные, тащили меня назад из коричневых песков, к утесу Крепости Костей, на запад.

Когда рассвело, я уже карабкался по склону рядом с бывшей заставой баальбетов, нежно-розовой в первых лучах солнца. Мелко дробленный плитняк сползал со звонким постукиванием и шелестом глиняных черепков, споро выметаемых из дома суеверной хозяйкой — от беды. Вцепившись в эту приметку, я укрепил дух, чтобы сделать еще хотя бы несколько шагов.

Миновав поворот к заставе, выбрался на старую дорогу, ту самую, по которой меня гнали в пустыню неотступные слуги святош. Выбрался и упал, ибо дальше идти сил не осталось. Не то даже, чтобы идти, а помыслить идти, шевельнуть рукой или ногой, повернуть голову. Смешно погибнуть здесь, ввиду Крепости Костей, почти спасшись, проломившись через немислимые преграды, выставленные мне судьбой с момента изгнания. Но и смеяться, и даже только усмехнуться — не получилось. Сознание шустрым юрцом скользнуло в темную, заманчивую щель небытия, погасло в ней, как гаснут угли, брошенные на жертвенной чаше.

Пустыня все-таки не выпустила меня — ухватилась голодными зубами за пятку...

* * *

«Чертов Марс!» — я очнулся, сплевывая несуществующий песок.

Кожа по всему телу зудела, будто натертая крупной каменной солью.

Ночь. За распахнутым окном собирается гроза. Тяжелые тучи, подсвеченные снизу городскими огнями, размашисто наползают с востока, закрывая черное звездное небо.

С востока, со стороны моря Гем...

Нет здесь моря Гем! Это — Земля, Земля!

И нигде больше нет этого треклятого моря. Оно осталось во снах, как и Крепость Костей, как и коричневые барханы пустыни, разрубленные кровавыми скалами. Обычный песчаник, а в песке преимущественно КПШ, ортоклаз какой-нибудь, кварц, ожелезнение, эка невидаль...

Но привычные слова не могли рассеять впечатления от очередного кошмара.

Сон дан человеку для отдыха, а не для мучений.

С оглушительным треском разорвался за окном воздух. Почти одновременно со вспышкой.

— По-ол... — зевая, протянул с кровати Катин голос. Она говорила что-то еще, но продолжение потонуло в шуме обрушившегося на дом дождя.

Я подошел к окну.

Яростные струи с огромной силой и скоростью неслись к земле, врезались в подоконник, брызгали во все стороны, мгновенно намочив меня с головы до пояса. Последний раз я видел ливень на Ганимеде. Никакого сравнения с этим. Там все происходит медленно... Пожалуй, чуть быстрее, чем зимой здесь падает снег. И в полете видна каждая капля, а не эти прозрачные стрелы, сверкающие во вспышках молний.

Снова затрещал гром, как нарочно целясь в уши. Задребезжал в шкафу древний хрусталь. «Прабабкино наследство» — назвала его Катя Старофф, хозяйка моего сердца. Зачем-то привезла этот хрусталь сюда, хотя не собирались задерживаться в съемном домике дольше чем на пару недель.

Она подошла сзади, обняла. Контраст сухого тепла ее живота с зябкой влагой, влетающей в комнату, оказался настолько сильным, что я вцепился в край подоконника пальцами, сведенными едва ли не судорогой. Или это

что-то из сна пыталось вырваться наружу?

Катя властно развернула меня к себе, захлопнула окно и прижалась прямо к мокрой груди. Она взяла мое лицо в ладони и поцеловала в холодные губы, долго не отрываясь. Глаза ее оставались открытыми, как и мои.

— Кто такой этот Дсеба? — вопрос прозвучал настолько неожиданно, что одним ударом выбил меня из транса.

— Кто?

— Да, кто? Дсеба? Тот, кто учил Ксенату?

— Не знаю... — я растерялся. Откуда она знает... Причем тут... — А, так это был Ксената...

— Ты удивительно догадлив, — хмыкнула Катя и толчком повалила меня на кровать, быстро и ловко пристроившись на груди. — Скажи, дорогой, как такие, как ты, вообще защищают диссер?

— Ну-у-у... — протянул я.

— Не тяни, отвечай! — ее острый ноготок уколол меня в живот.

— Ты же сама все видела.

Катя моментально посерьезнела:

— Я вижу не все и не так же, как ты. Не все понимаю. Твоя связь с Ксенатой намного крепче. Напряги память, господин Джефферсон, вспоминай оттенки, вытягивай за ниточки. Он же знает, кто его учил, и ты знаешь...

Я прикрыл глаза. Волшебное ощущение Катиной головы на моей груди, ее горячего тела, плотно прилегающего к моему, щеютка от ее волос, их аромат... Порыв ветра снова распахнул окно, и в дом ворвался грохот дождя, никак не желавшего уюмониться. На стенах и мебели плясали редкие далекие вспышки, эхом носились низкие громовые раскаты... Ксената... Марс... Нет, невозможно сосредоточиться, тем более, что я с такой радостью покинул кошмарный сон...

— Это не сон, Пол, ты же знаешь, — Катя отодвинулась, встала и подошла к окну — великолепная, решительная, само совершенство во всполохах небесного пламени... Она закрыла раму на фиксатор и активировала режим максимального шумогашения. Кантата грозы оборвалась, наступила тьма, и тишина обрушилась на меня. Вышла сразу изо всех углов, из каждой щели, где пряталась от разбушевавшейся стихии. Что-то творилось со мной: меня словно бросало из стороны в сторону внутри собственного черепа, из истерики — в радость, из смеха — в испуг... Весь день был сам не свой, и тут еще этот сон.

— Не сон, милый, не совсем сон, — невидимая, она села на край

кровати и взяла мою руку в свою. — Все, ничто больше не мешает, вспоминай. Ты лежишь под землей...

— Песок...

— Хорошо, под песком... Лежишь долго... Думаешь о чем-то? Вспоминаешь? Что видится?

Я попытался вспомнить. Неподвижность. Расслабляются мышцы, замедляется ток крови, останавливается дыхание...

— По-ол! — ее голос встревожен. — Не входи в роль, не до такой степени!

Обе щеки горят. Рефлекторно притрагиваюсь к ним...

— Да-да, малыш расчувствовался, пришлось врезать. Не падай в обморок, не дама на балу. Знаешь, их затягивали в такие тугие корсеты, что они не могли вздохнуть и лишались чувств? Расслабь корсет, Пол, надо только вспомнить, умирать не надо. Начни с того, как ты очнулся. То есть как он очнулся. Ксената.

Хорошо. Я попробую с этой стороны. Очнулся, как зацементированный жук в янтаре. Паники не было. Постепенно расшевелился, вылез, побрел... Нет, ничего не помню, словно никаких мыслей не было, пока валялся под рукотворным барханом, а ведь провалялся целых тридцать три дня.

— Ты знала, что они меряют время тройками? — мой голос хриплый, но одновременно высокий, дрожит. Занятно, я ведь уже ни капли не волнуюсь.

— Не только время. И, заметь, тридевять у них означает «девять в третьей степени», аналог нашей тысячи, но на девятеричной базе. А тринадевять — трижды по девять, аналог нашего числа «тридцать». Тройки тоже любят использовать, небось, священное число. Охотников он считал тройками и девятками. А число смерти у них — одиннадцать. Обернули его благой тройкой, умники, защитились. Поэтому тридцать три дня. Числа «десять» вообще нет, это у них «девять и один».

— Да, тридцать три дня в земле... Я бы не протянул.

— Возможно, ты бы и не протянул, — Катя слегка сжала мою руку, — но ты сильнее, чем думаешь, Пол Джефферсон. И, все же, мне интересно, кто такой Дсеба. Нам надо понять, как помочь.

— Помочь? А как мы можем помочь? — я скривился. Во сне казалось, что все происходит со мной, но я не имел никакой возможности влиять на события, вклиниться в них.

— Ты уверен, что не имел никакой возможности влиять на события? — несмотря на темноту, кажется, вижу, как одна из бровей Ее

Совершенства слегка изгибается. — А если подумать? Ищи мелочи, ищи не там, где шел твердой походкой, а где оступался. Ищи, пожалуйста...

Она замолчала, и я вновь попытался вернуться в сон. В памяти, конечно, только в памяти. Вот пустыня, тьма, огоньки звезд, выплывает на небо Фобос... Вестник... Фобос... Клянусь, во сне кто-то назвал его Фобосом! Я еще отметил, что похоже на ругательство. То есть, Ксената отметил... Тьфу, я запутался.

— Да? — Катя почувствовала, что я нашел.

— Фобос. Голос во сне называл спутник Фобосом. Ксената это отметил. Думаю, это мой голос. И еще, он спал там, ему тоже снятся кошмары. Был какой-то бред... Там человек в скафандре на замерзшей безвоздушной планете орудовал направо и налево плазменным резакон, отбивался от кого-то... От каких-то существ... Они как шакрат, многие в одном, один во многих... Я думаю, это старый кошмар, помнишь, мне снились на Ганимеде?

Катя снова сжала мою руку.

— Я включу свет? — мягко спросила она.

— Подожди! — мне показалось, я уловил что-то еще, что-то важное. Краем глаза, перед самым концом. Птица. Или то, что они там называют птицами, на своем древнем Марсе. Мы таких еще не находили, возможно, слишком тонкие кости плохо сохраняются, прошли же миллионы лет, или просто не везло. Вместо перьев у нее какой-то пух, что ли... такой тонкий, что можно принять за скомканную паутину. Когда она расправляет крылья, или, скорее, мантию, еще более становится похожей на паука, парящего на своей сети: темное тельце в центре полупрозрачного плаща. Одновременно она, пожалуй, напоминает ската или медузу, потому что держится в воздухе с помощью волнообразных движений, и благодаря таким же, только более резким движениям, летит. Летать, кстати, может довольно быстро.

Лап у нее четыре. И морда с четырьмя глазами, вечно словно бы полузажмуренными. И крепкий увесистый клюв или, скорее, загнутый книзу рог, под которым скрывается маленький ротик с острыми зубами.

Славная «птичка» разглядывала Ксенату перед тем, как он потерял сознание на старой дороге. Разглядывала, с интересом склонив голову. Знать бы, какие в ней роятся мысли. Не об ужине ли...

— Молодец! — Катя забралась на кровать и, поцеловав меня в щеку, улеглась на плече. — Она не голодная. Она наблюдает. Это чья-та птица, кого-то из местных. Как парящие на службе у координаторов, только она не их. Хорошо, что она там есть.

— С чего ты взяла?

— Хорошо! — она положила мне палец на губы. — И раз уж ты, господин Джефферсон, отказался включать свет, то будешь теперь баиньки до утра.

— Я не смогу заснуть... — прошептал я и слегка куснул ее за палец.

— А мы попробуем тебя усыпить — горячо и хрипло пробормотала она прямо мне в ухо, и по моему телу дрессированно побежала дрожь. — Нас тут три на одного, как-нибудь управимся... Открыть окно. Отключить шумозащиту.

Последние слова, понятно, адресовались климатконтролю. Окно распахнулось, в комнату хлынул мокрый воздух и шорох затяжного дождя, очень похожий на ганимедийский. В бледных предутренних сумерках сквозь прикрытые ресницы я не мог однозначно определить, кто из них сейчас со мной. Наверное, действительно, все три.

«Господи, какая же каша должна быть в Катиной голове...» — последняя внятная мысль.

Но каша или нет, а вскоре я, действительно, заснул, усталый и довольный, забывший обо всех кошмарах, и продрых без сновидений аж до самого полудня.

* * *

Боль в слипшихся губах. Все-таки, я не умер...

— Дай сюда, бестолочь! Ты ему весь рот разворишь!

Боль прекратилась.

Вода! Я потянулся за ней, делая большие глотки.

— Но-но, полегче. Захлебнешься.

Воду отобрали. Я сделал вид, что снова потерял сознание.

— Отрубился опять. Давай-ка его на волокушу. Спереди бери, говорю, что ж за тупица такая!

Послышалось неразборчивое мычание.

Уже знакомый скрипучий голос отрезал:

— Глупости. Давай, тащи. Не спорь, тащи сюда, говорю. Вот, разверни. Бери за плечи...

Чьи-то руки грубо схватили меня и перевернули на спину.

— Привяжи, свалится. Ноги, пояс, плечи, или тебе память отшибло?

В ответ снова пробухтели что-то невнятное.

Мои ноги прихватили широким кушаком или ремнем, та же участь ждала живот и грудь. Притянули. Дернули.

— Полегче, полегче! Он чуть дышит. Угровишь — отдам тебя заурам на съедение. Что ты ржешь, тащи!

Булькающие звуки, донесшиеся сверху, видимо, означали смех.

Похоже, их двое. Тех, кто нашли меня. Старик и кто-то, неспособный нормально говорить. Более сильный.

Оклематься, подождать, пока отвяжут, и убежать. Простой и гармоничный план. Они недооценивают, сколько сил я могу вложить в короткий рывок даже в таком плачевном состоянии. Тем более, после того, как они опрометчиво напоили меня.

— За угол не задень! Ты хуже валабора, чудище неуклюжее... Пошире, пошире заходи! Вот так... Погоди-ка, я пособлю с хвоста... Да не дергай же ты!

Судя по частым поворотам, меня тащили не старой дорогой, а какими-то неведомыми тропами. Не думал, что в заброшенных плоскоголовых горах на границе с пустыней все еще кто-то живет.

Волокуша, вроде, сплетена из лиан, я незаметно ощупал их пальцами. Твердые, одеревенелые, прочно соединенные внахлест лозы. Не могу даже представить себе, какое растение использовали местные умельцы, но оно отлично скрадывало, смягчало неровности тропинки — камни не оббивали мне ребра и не протыкали спину. Или это такая гладкая тропинка? Но откуда...

Наконец, я решился. Осторожно, сквозь ресницы, как когда-то в детстве, принялся подглядывать. Прямо надо мной — безоблачное голубое небо. Иногда мелькнет нависшая скала или ветка колючего кустарника. Ага, значит, мы уже в почти жилом поясе, найти воду будет не так уж и трудно.

Скрипучий голос принадлежал не старику, как я сперва решил, а крепкому сухому мужичонке средних лет. Как у всех дикарей, на его голове и лице росли густые волосы — черные, едва тронутые сединой. Он то пропадал из виду, нагибаясь поправить хвост волокуши или чуть отставая, то подходил совсем близко, и тогда я плотно затворял веки, боясь, что блеск глаз выдаст меня даже через ресницы. Росточку, похоже, он был маленького, не удивлюсь, если даже меньше моего. Крупно вырубленные черты лица, грубый короткий нос, выпуклые губы...

— Ну-ка, стой, — скомандовал вдруг мужичок, — надо ему еще воды влить. Дай флягу. Чего рукой машешь? Вот мычалово-то на мою голову... А, у меня фляга, что ли? Так и говори...

Меня опустили на землю, и в рот снова потекла живительная влага. Я

старался изображать бессознательность, но невольно сглатывал — видимо, это и выдало меня. Резкая боль вдруг обожгла ногу. От неожиданности я открыл глаза и встретился взглядом с ухмыляющимся дикарем. Тем самым, что шел сзади. В его руке подрагивал тонкий пруттик. Судя по жжению над коленом, им он и хлестнул меня.

— Вот и не дури. Очухался ведь. Водичку-то глотаешь как тварь разумная.

Он присел на корточки рядом.

— Звать-то тебя как? Есть у тебя имя, червяк подземный?

Я молчал, разглядывая его, а он поднял лицо и фыркнул, обращаясь ко второму:

— Зачем он этим, а? Разве такой должен быть? Тощий, бритый... Прямо хампуранец какой-то... И лыс как святоша...

— Ты хампуранец, парень? — Это уже ко мне. — Или вправду из чрева пустыни вышел?

Сбоку зашуршали мелкие камешки, появился второй, тот, кто тащил меня. И новое изумление отразилось на моем лице: женщина. Тоже волосатая дикарка, но вовсе не такая уж и здоровенная — скорее, высокая, худощавая — откуда силища-то взялась? Видом она резко отличалась от спутника — нос длинный, прямой, тонкий; глаза — широкие и черные, скулы высокие. Спутанные темные волосы, как ни странно, выглядели чистыми. На шее — кожаный мешочек. Амулет, что ли... Дикари — они и есть дикари.

Двигалась женщина размашисто, неуклюже, будто собственное тело мешало и постоянно удивляло ее. Нагнувшись, она ткнула меня пальцем в грудь и что-то промычала.

— Вот, видишь, и Нарт хочет знать, как тебя зовут. Давай начнем. Она — Нарт, я — Трана, а ты?

А я? Как зовут меня? Я открыл рот, но язык плохо слушался, раздалось лишь невразумительное блеяние, рассмешившее мужичка.

— Ты брат ей, да? Или не понимаешь западного торгового? Ты дикий совсем?

— Нет. — Голос наконец-то послушался меня. — Не могу вспомнить. Имя.

Трана согласно кивнул, почему-то тут же прекратив допрос. Нарт сдула волосы со лба, взялась за волокушу и мы поехали дальше в гору.

— Куда? — Я попытался перекричать громкий шорох сухих лиан, ползущих по камням.

— А?

— Куда меня? Везете?

— А. Туда, — он махнул рукой неопределенно вперед. — К Нагорной.

— Что это?

— Что?

— Нагорная?

— А. Гипсовые гроты знаешь?

— Усыпальни анамибсов? — не на шутку встревожился и напрягся я. Культ поклонения древним гигантам не входил в мои планы, слишком уж много нехорошего слышал о них.

— Что за сказки? Там Армир живет. Увидишь.

— Кто... — я закашлялся и заметил, что теперь волокуша поднимает клубы пыли.

— Помолчи. На тряпку, рот закрой. — Трана бросил мне обрывок материи. Я брезгливо поморщился сквозь ржавое пыльное облако, в котором приходилось лежать, но приложил ее к лицу. На удивление, ткань не воняла и оказалась влажной. Дышать стало легче.

— Потерпи, недолго. Тут голая трещатка, всегда пылит. Хорошо еще ветра нет. — Он махнул рукой, но я не понял жеста. Трана прикрыл лицо широким воротником, хотя до него пыль почти не доставала. Я решил, лучше помолчать, и закрыл глаза, уже начавшие чесаться.

Непреклонная Нарт тащила и тащила меня вперед. Волокуша поскрипывала, шипела и стонала под моим скромным весом почти как живая. Трана отстал. Наверное, чтобы глотать поменьше пыли. Он опустил свой воротник и выглядел очень довольным жизнью.

В шуме явно присутствовало что-то живое. Я прислушался. Определенно, стон. Я напряг слух, насколько мог. «По-о-ол... По-о-ол...» — это женский голос, но что он говорит? Что значит это долгое «о», на каком языке?

«Пол» — вдруг совершенно отчетливо раздалось в моей голове. Так отчетливо, что я вздрогнул и огляделся. И вспомнил. Меня зовут Ксената. Это — мое имя. Но Тране я его пока не скажу. Постараюсь вывести побольше об этой Нагорной и о той, кто в ней живет. Армир, кажется? Да, Армир. Живущая в гипсовых гротах? Странно как-то...

Мы снова начали подниматься в гору и вскоре остановились под тенью невысокого дерева туйсы. Летом оно не плодоносит, но зато отпугивает всяких ядовитых тварей, не знаю, правда, водятся ли они на этом плоскогорье.

— Привал, — сообщил Трана, ваясь в траву неподалеку от меня. — Отвяжи-ка его, он же не пленник. Пусть разомнет руки-ноги. Слышишь,

безымянный, разомни руки-ноги. А ты давай-ка, не ленись, сама помни его малек. Только, слышь, того, легонько, не поломай.

Нарт чрезвычайно медленно, явно стараясь быть осторожной, развязала ремни и взялась за мои плечи. Прежде, чем начать, посмотрела в глаза и долго не отводила взгляд. Я почувствовал себя неловко: у нас не принято откровенно пялиться на посторонних, тем более, она — женщина. И не припомню я, чтобы даже местные дикарки-многомужки вели себя подобным образом, это очень неприлично. Может быть, она слабоумна? Или совсем из других краев? Черты ее лица наводили на мысль о правильности второго предположения.

Я решил спросить Трану прямо:

— Откуда она? — и охнул, попав в вибрирующие тиски пальцев Нарта. Она увлеченно принялась за дело, не обращая внимания на наш разговор.

— С юга. — Трана обдирал кожицу с тонкого побега туйсы. Закончил и принялся жевать.

Пауза затянулась. Я понял, что не дождусь больше ни слова, если буду молчать.

— С юга откуда?

Нарт перевернула меня на живот и начала массировать спину. Я снова охнул и закусил губу, поклявшись больше не произносить ни звука.

— С юга, — Трана пожал плечами. — Откуда мне знать?

Легонько пнув Нарт ногой пониже спины, он прокричал:

— Эй, ты! Скажи ему, откуда ты взялась?

Нарт на секунду прекратила мять мое тело, и я, воспользовавшись этим, глубоко вдохнул. Но не тут-то было. Сильные руки схватили меня в охапку и поставили вертикально. Голова резко закружилась, в ушах загудело. Когда зрение прояснилось, я увидел глаза Нарта перед своими, близко-близко. Пожалуй, их можно было бы назвать красивыми. Она смотрела сверху-вниз, но я давно привык, что многие люди, даже женщины, оказываются выше меня.

Не отворачиваясь, она показала рукой на юг.

— Ох, ты, да положи ж его назад! Его ж целым привезти надо! — Не на шутку встревоженный Трана подскочил к нам и хлопнул мою мучительницу по плечу. Она осторожно и медленно, все также глядя прямо в глаза, положила меня на волокушу. На живот.

— Ну, что, понял, откуда она? С юга. Я ж тебе говорил, с юга. — Трана рассмеялся, усаживаясь обратно, и снова засунул в рот недожеванный прутик.

— Ох... — только и смог выдохнуть я в ответ, снова ощутив руки Нарт на спине.

— Терпи-терпи, — назидательно проскрипел Трана. — Это для пользы.

И я терпел, пока не потерял сознание. Вовсе не притворно. По-настоящему.

* * *

Забывье длилось недолго. По мокрому лицу растеклась вода, видно, плеснули из фляги. Я ловил языком остатки, и мне дали сделать пару глотков. Приятно горьковато, раньше такого привкуса не было...

Снова лежу на спине. А высоко в безоблачном небе... Парящий! Святоши!

Я сделал резкое движение, пытаюсь забиться под деревце, спрятаться в тощей листве туйсы, но зацепился пяткой за волокушу и упал без сил. Впрочем, уже поздно, все равно заметили...

Скрипучий смех издевкой хлестнул по моим нервам.

Предатели.

Я бросил взгляд, полный ненависти, на скалящегося Трану и поискал глазами Нарт. Она спокойно, как ни в чем не бывало, собирала что-то в чахлой траве. Нет, не собирала, ловила. Маленьких прыгунцов. Дикари их едят. Выковыривают из-под хрупкого панциря и жуют еще дрыгающимися, деликатес.

Как я мог позволить себе сомневаться в том, что меня предадут?!

Стон вырвался из моей груди, вызвав новый приступ смеха Траны.

— Айбис, — едва унявшись, сообщил он. — Айбис, сестра Армир. Ее глаза и уши. Ты чего перепугался, дурень? Думал, парящий?

И он снова хмыкнул. На этот раз, коротко.

Я оглянулся — Нарт улыбалась. Улыбка у нее оказалась неожиданно приятной.

«Она точно не из этих мест» — некстати пришедшая в голову мысль вызвала на моих губах ответную улыбку. В каком-то смысле, мы родичи по несчастью. Занесла же нас нелегкая в пыльные плоскоголовые горы, теперь шатаемся по каменистым тропкам, испытывая неведомую судьбу.

Птица, названная Айбис, плавно опустилась на одну из верхних ветвей туйсы, давая разглядеть себя получше. Я слышал о таких, но сам видел

впервые. Это древние птицы, их род жил, пожалуй, уже во времена анамибсов. Они видели первых людей, пришедших, чтобы занять ничейную богатую землю и построить дома. Они встречаются в сказках как служки колдунов или сами по себе, как духи ущелий. В отличие от парящих, они лучше видят ночью, чем днем, могут различать тепло. Но почему-то со жрецами Звездного Огня их отношения не сложились: то ли не поддаются дрессировке, то ли запах святости на дух не переносят...

Называют их словом «мурикси», что означает «невидимка» на староферсейском языке, самом древнем среди наших, священном языке гимнов. Они и вправду плохо видны из-за малого размера тела, способного менять окрас, и прозрачности огромной мантии. То, что я заметил Айбис в небе — удача или, скорее, ее желание. Она хотела быть замеченной.

Другое название этих птиц — криворог. Нетрудно догадаться, почему: мощный изогнутый рог позволяет ей с большим успехом ковыряться в камнях на крутых откосах, так любимых ею, выуживая оттуда личинок, да и взрослых насекомых, тех же прыгунцов. К тому же, расколоть панцирь средних размеров корука, двенадцатилапного нелетающего поедателя улиток, для мурикси-криворога не представляет труда. По четыре внимательных черных глаза, свободно перемещающихся под прозрачной верхней кожей, дают птицам вроде Айбис прекрасный всесторонний обзор. Хотя «вроде» здесь неуместно, едва ли мне повезет встретить хотя бы еще одну такую, как она.

— Хар-рит-так-ких — раздалось с дерева грубое карканье. Ну и голосок у птички.

Я бросил вопросительный взгляд на Трану.

— Я по-птичьему не понимаю, если ты о том, — буркнул он. — Давай-ка, вон, поешь немного, теперь можно.

И он подвинул ко мне плоский камень со свернутой на нем чашкой из листа кислицы. Трясущимися от слабости руками я взял ее и осторожно надкусил. Сладкий и терпковатый сок, вязкая мякоть и узловатые упругие комочки внутри, обжигаяще пряные, если раскусить, дополненные пресной, со слабым послевкусием томлина, водой. Приличный баланс. Удивительно, что дикарь знаком с мастерством приготовления пищи.

— Ешь-ешь, — словно угадав мои мысли, усмехнулся Тран, — силы-то тебе потребуются, на гору даже эта здоровая бестолочь волокушу не вытянет, сам пойдешь, ножками. А пока ешь и отдыхай.

Он взмахнул рукой, сделав какой-то жест, смысла которого я не уловил.

Птица изменила цвет, став небесно-голубой, отпустила ветку, чуть

блеснула волнами мантии и буквально растворилась в вышине. Я смотрел ей вслед в немом восхищении.

— Скажет Армир, что мы близко. И что еще посидим чуток тут, вздремнем. До заката еще о-о-ох как далеко-о-о... — Трана зевнул так широко, что последние слова едва удалось разобрать. Несколько ударов сердца, и он уже спит, устроившись в тени.

Нарт улеглась прямо на солнцепеке, словно ей все нипочем.

А ко мне сон не шел.

Горячий ветерок шевелил узкие листья туйсы, покачивал стебли горной травы и заставлял кивать похожие на маленькие ладошки колючки уключника, то там, то тут торчащего из-под слоистых валунов. Голод уже не терзал меня, а лишь деликатно покусывал за живот, по мускулам растекалась воскрешающая волна. Я помог ей внушением, как учил Дсеба. Внушение способно усилить любой процесс внутри человеческого тела. Ловишь ощущение,ходишь в него, расширяя, и превращаешь в поток, подобный горной реке, только управляемый. Плынешь в нем, он течет внутри тебя, и, одновременно, подчиняется тебе.

Силы возвращались.

Солнце раненым зверем сползло с небосклона, заваливаясь на запад. Скоро небо наполнится кровью его ежедневной жертвы. Сможем ли до темноты взобраться к Нагорной?

Бледное белесое облачко, возникшее над неровным краем горы, еще не успело пересечь зенит, когда я уже был готов встать на собственные ноги без какой-либо сторонней опоры. Сев и сделав несколько движений руками, я поймал на себе внимательный взгляд Нарт. Похоже, она не спала, а следила за мной.

Вскоре зашевелился и закричал Трана.

— Отлежал себе все кости, — пожаловался он спросонья, — ну, давай подниматься. До взгорья потащим тебя, а дальше уж как-нибудь... Доведем, не бойсь.

Но Нарт и не думала браться за волокушу.

— Чего стоишь, безмозглая, давай-давай, впрягайся уже, потащились!

Но Нарт стояла как вкопанная и смотрела мне в глаза.

— Тьфу, что за бревно в облике человека, давай, волокушу бери!

Для пущей доходчивости Трана пнул ее ногой. Я снова обратил внимание, что делает он это без злобы и несильно, словно следуя какому-то одним им понятному ритуалу.

Но Нарт не шевелилась.

Трана обеспокоенно подошел к ней и заглянул в лицо, похлопал по

щеке.

«Ты пойдешь сам» — вот о чем говорила мне ее поза. Говорила так внятно, что переводчика не надо. И зря волнуется наш добрый дикарь о своей лошадке, ее панцирь не поцарапан, когти не стерты, глаза не ослеплены гневом или страхом, и прекрасно она может тащить волокушу. Не хочет. Потому что знает, что не нужно. Знает. Откуда?

Понятно, откуда. Она же следила за мной. Не такая она глупая, как можно подумать. И совсем не так проста. Если человек молчит, когда им понукают, как выючным животным, это еще не значит, что он дурак. За этим может скрываться все, что угодно. Так-то.

Она вдруг повернулась и начала спускаться по тропе.

— Эй, куда... — начал было ругаться Трана, но, увидев, что я встаю, присвистнул и обошел кругом, наверное, чтобы убедиться, что никакие подпорки меня не поддерживают.

— Ну, давай-давай... — подбодрил он, поняв, что падать я не собираюсь.

Без видимых усилий, хотя перед глазами и поплыли желто-красные круги, я сделал несколько шагов. Отдышался и все более уверенной походкой двинулся вслед за Нарт в ущелье.

— Молодец, парень! — хрипло крикнул Трана и засеменил следом.

Волокушу мы так и бросили под деревом. Возможно, лучше было бы ее уничтожить, но моим спутникам виднее. В конце-концов, они, а не я, здесь живут, а я, можно сказать, вчера родился, выкопался, как усач-верхогляд, из горячего песка. Только, в отличие от жука, у меня из норки не торчали антенны с дневными глазками на концах. И вовсе не добычи ожидал я под слоем песка, прикрытый нависшей красной скалой.

— Не врут! Рожденный Пустыней, ты оживаешь, как сама пустыня, если воды дать, — Трана хлопнул меня по плечу. — Сейчас пройдем ущельем, потом наверх. Недалеко уже. Выйдем на Красную поляну, считай, добрались.

Впереди покачивалась спина Нарт, лавировавшей между валунами.

— Скоро гладко будет, тропа там хорошая, — поняв мое внимание к ней по-своему, объяснил Трана.

Я рассеянно кивнул.

Последняя женщина, которую я видел, была немолода, ее звали Зоакар, и три мужа содержали ее дом. Она рассказала мне сказку о битве гигантов-анамибсов, старых богов, вооруженных раскаленными каменными топорами, с Многоруким, защитником людей, в которого люди перестали

верить. История о рождении пустыни. С неба падали камни, впиваясь в землю. Наверное, так возникла легенда. И те, кто пересказывают ее детям, верят, что однажды в пустыне проклюнется древнее яйцо: может быть, анамибса, а, возможно, упавшее с неба вместе с теми скалами. И выйдет из него человек. Или новый бог. Или посланник богов. Или их проклятье. Выйдет Рожденный Пустыней.

Его ждали наследники, чтобы убить. Святоши верят, что человек этот прогневит звезды, вызовет на себя их огонь, и никакие жертвы не умилоостивят грозных предков, чьи глаза взирают на нас каждую ночь. Жрецы считают его изначальным злом.

Его ждали местные дикари, ждали и боялись, потому что не знали, что он принесет им.

Зоакар не боялась. Она просто рассказывала сказки. Испугалась она, когда увидела наследников, пришедших за мной. Воспользовавшихся традицией выбирать жертву среди чужаков. Пусть даже неурочную жертву. Слуги святош, решивших свести со мною счеты. Могли бы просто убить, как убили Зоакар и всех ее детей и мужей. Некому больше рассказывать сказки в ее доме, некому их слушать, да и дома-то больше нет, навлек я на него гибель.

Глядя на удаляющуюся спину Нарт, я думал о женщине, что всего лишь дала мне кров и рассказала сказку. И за это умерла.

А второй половиной мозга я думал о самой Нарт. О том, как грациозно покачивается ее спина и бедра, несмотря на огромную силу, которой природа снабдила их хозяйку. Неуклюжесть, так бросавшаяся в глаза с момента нашей встречи, как будто покидала ее. Возможно, дикарка была больна или ударилаcь головой, а теперь хворь постепенно отходила?

И как странно она смотрит на меня. Будто пытается говорить глазами.

— Давай-давай, пойдем! Или ты устал? — В скрипучем голосе Траны скользнула озабоченность. Солнце уже подкрасило розовым стену ущелья, тропа, действительно, выровнялась, словно кто-то специально разбирал и укладывал аккуратно камни.

Она вела вверх.

Подталкиваемый Траной, я доковылял до конца и выбрался на плоскую, широкую площадку, открытую всем ветрам. Далеко подо мной лежало нижнее плато, над самым краем его едва различимо маячил зуб Крепости Костей. Багровое марево укрыло горизонт и приняло в себя солнце. В этом тяжелом свете красные плиты площадки казались облитыми густой венозной кровью. Фобос желтой букашкой бежал по гаснущему небу.

«Фобос? — рефреном ударила меня мысль. — Я опять назвал Вестника Фобосом? Что это значит? На каком языке?»

«Страх. Это означает страх» — едва слышно прозвучал в голове неожиданный ответ, и я содрогнулся.

— Эй-эй, не упади, а то покатишься! — Трана обхватил меня за плечи и подвел к отвесной стене. — Сядь. Это Красная поляна, здесь будем ждать.

«Я устал. Наверное, от усталости, — думал я, почти не слушая его. — Иначе откуда эти навязчивые слова? Они приходят, когда я измотан».

— А почему поляна? — Спросил вслух, только чтобы отвлечься. — Где лес?

— Старое название, — вздохнул Трана. — Был лес. Но даже дед его не видел. Гибнет лес. Чем дольше живем, тем его меньше. Путной древесины теперь до Дарсума не сыщешь, а еще двенадцать назад рубили в полдне пути отсюда, по всем южным отрогам и в долине. Вырубили, а новый не растет. Раньше рос, теперь вот...

Закончил он непривычно длинную для себя речь. Видно, тема задевала за живое.

Моя голова гудела стаей мух, набившихся в ловушку нектарницы. Ничего, погудят и уймутся. Немного отдохнуть...

«Ксената, вернись! Черт тебя дери, возвращайся!»

С воем я вскочил на ноги. Трана испуганно отпрянул вдоль стены, Нарт подпрыгнула и странно посмотрела в мою сторону. Но мне было не до них. Кто говорит со мной внутри моей головы?! Пустынник заполз корнем через ушную раковину, пока я отсыпался под барханом, и отложил кладку разумных жужелиц? Теперь они говорят со мной? Я сплю?

«Услышал, наконец-то. Это Пол. Вспоминай. Пол. Ганимед. Шакрат, лкумар...»

Шакрат... При чем здесь море? Шакрат живет в море, лкумар — его пара. Что она хочет сказать, эта Пол с мужским голосом? Я был уверен, что голос мужской, хотя слышал его не ушами, но звучал он как будто через уши. И какой-то еще черт должен меня драть — за что, зачем?

Я растерянно глянул на Трану. Должно быть, слишком растерянно, он попятился еще дальше.

— Ты... слышал? — неуверенно спросил я у него.

Он отрицательно повел плечом.

— Слышал... Что? — Голос Траны слегка дрожал.

Я обернулся к Нарт, успевшей подойти почти вплотную.

— А ты?

Она опять уставилась на меня. Так же, как раньше, долго, в глаза.

Потом легко коснулась пальцами моего лба. Словно давая понять, что я слышу там. И погладила по плечу. Она меня успокаивает? От неожиданности я рассмеялся.

— Померещилось. Заснул, видимо, — успокоил я Трану. — Когда сплю, всякое слышится, просыпаюсь, кричу.

— Тебя родила пустыня, — серьезно прокомментировал он мои слова. Трана больше не выглядел испуганным, напротив, уверенность появилась в нем. — Был ты раньше или нет, ты родился из песка, ты теперь рожденный пустыней. Тебя ждет Армир. Скачешь как прыгун-переросток, значит, можешь идти.

И он двинулся в обход по краю площадки, даже не глядя, следуя ли я за ним. Нарт дождалась, пока я тронусь, пристроилась сзади.

Поднявшись по шелестящей осыпи, что белела в быстро падающих на мир сумерках, мы оказались перед черным провалом в скале. Пещера или рукотворный тоннель.

— Там Армир, — бросил через плечо Трана и вошел в темноту.

Вскоре внутри что-то зажелтело. Похоже, он зажег факел. Дикари они и есть дикари: извели весь лес, а остатки жгут...

Нарт подтолкнула меня, приглашая войти. Я пригнулся и шагнул в проход. В лицо дохнуло прохладой и влагой. Здесь дул чуть заметный ветерок. Он слегка шевелил сухие листья, непонятно каким образом оказавшиеся у входа. Я сделал еще несколько шагов, и глаза привыкли к неяркому, колеблющемуся свету факелов. Трана держал по одному в каждой руке, они горели, слегка потрескивая. Звук разносился в тишине пещеры.

Один факел он дал Нарт, и мы двинулись вглубь горы. Вскоре пламя уже горело ровно, движение воздуха прекратилось, нас окружила влажная тишина, тревожимая лишь шарканьем наших шагов. От пещеры отходили ответвления, иногда даже более широкие, а иногда напоминающие отнорки, но мы шли, как я заметил, почти неизменно придерживаясь левой стены.

Иногда с потолка срывались темные бабочки, бросались на огонь и, с громким хрустом, сгорали. Их опаленные тельца падали на дно пещеры. Трана ругался на них: пару раз его факел тух, приходилось поджигать заново. Так я узнал, что дикари здесь пользуются довольно эффективным видом кремневой зажигалки: взводят рычаг, резко давят на него основанием ладони, и в сухой мох или в древесные волокна, заложенные в специальное углубление, летит сноп искр. Остается только приложить к промасленной обмотке факела и запалить ее. Что-то не складывается у меня в голове с этими дикарями, понять бы, что...

«Ксената... Лицо... Лиен... Фонарики... Вспомни...» — зашептала мне пещера. Я схватился за голову. Какая еще Лиен? Чье лицо? Что я должен вспомнить?!

В этот момент все и произошло.

Мы как раз вошли в грот с вырезанными в стенах нишами. Они выглядели рукотворными, да и колоннам, расположенным по обе стороны от входа, вовсе не силы природы и времени придали вид вставших на дыбы морских чудовищ.

Тени метнулись к нам с обеих сторон. Трана выронил факел, сзади зарычала Нарт, слышался тяжелый глухой удар тела о камень. Нарт продолжала рычать, и вдруг тьму впереди разрезала яркая вспышка, на несколько секунд ослепившая меня. Раздались ругательства на восточном торговом — я его знаю не хуже западного, но переводить воздержусь. Мне поставили подножку, повалили на пол и выкрутили руки. Я сразу расслабился и сдался, поскольку бороться не было ни смысла, ни сил. Впереди снова полыхнуло, кто-то закричал не по-человечески, словно прощаясь с жизнью. На сей раз я приготовился и подглядывал сквозь едва приоткрытые веки. Огнелуч длинным желтым языком хлестнул по дальней стене и проехался по шевелящимся темным фигурам. Снова раздались душераздирающие вопли, завоняло паленым мясом, а затем грубый голос прямо над моей головой рявкнул:

— Отберите у него это!

Я лежал на животе, с руками, скрученными за спиной. Чье-то колено упиралось мне между лопатками.

— Живым! Живым брать, твари!

И снова хлынул поток ругательств.

— Третий удрал! — это уже другой голос, сзади. Кто «третий»? Нарт? Сбежала?

Ручеек надежды затрепетал в пересохшей от бесконечных напастей пустыне моей души.

Спереди опять донесся шум возни, наконец, все стихло.

— Один удрал, эй! — повторили сзади.

— Так догоняйте, гниль зубная! — это первый голос, командовавший «отобрать» и «брать живым». Топот ног удалился по пещере.

Они не знают, что такое «это»? Кто они? Какие-то местные налетчики? Странно, кого же они могли ждать в этой пещере, кроме нас? Может, нас и ждали? Но кто же предал, неужели Армир? Ее птица следила за нами. Или еще кто-то, оставаясь невидимым, вел за нами свою нить? А существует ли

эта Армир вообще? Куда, на самом деле, вел меня Трана?

Налетчики очевидно не знали, что за «это» такое выпустило по ним треть заряда малого стержня в течении пары мгновений. И как им повезло, что почти весь огнелуч стеганул впустую по камням...

А вот я знал. Это выжигатель. Личное оружие святош. И единственный, кто мог его применить в свалке на полу — Трана. Дикарь Трана, спасший меня от жажды и голодной смерти. Если он служит жрецам Звездного огня, зачем помогать мне? Отдал бы наследникам, и все дела, или прикончил бы прямо там, на границе пустыни... Да мог бы просто ничего не делать, возможно, я был обречен, не дотянул бы до воды...

Мне определенно не хватало информации. А в голове снова заговорило. Как же не вовремя!

«Ксената, это Пол. Ты должен вспомнить. Хозяева островов, плавучий остров, Лиен...»

Опять эти имена. Какая Пол? Какая Лиен?

«Я — Пол, — сквозь волнение, явно различимое в голосе, пробился смешок. — Я — мужчина. Можешь звать меня Пола, если тебе так легче. Лиен — из ваших, она женщина, марсианка, то есть, тьфу, с Жемчужины, из твоего...»

Голос пропал.

В гроте появился свет. Они снова зажгли факелы, на этот раз штук пять. В пляшущем оранжевом свете морды морских чудовищ на колоннах, казалось, ожили, и не предвещали ничего доброго. Кто-то застонал. Нестерпимо пахло горелой плотью.

— Шаргу и Мерту завалил, — резкий мужской голос отпустил новое смачное ругательство на восточном торговом и пнул темную кучу у своих ног. Куча всхлипнула. Я понял, что это Трана. Жив, значит. — Томарте руку отжог по плечо, отползень чешуйчатый...

Новым стоном Трана встретил новый пинок.

— Томарта, идти можешь? — первый голос, вероятно, предводителя.

Тишина была ему ответом.

— Посмотри его...

— Уй-ли-ли, да тут не только руку... Он в отрубе...

— Дай, гляну, — предводитель шагнул в сторону и скрылся за камнем. Раздался короткий хруст и вскрик: — А что?! Бросить подыхать?! Не жилец.

Добивают безнадежных раненых, как попавшийся зверь откусывает хвост или защемленную лапу, так и эти бандиты... да, пожалуй, бандиты... Только за ними-то никто не гонится, они — хозяева здесь... Или нет?

Мимо моего лица проковыляли, прихрамывая, две изрядно опухшие ноги. Сзади раздался топот, стон, проклятья...

— А у тебя что?! — главарь банды хмуро взглянул куда-то надо мной.

— Ребро сломал, что ли... Дойду. Об стену приложился.

— Га-га-га, сам приложился, — донеслось с другого конца грота.

— А у меня нога... Ща костыль прилажу... Да могу идти, могу же!

Главарь перешагнул через меня и, видимо, осмотрел пострадавшего.

— Ну, гляди, не отставай.

Поддел мой бок носком ступни, и я очутился на спине.

Коротко оглядел меня, хмыкнул. Ухватил здоровенными ручищами за плечи и посадил, прислонив к холодной шершавой стене. Бросил в сторону:

— Хе, плотояды мои, а этот-то самый смирный оказался. Оба-на... Святоша...

И дыхнул прямо в лицо. Впрочем, сквозь вонь жженого тела, пропитавшую воздух, такая мелочь, как запах из гнилого рта, пробиться уже не могла.

Дыхнул и произнес:

— Слышь, ты, гниденьш. Будешь спокойный, будут целы зубы и кости. Усек?

Сзади снова раздался топот. Предводитель распрямился и повернулся. В свете факелов появились три бандита, все трое тяжело дышали.

— Ушел, — сквозь хрип пробормотал передний.

Предводитель медленно подошел к ним и смачно, наотмашь врезал каждому по физиономии. Двое не устояли на ногах. Тот, который устоял, получил дополнительный удар в живот и тоже сполз на пол, хватая ртом воздух.

— Ладно. Пусть бегают. Скажем, были двое. Все поняли, что скажем?

Все, кто слышали и могли говорить, дружно замычали что-то одобрительное.

— А эти? Они же заложат... — несмело усомнился кто-то из дальнего угла грота.

— Эти? — главарь окинул нас с Траной свирепым взглядом. — Эти...

Похоже, такая мысль сразу не пришла ему в голову, и теперь он закипал.

— Прикончить бы их... — прорычал он. — Да нельзя. Ладно. Скажем, что есть. Третий удрал. Пусть платят за двоих. А цену поднимем, у нас вон два... Три трупика и раненые. «Непыльная работенка», тьфу... — И он снова выругался, да так заковыристо, что я и при желании не смог бы

перевести все возможные оттенки смыслов.

Они поставили Трану на ноги, осмотрели его. Тот опять громко застонал. Похоже, у него повреждена рука, висит тряпкой. Но ноги целы. В рот ему запихали тряпку. Мне тоже, хотя понятия не имею, какой в ней смысл: вздумай мы кричать, кто услышит?

И нас погнали по пещерам. Трана прихрамывал и охал, поддерживая вторую руку — здоровой. На него прикрикивали, пинали, но быстрее идти он не мог. Впрочем, не похоже, что бандиты как-то особенно торопились: даже поджидали отстающего, ковылявшего на костыле. А еще они забрали с собой мертвых. Не поленились и кое-как вытерли кровь на камнях, хотя и крови-то было немного, так, кто-то, похоже, порезался в темноте. Попробовали стереть следы со стен: факельную копоть кой-как размазали, но от выжигателя стены слегка оплавилась, этого скрыть не вышло. Ну, еще бы им не оплавиться, жар на ярком конце огнелуча создается колоссальный.

То есть улик осталось — хоть отбавляй, но если просто идти по пещере, да еще и с таким же освещением, можно легко проскочить мимо, не заметив. Заметание следов, пожалуй, не было привычным делом для этой банды. Что-то во всем, что наблюдал, выглядело не совсем так, как должно было бы... Как-то странновато...

— Давай, шагай! — и пинок пониже спины. Я слишком задумался.

Мы шли не так, чтобы очень долго, но много петляли. Наконец, добрались до стоянки. В большой пещере, оборудованной очагом из стациенных в кольцо камней, валялись раскиданные по полу вещи и лежаки. У стены — куча припасов, какие-то мешки, бурдюки, связки соленой рыбы, вяленых водорослей... Чуть в стороне — неколотые горючие камни для костра, темные и маслянистые, влажно мерцающие в огне факелов. Почему-то только орехи даранника, по форме и размеру напоминающие небольшие, но толстые колеса, были сложены более-менее аккуратно, стопками.

Запаслись как на длительную осаду.

Не похоже, чтобы здесь жили давно: с такой небрежностью к чистоте следы от измельчения горючих камней должны запачкать добрую треть пещеры или хотя бы дорогу от дровницы до очага. Но виднелась лишь жиденькая цепочка и небольшой круг пыли и осколков у самой груды камней. Там же, кстати, валялся и молот.

Значит, не раньше, чем в прошлый тридень появились сюда эти бравые парни. А вот пробыть тут готовы долго. Едва ли собираются нас убивать. Будут ждать кого-то? Набивать цену и торговаться? Очевидно, что наше

похищение кем-то заказано. Кому же мы так нужны? Откуда они, вообще, о нас знают? Если бы не выжигатель, я бы решил, что охотятся за мной. Но, возможно, я попал в плен просто за компанию с Траной?

На искусанном временем потолке пещеры плясали тени и блики от жаркого темно-красного огня, пощелкивающего в каменном очаге.

Эти люди, как и положено настоящим дикарям, ели жидкую пищу, раздавая ее в несъедобных открытых чашках. Наверняка грязных, но не в нашем положении выбирать. Что-то, сваренное из сушеного мяса, водорослей и плодов гроздевой тыквы. И мясо и овощи, конечно, жесткие и пересоленные, а воды слишком много, но, стыдно признать, для моего урчащего живота это была трапеза мечты.

Один широкий лежак на двоих, большая лохань с водой и пустая чашка для зачерпывания ожидали нас с Траной в ярко освещенном углу пещеры. Прямо над нами зажгли два факела: наверное, чтобы удобнее было следить. Обратно затыкать рты не стали, но кто-нибудь постоянно приглядывал, не пришла ли нам в голову мысль попытаться перегрызть ремни или начать шептаться.

Выжигатель достался вожаку бандитов. Он рассматривал оружие с осторожностью, явно не понимая, как оно может испускать огнелуч. Я не мог разглядеть издали, но, вроде бы, выжигатель такого типа сам ставится на предохранитель, если остывает спусковой механизм. То есть, если между выстрелами — очень большая пауза. И снятие с предохранителя может быть закодированным. Тогда кроме Траны никто не пальнет.

Я встретился со своим бывшим спасителем глазами. Выглядел он жалко: весь грязный, в синяках и ссадинах, одна рука висит как плеть, на ногу наступает с трудом. Я осмотрел его повнимательнее, задрал рукав. Трана взвыл.

— Господин, можно спросить? — крикнул я, обращаясь к главарю. Тот оторвал взгляд от мертвого выжигателя и молча посмотрел на меня.

— У него рука сломана. Дайте мне палку какую-нибудь и тряпки? Что-нибудь такое, чтобы наложить шину.

Вожак встал и тяжелой походкой приблизился. Он не выглядел огромным, но просто-таки излучал силу и, пожалуй, жестокость. Он усмехнулся:

— Я ему вторую сломаю, если не скажет, как жечь этой штукой.

И потряс выжигателем перед моим носом.

Я повернулся к Тране:

— Можешь ему показать?

Тот молча протянул здоровую руку.

— Э-э, не-ет, — загоготал бандит, — так скажи.

— Так не выйдет, — едва слышно проскрипел давно молчавший Трана, — надо снять с предохранителя.

— Объясняй.

— Видишь сетку, много дырок? — вздохнул бывший владелец оружия.

— Ну?

— Оттуда выкручивается огонь. Сворачивается в шнур и бьет огнелучом. Не направляй на себя. И на нас.

Бандит с опаской отвернул излучатель в сторону.

— Видишь знаки?

— Чего?

— Знаки, картинки, выдавлены... — Трана, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Ну?

— Надо их сдвигать. Видишь такую, как клюв? Выше двигай. До щелчка. А эту назад и влево. Да не туда. Сначала начинай.

Еще двое бандитов подошли к нам, влекомые любопытством. Главарь начал злиться.

— Сам двигай. А я тебе голову сдвину, если что, — он схватил Трану за здоровую руку и поднес к нему выжигатель. Я заметил, как вспыхнули и тут же погасли глаза моего провожатого. Значит, не так плохо дело, он притворяется.

Щелкнули несколько раз передвигаемые планки предохранителя.

— Жми сюда.

Яркий и тонкий язык пламени ударил в противоположную стену пещеры, едва миновав одного из бандитов, с визгом отскочившего в сторону. Конечно, если бы огнелуч шел точно в него, отскочить бы не успел. Жаль, что не попало.

А шнур огня тем временем продолжал плавить скалу. Место контакта с камнем раскалилось добела, камень задымился и затрещал, разлетаясь раскаленными крошками. Я мысленно отсчитывал: один топливный стержень, второй, третий... Сколько же их там?

— Отпусти, сожжешь заряд.

Главарь непонимающе посмотрел на Трану, но отпустил зажим. Огнелуч исчез.

— Заряд сожжешь весь, если долго. Топливо. Другого нет. Там внутри стержни. От них огонь. Они сгорают. Кончатся и все.

В глазах главаря затеплилось понимание и появилось недовольство:

— Много там осталось?

Трана отрицательно дернул плечом.

— Другие есть?

— У меня нет. У центростанников менял. Торговцы хампуранские. У вас же есть, что менять.

— Не сейчас, — буркнул разбойник, но гнев его погас. Он понял, оружие еще послужит. Тупой дикарь. Но Трана-то хитер... Надо быть с ним настороже. Не помешал сжечь почти весь заряд, остался как бы ни при чем и не сказал о самовзводящемся предохранителе. Или совсем все стержни сгорели?

Вожак вышел на середину пещеры и вдруг выбросил руку вперед. Через весь зал коротко хлестнул огнелуч, впелся в стену где-то вдалеке. Новый хозяин выжигателя довольно хрюкнул.

— Эй, господин! — крикнул я ему вслед, пользуясь моментом. — Мне бы тряпок и палок тройку, руку починить?

Он громко расхохотался и заорал:

— Гарки! Гарки, где тебя носит?! Дай святоше, чего просит.

Лежак неподалеку зашевелился, из-под накидки показалась косматая голова дикаря. Кряхтя и невнятно ругаясь, он покопался в одной куче вещей, в другой, поднял что-то с пола, поковырялся этим в свалке, выполнявшей роль продовольственного склада, выудил оттуда нечто длинное. Подобрал какие-то тряпки.

— На, держи, дохляк, — Гарки кинул мне то, что принес в охапке, а сверху бросил короткий трубчатый шест. Довольно крепкий, центростанники их делают из сезонной травы, растущей в заливных частях Хампураны. Непонятно только, как он сюда попал. Караван что ли какой-нибудь ограбили... Ну, да и ладно.

Несколькими ударами камня я расколол шест и получил более-менее подходящие куски.

— Много осталось зарядов? — шепотом спросил я Трану, делая вид, что осматриваю руку.

— Полтрети стержня.

— Раза на три пальнуть?

— Или один раз подлиннее, — Трана хмыкнул и тут же громко застонал, хотя я едва коснулся руки. Гарки шевельнулся на своем лежаке, он издали присматривал за нами. Но можно и не смотреть: куда мы денемся из бандитского логова с одним единственным выходом, да еще и не имея оружия? Наверное, они думали так.

Ну, дайте только срок, мальчики, дайте только чуть-чуть оклематься, хотя бы поспать разок как следует...

Я отмыл грязь с плеча Траны, крови нет, если не считать ссадин. Кость осталась внутри, и сомневаюсь, что она вообще повреждена. Как-то он хитровато поглядывает, хоть и вопит как бы от боли.

— Ты слишком-то не заматывай, — шепнул он мне на ухо, когда оказался совсем рядом. — Для виду. Свободу руке оставь.

Кивнув, я невозмутимо продолжал накладывать шину. Так казалось со стороны. На самом же деле я укладывал прочные обломки шеста, связывая их между собой так, чтобы рука могла превратиться в оружие, но не потеряла способности работать пальцами. Твердые и острые края заканчивались примерно там же, где пальцы вытянутой ладони. Это не бросается в глаза, но если сжать руку в кулак, получится как бы деревянный нож, вделанный в предплечье. К тому же, плоской стороной можно принять не слишком сильный удар дубинкой или даже чем-нибудь поострее. Насколько я смог разглядеть, наши похитители были вооружены, в основном, короткими копьями с тусклыми наконечниками из когтей панры и дубинками. Только два коротких металлических тесака попались пока на глаза, и оба болтались на боках у главаря.

— Откуда у тебя выжигатель? — шепнул я Тране.

— Что? — переспросил он, не поняв вопроса.

— Выжигатель. Оружие, которое отобрали. Огнелуч.

— А. Обменял.

Я с трудом сдержался от смеха. Обменял, как же. Похожие штуки есть у наших жрецов, и то не у всех. Когда я еще мог считать жрецов «нашими». Когда-то мог. Так вот, у них были похожие. Не точно такие. Эта немножко странная. Но я и те-то не мог рассмотреть как следует, их не выпускают из рук и уж точно ими не обмениваются с дикарями. Люди больше не умеют делать их. Те, что остались, надежны, служат многие десятилетия, а то и тридцать лет, но постепенно все же ломаются или, чаще, теряются, пропадают так или иначе. Никто не будет их обменивать даже на полную сумму стержней, а это же целое состояние, откуда оно у дикаря?

Словно почувствовав мое недоверие, Трана прошептал:

— Обменял на его жизнь. У кого он раньше был.

— Ты убил жреца, что ли?

— Нет. Он отдал мне это, чтобы не убил. Как я этому задолбало, — он кивнул в сторону главаря бандитов, прикорнувшего прямо на столовом камне.

— Святоша отдал тебе выжигатель и объяснил во всех подробностях,

как им пользоваться?

Трана жестом согласился и застонал. Я склонился к его руке, не оборачиваясь, но зная, что Гарки снова приглядывается к нам.

— Эй, там, кончай, давай, возиться!

Точно, это Гарки.

— Прости, господин, я потороплюсь, осталось совсем чуть-чуть! — соврал я и надкусил тряпку, разделяя ее на полосы, как будто для последнего захода. Наш надзиратель снова плюхнулся на лежак. Я вернулся к перевязке.

Трана сидел с закрытыми глазами, и, похоже, дремал. Честный посланник Армир, спасший меня от жажды и голодной смерти, угодивший в капкан, коварно расставленный неизвестным врагом, обещавшим бандитам награду за наше похищение... Верный друг, до последнего пытавшийся защитить меня и сейчас наверняка готовивший в уме план побега... Простой мужичок, с трудом сводящий концы в концами в этой дикой стране, с дикаркой-рабыней, не способной произнести даже одного внятного слова, но сильной, и сейчас, вполне возможно, уже топающей на свою далекую неизвестную родину — обреченная, конечно же, погибнуть в пути... Человек с ясным взглядом и прямыми, простыми речами...

Он лгал мне. Лгал откровенно и нагло. Это напугало бы меня до полусмерти, если бы я еще в детстве не научился уворачиваться от цепких лап страха, оставляя тому лишь скользить по телу, не проникая глубоко в сердце.

Напугало бы меня даже не само вранье, а нестыковки. Некоторые вещи он знал слишком хорошо, другие — слишком плохо, хотя должен был бы знать или не знать одинаково. Так не бывает, когда растут травинкой среди поля, среди подобных себе. Так бывает, когда нахватываются по верхам, когда наскоро зубрят незнакомое.

Он мог убить жреца Звездного огня и отобрать выжигатель, хотя трудно себе это представить, святоши не ходят без охраны. Он мог служить жрецу, например, проводником, или следить за ним, подглядывать, и понять, как пользоваться оружием, как снимать его с предохранителя и ставить обратно, а потом украсть или подстроить какой-нибудь несчастный случай и забрать с мертвого тела. Маловероятно, но мог.

Он мог пытаться обманывать кого угодно этими сказками. Но не меня. Он же видел, кто я. Кем я был. Или не видел? Что-то не сходилось.

Для дикаря, горца, выросшего в плоских горах, все предки которого выросли в тех же горах, для того простоватого мужичонки средних лет,

которым казался Трана, он был слишком сообразителен. Слишком ловко он перещелкивал планки предохранителя, словно делал это не первую двудевятку раз, словно чуть ли не родился с выжигателем в руках. Он знал, где взять стержни, а ведь они не слишком-то распространенный меновой товар в этой части страны. Здесь вам не Хампурана. Плоскоголовые горы находятся лишь под тенью Башен, но далеко не в периметре их стен.

Более того, он точно знал расход стержня на выстрелы, что говорило, по крайней мере, о изрядном опыте в обращении с оружием. И где же он набрался такого опыта? Откуда у него мена на девятки, не менее, стержней, необходимый для практики? Армир хорошо платит за какие-то темные делишки? Или он сам в свободное время промышляет на узких горных дорогах? Может быть, Армир дала ему выжигатель, издревле хранящийся у нее и переходящий от матери к дочери? Я слышал, такое иногда случается. В принципе, огнелуч может оказаться не только у святоши... Но зачем, почему он тогда так глупо соврал?

Он видел, что волосы на моей голове изведены, а не просто выбриты как у любого культурного человека, и даже нанесен «тонкий узор». Он не мог надеяться, что я поверю, будто святоша отдал выжигатель под угрозой смерти. Святоши не боятся смерти, и Трана должен был знать, что я это знаю. Они могут не чувствовать боль, отстраняться от нее. Они верят, что смерть переносит их на небо, превращая в звезду. По сути, их культ — культ поклонения предкам, культ страха перед предками, грозящими Жемчужине своим огнем. Стать одним из вознесшихся, подняться к древним и загореться сначала невидимой, а потом все более яркой звездочкой, стать, наконец, пылающим солнцем — такова заветная мечта каждого святоши. Служение старшему по рангу и запрет на самоубийство удерживают их от того, чтобы побыстрее отправиться на небеса. Считается, что тот, кто нарушил обет, погаснет и растворится в песке.

А вот смерть под пытками любой жрец Звездного огня почел бы достойной. И чем достойнее смерть, тем быстрее будет продвижение от невидимой глазом искорки до одного из первых светил Великих Созвездий. Любой святоша с радостью примет гибель вместо того, чтобы раскрывать секреты огнелуча какому-то варвару.

Так что же он втирает мне в глаза эту не в меру пахучую мазь своей лжи? Любой ребенок даже в диких краях знает о святошах достаточно, чтобы не казаться таким глупым. Выходит, он — не местный? И дед его не видел лесов вокруг Красной поляны просто потому, что жил не здесь? Но где в странах под властью Великой Башни, простирающихся от берега океана до Инеевых гор, не знают, что жрец никогда не расстанется со

священным оружием, коли уж оно ему доверено, не расскажет никому секретов, всего лишь испугавшись смерти, и что нет ничего глупее, чем пытаться обмануть другого жреца, пусть бывшего, этой выдумкой?

И почему его оружие, все-таки, выглядит не совсем как наше? В нем есть какая-то неправильность, чуждость. Но я не мог ухватить, что именно вызывало такие ощущения, поэтому отложил их в дальний угол внутреннего хранилища ожиданий.

О, да, это был хороший повод похолодеть моему сердцу, если бы я не умел справляться со страхом. Вот от чего под ногами могла бы разверзнуться глубокая черная пропасть угрожающей тайны. Вот чего бояться с рождения едва ли не все люди Жемчужины: я подумал об Иных.

Я вспомнил истории о бледных людях, приходящих из-под земли. Живущих в глубинном мраке пещер. Не воздающих должного звездам, не служащих солнцу, не просящих у облаков воды... Я слышал о людях, превратившихся в монстров от вечной тьмы и холода, высывающихся иногда на поверхность, чтобы испить свежей крови и вкусить мозг разумного. Они были в родстве с нашими предками, но однажды с ними едва не истребили друг друга. Предки победили, загнали Иных в норы и не выпускали оттуда, надеясь, что там они и сдохнут. Неужели же сбывается одно из мрачайших пророчеств, и изгнанные начинают возвращаться? Да нет, бред, бред, бред. Трана обычный человек. Иные не умеют менять обличье.

А что, если они и не менялись внешне? Что, если они остались такими же, как уходили туда, в темное естество Жемчужины? Может, все это сказки, и про кровь, и про мозг, и про монстров? Просто детские сказки, пугалки для малышей? Что, если под нами все это время росла и крепла невидимая сила, вооруженная тем же полузабытым оружием, над которым так трясутся наши Верховные? Что, если у Иных есть способ быстро выучить наши языки, но нет способа освоить все традиции, и они прокалываются вот в таких мелочах, как сейчас прокололся Трана, потому что торопятся, потому что скоро нанесут удар?

«Ксената, ты должен вернуться. Найди Лиен.»

Голос, от которого я вздрогнул, пришел из глубины головы, как из гулкой пещеры, и там же растворился.

Мне надо поспать. Слишком много событий. Я перенапрягся, опять начинаются слуховые миражи. Это как в пустыне. Кажется, видишь воду, но воды нет. Или видишь город, но, подойдя ближе, обнаруживаешь очередной бархан. Миражи показывают то, чего нет. Хотя люди говорят,

иногда за миражами скрываются клады. И случается, что они показывают то, что было или будет. Или то, что находится очень далеко отсюда.

С этими мыслями я заснул. Мне снились бескрайние просторы диких лесов и хвостатые бурки, с дикими гортанными криками и свистом носящиеся в ветвях. Каждая из шести лап, покрытых густой и очень жесткой шерстью, держала по выжигателю. Передвигались бурки не как обычно, а раскачиваясь и перепрыгивая с хвоста на хвост. Они стреляли в меня, не причиняя вреда, а я ждал, когда у них кончатся заряды.

Вдруг небо сжалось, и тонкое, но плотное облако заволокло его.

«Пока канал открыт... Убейте... Убейте...» — кто-то подгонял бурков, но они никак не могли прикончить меня своими выжигателями, потому что я был прозрачным. Я убегал от них по кронам больших деревьев и, одновременно, шел куда-то по дорожке, словно настеленной бесконечно длинным куском камня. Рядом со мною шла женщина, но я не успел разобрать нечего, кроме того, что она была дикаркой.

* * *

— Тебе не кажется, что так мы создадим парадокс?

— О чем ты? — Катина бровь приподнялась как обычно, когда она выражает легкое недоумение.

— Ну, что-то вроде петли. Змея, кусающая себя за хвост. Я сделал то-то, потому что ты сделала то-то, но ты это сделала потому, что я не сделал бы, если бы ты этого не сделала...

— Стоп-стоп-стоп, Пол, ты меня запутал, — Катя тряхнула головой, ее светлые волосы рассыпались, увлекая за собой мои мысли. Но я собрался. Я должен объяснить, это важно. Странно, что она, понимающая меня буквально с полуслова, а то и раньше, до сих пор не врубилась...

— Смотри, — начал я, она кивнула. — Смотри, вот, например, Ксената. Сам по себе нашел Лиен, вместе они что-то там сделали, чтобы вызвать меня...

Катя прервала мою речь, подняв руку как школьница на практикуме с личным присутствием.

— Пол, Лиен говорит, что не «что-то», а запрещенный ритуал для открытия канала с помощью какого-то древнего устройства. И ты пришел в теле Ксенаты. Буквально через пару дней.

— Ну, хорошо, пусть так. В конце-концов, не важно, запрещенный или... — внезапно озарение настигло меня, аж в горле пересохло. —

Лиен... То есть, Катя... Короче, Лиен... Она, то есть ты... Ритуал, и я быстро появился?

Катя кивнула.

— Но ведь я попал туда... На древний Марс... В тело Ксенаты... Я туда попал, взявшись за лицо, то лицо в пещере. Потому что сны, мне снились сны, чтобы я взялся за лицо голыми руками. Ты ведь помнишь? Не ритуал меня притянул, а лицо на стене. Если бы его не было, я бы не провалился в прошлое...

Я очень волновался, захлебываясь словами, словно делал величайшее открытие в своей жизни. Возможно, кстати, так оно и было.

Катя снова коротенько кивнула. По выражению глаз я понял, волнение передалось и ей. А еще в ее глазах появилась боль, которой я не мог найти объяснения, да я и не пытался, я был захвачен целиком своей идеей:

— Но ведь я не сказал Лиен, что это было ее лицо. И то, что мне снилось... Печаль Ксенаты... Когда Сильвия перепугалась, увидев на моем месте марсианина... Сильвии тогда же снилась смерть Лиен. Ее убили. Казнили или принесли в жертву. Комната с водой и рыбы, темнота... Это не может быть совпадением... Ее убили, только поэтому появился барельеф, за который я взялся... Но как же я попал в момент, когда она была еще жива, то есть раньше, чем возникла возможность перехода? Нарушена причинно-следственная связь, это петля... Катя, что с тобой?!

Она побледнела и сползла на пол — моя железная леди, моя непробиваемая и непоколебимая, ее величество лидер-инспектор... Я был настолько ошарашен, что успел лишь подхватить ее и аккуратно положить на антикварный дубовый паркет. Она дышала. Неглубоко, но ровно.

Пока бегал за аптечкой, Катина лицо порозовело, и прежде, чем я успел приложить анализатор, она открыла глаза — свои прекрасные серые, чуть раскосые глаза — и произнесла что-то на неизвестном мне языке.

Я автоматически приложил к ее коже анализатор и не менее автоматически включил запись на регистраторе — дух ученого неистребим, выскакивает иногда как чертик из табакерки. Катя продолжала говорить. Негромко, но отчетливо и внятно. Я уже, разумеется, догадался, что это за язык. В нем нет слова «сэндвич», но зато есть много других слов. Я слышал этот язык ушами Ксенаты — и в снах, и тогда, потеряв сознание в холодной марсианской пещере. Но во мне сейчас не было разума, способного понимать, не было Ксенаты, пропавшего после того критического момента на Ганимеде, когда нам впятером удалось разорвать эволюционирующее существо, завершить цикл его превращений и сделать планету безопасной

для людей. С тех пор я встречал Ксенату только во сне и в изредка мелькавших видениях, но он, похоже, не ощущал моего присутствия.

Анализатор мигнул и затянул монотонно:

— Состояние стабильно, глубокий сон, возможно экстренное пробуждение с помощью инъекции стимулятора. Рекомендуется не прерывать сна, если он продлится не более шестнадцати часов. Произнесите «оставить», чтобы дожидаться естественного результата, этот вариант рекомендуется. Произнесите «разбудить» для выполнения инъекции стимулятора, этот вариант не рекомендуется. Произнесите «вызвать» для вызова группы экстренной помощи, этот вариант в данном случае не представляется необходимым. В случае невозможности дать голосовую команду...

— Оставить! — рявкнул я, прерывая монолог псевдоразумной аптечной коробочки. Анализатор заткнулся и обиженно перешел в режим ожидания.

Катя продолжала говорить. Звуки знакомой, но совершенно непонятной речи, лились нескончаемым потоком.

Я перенес ее на кровать и присел рядом на колени, глядя в широко открытые, такие родные и лишенные сознания глаза.

Уже и сам начал клевать носом, как вдруг Катя замолчала. Веки ее закрылись, дыхание оставалось ровным. Глянул на время: около трех. Она говорила без остановки четыре с половиной часа. И я, конечно, знал, что говорила не Катя. Это была Лиен.

— Ничего страшного, — успокаивал я себя вслух. — пройдет. Проспится и будет как новенькая. Ничего...

Проверив датчик слежения за состоянием, я улегся рядышком, поглядывая на ее спокойный профиль, и незаметно отключился.

— Ау-у, По-ол... — Катины волосы шаловливо щекочутся, конечно, она специально... Я вздрогнул, вспомнив обстоятельства, при которых заснул, и резко сел в постели. Так резко, что с глухим стуком врезался лбом в ее голову. От неожиданности она не успела отстраниться.

— Ой! Ну, ты вообще... Синяк же будет! Где аптечка?!

Соскочив на пол и быстро оглядевшись, Катя с видимым удивлением обнаружила аптечку под рукой, задумчиво медленно взяла ее и приложила к ушибленной скуле. Щелкнул микроинъектор.

— А что это она тут... А это что... — в недоумении Катя сняла с себя датчик контроля за состоянием. Ее брови очень красиво изогнулись, прямо-таки две вольтовы дуги, и она с ожиданием уставилась на меня.

— Ну... — начал я, — ты тут как-то очень неожиданно вырубилась.

Брови изогнулись еще сильнее, хотя секундой назад казалось, что дальше некуда.

— Я помню, мы говорили о парадоксе, петле времени, Ксенате, Лиен... — облачко набежало на ее лоб, — а потом... Я уснула? Вот так просто: взяла и уснула?

Катино лицо выражало крайнее удивление. Я спустил ноги с кровати, вывел аптечку из режима ожидания, выключил ее. Похлопал по месту рядом с собой, мол, садись, дорогая, сейчас все расскажу и покажу, но тебе лучше слушать сидя.

Катя молча подчинилась.

— Ты не просто уснула, — я посмотрел ей в глаза и обнял ее. — Ты потеряла сознание. А потом начала говорить, и говорила несколько часов на чистом древнемарсианском языке...

— Это Лиен! — Воскликнула Катя. — Это она, Пол! И... Я больше ее не чувствую?!

В Катиных глазах — испуг. Нечастое зрелище. Самый настоящий, стопроцентный...

— Пол, это как потерять часть себя!

Она растеряна. Даже... потеряна? Я прижал ее к себе, и она — нет, не может быть... она разрыдалась! Рубашка промокла. Первые слезы моей Кати на моем плече. Наверное, глупо и даже где-то по-скотски, но я обрадовался очередному знаку нашей близости. Сквозь волнение. Сквозь сильное волнение.

— Итак, — чеканно спокойным голосом подытожил я, — я лишился Ксенаты, а теперь ты лишилась Лиен.

Катя, сквозь всхлипы, кивнула.

— Но канал не закрыт. Ксената снится мне, и иногда, не понимая этого, слышит меня. Слышит, значит, может начать слушать. Мы можем на него влиять. Теоретически.

Катя снова всхлипнула, кивнув мне в плечо, но было видно, что она успокаивается.

— Теперь Лиен. Она еще в нашу первую встречу, там, на Марсе, на острове, как-то слишком нервно отреагировала на мои мысли о маске. О барельефе на стене пещеры, что привел меня к ней. И она почувствовала мои мысли о тебе. Спросила тогда, как тебя зовут. Но попросила не рассказывать ничего больше... Она боялась узнать то, что может ей помешать идти избранным путем. Ее смерть. Возможно, она не была неизбежной, такая смерть. Но если бы не она, я бы не попал на древний

Марс. Так?

Катя кивнула уже без всхлипа и подняла на меня красные заплаканные глаза. Пусть она считает, что это некрасиво, но я запомню их навсегда. Еще одна ее сторона. Моей женщины. И пусть больше никогда и ничто ее так не расстраивает.

— Итак... — я продолжал итожить, держа взятый уверенный ритм, — не ее ритуал вызвал меня туда, или не только он, но и ее смерть. Вот что было первым парадоксом, петлей во времени. Чтобы я появился среди них, она должна была умереть. Но она была еще жива, когда я появился. От такого у любого крышу снесет со стропил, даже без известия о мученической смерти...

— Пол... — Катин голос слегка дрожал. — Я тебе не говорила? Ты настоящий мужчина. Я хочу с тобой быть. Всегда.

В моих ушах зазвенела сотня треснувших колокольчиков и загудел ураганный ветер. Я прикрыл глаза и, надеюсь, незаметно, судорожно сглотнул. Катя умеет быть неожиданной.

— Весь к вашим услугам, миледи, на веки вечные, — церемонно и, одновременно, улыбаясь, произнес я, только голос хрипотцой выдавал предельную искренность сказанного.

— Я знаю, Пол, спасибо, — ответно улыбнулась она. — Так что там дальше в твоём списке «итаков»?

Как мы умеем высокое свести к будничному. Я хмыкнул и слегка замялся, вспомнив, о чем собирался сказать дальше:

— Ксената говорил, что она выбрала меня... — я покраснел. — Выбрала, как женщина мужчину. И в ту ночь, знаешь, когда я думал, как попасть на Ганимед... Ну, когда ты почти всю ночь переговаривалась с этими своими... В общем, я был с ней.

— Я знаю, — спокойно ответила Катя.

— Так это была ты?! — с облегчением выдохнул я.

— Я знаю от нее, — улыбнулась Катя.

— Но... Это же невозможно!

— Я просидела на переговорах почти до утра, — пожала она плечами, — та я, которая Катя Старофф, лидер-инспектор Комитета Контроля.

— Но... — я совсем растерялся.

— Тебе не приснилось. Я не знаю, как объяснить. Ты был с ней и со мной, потому что мы одно целое. И я, при этом, была на совещании. Это как бы раздвоенное время.

— Но...

— Пол, — мягко произнесла она, взяв меня за руку, — поговорим об этом в другой раз. Лучше, после того, как она вернется. А пока давай о том, как ее вернуть. Как вернуть их обоих. Итак?

Я сконфуженно молчал. Это надо переварить. Посидеть в тишине и переварить. Но сейчас нужно взять себя в руки, мы обсуждали не менее важное и, безусловно, более безотлагательное.

— Я записал все, что ты говорила... Что говорила Лиен. Но боюсь, без переводчика не пойдем ни слова.

— Отправь на расшифровку. Нет, я сама отправлю. Несколько часов связной речи... Ребята могут что-нибудь вытащить.

Я согласно кивнул и перебрал ей запись. Она замерла, тряхнула головой:

— Нет, не буду слушать.

Вызвала кого-то, вроде, из криптоотдела. Парень, блондин, я раньше не видел. По выражению его лица я понял, что видеосвязь односторонняя. Ну, еще бы, мадам Старофф ведь в неформальной обстановке: в неглиже и с красными глазами.

Парень пообещал сделать все возможное и пропал.

— Ушло на анализ, сообщат, когда будут новости, — Катя выглядела уставшей несмотря на долгий сон.

Поймала мой взгляд:

— Паршиво смотрюсь? Да не ври, паршиво. Это как частичная смерть.

— У меня с Ксенатой не так... — я развел руками. — Было не так. Он приходил и уходил, когда хотел. Или когда мог. Я слышал его голос в голове. Однажды он, пожалуй, управлял мною. Я не вполне уверен. Помнишь, когда льдина падала на тех студентов?

Катя вздохнула.

— У меня не так, Пол. С самого начала.

Повисла осязаемая тишина. С момента, когда Катя прилетела на Ганимед меня вытаскивать, мы избегали этой темы. Одно время я думал даже, что мне показалось, но все не решался спросить. Те ее слова, про «мы». И как она слышала тогда мои мысли. Я не был уверен, что это произошло наяву.

А она, видимо, тоже не могла начать первой. Представить только, что она пережила на Марсе: ее мужчина находится между жизнью и смертью по неизвестной причине, тогда, в пещере — приходит в себя, и тут она понимает, что больше не хозяйка в своей черепной коробке, что там поселилась еще одна, совершенно незнакомая женщина, нет, больше того, марсианка из безумно далекого прошлого, из времен, когда по Земле,

возможно, еще ходили динозавры. И эта гостя, эта захватчица пришла с не пойми какими целями, но при этом ясно, что пришла за ее, Катиным, мужчиной, и претендует на него в самом определенном смысле. И, по Катиным словам, это «было сразу», то есть никаких «голосов», как у меня с Ксенатой, а как-то так раз — и вместе, две змеи в одном клубке... В голове не укладывается. Как она справилась, моя бедная Катя...

А как справилась Лиен? Она же, на самом деле, никакая не захватчица. Она, скорее, невольница своего пути. Несчастный беглец, следующий из одной двери в другую только потому, что та открылась и не противоречит сути. Каково было ей, отшельнице, у которой даже никогда не было связи с мужчиной, вторгаться, сливаться с чужим сознанием, с другой планеты, с женщиной из другого времени, опытной и прожженной, прошедшей много испытаний, опасной, очень опасной, в этом можно не сомневаться. И готовой сражаться за свое. Ведь не могла же она рассчитывать, что Катя отдаст меня без боя или согласится разделять? Ха-ха-ха.

Как же им удалось договориться? Как произошло то чудо, что Катя не изгнала Лиен, не убила ее внутри себя или, в крайнем случае, не убила себя? Как они обе не сошли с ума?

Вот откуда, значит, были эти глаза Лиен на лице Кати, вот почему я видел их — я видел то, что происходило внутри...

Но, стоп, ведь примерно то же самое, ту же Лиен я видел в Жанне?! Конечно, понятно... Она совместилась с женщинами, с которыми я был близок. Не думаю, что Лиен предполагала такое. Быть разорванной на два сознания, по-женски конкурирующих за меня... Войти туда третьей... Когда Жанка поняла, что что-то не так? А бросилась бы она сама по себе на Марс, услышав об аварии «Аиста»? Или уже позже я сам «заразил» ее Лиен при встрече? Скорее, последнее. Ведь Лиен вышла в нашу реальность через меня, я был ее каналом, но во мне самом она не могла задержаться.

По какой-то причине не могла. Сейчас не важно. Да и об остальном можно только гадать. Жанка пропала во время Ганимедийской Катастрофы. Скорее всего, погибла. Хотя Ксената и говорил, что она не мертва, просто я не могу сейчас ее найти... И Катя... Ведь я видел Жанну в Кате так же, как Лиен, в тот момент отлета с Ганимеда. Они были все вместе. И Катя сказала «мы», имея в виду всех... Мне ведь не показалось?

Я поднял глаза на молчавшую Катю.

— Тебе не показалось, — едва слышно произнесла она. — Я чувствую некоторые твои мысли. Иногда все. Иногда словами. Она спит. Жанна Бови. Как бы спит. Я не знаю, где она, но она жива. Не мертва. Не понимаю...

Катя всплеснула руками. На ее лице появилось еще одно, новое для

меня выражение — неуверенность.

— Но она... В тебе? Часть тебя? — осторожно попытался уточнить я.

— Не знаю... Да... Наверное... Не так, как Лиен... Не так, как была Лиен... — Катя на секунду спрятала лицо в ладони, но тут же взяла себя в руки. Ее голос обрел твердость и какая-то новая интонация прорезалась в нем. — Про Жанну Бови. Она не мертва. Какая-то ее часть во мне. Возможно, вся. Но спит. Между нами нет конфликта, если тебя это беспокоит, — Катя фыркнула. — Девчонки не будут за тебя драться, Пол Джефферсон, мальчик-Казанова, на каждой вшивой планетке заводящий по любовнице и даже притаскивающий за собой мертвых баб из такого далекого прошлого, что от него уже пыль давно развеялась!

Она неожиданно звонко рассмеялась. Клянусь, на секунду я увидел Жанку.

— Вот, как-то так, — бесцветным голосом закончила Катя. — Я дала ей поболтать сквозь сон. Похоже?

— О, да! — ответил я пораженно.

— И хватит пока об этом, — вновь отрезала Катя. — Думай, как вытащить наших марсиан.

За окнами сгущались вечерние сумерки. Зажглись декоративные фонари, имитирующие старину. Под их резным светом таинственные аллеи шуршали липами, звали в загадочную темную даль. На самом деле, аллеи замыкались, и прийти по ним можно было только обратно, чтобы оказаться в той же точке минут на сорок позже. Петля времени без какого-либо парадокса.

— Давай прогуляемся? — предложил я.

— О'кей, только накину что-нибудь.

Пока она одевалась, я следил за танцем теней на стене. Из разных окон светили два фонаря. Два источника света делали Катину тень четырехрукой. Но ведь Катя — одна, только тени — две. Не это ли пыталась объяснить мне Лиен тогда, на острове, только другими словами? И ведь прямо об этом толковал Ксената... И Катя говорила... Или не об этом? Они говорили: «Один источник света, общая тень». Я чувствовал, где-то здесь скрыт ответ на нашу задачу. Может быть, для того, чтобы на нашей стене, в нашем мире появилась «тень» Ксенаты или Лиен, надо добавить «источник света»? Чем бы он мог оказаться... Или, если мы не можем добавить источник, надо самим встать так, чтобы появилась двойная тень? Как говорил Надир Камали, если гора не идет к Магомету — Магомет пойдет к горе. Понять бы только, где эта гора...

— Я готова, — щелкнула каблуками Катя.

Она взяла меня под руку, и мы спустились в теплую августовскую ночь.

Волшебство земных ночей неизменно из века в век, но только пожив в космосе, на других мирах, начинаешь отмечать, как мягко рассеивают свет фонари, как нежно обдувает щеки легкий ветерок, как он приносит запахи цветов, хвои, чего-то неопределяемого, но живого, скрытого в темноте. Темноте, наступающей не внезапно, рывком, как на экваторе безатмосферных планетоидов, а вкрадчивой, манящей, втягивающей взгляд в себя. «И также заманчиво убегает загар под короткую юбку», — задумался я, скосив глаза на Катю. Сейчас, правда, на ней сарафан «в пол», но я-то знаю...

— Чего смеешься? — рассеянный тон указывал, что она думает о чем-то отвлеченном.

— Сравнивал тебя с тьмой.

— В чем сравнение? — на Катином лице мелькнула улыбка.

— Безусловно в твою пользу, непобедимая.

— Не увиливай, я спросила «в чем», а не кто победил, — и она назидательно показала мне указательный палец. В свете фонаря блеснул ободок браслета. Я слегка удивился, обычно Катя украшений не носит, с чего бы надевать на эту прогулку...

— В притягательности, — я обнял ее и поцеловал в мочку уха. — А что за браслет?

Она тихонечко засмеялась и тряхнула головой.

Цикады выводили трели, спрятавшись от нас во мраке. То здесь, то там над темной полосой леса проскальзывали стрелы суборбитальных катеров, так похожие на метеоры.

— Посмотри-ка, мы идем нога в ногу, как курсанты твоей летной школы.

Ярко освещенный фонарями пластобетон поблескивал вкраплениями ортоклаза и слюды. По задумке строителей, он имитировал асфальт, применявшийся когда-то для мощения дорог. Сейчас так просто все имитировать...

— Катя, я спросил о браслете...

— Я слышу. Слышу, — по ее лицу вновь пробежала улыбка, на этот раз как будто немного смущенная. — Это старый браслет. Очень. Прабабкин. Семейный такой.

Она редко упоминала семью, не знаю, почему, а я не имею привычки

проламываться сквозь стены, иногда отступаю даже перед кажущимися. Можно сказать, до сих пор ничего о Катиной жизни не знаю... Ну, кроме того, что кто-то из ее предков был русским. Не очень-то большая редкость, честно говоря.

— Она не стала обновляться, а ведь уже можно было, — Катя глянула на меня искоса, вскользь. — Считала, все должно быть естественно. Естественная смерть... — она передернула голыми плечами, словно от холода. — Как смерть может быть естественной?!

— Натуралистка?

— Да нет. Старый человек. Старые взгляды. Она жила больше в прошлом. Может быть, даже верила в жизнь после смерти. Что встретится где-то там с мужем... Она любила его. А я даже не видела. Только на стереографии, знаешь, те еще, из первых.

Некоторое время мы шли молча. Звенели цикады, по небу все так же чиркали огненные стрелы, цокали Катины каблучки. Постепенно шаги как-то сами собой замедлились, и мы остановились посреди аллеи, замерли в точке, равноудаленной от соседних фонарей, в нескольких шагах от первобытного мрака, прячущегося в тенях и за блестящими листьями придорожных кустов. Теплый ночной ветерок едва касался волос. Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Тени, отброшенные нашими телами, падали на пластобетон по обе стороны от нас, крест-накрест. Как прицел: старинный прицел, с черного звездного неба направленный прямо в голову. И если поднять взгляд и осмелиться посмотреть наверх, кто знает, может быть, там, на невидимой и почти бесконечно отдаленной стороне, чей-то рот криво ухмыльнется, и палец привычным движением нажмет на гашетку.

Что за глупости лезут в голову...

— А... Понятно... — я попытался вспомнить, о чем шла речь. Ее лицо было так близко к моему, глаза блестели. Мы стояли, обнявшись. Катя чуть прищурилась, словно оценивая что-то.

— О чем ты сейчас думал?

— О... Браслете, — не моргнув глазом, соврал я. — О твоём браслете. Твоей бабушки...

— Прабабки.

— Да, прабабки. Я раньше не видел его у тебя.

— Я не носила.

— Почему? Он красивый.

— Да. Он... Особенный. Я никогда его не носила.

— Ого.

— Да, Пол. Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Глаза у тебя хитрые, а рот лживый.

— То есть?

— Пол... — Катя вздохнула, и на ее лице появилось выражение «какой же ты тупой». Оно мне не нравится. — Ты забыл, я часто знаю, о чем ты думаешь. Не всегда точно, но, в общих чертах...

— А чего тогда спрашиваешь?! — я ушел в глухую оборону.

— Говорю же, обычно только в общих чертах знаю, — терпеливо повторила она и посмотрела в упор. — О чем ты думал? Ты боялся, Пол. Испугался чего-то. Мимолетно. Связано с фонарями и небом. Что это было?

Я вздохнул и чуть отстранился.

— Да, ерунда. Прицел. Показалось, что наши тени похожи на крест прицела. Знаешь, были такие на оружии, в прошлом...

— Я знаю об оружии, Пол. Поверь, знаю достаточно много. Это все?

— Нет. Я подумал, если наши тени — прицел, то целятся в нас со звезд. Вот теперь все. Какое это имеет значение?

— Не знаю, Пол. Но имеет. Вспомни...

Выражение Катиного лица стало странным.

Сзади хрустнула ветка.

Прежде, чем я успел спросить, она ухватила за мои плечи и, используя их как опору, прыгнула ногами вперед. По краю зрения мелькнули ее изумительные коленки, вырвавшись из-под сарафана, раздался глухой звук удара и хруст кустов, ломаемых тяжелым телом.

— Сядь! — прошипела Катя, едва успев ступить на землю, и увлекла меня на корточки. — За мной, быстро! — она лихо перекатилась через плечо и скрылась в траве. Я довольно неловко последовал за ней. Конечно, нас учили трюкам и посложнее, но прошло уже изрядно времени, да и как-то никогда не имел особенной склонности к физическим упражнениям...

Попытался приподняться, но ее рука пригнула меня к земле.

— Тсс... Не высывайся... Надо понять, сколько их. Чем вооружены. Тихо.

Оглушающе стрекотали цикады. Сразу за сбритой обочиной чуть колыхалась некошенная трава, с неба спокойно смотрели звезды, а буквально в двух шагах, в черных кустах, неподвижно лежал человек. Лежал так спокойно, что не казался живым.

— Похоже, других нет... — Катя словно бы вышла из короткого транса. Она реально пыталась услышать? У нее в голове пеленгатор стука

человеческого сердца, что ли? Моя женщина — робот, нда...

— Меня передернуло.

— Дурак, — коротко прокомментировала она, вероятно, опять поняв, о чем я думаю. Ага. Робот-телепат, худшая форма жены.

— Кто? — разыграл дурачка я.

— Этот. Один, с ножом, из кустов. Все, встаем.

Она поднялась, как ни в чем ни бывало, отряхнулась, одернула сарафан и поправила лямку на плече. Щелчком выстрелил в воздух левитирующий фонарик. Ничего особенного, детская игрушка, почти невесомый пузырек, балансирующий на месте за счет микродвигателей. Интересно, что еще у нее с собой...

— Дай мне руку, — Катя нащупывала опору, стараясь не оцарапаться ветками кустарника. Рука оказалась холодной и тряслась.

— Катя... — позвал я.

— Н-ни-ч-че-го, пр-ройд-дет... — заикаясь, отстучала зубами моя железная леди. — П-пом-моги м-мне.

Вместе мы вытащили из кустов и уложили на спину напавшего на нее человека. Фонарик, покачиваясь под ветерком, ярко освещал безжизненные черты. Анализатор моргнул синим, констатируя нерезанимируемое состояние. Смерть.

— Узнал? — Катя ткнула пальцем в сторону лица убитого.

Я присмотрелся. Где-то видел... Она махнула головой в сторону административного корпуса.

— Из службы Лесного Городка. Здешний. Вчера столкнулись в фойе. И когда прилетели. Сидел за столиком, улыбался. Нам улыбался, помнишь?

Похоже, она уже могла говорить короткими фразами без заминок.

Улыбался? За столиком? Столкнулись в фойе? Ну, был кто-то...

Еще раз бросил взгляд на мертвого. Нет, этого лица не помню. Но Кате можно верить.

— Ладно, — кивнула она мне. — Не помнишь, и ладно. Позже.

Я рассеянно пожал плечами в ответ и уселся на пластобетон у самого края дорожки. Он оказался заметно теплее воздуха. Подогревают, видимо. Чтобы отдыхающим было комфортно. А чтобы им не было скучно, сотрудники устраивают засады в кустах. С ножами. Она говорила, был нож... Мой взгляд метнулся в темноту, но, конечно, безрезультатно.

— Соединить с Бобсоном, экстренный вызов, — Катя отрывисто бросала слова в пустоту. Инспектор возник в воздухе буквально через несколько секунд. Похоже, он никогда не меняет свой безупречно-белый костюм, а ночью использует его вместо пижамы. Похоже, этот костюм из

микроботов, поэтому всегда выглядит идеально, не мнется и не пачкается... Хотя, о чем я, инспектор Бобсон сейчас наверняка на другом конце шарика, если, вообще, на Земле, у него вполне может быть и рабочий день в самом разгаре.

— Прекрасно выглядишь, Катя. Привет, Пол. Что стряслось?

— Роб, ЧП. Покушение на убийство, один труп. Похоже на спланированную акцию. Высылай группу наших. Лучше Камали.

Роб Бобсон присвистнул. Личный поверенный Кати Старофф, инспектор Комитета Контроля чаще сталкивался с авариями, природными катастрофами, халатностью, иногда с акциями саботажа со стороны радикальных натуралистов, но покушение на преднамеренное убийство, во тьме, из кустов, с ножиком... Какое-то несовременное преступление.

— Камали на Луне. Отдыхает.

— А кто свободен?

— Паркер. Леваниди. Остальные по заданиям.

— Кто ближе?

— Леваниди. Совсем недалеко от вас, заканчивают тренировку.

— Давай Леваниди, только быстро. Труп еще не остыл. В экспертизу срочно.

— А кто убит?

— Нападавший. Сотрудник службы обеспечения Лесного Городка. Ни с того, ни с сего бросился из кустов с ножом.

— На кого напал?

Катя молчала. Бобсон ждал.

Я, встав с дорожки и отряхнувшись, ткнул в Катю пальцем:

— На нее.

У инспектора отпала челюсть.

— Покушение на лидер-инспектора?

— Типа того.

Роб с сомнением посмотрел на Катю:

— Но кому... Зачем? Натуралисты? Но как они узнали... Лидер-инспектор?

Она подала голос:

— И так глупо. Один, из кустов, с ножом... Пол, не будь слишком уверен в цели нападавшего.

Я опешил. Что значит «не будь уверен»? Но ведь здесь никого, кроме нас, не было. Принял за других? Что она имеет в виду? Неужели...

— Да, Пол. Надо прокрутить запись, но, по-моему, он смотрел на тебя. Меня как будто не видел. Просто вывалился из кустов и рванул прямо к

тебе.

В голове не укладывалось. Поднятыми вверх ладонями я попросил ее притормозить, сбросить темп. Это невозможно. Какого черта кому-то надо устраивать на меня, как это раньше называлось, «покушение»? Сейчас уже и слово-то почти забыто, архаизм. И это еще... Как она сказала? «Прокрутить запись»? Эпоха Глобальной Паранойи давно закончилась, никто ни за кем не следит, нет камер в каждом придорожном столбе, мы уважаем свободу личности и право на частную жизнь.

— Какую запись? — вырвалось у меня.

— Позже, Пол, — властно оборвала Катя. — Вижу машину. Снижается. Это они?

— Да, они, — кивнул Бобсон. — Соединить?

— Не нужно. Они почти сели. В соседнем лесу, что ли, тренировались? Роб, ты ничего больше не хочешь мне сказать?

Инспектор широко развел руками.

— Инспектор Бобсон, я просила нас не пасти.

— Но пригодились же...

— Инспектор, я объявляю вам выговор за неподчинение старшему по званию.

— Слушаю, лидер-инспектор.

Физиономия Бобсона заметно вытянулась.

Катя выдержала паузу и хмыкнула.

— Но за интуицию выговор снимаю. Спасибо, Роб.

На чернокожем лице Бобсона засверкала улыбка.

— Всегда рад помочь, лидер-инспектор.

Восьмиместный аэрокар завис над аллеей, с шумом гоня под себя горячий воздух. Заметались ветви кустов и лип, пригнулась к земле трава. Фонари потонули в ярком сферическом освещении, казалось, наступил день, и если бы не точки звезд, все-таки различимые в небе в стороне от машины, можно было бы поверить, что так оно и есть.

Шум затих, распахнулись дверцы, на дорожку выбрались шесть фигур в форме. Первый подошел и лихо козырнул Кате:

— Прибыли в ваше распоряжение, лидер-инспектор.

Катя улыбнулась, протянула руку:

— Здравствуйте, Артур. Здравствуйте, ребята. Позвольте представить, Пол Джефферсон, доктор геолого-минералогических наук.

Все дружно кинулись жать мне руки, здороваться и заглядывать в глаза. Похоже, слава укротителя Ганимеда теперь следует за мной неотделимым шлейфом, как хвост за кометой. В пору брать псевдоним,

иначе придется носить с собой раритетную авторучку с золотым пером и с пафосом раздавать автографы: «Малышу Томми с надеждой, что когда-нибудь и он порвет одно-другое чудовище в космической мгле. Верящий в него флагман высшей лиги астронавтов-победителей, Пол Джефферсон».

— Осмотрите тело, возьмите на экспертизу. Я вам скину запись происшествия. К утру первые результаты предоставьте мне в доступ и попробуйте разобраться в этом деле, расследование поручаю вам, контроль мой. Расследование закрытое, отчитываться только передо мной или инспектором Бобсоном... — Катя говорила, Артур Леваниди мерно, как метроном, кивал. Я слышал об этом парне, он слыл отличным экспертом-аналитиком, когда речь шла о всяких запутанных случаях. Гордость отдела. Впрочем, в четвертом отделе каждым спецом можно гордиться: орлы, а не спецы. Катины птенчики: умные, сильные и преданные ей беспредельно.

И все-таки, что это за запись такая... Мы все под колпаком у Комитета Контроля?

С полчаса поскучав, прохаживаясь взад-вперед по аллее, стоя с многозначительным видом возле трупа, рассматривая нож, нашедшийся в траве — стандартный бытовой резак с автозаточкой — я, наконец, был вознагражден за ожидание. Аэрокар улетел, унося с собой тело и все следы преступления, которые оказалось возможным собрать, а мы с Катей пошли по аллее обратно.

Ночь отступала. Рваные предрассветные облака окрасились алым. Черточки орбитальных катеров еще проблескивали в небе на западе, соревнуясь со слабыми лучами восходящего солнца, но скоро день возьмет свое, и они превратятся в тоненькие белые стрелки на голубом фоне.

Мы возвращались молча, и я думал, Катя решит замять вопрос о камере. Чем-то он ей не понравился. Возможно, тем, что ответ не понравится мне? У нас накопилось уже немало таких «отложенных вопросов», обычно я делаю вид, что забыл, чтобы не обострять отношения, но внимательно слежу за разными косвенными «ответами», из которых, бывает, складывается не менее, а то и более полная картина, чем если добиваться результата прямо. Тихо, без ругани, эффективно. И незаметно.

Но на этот раз она сама вернулась к теме:

— Камера, Пол. Я поставила регистратор на запись. Прости, что не сказала тебе.

— Хм... Ты всегда его включаешь?

— Нет. Хотя по инструкции обязана.

— По инструкции? — я поперхнулся. Инструкция для лидер-инспекторов? Закон для тех, для кого закон не писан?

— Да, Пол, — она устало вздохнула. — По инструкции все сотрудники Комитета Контроля при исполнении должны включать авторегистраторы. А я при исполнении всегда.

— Даже когда мы с тобой... — хмыкнул я, многозначительно подняв бровь.

— Даже тогда, — кивнула Катя, не поддерживая моего шутливого тона. — Но тогда я выключаю.

Путь назад разительно отличался от романтического ночного выхода на прогулку по загадочным липовым аллеям. «Примерно как похмелье от опьянения» — сказал бы, наверное, мой друг и бывший руководитель, профессор Марков. Он знает множество древнерусских шуток и прибауток на каждый случай из жизни. И где-то в моем личном транспортном контейнере лежит его раскрашенная деревянная ложечка, подаренная на удачу. Ложечка, которую я брал тогда на Ганимед, а сегодня с собой не взял. Милые сувениры... Милые, но совершенно бесполезные.

Мы поднялись на второй этаж своего номера и бухнулись на кровать, не раздеваясь.

Спать не хотелось. Это усталость. Она навалилась тяжелым мягким брюхом и размазала нас по простыне. Лишь минут через пять Катя пошевелилась и чем-то металлически звякнула. Ага, сняла браслет.

— Можно посмотреть?

Она молча подала его мне. Красивый, правда, красивый. Резной. Наверное, серебро. Не потемнел от времени, блестит. Небось, обработан каким-нибудь антиоксидантом из новых.

— Красивый. Блестит.

Катя едва слышно хмыкнула:

— Я его почистила. По старинке. Вчера, когда ты уходил.

Я молча разглядывал браслет, вертел его так и сяк, и чем больше вертел, тем больше он мне нравился. Он был из той категории вещей, что я притаскивал с барахолки в детстве. Только этот браслет не нуждался в спасении, он очень даже уютно пристроился к очаровательной и заботливой хозяйке — о чем ему еще мечтать?

В комнате горел свет. Лампы в форме подсвечников — здесь ведь все под седую старину.

Катя повернулась на бок и смотрела на меня. Ее серые глаза со светлой звездочкой вокруг зрачка напоминали тонкий лед, но не были холодными — в них, я знаю, текла живая вода. Сколько раз я проваливался в эту прорубь. А, может быть, провалился однажды, да так ни разу и не

выбирался... Да и не надо... Да ни за что!

Она мягко улыбнулась и произнесла совершенно не то, что я мог бы ожидать:

— Пол. Я сегодня ночью убила человека. Он лежал в кустах как мешок с биологическими отходами. А сейчас меня это не волнует. И я хочу говорить о том, что люблю тебя. Я чудовище?

В ответ я поцеловал ее. Она ответила, но тут же отстранилась:

— Подожди. Браслет. Ты спрашивал. Прабабке его подарил ее муж. Которого она так любила и не могла забыть. Браслет сделали по его заказу. Специально для нее. Она хотела, чтобы я надевала, когда буду гулять со своим мужем. Мужчиной, которого не смогу забыть. От которого захочу детей. Без которого не захочу жить. Продолжать жизнь. Если он умрет. Как она не захотела.

Мое сердце забилося так сильно, что мне казалось, я оглохну. Я потянулся к ней, и в этот момент запищал коммуникатор. Катя часто настраивала его на писк, наверное, чтобы было противнее. Или, что скорее, чтобы звук был настолько явно инородным, что идентифицировался бы мгновенно.

Вызывали из конторы. То есть из ее четвертого отдела. Они получили странный результат. Если верить расшифровке остаточных явлений в мозгу, а ей принято верить, потеря сознания произошла примерно за час до нападения. С чем может быть связана такая ошибка или погрешность — непонятно. Понятно же, что он не в обмороке напал. И еще интересный факт: биологическая смерть наступила после падения, но убила этого парня, похоже, не Катя. Сердце прекратило биться по неустановленной причине. Просто остановилось.

Нож он взял в своем служебном номере. Странно, что номер выглядел достаточно опрятным, но словно бы со следами неумелого, спешного и очень поверхностного, краткого обыска. Досье погибшего содержало сплошь одобрительные отзывы. Не относился он и к натуралистам: два полных обновления, не считая частичных, и несколько профилактик. Если бы он не восстанавливался, давно бы уже умер от старости, ему было лет сто пятьдесят. Я мысленно присвистнул: «Вот тебе и парень... Раньше, до того, как обновления вошли в широкую практику, наверное, было проще с этим, всегда можно было по внешности понять, какой жизненный опыт за плечами у человека, не то что у нас сейчас — молокосос и старик внешне выглядят на один возраст».

Катя слушала доклад, прикрыв глаза. Дослушала, поблагодарила, попросила держать в курсе и отключила связь. Молча вырубил свет и

пустила запись с регистратора. Мы просмотрели ее несколько раз с разными скоростями и приближением деталей.

— Знаешь, — произнесла она задумчиво, — я вообще ничего не понимаю.

Тревожное, нехорошее что-то заскреблось у меня на сердце. Очень похожее на страх.

— Зачем он напал на тебя? Почему бросился как слепой, даже не попытался увернуться от моего удара, словно меня не видел? Почему сидел в засаде? Проще было подойти и пырнуть неожиданно. Почему, вообще, нож? Несложно найти дистанционное оружие. Старое и не очень. Или то, что можно использовать как оружие. Экстремалы из натуралистов не стали бы действовать так, Пол... Вообще никто бы не стал... Внезапное помешательство?

Страх расплзался по мне противными волнами, от него темнело в глазах. Это тоже странно. Это ненормально. Даже в тех ночных кошмарах, когда меня преследовало ганимедийское существо, мне не было так страшно, как сейчас, в теплой кровати рядом с Катей, в полной безопасности.

Снова запиликал коммуникатор. На этот раз — доклад от лингвистов, криптографов или кто там занимался расшифровкой четырехчасового Катиного монолога, надиктованного голосом Лиен. Чуда не произошло. Язык не опознан, не относится ни к одной из известных групп, можно предположить то, се, пятое и десятое, но ничего — с достаточной уверенностью.

— Нам надо поспать, Пол, — неожиданно и твердо произнесла Катя. — Давай-ка поставим на воспроизведение и попытаемся заснуть. Может быть, это как-то поможет выйти на Лиен или Ксенату. Или понять слова. Мы же оба знаем этот язык. Через них.

Я не мог ответить. Черное, черное небо приближалось ко мне, в нем ярко горели жестокие звезды. Они жгли мне глаза цветными иглами, шипели, впиваясь в тело. Я не чувствовал боли, все это происходило не здесь и не со мной. Откуда-то издалека донесся Катин голос:

— Не бойся, Пол. Все, спим.

И чернота накрыла меня.

* * *

Сон прервался, оставив в сознании привкус пепла, и пустоту — в

памяти.

Что-то удерживало меня от того, чтобы вспоминать.

Факелы почти прогорели, но никто не торопился их менять.

Трана не спал. В полутьме блестели белки его глаз.

Я хотел было подняться, но он сделал останавливающий знак рукой, мол, лежи тихо.

По пещере не разносилось ни звука. Я прислушался. Нет, все же, звуки есть: посвистывает-посапывает кто-то невдалеке, и едва слышно капает просачивающаяся сквозь каменную толщу вода. Несколько водокапов, это очевидно, если разложить звук на составляющие. И это совершенно не имеет значения в нашей ситуации.

Или имеет? Почему я слышу только одного спящего человека? Где остальные?

Трана сделал манящий жест рукой, одновременно прося соблюдать осторожность. Я медленно-медленно сдвинулся, приблизился к нему. Он молча ткнул пальцем неперевязанной руки в сторону очага. Там было пусто. Никого не оказалось и на лежаке Гарки. Я чуть высунулся из нашего угла, заглянул за острый край большого камня, прикрывающего часть стоянки — снова никого. Недоуменно обернулся к Тране. Он поманил меня к себе.

— Ушли, — прошипел мне на ухо. — Один тут. Вон за той кучей.

Трана показал на груды тряпья, ее раньше не было. Видимо, притащили, пока я спал.

Любопытно. Они бросили пленников, за которых должны получить солидный выкуп? Оставили единственного часового, к тому же такого, что ему нельзя доверять и валабора пасти?

— Давно? — шепнул я.

— Да. Притащили барахло и тю-тю. Уж пару девятин не возвращаются.

Хм. Пару девятин. Почти треть дня. Долговато. Интересно, что сейчас над нами, свет или тьма... Попытался восстановить ход событий, вроде, получается, свет. Вторая треть, середина солнцезапада. Пошли куда-нибудь и наткнулись на врагов? Упали все вместе с высокой скалы? Награбили так много, что не смогли подняться, и лежат, придавленные грузом?

Дальнейшее произошло быстро.

Почти бесшумно из черного провала выхода появились тени.

В темноте они сливались с темнотой, на свету — с цветом стен.

Двигались плавно и стремительно, словно всю жизнь скакали по острым камням, словно привыкли подобно воде обтекать их.

Но что-то все же разбудило нашего незадачливого стража. Возможно, внутренний голос или слишком громкий бульк в кишечнике заставил его, невидимого нам, открыть глаза и поднять голову, а затем и вскочить с воплем ужаса. Кто знает, что привиделось ему спросонья, какая ядовитая муха укусила, заставив подпрыгнуть. Затаившись или просто не просыпаясь, он прожил бы на несколько мгновений дольше. Хлыстом стеганул желтый злой огнелуч и гортанный крик прервался, едва начавшись.

Рефлекторно я хотел было спрятаться за уступ, но Трана, встав во весь рост, замахал над головой обеими руками, сведя ладони вместе. Конечно, ничего у него не сломано, но что за странный жест?

Послышался негромкий шорох скатившегося камешка, и перед нами появилось одно из них — существо, с трудом различимое на фоне скал. По фигуре это был человек. Но кожа его выглядела очень похожей на окружавший нас камень, серый и шершавый. А на голове выделялись огромные выпуклые сетчатые глаза и еще более огромные, прижатые к голове, уши. Вероятно, они могли раскрываться вширь, когда возникала потребность прислушаться, а размер глаз указывал на способность видеть при очень слабом освещении или даже в темноте... Я вспомнил птицу-криворога, умевшую различать тепло. Кто знает, вдруг эти... человекоподобные... тоже его видят?

И что они теперь сделают с нами?

Пока я думал, рядом возникли еще трое.

Один из подошедших что-то сказал Тране, я не понял. Трана ответил ему. Язык звучал подозрительно знакомо и больше всего напоминал сильно искаженный староферсейский. Вот уж никогда не подумал бы, что горский дикарь знаком с древнейшим языком священных книг.

«Ксената — снова голос в голове, и снова так не вовремя! — Это скафандры».

«Что?» — неужели Пол встречался с этими существами?

«Скафандры на них надеты. Одежда такая, чтобы защищать тело, маскироваться, мало ли, зачем. А на головах не глаза, это приборы для ночного видения, они видят тепло, возможно, умеют приближать изображение, короче, это устройства, механизмы.»

«Механизмы? Устройства? Существа не настоящие, они сделаны?» — я недоумевал.

«Да нет, черт, нет! На них это все надето. Это могут быть обычные люди. Язык ты узнал?»

«С трудом разбираю отдельные слова. Надо послушать», — какое это имеет значение... Вот убьют меня или нет, это любопытно. Не похоже, чтобы собирались, не похоже... А он все не унимался.

«Ксената, мне нужно, чтобы ты перевел то, что я скажу. Ты сможешь?»

«Пол, не сейчас».

«Сейчас! Неизвестно, когда следующий... Важно... Важнее...» — и он пропал.

«Пол...» — мысленно позвал я. Нет ответа.

Что ж, сконцентрируюсь на насущном.

Острым плоским ножом, напоминающим квадратный лепесток цветущего йови, переднее существо разрезало путы на Тране и повернулось ко мне. А Пол-то прав. Оно вполне может оказаться человеком в облегающих одеждах из толстой кожи, например, ксенги, покрытой какой-нибудь хитрой краской, меняющей цвет.

С меня путы тоже срезали.

Взмах руки указал, что нужно идти.

— Ты пойдешь с нами, — на западном торговом сообщил Трана. Его глаза просто-таки лучились радостью. — Не сопротивляйся, не пытайся убежать, тебе сохранят жизнь и здоровье. Когда придем, тебе дадут еду и женщину.

— Трана, кто это? — я мотнул головой в сторону существ.

— Трана? — он рассмеялся. — Ладно, зови меня так и дальше. Это сургири. Так вы нас называете.

Я непроизвольно вздрогнул. Он расхохотался громче. Один из них обернулся.

Сургири. По-староферсейски это значит «изгнанные», а сейчас их называют словом «Иные». Существа из ночных кошмаров. Из сказок о ночных кошмарах. Подземные жители, когда-то воевавшие с людьми и бывшие с нами в кровной связи, загнанные в царство вечной тьмы и холода. Я всегда думал, они выдумка. Кошмар стал явью. Значит, мои худшие подозрения насчет Траны оказались верными? Он — предатель, его хозяева — из глубоких пещер, и они хотят затащить меня туда? Но зачем? Для чего им я?

— Зачем я вам? — надеюсь, мой голос не дрогнул.

— Тебе объяснят. Когда придем. А теперь шевелись, — проскрипел Трана-не-Трана таким знакомым, обманчиво-знакомым голосом. — Нам долго идти. И не разговаривай.

— Но...

— Выбью зубы, — прорычал Трана мне в лицо и оскалился. Вот теперь он совсем не казался знакомым.

Мы покинули лагерь и потопали по пещерам. Специально для нас с Траной включили плоские фонарики на длинных ножках, прикрепив их к нашим плечам. Неяркий свет не слишком-то хорошо рассеивал темноту, боковые ответвления казались черными ямами, и вперед было видно не больше, чем на тройку шагов, но, наверное, считалось, что нам достаточно.

Спереди и сзади нас бесшумно двигались сургири. Они не нуждались в освещении, ведь тьма — их дом, и ловко скакали по камням; я же нередко спотыкался, даже падал, так что им пришлось убавить темп.

Мы шли долго. Очень долго. То поднимались, то опускались, то петляли, то двигались прямо. Почти ничего не различая за кругом, освещенным фонариком, я лишь отмечал, что вот, мы, например, проходим большой зал. Или что, кажется, здесь до нас были люди и оставили знаки на стенах. Мои ноги подгибались — все-таки, еще совсем недавно лежал под барханом, а набраться полных сил так и не успел.

Поняв, что я вот-вот упаду, или сам уже падая от усталости, Трана положил мне руку на плечо, останавливая. Я обернулся, и он сунул мне в рот какой-то шарик.

— Разжуй хорошенько и глотай. Придаст здоровья.

Я подчинился и почувствовал, как волна огня пробежала по моему телу. Теперь я мог двигать горы и прыгать до небес. Зрение прорезалось вглубь и словно бы раздвинулось. В голове появилась ясность, рассеивающая сомнения, разгоняющая муть усталости. Все стало понятным: нужно просто идти вперед, подчиняясь сургири, они хотят мне добра, обещают еду и женщину, надо только дойти.

И мы бодро потопали дальше. Через несколько поворотов вышли к узкой щели, сквозь которую едва ли смог бы протиснуться человек плотного сложения. Ну, мне-то это не составит труда. Призрачный свет Вестника гладил плоскую стену с двумя зигзагообразными трещинами. Моим глазам он теперь казался ярким, почти дневным.

«Это наркотик. Тебе дали наркотик, чтобы ты быстрее шел и подчинялся».

«Пол?»

«Да. Сопротивляйся. Это не друзья. Они похитили тебя и ничего хорошего тебе не сделают. Ты должен попытаться сбежать. Но сначала

переведи то, что я скажу.»

«Что такое наркотик?» — я зацепился за незнакомое слово.

«Дурман. То, что на время дает силу, иллюзии, красивые миражи, ощущение ясности в голове. Они по-разному действуют, но если часто принимать, вызывают привыкание и смерть. Повтори то, что я скажу...»

И прежде, чем я успел возразить, он начал, с короткими паузами, почему-то запинаясь и склеивая соседние фразы, читать мне. Похоже, что читать — так обычно звучит, когда читают что-то, начертанное известными знаками, но на неизвестном языке. Но ведь это наш язык, центральный, на нем говорит вся внутривенная область Башен. И Пол прекрасно владеет им, только вставляет разные посторонние слова.

«Меня зовут Лиен,» — произнес он, а я повторил ему мысленно то же самое на том же центрально-хампуранском: «берега Лальм дали мне рождение, и первая мать принесла дар солнцу в день, когда имя прозвучало под куполом посвященных...»

Голос Пола прервался, будто отрезанный невидимой каменной плитой, но я, кажется, уже начал кое-что понимать. Прозрачность течения мыслей, появившаяся в голове после этого, как назвал его Пол, «наркотика», позволяла видеть одновременно множество струй и сплести их между собой, пропускать одну через другую или даже через несколько, чтобы поймать суммарное отражение.

«Лиен, Лальм, первая мать, дар солнцу, купол посвященных... Так вот откуда дует ветер откровения, лальмийский культ, Зеленая звезда, она же — Весенница, Владычица времени... Ее жрицы. Как же я забыл о них... Но их редко встретишь на континенте, сам не видел ни разу... Знаю, что культура их высока, они владеют древними машинами и удаляют волосы, как все цивилизованные люди...»

— Давай, шагай! — толкнул меня в спину Трана.

Оказывается, передние сургири уже выбрались наружу, настал мой черед.

Без труда проскользнув в щель, я почувствовал, как прохладный воздушный поток обдувает гладкую кожу головы и лица. Прямо в лицо светил Вестник, на треть прикрытый полумаской. Фобос, как называл его Пол. Глупые дикари, да и большинство цивилизованных жителей земли Башен, хампуранцы, понятия не имеют о том, что Вестник — вовсе не посыльный на побегушках богов, не надзиратель, не жадно следящий за жителями Жемчужины глаз чудовища или что там еще наводумывали люди за долгую историю. Жрецы Звездного огня знали об истинной природе этого существа, но хранили свое тайное знание за многими запертыми дверями.

На каждой ступени посвящения открывалась своя часть истины. Иногда, с открытием новой части, картина, сложенная из старых, переворачивалась.

Я дошел до четвертой ступени — первой во втором звене девятистопной лестницы посвящения. Дошел прежде, чем возвысил свой голос против старшего и был вынужден бежать. Но случилось это уже после того, как Дакситида, великий мудрец и ученый муж, чья силы мысли поражает, приподнял завесу и сообщил нам, пребывавшим в заблуждении, правду о Вестнике. Он сказал, что это гигантское существо, усыпленное в давние-давние, незапамятные времена нашими всемогущими предками. Что оно обращается вокруг земель Жемчужины в противную природе сторону для того, чтобы люди не забывали. Оно хранит великие тайны и сокровища, но чтобы разбудить его и добраться до них, человек должен вспомнить, как ступить на берега небес и войти в океан пустоты.

Это противоречило прежним знаниям, ведь небеса — страна мертвых, место жизни и сияния достойнейших из числа вознесшихся предков. Тех предков, что истово блюли себя и чтили Звездный огонь. Но мудрый Дакситида разъяснил противоречие, он сказал, что звезды находятся далеко от нас, хотя и способны достать нас своим огнем, своими посланцами, а также способны и сами приблизиться к нам, если того пожелают. Вблизи же от нас, хотя это «вблизи» — огромные пространства, где невозможно даже дышать, располагаются океаны небесной пустоты, в которых обитают различные и весьма удивительные существа. Одно из таких — Вестник, хранитель и носитель тайн. Другое — яркий Страж, так похожий на звезду, но лишь охраняющий внешний покой Жемчужины. Оба они обращаются вокруг нашего мира, но Вестник — близко, а Страж — далеко, поэтому кажется, что они разного размера. На самом же деле они — родные братья и словно братья похожи.

Интересно, как Пол величал бы Стража? Вестник у него почему-то вызывает страх. А что вызывает Страж? Ужас?

Я так увлекся мысленными играми, что вновь получил тычок в спину. Похоже, действие разжеванной горошины заключается также в пробуждении беспечности, свойственной юным, и в потере концентрации на цели. Мне хотелось вдыхать эту ночь, распластаться под мерцающими звездами, обнять небо и землю, но я собрал волю в кулак и напомнил себе: уважаемые, добрые и милые сургири, которые ведут меня ко всем благам, о которых только может мечтать, по их мнению, человек с поверхности — пусть они идут дальше без меня, а мне нужно бежать.

Бежать, но как?

Я перебрался с одного обломка скалы на другой и оказался посреди

небольшой площадки, с которой через пропасть тянулся тонкий волосок канатной дороги. Противоположная стена скрывалась во мраке, только самая верхняя кромка обрыва была освещена Вестником.

Она возвышалась над нами, а над нею горела Зеленая звезда. «Это ведь тоже не звезда, — вспомнил я, — это мир, земля, подобная нашей Жемчужине, и зовется она — Весенница, Владычица времени, а служат ей жрицы Лалъм, одну из которых, похоже, зовут Лиен, и Пол хочет, чтобы я нашел ее...»

Я обернулся к Тране и спросил, как бы убоившись:

— Мы пойдем по этой веревке?

Трана хрюкнул:

— Нет. Поедем. Смотри.

Первые два сургири выкатили из тени подвесную повозку, прикрепили к канату и уселись один за другим. Что-то щелкнуло, загудело, и повозка с порядочной скоростью понеслась от нас, быстро скрывшись во тьме.

Не успело сердце отбить девятижды по девять ударов, как повозка вернулась пустой. Следующая пара сургири переправилась на тот край ущелья.

— Теперь мы, — весело проскрипел Трана. — Полезай вперед.

Осторожно я забрался в покачивающуюся повозку. Предатель устроился сзади. Хотя, почему «предатель»? Он же считает себя одним из них. Кто бы мог подумать, что таинственные Иные выглядят в точности как дикие горцы...

— Поехали, — бросил Трана, дернув рычаг справа от себя. Тележка скрежетнула и тронулась. Закрутились колеса, ободами зацепленные за канат над нашими головами...

И вдруг с неба ударила молния.

Я сначала не сообразил, что произошло, и принял за молнию то, чего не могло быть никак. А дальше уже оказалось не до размышлений: повозка соскочила с каната, потому что канат лопнул сразу за нами, перерезанный ударом огнелуча. Я успел обернуться и заметил, что еще три оранжевые молнии, вырвавшись из одной точки на небе, врезали по камням и выступам казавшейся пустой площадки.

Однако камни зашевелились и бросились врассыпную, когда по ним побежали пылающие змеи.

Короткий миг — и я уже лечу, кувыркаясь в свободном падении, ветер свистит у меня в ушах, а из живота к горлу поднимается противная, щекотная и сосущая пустота. Но в тот миг я успел увидеть многое. То, что осознал только позже. Выжигатель не уничтожил сургири. Хлысты огня

коротко поплясали на шкурах подземных монстров, раскалив их, но существа сбежали живыми, спрятались в укрытии. Немыслимо.

Скафандр? Пол произносил это слово. Внешняя шкура, защищающая человека. Наверное, все-таки, это люди — такие же, как мы, или, скорее, похожие на Трану. Но обладающие серьезным превосходством перед святошами — самое могучее из нашего оружия может оказаться бессильным против их... скафандров.

Так мне думалось потом: когда вспоминал, анализировал.

А тогда я быстро-быстро падал в бездну, чтобы разбиться об острые камни. Казалось, конец неминуем, как вдруг что-то упругое образовалось подо мною, и скорость падения начала уменьшаться. Вместо того, чтобы украсить кровавой лепешкой и обломками костей глубины пропасти, я воспарил в воздухе, словно бы лежа на невидимом дрожащем плаще. Края плаща или, что скорее, его складки, обнимали меня, не давая свалиться.

Я летел вдоль темных стен, стлался над самым дном ущелья, что проносилось внизу на огромной скорости, едва различимое во мраке. Плащ явно выбирал места потемнее, лишь несколько раз лампа Вестника тронула меня своими бледными лучами. Снова бледными. Действие наркотика, очевидно, заканчивалось, усталость навалилась на меня с такой силой, что я едва не погрузился в небытие. Но смог напоследок собрать разбегающиеся нити сознания обратно в цельную ткань и постарался, хоть это было невозможно, запомнить дорогу, определить направление. Только осознав тщетность усилий, расслабился, отдался ветру, наслаждаясь небывалым ощущением — полетом.

Тут-то и пришло беспамятство.

* * *

«Берега Лалъм дали мне рождение, и первая мать принесла дар солнцу в день, когда имя прозвучало под куполом посвященных...» — слушал я запись собственного голоса на родном английском языке.

Получилось!

Дурацкая, казалось бы, идея: пересказать Ксенате то, что наговорила Лиен через Катю, для того, чтобы он пересказал мне, а я бы наговорил на регистратор. Вроде, от перемены мест слагаемых сумма меняться не должна. А вот, нате-ка вам, поменялась!

Мы получили возможность, наконец, расшифровать послание Лиен.

Или бред Лиен. Или воспоминания Лиен, имеющие чисто историческую ценность. Связь с Ксенатой оборвалась, и пока мы перевели только самое начало длинного монолога.

Снова звонили из четвертого отдела. На этот раз, сам Леваниди. Отменил информацию о потере сознания. Что-то там у них с чем-то сложилось и почему-то запуталось, я не понял, Катя тоже не поняла. Но, определенно, что-то произошло с головой этого человека примерно за час до нападения. Может быть, ударился? Или отравился, и это подействовало на мозг? Получил какое-нибудь личное сообщение или сообразил в уме нечто, приведшее к приступу давно дремлющей душевной болезни? Как теперь узнаешь...

Яркий день бил в окна солнечными лучами. Мы собрались съезжать. Отдых в этом, безусловно приятном, месте как-то не заладился. Лесной городок показал нам зубы, и не хотелось дальше испытывать судьбу: если кто-то однажды покушался на вашу жизнь по непонятной причине, лучше не давать возможности найти вас во второй раз.

Поэтому мы воспользовались служебным стратосферным турболетом Комитета Контроля и поменяли полушарие. Маленькая учебная база КК на северном острове вполне нас устраивала. Серые и бурые скалы, рожденные еще, наверное, в архее, пестрели разномастной плесенью; желтые, ржавые и голубые лишайники пятнами покрывали древние гранитоиды, а в низинах, по кое-как образовавшемуся тоненькому слою осадочных отложений, коврами стелились мхи, зрела черника и морошка, да цвел розовыми и белыми метелками смолистый вереск.

Кривые и невысокие деревца, березки да сосенки, казалось, соревнуются в количестве извивов от корня до самой последней ветки. Трудно поверить, но несколько веков назад снег на острове не таял даже летом. Климат сильно изменился, и, несмотря на отдельные потери в территориях и культурном наследии, в целом для человечества, это, думаю, оказалось к лучшему. Антарктика и Гренландия освободились от ледового плена, стали пригодными для жизни. Благодаря климат-коррекционным работам многие районы Земли получили защиту от подтопления, другие — превратились из бесплодных пустынь в цветущие сады. А некоторые области намеренно оставили без изменений, в качестве природных заповедников — например, значительная часть Сахары, в песках которой так успешно вел археологические раскопки мой знакомец и давний Катин друг Гельмут Фогель.

Мы заняли пустующий домик наблюдательной службы, заложенный еще во времена таяния льдов и с тех пор многократно перестраивавшийся. Когда-то в нем жили вахтами по два-три человека — контролировали работу метеостанции и автоматических пробоотборников — кучу разных приборов и датчиков, расставленных по острову и болтающихся на буйках в море. Постепенно экологов-наблюдателей заменили роботы, и с тех пор домик изредка использовался для размещения каких-нибудь нестандартных гостей; то рыбаки-любители заедут на сезон, то школьников занесет на экскурсию по суровому северному краю — их и принимали в стоящем на отшибе коттедже, чтобы не мешались под ногами в служебное время и не нарушали инструкцию — все-таки, не положено штатским проживать непосредственно на территории базы.

В этот раз местному начальству не сообщили, для кого выделен домик, сказали только, что люди туда направлены по линии КК. Поскольку системы обеспечения — автоматизированные, энергопитание на собственном реакторе, то, в общем, никакого участия со стороны базы и не требовалось. Даже голодная смерть не угрожала постояльцам, ведь пищевой синтезатор входил в меблировку — в крайнем случае, можно запустить его и начать переработку окружающей среды в нечто более-менее съедобное, как я делал на Марсе во время своей пещерной одиссеи.

Нас высадили с турболета прямо ко входной двери, выгрузили запасы свежих продуктов и оставили вдвоем. Вернее, втроем с домом. Все-таки, он — робот, почти живое существо. Или даже, скорее, банда роботов, руководимая Главным — центром управления. Надеюсь, они не выйдут из подчинения и не попытаются задушить хозяев во сне или зарезать кинжалом во время прогулки...

С момента посадки на Землю я, признаться, скучал по своему Робу — не Бобсону, конечно, а его тезке — верному универсальному боту, с которым мы так много пережили и который достался мне в личную собственность исключительно благодаря счастливому стечению обстоятельств и длинной лапе в Комитете. Кстати, народ Солнечной системы, похоже, считал мое везение «проявлением чудес храбрости и интуиции в сплаве с истинно научным подходом к анализу проблем» — такой вот хвалебный репортаж в свою честь я имел честь видеть — потом недели две не включал новостные каналы.

Роб остался на Марсе, куда его доставили с Лиситеи. Я собирался вернуться к нему после короткого отпуска — в кои-то веки Кате удалось вырваться из круга обязанностей и побыть со мной, не думая о службе...

Полтора дня. Ровно полтора дня с момента нашего прилета в Лесной городок и до нападения в парке. Отвлеклись от службы, нечего сказать.

Что же, пусть нападением занимается супер-эксперт и аналитик Леваниди, уверен, у него все получится, а у нас — вторая попытка отдохнуть, и на сей раз уже едва ли какой-нибудь злоумышленник вычислит наше местоположение. Если нападение вообще не было случайностью.

Мы надеялись, что спокойное, расслабленное времяпрепровождение поспособствует связи с Ксенатой. Нужно было попытаться перевести до конца или хотя бы прочесть ему все сказанное Лиен. Весьма возможно, что в ее словах содержалась какая-то крайне важная информация, которую мы, даже поняв язык, не смогли бы выявить и оценить, верно приложить к реальности древнего Марса, а Ксената — сможет.

Но дни шли, марсианин не проявлялся. Мои сны не содержали ничего, похожего на контакт. Мы с Катей гуляли по острову, катались на лодочке и аэрокаре, погружались в специальных смотровых скафандрах и разглядывали не слишком богатый, но чрезвычайно интересный подводный мир арктической фауны. Кушали свежие продукты, приехавшие сюда вместе с нами. И ничего.

Хотя, как это — ничего? Мы же отдыхали!

Мы получали удовольствие от свободы, от жизни, лишенной обязательств, борьбы или напряженного поиска каких-нибудь совершенно необходимых ответов, решений наиглавнейших проблем... Например, как могли образоваться фосфоритовые конкреции типично морского генезиса в однозначно континентальных условиях, или который из, в общем-то, эквивалентных проектов новой экспедиции в пояс Койпера, Кате подписывать, и подписывать ли его вообще или отправлять на доработку.

Никто не спорит, оба вопроса крайне важны. Ответ на первый позволит разобраться, наконец, с морфологией древнего дна моря Элизиум. Второй — наметить список ледяных астероидов преимущественно аммиачного состава для последующей отправки к Марсу, чтобы обеспечить его атмосферой, пригодной для выделения молекулярного азота. Очень серьезные и совершенно неотложные дела, если вбить себе это в голову. Первые из целого вала дел, ждущих решения в порядке живой очереди. Прямо вижу, как они нетерпеливо пританцовывают в коридоре перед нашими виртуальными кабинетами...

А можно и чуть отложить. И ничего не изменится.

Ничегошеньки.

— Пол, ты будешь кофе?

Вот, ради каких вопросов и какого голоса стоит жить.

— Да, дорогая.

— Сливки, сахар?

— Нет, спасибо, сейчас время для черного по-турецки.

— Минутку, Пол.

— Конечно...

Конечно, он будет приготовлен совсем не по-турецки, в автомате ведь нет ни джезвы, ни песка, но зато по вкусу — неотличим. А когда-нибудь, возможно, Катя достанет из заветного контейнера кованую серебряную турку с выпуклым узором (прабабкину, разумеется), я притащу песок с пляжа, мы обжарим зерна на древней чугунной сковороде, смелем их в ручной меленке и все будет по-настоящему. Кроме, наверное, вкуса. Все-таки, с машиной в этом контексте нам не тягаться.

— Кать, тебе не надоела цивилизация?

Катин голос из другой комнаты:

— Что, Пол?

Кричу громче:

— Цивилизация тебе не надоела еще?

Она появилась в дверях с двумя чашками дымящегося кофе.

— Что вы имеете в виду, доктор Джефферсон?

— Я устал.

— Устал отдыхать? Возьми чашку.

— Отдохнул как раз в самый раз, чтобы понять, как устал.

Катя скривилась:

— Ты просто боишься ответственности.

Я хмыкнул, кофе чуть не расплескался:

— Так писали в любовных романчиках двадцатого века. Упрек любовнику, если уклоняется от свадьбы. Тогда они, как это называлось, «регистрировали отношения». В церкви или в суде, не помню точно, какие на тот момент были в моде суеверия. Не зарегистрировал? Не любишь!

— Где как, Пол. Вообще-то регистрировали они брак, то есть контракт, условия совместной жизни. И прописывали условия расторжения контракта. Кому что достанется из имущества. Люди тогда жили странно.

Катя села в глубокое кресло, положила ногу на ногу и задумчиво покачала пушистым розовым тапочком, чудом державшимся на самых кончиках ее пальцев. Форма ноги, как и всего остального, у нее идеальна. И меня давно уже разбирает любопытство — до рези в печени — как

выглядела моя любимая перед первой своей коррекцией. Лет эдак сто назад. Кстати, возраста ее я так и не знаю. Возможно, она бы и сказала, спроси я прямо. Но если бы я имел склонность прямо задавать такие вопросы, выбрала бы она меня?

— Да... — протянул я. — Они жили как звери. Звери с расширенными возможностями. Сбившиеся в стаи. Заботились, в основном, о еде и сексе. Ну, и о прямых генетических потомках...

— Не все же, Пол, — заступилась она за род человеческий. — Если бы все, откуда бы взяться другим? Ведь мы — их потомки, причем, не такие уж и далекие.

— Ага. Или просто еды стало много, бороться за нее больше не надо. Делить нечего, почти все, что хочешь, можно получить и так. То, за что раньше надо было работать или воевать. Сытые стали, вот и проснулось любопытство. От скуки. Любопытство сделало из обезьяны человека.

Катя усмехнулась. Эту фразу она от меня уже слышала.

— Ты не прав, Пол. Всегда можно найти, что делить. Из того, что нельзя получить просто так. Люди ценят редкое. Достается с трудом, значит, редкое. И за это они конкурируют до сих пор. За внимание, славу, признание. За женщину, кстати.

Она подняла палец вверх, очень назидательно.

Я тут же вставил:

— Или за мужчину, да?

Она кивнула.

— Не принципиально. Хотя, сейчас уже нет роковых страстей, вспышек ревности, убийств в духе Отелло... — Катя вдруг прыснула смехом. — Ой, прости, Пол, забыла о твоём Жаке. Он ведь чуть не отправил тебя на окраины Солнечной. Но, если бы не его ревность к Маргарет, мы бы не встретились.

Настала моя очередь кивнуть.

Поставив чашку на столик, Катя перепорхнула ко мне на колени.

Я тоже поставил чашку. Чтобы не разлить.

— Если бы мы спорили, я бы решил, что ты хочешь победить любой ценой, — чуть запинаясь, произнес я. — Ведь ты знаешь, я не могу соображать с тобой на коленках.

— И со мной на груди, да... — промурлыкала она. — И вообще... Знаешь, Пол, мне это нравится.

— Знаю, — выдохнул я.

Она засмеялась и соскочила на пол.

— Пейте кофе, доктор Джефферсон, а то он остынет...

И тут меня накрыло.

Комната исчезла.

Я стоял посреди пустыни. Жара уже спадала, небо гасло, видимо, наступал вечер. Солнце садилось где-то за спиной. Рядом стояла женщина, чья внешность показалась мне знакомой. Да, верно, она походила на Лиен почти так же точно, как маска на стене марсианской пещеры. Только у Лиен не было волос, а эта женщина могла похвастаться пышной гривой. И она заметно старше. Моя Лиен, пожалуй, годится ей в дочери... Хм, «моя Лиен», какое-то непривычное, но, при этом, верное словосочетание.

Происходившее со мной, с нами всеми, не укладывалось в привычный порядок вещей. Значит, на этот порядок надо плюнуть, потому что попытки за него держаться убьют нас. Катя, похоже, это понимает. Удивительно, все же, как она смогла впустить в себя Лиен... И как они обе не свихнулись...

Женщина поймала на себе мой взгляд. Поймала глазами, черными, как у Лиен, и затянула в ловушку.

Как втирал мне Марков насчет русской песни про «Очи черные...»? Вот, наверное, это и есть тот омут, о котором было принято рассуждать на пьяную голову... Но из подобной ловушки не слишком трудно вырваться: нужно просто посмотреть в другую сторону.

Я успел заметить, как она удивилась.

И очнулся на полу.

— Пол, что это было?! — взволнованный голос Кати. С моего лица стекает вода. Ага, она плеснула из графина. А жаль. Стоило бы посмотреть дальше.

— Похоже, Ксената, — прокряхтел я слабым голосом.

— Вы общались? — она подсела, положила ладонь мне на лоб. Теплую, родную и привычную ладонь.

— Нет. Но я управлял его глазами. Мне кажется, я на миг вытеснил его целиком, ну, как тогда, в пещере, то есть не в пещере, а...

Она переложила ладонь на мои губы, и тут же что-то резко кольнуло мне под сердцем. Словно все это уже было. Или происходит одновременно где-то еще. Ощущение раздвоенности то ли во времени, то ли в пространстве, то ли везде сразу. Катя убрала руку.

— Что это было? Сейчас? Прямо сейчас?

— Де жа вю, — почему-то давно не использующееся, оставшееся лишь в литературе, словосочетание пришло на язык.

— «Уже было»? Что было?

— Твоя ладонь на моих губах. Чтобы я помолчал. Но этого не было. Не точно так. Хотя и там не точно так. Я не знаю...

— Пол. Давай вернемся к Ксенате. Что ты видел его глазами?

— Пустыня. Вечер. Женщина, похожая на Лиен, только с прической. В смысле, с волосами на голове, не обритая. И старше.

— Лиен не обрита, — уверенно заявила Катя. — Они устраняют волосы с помощью машины. Она успела рассказать, но я не поняла, зачем. Мы слишком мало были вместе, чтобы заниматься такой ерундой, как память...

— Вот, видишь, не ерунда оказалась-то, сейчас бы пригодилось.

— Знала бы, где упасть, соломку бы подстелила, — парировала Катя. — Вставай, хватит валяться в луже.

— Ты обычно и подстилаешь, между прочим... — поддел я ее напоследок и поднялся с пола. Чувствовал себя совершенно нормально, только не помнил, как оказался в партере.

— Что вы делали? — спросила Катя, вновь усаживаясь в кресло напротив.

Я рефлексивно положил ладонь на ее колено.

— Убери руку, — резко бросила она. Я отдернулся, как ошпаренный. — Извини, Пол. Ты мешаешь думать. Не могу нормально думать, когда ты меня трогаешь. Это отвлекает. Понимаешь?

Я кивнул.

— Что вы делали? — повторила она вопрос.

— Стояли. Ничего не делали. Я посмотрел на нее, она посмотрела на меня. И я вылетел. Ты на меня целый графин вылила?

— Целый. В следующий раз опять по щекам отхлещу, как в Лесном городке. Хочешь?

— Может, в следующий раз ты дашь мне досмотреть?

Катя вздохнула.

— Может быть. Но я боюсь, Пол. Что будет, как тогда. Только ты не вернешься.

Я погладил ее колено. Она промолчала.

— Мы должны рискнуть. Собой. Иначе наши марсиане могут погибнуть.

Катя молчала.

— Ты не согласна?

Она не издала ни звука, только отвернулась, глядя в окно на вечный полярный день. Там дрожала веточка сосны, слегка поцокивая иголками по стеклу. Что-то блеснуло в Катиных глазах. Слезы?

Она посмотрела прямо на меня и кивнула.

— Должны. Наверное, должны. Но я боюсь. Ты был всем, что у меня есть. Пока не пришла Лиен. Теперь ее нет. Во мне нет. Эта пустота не наполняется. И теперь я еще больше боюсь потерять тебя.

Я сел перед ней на колени, на пол, прямо в лужу. Прижался к ногам. Положил на них голову. Катя чуть-чуть дрожала.

— Но ведь ты не будешь возвращать меня в следующий раз? — не глядя на нее, спросил я. — Чтобы я мог вытащить Ксенату?

Она погладила меня по щеке.

— Не буду, Пол. Обещаю.

И легонько шлепнула ладонью:

— Но только попробуй не вернуться.

Я ответил улыбкой, которой она не увидела.

Конечно, вернусь. К тебе — обязательно. Ведь и тогда, из глубин древнего Марса, меня вытянула ты. Я помню, как ты звала. И не удивлюсь, если именно связь с тобой позволила Лиен вытолкнуть мое сознание обратно.

* * *

Я открыл глаза в темноте и вздрогнул. Неужели освобождение лишь приснилось? Неужели я все еще в руках бандитов, просто факелы, наконец, погасли? Или сургири утащили-таки меня в свой мир без света и тепла, и теперь стоит ждать их невидимого прикосновения? Меня передернуло.

И с чего я, вообще, решил, что меня освободили? Меня похищают одни за другими разные группы бандитов. Сначала эта странная парочка, Трана и Нарт, предатели, один из которых, пожалуй, мертв, а другая, наверное, до сих пор бродит по пещерам, едва ли ей хватит ума самостоятельно найти выход. Потом какие-то разбойники, из караванных налетчиков, желавшие продать нас неизвестному заказчику. Дальше сургири, легендарные человекоподобные чудовища, вылезшие из глубин Жемчужины, перебили наших похитителей и потащили меня за собой в страну вечного мрака. И, наконец, невидимый летающий плащ, вооруженный тремя выжигателями, выхватил меня из тележки и доставил куда-то, где я теперь, видимо, и лежу в непроглядной тьме.

Какое освобождение?! Это просто новый плен. Нужно только понять, чей, чтобы найти верный способ выбраться. Вся жизнь моя превратилась в непрерывное бегство с тех пор, как я возвысил голос против старшего. Но я

не жалею. Потому что был прав.

В темноте раздались легкие шаги. Медленно разгорелся свет.

Нарт!

Нет, не она, но женщина, походившая на нее как сестра или, скорее, как мать. Варварка. Те же волосы, тот же прямой, длинный и тонкий нос, но на лице заметны следы времени и, пожалуй, власти.

— Ты очнулся. — без какой-либо тени эмоции обронила женщина. — Ты в безопасности. Тебе подали чистую одежду. Здесь комната для омовений, — она повела рукой, и я, проследив за движением, обнаружил нишу. — Еду подадут, когда ты будешь готов.

Повернувшись, она почти вышла, но я опомнился и воскликнул ей вслед:

— Постой! Но... где я? Кто ты? Что я здесь делаю?

Она полуобернулась и произнесла тем же ровным голосом:

— Ты в Нагорной. Меня зовут Армир. Тебя принесла Айбис, моя сестра.

— Птица? Твоя сестра — птица-криворог?

Армир чуть нахмурилась, словно соображая:

— Моя сестра Айбис. Она мурикси. Да, в долинах их называют криворогами.

Только сейчас я сообразил, что мы говорим на староферсейском. Тот же диалект, что у наших святош, но выговор незнакомый. Слово «криворог» она произнесла на западном торговом. Вот почему заминка. Я запомнил суть названия и, не подумав, перевел на ферсейский, а она помнила лишь звучание.

— Но она же такая... тонкая... слабая! — Изумился я.

— Слабая? — облачко удивления скользнуло по лицу Армир. — Айбис? Она несла тебя и Трану.

— Трана жив?!

— Нет. Его разум умер.

На этих словах женщина вышла из комнаты. Дверь за ней не затворилась, потому что никакой двери не было — открытая арка, резко сходящаяся на верхний угол. Такая же вела и в комнату для омовений.

Наконец, впервые за много дней я привел себя в порядок, оделся в чистое и насытился.

Маленькая смуглая женщина, похоже, из местных горцев, подала мне еду, а затем и убрала стол. Она не разговаривала со мной. Ее лицо было печальным, а в левом ухе висела серьга с крупным белым камнем.

Такие камни символизируют жемчуг, слишком дорогой для бесплодных гор. Я знаком с обычаем, распространенным вдоль побережья Мессемского моря. Местные горцы в родстве с народом, проживающим там. Жемчужины — слезы вдовы. Когда один из мужей умирает, женщина вдевает в ухо серьгу, которую носит не меньше года, но может не снимать до конца жизни. Новый муж не может появиться у женщины, пока она не снимет серьгу скорби.

В моем народе не женщина выбирает мужа, а мужчина — жену. И живут они парой, не бывает так, чтобы было два мужа или две жены. Если такое случается, то случается тайно, а когда всплывает на поверхность пересудов — карается изгнанием из родных мест. Имущество переходит «обиженной стороне», так у нас называют «обманутую» жену или мужа, и эта «обиженная сторона» может искать себе нового спутника жизни немедленно. Также и траур у нас не затягивается. Чем быстрее оставшийся без пары перестанет быть одиноким, тем лучше для всех.

Когда маленькая женщина вышла, я подождал время, которое посчитал приличным, и, поскольку ничего не происходило, решил прогуляться и осмотреть пределы своей новой тюрьмы. За стрельчатой аркой открылся небольшой зал, драпированный тканью с выцветшим незнакомым орнаментом. Центр зала занимал треугольный резной стол, вероятно, пиршественный. Сомневаюсь, что в прошедшие двудесять лет за ним кто-то собирался, неуловимый оттенок неиспользованности шел от этой вещи, или от люка подачи в потолке, или от выцветшей драпировки... или я так решил потому, что в комнате не на чем было сидеть...

В Хампуране едят, располагаясь на низких узких диванах с высокими спинками и подголовиями. Столы там тоже сквозьрезные, хотя украшены другими орнаментами, и форму имеют также треугольную, ибо треугольник — символ Жемчужины. А вот жрецы Весенницы, хотя во многом походят на нас, используют, как слышал, квадратные столы. Квадрат — символ Зеленой звезды, знак Владычицы времени. Еще они не наносят «тонкий узор» на кожу головы, хотя также, как все цивилизованные люди, лишают ее волос.

Я никогда не видел их. Говорили, что Весеннице служат только женщины, так же, как Звездному огню — только мужчины. Говорили, что эти женщины из другого народа, некогда спасшегося бегством с древнего затонувшего острова, а то и прилетевшего с самой Зеленой звезды. Сейчас они обитают на другом острове, называемом Лальм. Наши святоши, конечно, с радостью подмяли бы их под себя, но, видать, руки коротки. Наверное, с затонувшего острова жрицы взяли с собой не только пожитки,

но и опасное древнее знание, и машины, удерживающие потенциальных противников на расстоянии.

Храмы Лальм уже сами по себе обросли древностью, настолько давно случилось переселение. И я не слышал ничего о мужчинах в тех краях. Однако служительницы неизменно, как и многими годами раньше, совершают ритуалы, и количество жриц, вроде бы, не убавляется. В Хампуране ходило немало грязных слухов на эту тему, и, кто знает, вполне возможно, какие-то их них на проверку окажутся правдивыми.

Почему я подумал о Лальм? Что-то в манере произносить слова, что-то во властном взгляде, в безэмоциональности женщины, говорившей со мной, а, возможно, что-то еще, пока не осознанное, наводило на мысли о связи ее со жрицами Владычицы времени. Или так глубоко врезалась в мою память Зеленая звезда, зависшая над противоположным концом пропасти, через которую мне так и не суждено было перебраться вслед за сургири, что теперь я на все вокруг буду смотреть под ее освещением?

Обойдя зал, я заглянул в единственное окно, узкое и высокое, имевшее ту же стрельчатую форму, что и арка. Прозрачный камень тонким слоем закрывал его, не позволяя своему горному ветру проникать вовнутрь. Похоже, оно прорублено в стене обрыва. За окном лежало ущелье, расширяющееся к югу, кое-где поросшее чахлыми кустиками. Трана говорил, раньше здесь повсюду был лес, но можно ли теперь доверять его словам? По дну ущелья в сезон дождей, наверное, текла быстрая речка, но сейчас, в самый разгар засухи, там виднелась лишь россыпь окатанных булыжников.

Коридор с гладким полом и стенами, закругленными к потолку, вел от окна плавно вниз, как бы обвивая помещение. По всему его протяжению из прозрачных трубок, проложенных на уровне головы, исходил дневной свет. Похожие светопроводы применялись и в наших домах, чтобы зря не тратить энергию стержней: солнечный свет собирался зеркалами и передавался вовнутрь. Таким образом, искусственное освещение можно было использовать только в последней, темной трети суток.

Коридор закончился, выведя меня в новый зал, украшенный множеством тонких резных колонн с изображением животных и растений, в основном, неизвестных мне. Насколько я мог судить, они ни разу не повторялись. Колонны располагались то поближе, то подальше одна от другой, но самое большое расстояние между ними оказалось настолько мало, что два человека плечом к плечу едва ли смогли бы пройти.

По контуру этот скульптурный лес огибала гладкая дорожка. Стены

вместо драпировки украшались сценами из жизни дикой природы: и морской, и сухопутной, и воздушной, и подземной. С большим увлечением рассматривал я барельефы, не углубляясь в колонный зал из опасения заплутать в нем. Наконец, я завершил полный круг и только тогда обратил внимание на короткий коридорчик, ведущий на балкон.

Как и окно этажом выше, здесь выход наружу был закрыт тонким слоем прозрачного камня. Я видел ступени, спускавшиеся до площадки, за ними — умело украшенную балюстраду; по внешней стене висела цепкая лоза горного плюща, разновидности томлина, умудряющейся выживать в местных суровых условиях — сейчас на нем набухали первые бутончики, готовые вот-вот разорваться мелкими ярко-алыми цветами. К осени созреют крепкие шипастые орешки, чью ароматную сердцевину ценят искусные повара, а также укротители панцирных скакунов — незаменимых и неутомимых ксенги.

Вдалеке, меж двумя плоскоголовыми горами, над которыми я сейчас возвышался, коричневым пятном лежала пустыня. Там восток. Если мне удалось правильно сориентироваться, немного левее, невидимый за вершиной, торчит утес Крепости Костей. Выходит, я совершил полный приключений круг, почти вернувшись к исходной точке.

Прозрачный камень не отодвигался, и я никак не мог сообразить, можно ли выбраться на балкон. Неслышно рядом появилась Армир, нажала на одну из деталей настенного барельефа — заслон отъехал в сторону, впуская порывистый ветер. Густые темно-коричневые волосы зашевелились на голове хозяйки подобно волнению высоких трав равнины, и я нашел, что это, конечно, дико и небрежно, однако красиво. Она поймала мой взгляд.

— Ты удивлен? Уже много лет не извожу их. Что за глупости. Я предоставила себя Владычице времени, а она восстановила форму баланса, присущую мне. Тебе не кажется, что так лучше?

Я чуть потянул, подбирая верные слова, чтобы не обидеть ее неучтивостью:

— Кто я такой, чтобы судить...

Она улыбнулась, едва заметно шевельнув углами губ:

— Ты — жрец Звездного огня.

— Бывший ученик, — уточнил я.

— Бывший, — согласилась она. — Теперь ты главный враг святош, Рожденный Пустыней.

— Пустыня не рождала меня, — мое плечо дернулось в жесте

отрицания. — Дсеба научил, как переждать время. Я закопался в бархан и отлеживался там, пока наследники не ушли. Они же ждут, оборачивая тридцатью число смерти...

Что-то похожее на тихий смешок донеслось до моего слуха:

— Переждать время? О, как многие пытались это сделать. Переждать время, направить время, повернуть время вспять. Многие хотели бы управлять временем. Но время все стирает в пыль. Неизменно.

— Трудно возразить, госпожа.

— Трудно, но хочется? — она посмотрела на меня странно, словно бы даже с некоторым вызовом. — Я была одной из них. Из этих напыщенных лысых дур с острова Лальм. Они служат Владычице времени. Зеленому шару, подобному Жемчужине, что восходит на наших небесах в сопровождении своего маленького спутника... Ты удивлен? Или знал это?

Я ответил осторожно и, одновременно, провокационно, желая заполучить побольше информации, при этом не показавшись профаном:

— Но разве Владычица не одно из тех небесных существ, что летают в океане пустоты вокруг нашего мира? О лальмийском культе, конечно, слышал. В народе бродят разные слухи о том, почему на острове нет мужчин...

Она промолчала, словно бы задумавшись, и сделала жест рукой, приглашая выйти-таки на балкон. Через три шага мы оказались у балюстрады. Армир положила локти на перила, уперлась кулаками в подбородок. Она смотрела на восток, в пустыню. Я подумал, что разговор окончен, когда она вдруг произнесла:

— Откуда берутся наши дочери? Ты это хочешь знать? Как это происходит — строжайшая тайна, ибо от нее зависит существование. Но знай, ни одна дочь Зеленой звезды не пачкается с мужчиной. Считай, что богиня дарует им детей. В этом, в общем, есть правда.

Солнце садилось, небо начало темнеть. Яркая горошина Весенницы уже горела прямо над нашими головами.

— Скоро уйдет за хозяином, — Армир кивнула на запад. — Никогда не отходит от него далеко. Ближе к солнцу только Рассветная. Она тоже как наша Жемчужина: тяжелый шар в тонкой обертке воздуха, несущийся по пустоте. Есть еще одна, Служанка, совсем рядом с солнцем, но ее так просто не разглядишь.

— Солнце у них хозяин? — я немного удивился. С детства нас учили, что весь мир вертится вокруг Жемчужины, даже звезды, но чем дальше по ступеням знания мне доводилось подняться, тем страннее это казалось.

— Становишься меньше, потеряв центр? — снова раздался легкий

смешок. — Как же вы, хампуранцы, привыкли думать, что находитесь в центре мироздания. А самый центр-центров, наверное, ваша главная Башня, величайшая среди прочих башен?

— Примерно так, — согласно хмыкнул я.

— Ты не дурак. У тебя свободное мышление.

— Поэтому я бегаю от наследников.

— Поэтому, да. Но не только.

— Скажи мне, Армир, — я рискнул впервые обратиться к ней по имени, но не увидел никакой особой реакции. — Ты посылала Трану за мной? Почему?

Она посмотрела прямо вовнутрь меня своими пронзительными черными глазами, сделавшись до неразличимости похожей на Нарт.

— Да, посылала. Я посылала его каждый раз, когда наследники гнали жертву. Каждый раз тщетно. Но я знала, однажды Рожденный Пустыней обманет глупых святош, и его надо будет перехватить.

— Для чего?

— Чтобы помочь. И не дать другим воспользоваться им. Тобой.

Становилось все темнее, потянуло холодом.

— Войдем в дом, — предложила Армир.

Мы вошли, и она замкнула за собой прозрачную стену.

— Как тебе нравится мой каменный лес?

— Прекрасные изображения.

— Их больше нет. Многих из них. Исчезли с кожи Жемчужины. Остались вот здесь. И в памяти храмов острова Лальм.

Святоши тоже собирали древности. Некоторые из них. В основном, всякие механизмы, то, что можно было использовать для людей или против людей. Или то, чем можно было бы людей пугать — например, кости анамибсов. Но были среди жрецов Звездного огня и настоящие ученые. Которые искали знания просто так. Ради знаний. Чтобы сохранить и научить. Но я не стал говорить Армир об этом.

— А что случилось с Траной? Почему он предал тебя?

Армир бросила на меня взгляд, которым можно было бы прожечь насквозь. Ого, какие у нас бывают эмоции... Надо поосторожнее впредь...

— Трана не предавал. Он служил мне в моем уединении. Ты видел его вдову, она принесла тебе пищу. Он был ее единственным мужем.

Я с непониманием посмотрел на нее.

— Но как же...

— Это не Трана. Трана умер. Они убили его сознание. Они хотели убить и Нарт, но Нарт сломала им зубы. Она победила в битве разума,

притворилась поверженной, спряталась и ударила неожиданно, когда враг думал, что все уже кончено — и никого не было рядом, чтобы помочь ему, ни самих сургири, ни их проклятых машин.

Так вот оно как. Еще одна сказка оказалась почти правдой. Сургири не пожирают мозг, они его захватывают. Но как? Разве голова — это крепость, в которую можно посадить свой гарнизон?

— А... Нарт... Она сейчас где?

— Здесь. Нарт моя дочь. Ты ведь заметил сходство?

— Слепой бы заметил.

— Ты еще поговоришь с ней. Позже. Она готовится к отъезду.

— Она уезжает?

— Уезжаешь ты.

На этих словах я опешил. Только что ведь решил, что получится отдышаться, отсидеться, собраться с силами и мыслями, спокойно поговорить с Полом, если он снова объявится...

— Я тоже поеду, — Армир по-своему поняла мое состояние. — И Нарт. Здесь нельзя задерживаться. Иные могут прийти в любой миг. Мы бессильны.

И тут я вспомнил, как с неба три огнелуча безуспешно пытались пробуравить скафандры сургири.

— Скажи мне, кто стрелял? Из трех выжигателей, с неба?

— Айбис.

— Птица?!

— У нее четыре руки.

— Но... Как ты управляешь ею?

Армир посмотрела на меня как на задавшего неуместный вопрос:

— Я не управляю. Мы решаем вместе.

— Она... Разумна?! — голова моя шла кругом от неожиданностей.

— Более, чем ты, — снова тихий смешок.

Показав следовать за собой, хозяйка Нагорной двинулась вглубь колонного зала. Я старался не отставать. Диковинные морды, хвосты, плавники, лапы, крылья, когти, цветы, стебли, плоды окружали меня, с удивительным мастерством вырезанные из твердого камня. Такой камень может стоять тридевятылетиями без единой царапинки. Сейчас по нему не режут, считается слишком неудобным материалом.

Среди колонн, оказалось, скрыты ступени. Вьющаяся лестница. Армир повела меня вниз, минуя несколько этажей. И вот мы ступили на темный холодный пол большого зала. В стенах горели круглые фонарики, пахло

металлом, смазкой, чем-то еще неприятным. Напоминало запах в механических мастерских Башен, где ремонтируют самокатные повозки, ктары, насосы и прочие машины, практически неизвестные за периметром стен, но более-менее широко применяемые в Хампуране.

Нос мой, привыкший раскладывать запахи так же, как уши раскладывают звуки, выделил еще один, смутно знакомый, которого никак не должно бы обнаружиться здесь... Так пахло в секретной мастерской жрецов Звездного огня, куда нас водили при инициации второй трети обучения.

Это был запах вирманы.

Пройдя за перегородку, закрывающую едва не половину зала, я увидел его. Огромную машину желтоватого металла, с высоким выпуклым лбом и круглым затылком. «Это кабина, — напомнил я себе, — в ней сидит управитель-наездник, и еще несколько человек могут влезть».

— Знаешь, что это? — с оттенком любопытства спросила моя спутница.

— Вирмана.

— Молодец, — любопытство, уже смешанное с одобрением, сильнее проявилось в голосе. — Умеешь им управлять?

— Нет. Только на словах, — нам показывали вирману, даже пустили посидеть внутри и рассказали, что делать, чтобы он летел, но попробовать никому не дали.

— Тогда не будем рисковать, поведу сама. Нарт!

Выпуклый лоб распался на три части, и нам предстала девушка. Конечно, я узнал ее, но казалось, она помолодела лет на десять. Движения ее были полны грации, в лице светился ум.

Легко она выпрыгнула из машины и подошла к нам. Темные волосы всколыхнулись и опали, и я снова заметил, что больше не испытываю брезгливости, свойственной нашему чванному хампуранскому обществу. Напротив, они мне нравятся, как и сама девушка.

— Ксената, — поприветствовала она меня без церемоний. Голос, в отличие от матери, ей достался мягкий, словно обволакивающий. От такого щекотится в груди.

— Нарт. Рад, что ты здорова.

— Я притворялась. Он мог понять. Тот, кто вселил отражение в Трану.

И тогда я задал вопрос, который мучил меня целый день. Я повернулся к Армир и спросил:

— Как они делают это?

— Как-то делают, — пожала плечами хозяйка Нагорной. — У всех свои тайны. Я знаю только выдавленное на пластинах. В храмах много золотых пластин, больших и тяжелых. Со старых времен. Очень старых времен...

— Расскажи!

— Ты знаешь, что твоим телом управляет то, что закрыто под черепом головы? Мы называем это «мозг»?

— Да, конечно.

— Представь себе невозможное. У тебя вынули мозг, у меня вынули мозг, тебе вложили мой, а мне — твой. Что будет?

Я пока не понимал, к чему она клонит, и предположил:

— Я начну видеть твоими глазами, а ты — моими?

— Нет, мы умрем, — сухо усмехнулась она. — Потому что тридевять по тридевять тонких канальчиков не совпадут. Но если бы совпали, ты оказался бы прав. Мы не можем пересадить мозг, чтобы он оживил тело, и хирурги не могут. Что же делать?

Я пожал плечами, совершенно не представляя себе, что.

— Ты знаешь, почему твое тело слушается тебя? Что делает мозг, чтобы ты поднял ногу или пошевелил пальцем? — продолжала она.

Легкость вопроса слегка удивила меня:

— Мозг командует. Управляет.

— А как он это делает?

Я задумался. Действительно, как? Ведь не палкой же. И не током крови. Должно быть что-то быстрое, мгновенное...

— Молнии, — ошеломила меня Армир.

— Что?

— Молнии. Много маленьких незаметных молний постоянно бегают между кончиками тонких чувствительных усиков памяти, связывая их друг с другом то так, то иначе. Мозг отправляет такие молнии по каналам сети, подобной кровеносной, но течет в ней не кровь, а невидимый огонь, и команда летит мгновенно. Ты не узришь этого огня и не почувствуешь его, даже если рассечешь тело и попытаешься найти, настолько он слаб. Но его достаточно, чтобы передать приказ. Молния приходит в твои мышцы, они сжимаются или разжимаются. Так происходит движение.

Действительно, как просто. И... похоже на правду. Неужели святоши не знают об этом? Или обучают этому только на более поздних ступенях посвящения? Мне надо как можно дольше оставаться рядом с Армир, она — великий ученый, она сможет научить меня многому!

Видя, что я молчу, и решив, что понимаю, она перешла к следующему

шагу:

— А как ты думаешь, почему мы помним? Почему что-то мы помним долго, что-то забываем сразу, что-то помним хорошо, что-то плохо? Но иногда бывает, что совсем забытое выскакивает из глубины со всей яркостью, как будто только что произошло? Ты знаешь, почему так?

Я отрицательно дернул плечом. Она продолжила:

— Это потому, что в мозгу есть свои золотые пластины, в которых вдавлен рассказ обо всем произошедшем. Только они не золотые, они маленькие и легкие. И они совсем не пластины. Это те самые усики, между которыми проскакивают молнии. В каждом хранится много-много всего, и совсем не в том порядке, как в наших стопках пластин. Но чтобы понять, достаточно представить хранилище пластин. Представляешь?

Увидев мой кивок, она в ответ удовлетворенно кивнула:

— Отлично. Но есть еще голос. Кто-то вошел в хранилище, крикнул что-то, и его слова слышны до тех пор, пока звучат. Если есть эхо, звучат дольше. Если кто-то пересказывает их, передавая по цепочке, звучат еще дольше, но могут исказиться. Чем отличается такая память от пластин?

— Ну... Если перестать повторять голосом, все сказанное потеряется... А с пластин разве только Владычица времени сотрет... Нескоро.

— Ты понимаешь быстро, — Армир снова удовлетворенно кивнула. — А теперь пойми главное. Наше сознание — вовсе не нечто загадочное и непознаваемое. Это вся общность маленьких молний, тридевяť по тридевяť по тридевяť и еще больше, живущих в нашем мозгу. Они кажутся беспорядочными, но в них есть строгий порядок. Поэтому, если тебя спросить о твоём имени, твой мозг, получив сигнал-молнию из ушей, вбросит его в копошащиеся молнии твоего сознания, и оттуда придет один и тот же ответ, неизменно один и тот же, когда бы тебя ни спросили. Он побежит молнией к мышцам твоего языка и гортани, и ты произнесешь: «Ксената».

«Или Пол, — мелькнула во мне мысль, — пример не очень удачный, но я понял».

— А если спросят меня, я скажу, что меня зовут Армир. Как бы ни копошились молнии в моей голове, это всегда мои молнии, мое сознание, которое знает, что на этот вопрос надо ответить: «меня зовут Армир». Это очень подвижная, изменчивая, но, при том, постоянная картина. Понимаешь?

Я согласно кивнул.

— Тогда слушай дальше. Молнии в воздухе не возникают из ниоткуда.

У них есть невидимые источники. Невидимые для нас. И молнии, вспыхнув, могут родить другие молнии, даже далеко от себя. Я показала бы тебе, но некогда. Представь. Если взять прут из металла, согнуть его в круг, но так, чтобы концы не касались друг друга, то в грозу там могут проскакивать искры. Маленькие молнии. Намного сильнее, чем в мозгу, но такие же по роду. Каждый раз, когда рядом ударит молния, между концами прута будет проскакивать искра. Это потому, что молния передает себя во все стороны, но только там, где ее готовы принять, она возрождается.

Это было уже куда труднее понять и представить, но я отложил разбор на потом. Сейчас нужно дождаться сути. Что-то подсказывало мне, что если я упущу шанс, другого может и не представиться.

— Наш мозг живет маленькими незаметными молниями. Но это молнии. Он их производит и готов принимать. Если подобрать похожие молнии, приложить в наш мозг другое сознание, даже просто поместить его рядом, это сознание начнет проявляться в нас. Сила наших молний настолько мала, и так трудно совпасть в устройстве мозга, во всех этих маленьких усиках, что обычно одно сознание на другое не влияет. Редко появляются люди, читающие мысли других, видящие образы от других, передающие свои мысли другим. Еще реже — люди, умеющие управлять другими, внушать им, пробивать сопротивление сознания или обманывать его, заставляя что-то делать, заставляя вспомнить ненастоящее или забыть настоящее. Такой человек может родиться раз в тридцать лет и так и не научиться использовать свою способность. Поэтому древние придумали механизм, машину. Эта машина создавала сложные молнии, она читала человека, как мы читаем пластины, и то, что происходило внутри головы одного, передавала в голову другого, а обратно читала и передавала то, что складывалось в голове второго после добавления первого.

Я слушал внимательно, не прерывая, но больше старался запомнить, чем понять. Арнир, кажется, заметила это, но прерываться не захотела:

— Они научились делать так, что один человек мог управлять вторым с помощью этой машины. Он мог видеть, что происходит внутри другого, влиять на него и наблюдать изменения, не меняясь сам. Если так делать долго, если иметь опыт, можно быстро прочитать прошлое человека и рассказать другим. Можно поместить свое отражение в голову человека и отбрасывать его собственное сознание, при этом постоянно читая его память как открытые пластины. И если вынуть человека из машины, он будет еще находиться под влиянием. Какое-то время. Недолго.

— Но как же им удалось... Ведь Трана несколько дней...

— Вспомни, что я говорила о пластинах, в которых выдавлены знаки

памяти. В мозгу это усики, связанные молниями. Мозг растит новые усики и, если нужно, убивает старые. Он делает это медленно. Обычно, медленно. Если долго держать человека под машиной, под отражением другого человека, мозг начинает строить новую картину памяти, новую личность. Он как бы покрывается пленкой, отделяющей память старой личности от молний нового сознания, и старое сознание, смешанное с новым, постепенно вытесняется совсем, умирает.

— Так вот что случилось с Траной! — озарило меня.

— Да. Его разум умер. Айбис принесла тело. Если бы даже у меня была эта машина, и я попыталась бы вернуть ему волю, ничего бы не получилось. У меня было бы зеркало, но не было бы сознания Траны. А само оно не смогло прорасти обратно, чтобы занять пустоту после ухода Иного, после ухода отражения сургири, не смогло воскреснуть из старых засохших зерен, оставшихся в мозгу.

— А... Нарт? Как ей удалось? — я посмотрел на девушку новыми глазами, глазами, полными восхищения.

— Нарт сильная. И она дочь жрицы Весенницы. Бывшей жрицы, но... Ее не так просто сломить. И она не только отбилась, поддавшись для вида, но и сумела обмануть их, сбежать и вернуться ко мне с новостями.

Полный чувств, которые не посчитал нужным рассеивать, я пал на колени и поцеловал полы их одежды. Рука, ведущая по жизни, оказывается, не просто швыряла меня из потока в поток, из огня в огонь, но вела к этой встрече с двумя величайшими женщинами, открывшими мне то, до чего я шел бы еще девятки лет в пропитанном спесью и лицемерием, жадностью и глупостью учебном зале храма Звездного огня.

— Встань, Ксената, — голос Нарт журчал как ручеек. А я ведь еще так недавно думал, что она немая и слабоумная... — Нам пора лететь. Забирайся назад.

Я взобрался по короткому крылу в самый конец кабины и втиснулся в узкое кресло. Рядом со мной разместились худенькая вдова Траны; я и не заметил, как она подошла. Две владелицы Нагорной, мать и дочь, уселись впереди, и крышка кабины захлопнулась над нами. Оказалось, она прозрачна изнутри.

Стена зала отъехала в сторону. Вирмана задрожал, загрохотал и чуть приподнялся, опираясь на воздух. Мелкие предметы, в спешке разбросанные вокруг, закрутило в вихревых потоках и отшвырнуло прочь. Машина медленно поползла к черному провалу уже распахнутых ворот, вдруг взревела стадом перепуганных валаборов, и со стремительностью, отнюдь валабору не свойственной, вылетела наружу.

Чуть-чуть провалившись на выходе, мы быстро набрали высоту и ушли в звездное небо. Краем глаза я успел заметить, что ворота закрылись, слившись с каменной стеной, и ущелье погрузилось во мрак.

Вирмана трясся и гудел, грохотал и скрипел; даже при большом желании невозможно было бы расслышать крик рядом. Хорошо, что перед началом пути в уши вставили затычки, а то бы я оглох. За машиной вырос короткий огненный хвост, а крылья расширились, подавшись в стороны. Мы перестали подниматься и летели, оглашая окрестности страшным воем, рассказавшим всему этому краю, что сегодня в темной трети суток какое-то небесное чудовище отправилось на юг.

Пролетев не так уж и долго, мы оставили землю за спиной. Теперь под нами, поблескивая в свете Вестника и звезд, играло белым металлом море. И тогда вирмана повернул на северо-восток, а я, кажется, понял план. Они заматают следы. Даже в воздухе. Если опросить всех жителей страны, над которой мы прошумели, они ответят: «Да-да, небесный зверь неся на юг, как угорелый». А море ничего не скажет. Парящие же ночью... Едва ли.

Теперь время текло неспешно. Ныли и дрожали зубы и кости. Грохот, казалось, выламывает уши изнутри. Но не успела полоска рассвета украсить горизонт, как шум нашей машины изменился. Я глянул сквозь прозрачную кабину — снижаемся. Рев перешел в низкий гул, вирмана медленно опустился, слегка покачиваясь, завис над камнями. Затем он прокрался совсем низко над землей прочь от моря, втиснулся между какими-то скалами, слегка тюкнулся носом, сел на днище и умолк.

Тишина.

Она ворвалась так стремительно, что я подумал, будто оглох.

И вытащил затычки из ушей.

Все равно тихо. Как тогда, под песком.

Но нет. С глухим скрипом раскрылась кабина, запах смазки и прочей дряни покинул ее, вытесняясь морским соленым ветром и еще таким знакомым, почти родным... Да, это он. Запах пустыни.

— Сели, — хрипло сообщила Арнир.

— Где мы? — так же хрипло осведомился я. Видимо, что-то в воздухе кабины действовало на голос.

— Восточный берег моря Гем. Здесь нас не будут искать.

— Кто? Иные?

— Сургири? И они. Никто. Но пока спрячемся. До следующей ночи. Мало ли, шальной парящий...

Три женщины сдвинули заднюю крышку кабины и достали оттуда

здоровенный сверток, оказавшийся чем-то средним между сеткой и тканью. Молча сунув мне в руки один угол, Нарт взялась за второй, и мы натянули эту штуку поверх вирманы. Арнир с помощью служанки, вдовы Траны, закидала края сетки песком и набросала немного поверх.

— Ветром не занесет? Барханы движутся... — предупредил я.

— Не в эту сторону, — ответила мне Нарт. — Мы знаем ветра, живущие здесь.

Материала, которым мы укрыли машину, хватило и на то, чтобы соорудить небольшой тент, слившийся с камнем. Под прямые лучи солнца он мог попасть только в первой половине дня, а потом скала скрыла бы его.

Смертельно уставшие, мы забрались туда, сделали несколько глотков из большой металлической фляги и заснули чуть ли не вповалку на брошенных кое-как циновках.

* * *

Жара разбудила меня. Маскировочный тент нагрелся, и задолго до полудня под ним стало совершенно невыносимо. Неподвижный воздух с неохотой наполнял грудь, каждый выдох словно бы добавлял духоты.

Вокруг никого не оказалось, я был один. Вареный, кое-как выполз из-под приподнятого уже кем-то полога и сощурился от яркого света. К жару добавилась сковорода солнечного огня, а дышалось снаружи не легче, чем внутри. Незащищенную кожу словно облепили кусачие медузы, и я поспешил спрятаться обратно в тень, радуясь, что смугл от природы, а иначе получить бы мне ожог.

Горло пересохло, но знакомой металлической фляги рядом не обнаружилось, как и какой-нибудь другой емкости с водой. Придется, все-таки, вылезать и искать женщин, не могли же они уйти далеко от вирманы.

Руководствуясь этим предположением, я успокоил сердце и дыхание, ввел себя в медлительный ритм зноя, стараясь следовать внешней силе. Неторопливыми движениями снял нижнюю одежду и обмотал голову так, чтобы защитить ее от перегрева и ожога, а, заодно, прикрыть шею и, по возможности, лицо.

В культурном образе жизни есть свои недостатки. Только попав в дикие земли, столкнувшись с суровой реальностью природы, начинаешь осознавать, почему местные жители не изводят волосы и не гнушаются носить на затылках плетеные шляпы.

Местные жители... О, нет. В те края, куда занесло нас, «местные

жители» даже в своих шляпах ходить избегают. Горцы вообще не спускаются с отрогов, сомневаюсь, что за последние двенадцать лет кому-нибудь, кроме Траны, взбрело в голову добраться хотя бы до Крепости Костей. А кочевники пустыни... Их редко кто встречает. Говорят, какие-то дикари все еще селятся в малых оазисах или бродят по окраинам песков, нападая на чужие стада, но сам я ни разу их не видел, и не видел никого, кто бы видел. Возможно, это просто выдумки.

Вторая попытка вылезти из укрытия далась мне несравненно легче первой. Сказалась предварительная подготовка сознания и тела, да и обмотка на голове, конечно, помогла — раскаленный молот солнца лупил теперь не прямо по черепу, поджаривая мозг, а смягчался тканью и, главное, воздушной прослойкой между материалом и головой. Этот способ предохранения себя от перегрева или переохлаждения дали мне не жрецы Звездного огня, а личный опыт. Если разобраться, святоши, со всей их сокровищницей Тайных Знаний, научили меня за двенадцать оборотов меньшему, чем я познал сам или получил за девятину дня от Армир. За девятину дня! Вот так вот. Зато священных гимнов зазубрить пришлось немеряно. Они превратили обучение в подражание, мудрость — в умствование, науку — в схоластику. Они выродились, и если теперь вдруг древнее знание действительно попадется им в руки, они не способны будут его ни понять, ни даже удержать. Так может произойти настоящая катастрофа.

Оглядевшись, и никого не обнаружив в поле видимости, я присел в тень скалы. Мне вспомнились сургири. Здесь их, конечно, быть не может, ведь пещер в окрестностях нет. Но само появление Иных в мире людей — тревожный знак. Я отметил, с какой легкостью они пользовались выжигателями, как их одежда, которую Пол назвал «скафандры», выдерживала удар огнелуча. Я вновь увидел огромные глаза и прижатые к головам уши — если верить Полу, они тоже были не естественными органами чувств, а устройствами, чем-то вроде нашего дальнозора, только позволяющими не приблизить далекое, а видеть без света и слышать едва различимые звуки в тишине. Что если целые армии сургири стоят на границе земли и ждут только сигнала к началу вторжения? Что им противопоставят наши жалкие святоши? Девятку вирманов? Обленившихся от сытой жизни наследников? Городскую стражу? Или обратят свои мольбы к Вестнику, чтобы тот явил нам сокровище на нем? Что там может быть? Огненные стрелы, переносящие людей с одного берега небесной пустоты на другой? Семена ядовитых грибов, что вырастают выше самых

высоких гор и сжигают невидимыми спорами все, что оказалось рядом? Режущие лучи-невидимки, способные рассеять вирману на лету? Они будут рассказывать атакующим Иным эти сказки, предназначенные для дремучего народа?

Я поднял глаза и посмотрел в сторону моря в тщетной надежде увидеть его. Отсюда далековато, не разглядеть: две трети от девятины дня пешего пути или около того. Сначала начнется соль, потом ее станет больше, потом пойдешь по голой соли, пока, наконец, не ступишь в теплое мелководье.

Море...

Когда-то я жил на его берегу и любил поплавать. Правда, не на западном. На восточном.

Западное побережье моря Гем — то, где сидел я этим жарким полднем — мертво. Его убила пустыня: иссушила ветром, занесла песком. Ни растений, ни животных, ни людей. Кроме нас.

Вспомнив о спутницах, я раскрыл успевшие смежиться веки и обнаружил стоящую прямо перед собой Нарт. Она улыбалась.

— Думала, еще спишь...

Я хмыкнул:

— Довольно непросто спать в печи, прекрасная Нарт.

— С каких пор я стала для тебя прекрасной, мудрый Ксената? — она чуть склонила голову на бок.

— Почти сразу, — честно признался я.

— Тебе нравятся мычащие, глупые, грязные, неуклюжие женщины, обладающие силой мужчины, к тому же, с неудаленными волосами?

— Нет. Мне понравились твои глаза. И как ты пыталась быть осторожной, хотя руки тебя не слушались. А волосы... Может быть, они даже красивы?

— Да ну?! — звонко рассмеялась Нарт. — Варварские обычаи начали проникать под эту священную кожу, украшенную Тонким Узором?

Она кивком указала на мою гладкую голову.

— Главное, что у человека внутри, — серьезно ответил я, не поддерживая ее веселости.

— Внутреннее проступает наружу, — словно испытывая меня, возразила она.

— Придает оттенок наружному, — уточнил я. — Грязь можно отмыть, но нельзя изменить черт лица, с которыми родился, если только не изуродовать их. Однако, если человек красив изнутри, это проступит через внешнее уродство и может быть обнаружено. Так же и наоборот, красавец

будет отталкивать тем, что поднимается из его сознания и отражается на лице, если сознание уродливо.

— Ты хочешь сказать, что я уродлива, Ксената? — она играла со мной, расставляя ловушки. Как давно я не участвовал в подобных играх...

— Я не хотел сказать, но теперь скажу, что ты красива и внешне, и внутренне, хоть и дикарка. И ты об этом знаешь. А вот что я действительно хотел, так это поблагодарить тебя. Если бы ты не одолела сургири, вторгшегося в твой мозг...

Она быстро накрыла мой рот ладонью. Черные глаза смотрели прямо в мои, в упор.

— Не говори лишних слов. И не думай лишнего. Знай, нам предстоит расстаться. И мы больше не увидимся. Никогда. Не позволяй чувству, которое не сможешь прокормить, вырасти внутри себя. Иначе оно выгрызет тебя изнутри безнадежностью, ломает твою суть и подчинит ложным целям.

Я взял ее за запястье двумя пальцами и мягко снял руку со своего рта.

— Ты не можешь знать будущего, мудрая Нарт.

— Ты не знаешь, чего я не могу, прекрасный Ксената, — смешком завершила она этот странных разговор. — Пойдем, я пришла за тобой, нас ждут.

— Куда?

— В убежище. Заранее подготовили его, еще давно.

— А вирмана?

— Потом перегоним поближе. Или не будем. Пока не решили. Вот, обмотай ноги, твоя обувь не годится для пустыни. Сумеешь?

Она бросила к моим ногам сверток каких-то цветастых тряпок. Это верно. Как-то я не сообразил сам. Сандалии, полученные от Армир еще в Нагорной, никак не подходили для ходьбы по раскаленному сыпучему песку.

Мы вышли из тени под безжалостно палящее солнце и, проваливаясь выше щиколоток, побрели на север, к невысоким красным скалам, словно набросанным в кучу неведомой рукой и возвышавшимся над барханами.

Наша цель была уже совсем рядом, как вдруг я заметил сизое облако, быстро растущее над горизонтом на востоке, там, где лежало невидимое отсюда море Гем. Я тронул Нарт за плечо, она остановилась и обернулась ко мне.

— Что это? — спросил я, махнув рукой в сторону облака.

Нарт нахмурилась и тройку мгновений не отвечала, вглядываясь вдаль, затем лицо ее прояснилось и, одновременно, погрузнело.

— Нас уже ищут, они разрушили Нагорную. Мама расстроится. Ее любимый колонный зал. Он был такой красивый... — глубокая печаль отразилась в глазах Нарт, вдруг сменившись удивлением. — Ты тоже видишь? Миражи?

— Что? Какие миражи? Ну, да, вижу миражи... — я сделал недоумевающий жест рукой и перешел к тому, что посчитал более важным: — А откуда ты знаешь, что происходит в Нагорной?

— Понятно, — с видимым успокоением выдохнула она. — Пойдем. Жарко.

И, не говоря больше ни слова, развернулась и пошла к скалам. Мне не оставалось ничего другого, кроме как отправиться следом. Глядя на плавные движения ее гибкого тела, я изо всех сил старался «не позволять чувству, которое не смогу прокормить, вырасти внутри меня» — как-то так она сказала? Вот именно это я безуспешно пытался себе не позволять: с почти слышимым стоном отвел глаза от ее спины и вспомнил о темной полосе над горизонтом. Теперь этой полосы уже не было. Наверное, действительно, мираж. Как и моя жизнь. Кажется, будто что-то начинает наклеиваться, но, как всегда, только кажется. И понесет меня опять дальше шариком перекасти-поля. «И мы больше не увидимся. Никогда» — так сказала эта девушка с черными глазами, и, наверное, она права.

Беда в том, что я, похоже, в этих глазах уже давно утонул. Смогу ли жить без них?

Под скалами нас встретила вдова Траны. До сих пор никто не сказал мне ее имени, ни одного слова не сорвалось с ее губ. Маленькая сухая женщина из горского племени напоминала ожившую скульптуру скорби, однако безукоризненно выполняла обязанности молчаливой и верной служанки Армир.

Между скалами было сооружено укрытие: что-то вроде большой укрепленной землянки с несколькими выходами и хитрой системой вентиляции, охлаждающей воздух. Я так и не понял, когда и зачем ее построили. И кто это сделал. Меня беспокоила мысль, что если в этом участвовал Трана, сургири могли знать об убежище, ведь они получили доступ к его памяти, когда подавили сознание. Я поделился сомнениями с Армир, но та отмахнулась. То ли Трана не участвовал, то ли эта часть памяти была гарантированно недоступна, то ли у нас не было другого выхода — она не стала объяснять. Вероятно, новость о разрушении дома сильно ударила по бывшей госпоже Нагорной.

А меня интересовало, как они узнали о нападении сургири. Отсюда до

Крепости Костей — несколько дневных переходов. Вирмана не летал, он так и лежит, запеленатый в скрывающую сеть. Песок уже начал заносить его, потом придется откапывать. Кто же мог сообщить?

И я развел руками от осознания собственной недогадливости. Конечно, Айбис, мурикси, птица-криворог, похожая на огромную летающую медузу, умеющая скрываться практически до невидимости, обладающая ночным зрением, способная тащить на себе двух мужчин и, как оказалось, одновременно стрелять из трех выжигателей. Разумеется, она осталась в горах над гипсовыми гротами, которых я так и не увидел — наблюдать, следить за судьбой Нагорной и, вообще, за вылазками сургири.

— Госпожа, — обратился я к Армир и замолчал, видя, что она не слышит меня.

Мы сидели на затейливо сплетенной циновке в прохладе убежища. Остальные женщины возились в дальнем углу, занимаясь готовкой. Дразнящий запах доносился оттуда, разжигая голод.

— Госпожа... — повторил я чуть позже.

Она словно бы очнулась и вопросительно глянула на меня.

— Госпожа, мне жаль, что сургири разрушили Нагорную. Я хочу выразить искреннее сочувствие. Мне понравилось там.

— Сургири? — как-то странно, словно бы едва слышно вскрикнув, ответила она. — Сургири... — повторила уже обычным своим бесцветным голосом. — Нет, Иные спали в тот день. Это были люди помещника. Они напали и разломали все, до чего смогли дотянуться. Вершина обрушилась им на головы. Они слишком глупы даже для того, чтобы ломать.

— Люди помещника? Им-то зачем? — недоумение не могло не отразиться на моем лице.

— Ты удивлен, — отметила она. — А, как думаешь, кто похитил вас в опочивальне Мерсерты? Когда вы шли по пещерам?

— Опочивальня? — я попытался сообразить. На нас напали в каком-то гроте, да, там были ниши в стенах, вырезаны какие-то чудища в колоннах... Да, это, наверное, и есть...

— Мерсерту похоронили в пещерах, не важно. Маленький зал с двумя колоннами-стражами. Похожи на те, что ты видел у меня. Нарт сбежала тогда.

— Да-да, я понял и вспомнил. Бандиты. Они должны были нас кому-то продать...

— Вот именно, — Армир отвернулась от меня, глядя на то, как женщины возятся у огня.

— Так это был помещник? Он нанял банду? Но почему... И как он узнал... Чего он хотел?

— Много вопросов. Если бы я знала ответы на все, — не поворачиваясь, произнесла Армир.

— Ответь на то, что знаешь, госпожа.

— Прекрати называть меня госпожой, ты такой же господин, как и я, Ксената. Я давно не служу Владычице, а ты не служишь Звездному огню. Я отвечу. Поместник нанял банду, чтобы святоши не подумали на него, если все вскроется. Он хотел перебить бандитов и отобрать пленников силой. Но он не знал, кто из вас рожден пустыней, поэтому наемники пытались захватить всех живыми. Он не связывал жертву с появлением Рожденного, иначе захватили бы только тебя. И я не имею понятия, зачем ему ты. Поместник ведет какую-то свою игру с жрецами? Может быть, это заговор координаторов против святош? Я слишком далека от вашей хампуранской политики, чтобы разбираться в тенях, падающих от разных Башен. Как он узнал? И это для меня тайна.

Некоторое время мы молчали. Было слышно, как постукивают палочками в дальнем углу, смешивая растертые в ступках плоды и мелко порубленное мясо.

— Скажи... — слово «госпожа» застряло в моем горле, — это Айбис сообщила тебе о разрушении Нагорной?

— Айбис? — удивилась Армир. — Ее там нет. Она улетела... в другое место, по другому делу.

— Но как же...

Из дальнего угла раздался отчетливый смешок, и голос Нарт зазвенел издевкой:

— Ты не поверил мне, мудрый Ксената? Не поверил, что я вижу в миражах правду?

Мне стало жарко. Наверное, от духоты. Все-таки, несмотря на то, что убежище выкопано достаточно глубоким и сверху еще привалено песком, несмотря на извилистую систему вентиляционных труб, о которой мне поведала Нарт перед тем, как заняться приготовлением еды, здесь было душновато.

— Что ты сказала ему? — голос Армир не выражал эмоций, и я не понял, что кроется за этим вопросом.

— Что разрушили Нагорную. И спросила, видит ли он миражи.

— Он видит, но не смотрит.

— Да. Но зато он очень много думает, — донесся новый смешок.

— Это не порок, дитя. Когда надо, он действует. Разумно.

— Разве я спорю, мам? — охотно, даже как-то слишком охотно согласилась Нарт. — А давайте поедим? Зарбат, помоги мне.

«Так вот как ее зовут, Зарбат...» — отметил я про себя.

Две женщины тем временем взялись с двух сторон за широкий трапезный столик, перенесли его к нам и уселись рядом. Ополоснув руки в закисленной воде мы приступили к долгожданному обеду, и все разговоры стихли.

«Ксената! Ты нашел Лиен?» — едва успел я удовлетвориться едой, показавшейся невероятно вкусной и, возможно, такой и бывшей даже без учета того, что мой живот сводило от голода. Это Пол. Удивительно, но я обрадовался.

«Кто такая Лиен? — решил, наконец-то, разобраться я, — Она — жрица Весенницы, Владычицы времени?»

«Я не знаю, чья она жрица, — в голосе Пола проявилась нетерпеливость, — вполне возможно, что и времени, мы-то с тобой из разных времен. Ты должен ее найти прежде, чем ее убьют, иначе связь разорвется и все, к чему мы шли, погибнет. Кстати, ты мне не объяснишь, к чему мы идем?»

Вот так дела. Я должен объяснить Полу, с какой целью он заставляет меня искать эту Лиен?

«Пол, я думал, ты объяснишь мне...»

«Нет, все затеяли вы с Лиен. Ты к ней пришел, что-то рассказал, и вы приняли решение открыть канал, потом я попал в твое тело. Дальше было много чего... Почему-то ты этого не помнишь... Короче, Лиен была здесь, но потом пропала...»

На середине фразы пропал и Пол. Вернее, пропал его голос из моей головы. Что ж. Буду ждать. Похоже, я начинаю привыкать. Кстати... Ведь Армир может знать, что это за голос. Что происходит со мной. Только надо быть осторожным, чтобы не перепугать ее. Ей во всем мерещатся Иные, а, я был полностью уверен в этом, Пол никак не связан с сургири и их машинами по захвату сознаний.

Трапеза тем временем закончилась, мы вновь умылись, насколько смогли в походных условиях. Нарт и Зарбат отправились на поверхность, не объяснив зачем. И я, пользуясь их отсутствием, решился-таки обратиться с сокровенным к бывшей хозяйке Нагорной, бывшей жрице Зеленой звезды, но она меня опередила.

— Я расскажу тебе о миражах.

Это настолько заинтересовало меня, что я решил отложить то, о чем

собирался поговорить сам.

— В миражах даже обычный взгляд может иногда различить вещи, иначе ему недоступные. Город на другом конце Жемчужины или события давних времен. Трана, когда еще ходил в пустыню, рассказывал о своих миражах. Один из них был о битве, что произошла в тех краях, когда они еще не были пустыней. Трана не знал, кто бился и с кем, но он смог опознать очертания гор. Крепость баальбетов еще не возвышалась над утесом Костей, да и самих костей еще не было под утесом. Эта битва случилась во времена настолько давние, что некому было донести память о ней до потомков. Некому. Кроме миража.

— Но ведь не такой мираж подсказал Нарт, что Нагорная разрушена? Я тоже смотрел на горизонт, но видел только быстро растущее сизое облако...

— Не такой, — согласно кивнула Армир. — Хотя и тот же самый. Нарт умеет смотреть и видеть.

— Ты научишь меня?

— Этому учат жриц Весенницы, — мне показалось, что губы Армир дрогнули улыбкой. — Говорят, только женщины способны на такое. Еще они говорят, женщина, испачканная мужчиной, теряет способность концентрации внимания.

— Это правда?

— Это сказки для молоденьких жриц. Чтобы осознавали свою особенность и гордились высшим предназначением. Но многие старшие тоже верят в это. Если долго повторять глупость, чтобы убеждать других, можно убедить себя.

— Значит, я тоже смогу?

— Это зависит от твоих способностей и упорства. Как в любом деле. Но у нас слишком мало времени.

— Почему? — я не смог скрыть удивления. Мне казалось, что мы решили отсидеться тут.

— Хотя бы потому, что здесь не так много запасов. Нам нужна еда и вода, — она ответила, но мне показалось, уклонилась от ответа. — Но мы попробуем. Прямо сейчас. Скоро закат, удобное время для начинающих.

— Разве миражи бывают на закате?

Армир спокойно посмотрела на меня:

— Миражи есть всегда.

— Пол, ты видел когда-нибудь мираж?

— Спросила бы лучше, бывал ли я когда-нибудь в пустыне...

— А я видела... Несколько раз.

Мы заглушили мотор, чтобы послушать тишину. Штиль, на солнце градусов тридцать, но если свесить руку за борт, вода приятно холодит. Она прогрелась только в самом верхнем слое, стоит сунуться поглубже — леденющая. Не случайно океан до сих пор называют Северным Ледовитым, хотя собственно льды в нем появляются только зимой.

Катя сидела на носу и болтала в воде босыми ногами. На ней были коротенькие штанишки и легкая футболка. Я загорал, нагишом фривольно развалившись поперек лодки, после остановки двигателя превращенной мною в невысокий плотик.

— На стажировке, — продолжала Катя. — Нас гоняли в разных условиях. Общая подготовка младшего командного состава, умение принимать правильные решения в любой обстановке, все такое. Тренажеры-тренажерами, понимаешь, а натура...

Она потянулась, красиво выгнувшись в спине. Но мне против солнца смотреть неудобно, так что эта стрела пролетела мимо цели. Почти мимо.

— Натура, она правит миром, — зевнув, Катя пересела внутрь лодки, скрестила ноги и не забыла брызнуть с ладошки мне на грудь.

— Мираж — не натура, а иллюзия, — лениво заметил я.

— Я про пустыню, глупый доктор Джефферсон. Пустыня была натуральная. Мираж, кстати, тоже. Не наша стереопроекции, а природная.

— Натуралистка ты моя...

— Да ну тебя, Пол. Слушай. Однажды это были фламинго. Целая стая. Их ноги казались такими длинными и раздваивались... мы сначала решили, что там не птицы, а антилопы.

— Я читал о таком же случае. Только это была давно. В восемнадцатом, что ли, веке...

— Вот и у нас так же получилось, значит. Еще горы видели. Представляешь, пустыня, глинистая, как-то называется это...

— Такыр?

— Да, кажется, такыры, вся земля в трещинах. А на горизонте горы. Только мы по карте-то видим, что гор там нет. А вообще, Пол, ты должен бы знать, что миражи бывают не только в пустыне.

— Ну, я знаю, вообще-то... Над морем бывают. На море я, просто, бывал реже, чем в пустыне, если не считать Ганимеда и Марса. Но на Ганимеде с миражами тухло, если только собственная рука двоиться начнет, когда напряжешься, чтоб ее разглядеть... а на Марсе, вроде,

случаются, но мне не везло.

— Может, сегодня увидим. Жаркий день, а вода холодная. Вдруг повезет.

— Вдруг, — согласился я, почти засыпая.

— Пол, прикройся, обгоришь, — строго потребовала Катя.

— Да ладно... Север же...

— Северный загар сильнее. Здесь ультрафиолет жестче. Объяснить, почему?

Вот так и вижу ее глаза с прищуром. Хотя сидит в контрсвет. Хотя мои глаза закрыты. Все равно вижу. Потому что живу с этой женщиной уже давно и потому что безумно ее люблю.

Не дождавшись реакции, Катя Старофф, лидер-инспектор Комитета Контроля, собственноручно набросила на меня какую-то тряпку из числа взятых с собой в круиз. Наш круизер тем временем покачивался на мелкой волнишке, чуть слышно чавкающей под днищем.

— Как думаешь, Пол, прошлое изменяемо?

Мы уже не в первый раз подходили к этому вопросу с разных сторон, поглядывали на него искоса. Похоже, настала пора задать его в лоб, к чему бы это ни привело. Молодец, Катя.

— Что ты молчишь? — в ее голосе легкое нетерпение.

— Я думаю.

— О чем?

— С чего начать. Точнее, к чему вернуться, чтобы начать заново...

— Ну, и?

— Мы являемся плодом прошлого. Вся совокупность событий так или иначе отразилась в мире, в котором мы живем сейчас. И в нас. Время течет в одну сторону. Мы не можем вернуться в прошлое, чтобы что-то там изменить. А если бы смогли, возникло бы противоречие, парадокс. В самом деле, как бы мы могли повлиять на то, что нас создало, ведь тогда бы мы были другими или вообще не родились. Но кто тогда отправился бы в прошлое, чтобы его изменить? Мы из прошлого, которого больше нет? Что-то вроде бесконечного цикла, не имеющего выхода. На курсе программирования это называли зацикливанием или, ближе к нашему случаю, бесконечной рекурсией, погружением самого в себя. Ошибочная ситуация для программы. Или это было бы уничтожением. Как мифическая змея, поедающая себя, укусив собственный хвост.

Я замолчал и промочил горло глотком воды. Поморщился. На солнце вода в бутылке нагрелась, надо было брать термо-, а не обычную, или хотя бы держать в тени. Кстати, можно же просто привязать ее к лодке и бросить

за борт...

— Однако? — Катя с усмешкой продолжила за меня.

— Однако, да... Давай бутылку охладим? Веревка где-то была...

— В сетку положи.

— А, точно, рыбаки...

Я запихнул бутылки с водой в садок, оставленный на лодке прошлыми отдыхающими, и выбросил за борт. Подергал за веревку — вроде, надежно. Ну, вот и славненько.

— Итак, что я там...

— Однако...

— Да. Однако, это лишь одна версия. Привычное восприятие мира. Иллюзия реальности или реальность? Что, если это мираж?

Катя кивнула, предлагая продолжать, и приложила ладонь к глазам, прикрываясь от солнца: что-то там вдалеке ее заинтересовало, может, чайки.

— Итак, мы видим непрерывное время, как поток, в который можно войти и двигаться в единственную сторону. А что если это не поток? Что если прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, но наше восприятие устроено таким образом, чтобы не видеть лишнего? Как если представить себе существо, живущее на поверхности ножа... — я сказал это и вздрогнул, поняв, что повторяю слова Лиен. Она объясняла мне нечто, связанное с межвременными каналами, на примере заготовки из глины и рассекающего ее ножа.

Катя отняла руку от лица и ткнула пальцем в небо:

— Пол, что-то летит. Низко.

Я пожал плечами:

— Аэрокар какой-нибудь. Или робот-наблюдатель.

— Не робот. Больше похоже на кар.

— Ну и отлично... — я хотел вернуться к ускользающему пониманию, к вот-вот готовому проклюнуться ростку ясности, и какие-то там пролетные аэрокары не слишком волновали меня в этот момент. — Так вот, существо, живущее на поверхности ножа и видящее только в двух измерениях, никогда не предположит, что кто-то может подойти сбоку. Ну, то есть, не по лезвию, а со стороны воздуха — для двумерного такой стороны просто нет. Но она же есть!

— Пол, а почему ножа?

— Что «почему»?

— Ножа. Почему именно ножа, а не листа, например?

— Не знаю. Пришло в голову. Он сюда поворачивает?

— Вроде, да...

Негромкий гул отчетливо донесся со стороны. Точно, аэрокар. Уже можно различить форму корпуса. Патрульный, что ли...

— Накину-ка что-нибудь... — я быстро натянул майку и шорты. — Интересно, что у них стряслось? Селедка сбежала или моржи пошли на нерест?

По широкой дуге муха аэрокара, постепенно увеличиваясь в размерах, приближалась к нам.

— Патрульный, — кивнула на него Катя. — Чего это они...

— Наверное, сюрпризом прилетел Бобсон, сейчас сиганет к нам третьим, — хмыкнул я.

Катя рассмеялась.

— Нет, Роб человек серьезный. Я бы, скорее, ожидала это от Надира.

— Хм, а мне-то как раз казалось, что Камали — человек серьезный...

— Ты просто плохо его знаешь... Пол, прыгай!

Оглянувшись, я увидел, как аэрокар на полном ходу словно споткнулся о невидимую преграду и резко пошел на снижение. Снова, как тогда на Марсе, течение времени замедлилось, мне показалось, я вижу, как под пикирующей машиной плывет ее тень, как неспешно Катя приседает, отталкиваясь от обреченной лодки, как, никуда не торопясь, складываются клочки пены в едва заметные барашки на острых верхушках волн.

Я прыгнул в другую сторону, чтобы создать противоположный импульс и дать нам обоим шанс отлететь подальше. Забурлило море, пузырями окружив мою голову, зашумело в ушах. Ледяная вода вытолкнула в верхний, более-менее прогретый слой, и я изо всех сил погреб, стараясь уйти как можно дальше от лодки. Возможно, умнее было бы нырнуть, но за свою интернатскую и небесную жизнь я, к стыду своему, так и не научился как следует плавать, не то что нырять.

За спиной ухнуло. Огромная волна подхватила мое тело, плавно подкинула, как на американских горках, и почти сразу же сбросила с себя. Ее сменила другая, еще сильнее, за ней еще несколько. Я развернулся, кое-как удерживаясь на плаву. Ни лодки, ни аэрокара видно не было. Но зато вдалеке, над гребнем волны, мелькала светлая точка. Это Катя! И она машет мне рукой.

Поняв, что замечена, Катя выразительно постучала по запястью. Что она имеет в виду? Да коммуникатор же. Я выключил его на время... В общем, выключил, а включить забыл.

— Пол! — раздался Катин голос сразу же, как я активировал устройство. — Ты баран.

— Знаю, дорогая! — радостно крикнул я, все еще не веря, что обошлось.

— Не выключай коммуникатор. Или не забывай включать.

— Да, радость моя!

— Ты не тонешь? Я плыву к тебе, держись.

Ну, да, она же знает о моих навыках пловца: чуть лучше кирпича.

— Постараюсь.

На самом деле, стараться особенно не пришлось. Поймав ритм волн, чтобы не захлебываться, я вяло помахивал руками и ногами, без труда удерживаясь на поверхности. Катя добралась до меня быстро, она-то плавала как тюлень. А по дороге умудрилась прихватить какую-то оранжевую штуку, сверкающую зеркальцами словно новогодняя игрушка и подобно буйку плясавшую в пене на месте падения аэрокара.

— Спас плот, — выдохнула она, чмокнув меня мокрыми солеными губами. — Секунду...

Она на что-то нажала, и небольшой оранжевый мешок начал надуваться, разворачиваться, становиться все больше и больше. Меньше, чем за минуту он превратился в приличных размеров надувной плот с тентом, — пожалуй, раза в полтора больше нашей лодки. Покрутившись вдоль борта, мы нашли место для загрузки с уровня воды и заползли вовнутрь.

— Уфа... — выдохнула Катя и поцеловала меня, долго не отрываясь. — Живы, — она села и тряхнула мокрыми волосами, разбрызгивая воду вокруг как выбравшаяся из лужи собака.

Я пробежался на четвереньках по периметру плота, заглядывая в прозрачные окошки над его бортами, но, кроме нас, в море ничего больше не обнаружилось.

— Пошел ко дну. И лодку утянул, — Катя открепила от стены маленькую бутылочку с водой. — Хлебни.

Пока я пил, она активировала микро генератор. Теперь у нас будет и вода, и подвижность. Синтезатора нет, но зато есть пищевые таблетки. А связь и так была. Я покосился на свой коммуникатор. Уж не по нему ли нас засекли? Что-то слабо вверится в совпадения...

— Не думаю, Пол, — Катя поймала мою мысль. — Мы с тобой входим в число очень зашифрованных особ. За нами непросто следить.

— Но как-то ведь выследили... — возразил я.

— Как-то — да... — согласилась она. — И это меня... смущает. А ты, Пол, обращай больше внимания на знаки.

— Какие еще знаки?

— Которые сам подаешь.

— В смысле?

— Давай, вспоминай. Что ты говорил сейчас, прямо перед этим аэрокаром?

— Ну... Что-то про двумерное существо... Про Лиен думал... Она мне объясняла на ноже...

— Вот именно. Нож. Предыдущее нападение было с ножом. А что ты тогда видел? В наших тенях на дорожке, а?

— Ну... Прицел... Да. Прицел. Будто кто-то целится в нас со звезд.

— И тут же напали, — Катя назидательно показала мне указательный палец.

— И тут же напали, — согласно кивнул я.

— Если бы не я, тебе оба раза была бы крышка. Пол, почему ты такой невнимательный? От тебя нельзя ни на секунду отойти?

Я развел руками. Катя повернулась к панели управления плотом и чем-то щелкнула. Загудел водометный двигатель, плот начал разворачиваться. Теперь мы через часок-другой доползем до базы.

Постучав по коммуникатору, я многозначительно посмотрел на Катю.

— Нет, — отрезала она. — Сигнал подавать не будем. Вообще... Знаешь, отключи-ка его. Чтобы не пеленговался. Мало ли, действительно...

Мы отключили коммуникаторы и почувствовали себя дикарями посреди первобытной природы, викингками, затерянными в океане. И одновременно рассмеялись. Ну, надо же быть так привязанными к технике. И, тоже мне, дикари — на современном автоматизированном спасательном плоту. Всего-то лишь выключили коммуникаторы...

— Аэрокаром управляли дистанционно, не самоубийцы же они. Если они каким-то образом обошли защиту КК и пеленгуют нас по этим штукам... — я поднял руку, показав запястье, — то решат, что мы погибли. Слушай, на плоту же есть станция связи? Она включается сама?

Я бросился к панели, но Катя мягко остановила меня.

— Пол, я ее выключила. Плотик утонул вместе с нами.

Я поцеловал ее в лоб. К подсыхающим Катиным волосам возвращался пшеничный цвет, от воды они слегка закурчавились.

— У тебя на голове творческий беспорядок, — хмыкнул я, — но мне нравится.

— Всегда так ходить? — игриво нахмурилась Катя.

— Можно иногда. Для разнообразия, — я подмигнул.

— Разнообразие вам, мистер Джефферсон, не хватает? — Катя делано

закатила глаза. — Вот, вернется Лиен, будет тебе полный комплект. А то, гляжу, заскучал... Как Жанна Бови сказала? Как она тебя назвала?

— Э-э-э... Я не помню... Что-то там такое... Нехорошее?

Выражение Катиного лица изменилось, клянусь, через ее черты на меня смотрела Жанка! Даже волосы будто бы на миг порыжели.

— Мальчик-Казанова, на каждой вшивой планетке заводящий по любовнице и даже притаскивающий за собой мертвых баб... — начала было Катя выдавать с совершенно Жанкиной интонацией, но я жестом прервал ее.

— Хватит-хватит-хватит! Вспомнил. Это ей простительно, а для вас, госпожа лидер-инспектор Контроля, настоящий моветон. Не забывайте, вы всегда при исполнении...

Катя совсем чуть-чуть покраснела и показала мне кулак.

— Я тебе сейчас дам, при исполнении...

— Все, сдаюсь-сдаюсь, госпожа лидер-инспектор! Кто я такой, чтобы перечить руководству Комитета... — я поднял руки вверх, она усмехнулась и, разжав кулаки, сплела свои пальцы с моими.

— Вот это правильное решение, доктор Джефферсон. Смотри, ветер поднимается...

Она кивнула в сторону выхода. Через борт летели брызги, да и качка появилась. Плот двигался более резкими рывками, чем раньше. Я выглянул наружу. Ветер, да. Пока не сильный, но я бы предпочел лодку на воздушной подушке, чтобы не скакать по волнам, сквозь гибкое днище они стучат весьма ощутимо. Впрочем, лодки больше нет, и хорошо, что есть хотя бы этот плот.

Идти до берега оставалось недолго, остров обрывистым треугольником маячил километрах в двух. «Треугольник — символ Жемчужины, квадрат — символ Весенницы» — проплыл через мое сознание голос Ксенаты. Я попытался ухватиться за него, как Тесей за нить Ариадны, но тщетно.

Зайдя с подветренной стороны, мы без проблем миновали прибрежные камни и выскочили на зализанные морем гранитные плиты. Чуть-чуть налегли и выволокли за собой плот. Теперь его можно использовать как палатку. Гениальное изобретение эти спасательные плоты, придумали черти когда, но с тех пор по сути конструкция не менялась, только электроника и двигатель.

Однако ночевать в палатке у нас планов не было. Привязав, на всякий случай, свое плавсредство к огромному валуну, мы запрыгали вдоль линии

прибоя, поглядывая, где бы поудобнее взобраться наверх, к базе.

Место нашлось вскоре. Обогнув остроносый мыс, увидели знакомую бухточку. Конечно, из нее ведь и отплывали сегодня утром. Казалось, прошла неделя, хотя, на самом деле, лишь часов восемь.

От бухточки наверх вела обустроенная тропа с перилами. Вблизи берега качалась обычная гребная лодка, с нее кто-то рыбачил. Кто-то, наверное, из технического персонала. Завидев нас, помахал рукой. А что, нормальное дело, подумаешь, парочка в шортах и маечках босиком по мокрым камням выворачивает из-за мыса... Может, всегда там гуляют? Мы помахали в ответ и пошлепали голыми ступнями по тропе.

— Ну, что, коммуникатор можно включать? — Я оглянулся на Катю.

— погоди. Давай дойдем...

Знакомый ртутный шарик вдруг появился в моей голове и закрутился, отражая на изогнутой поверхности сразу все: в объеме, со всех сторон. Я увидел свою голову в перекрестье прицела; я нажимал на спусковой крючок; я стоял босым посередине тропы, представляя собой прекрасную мишень; я прыгал в сторону, перекачиваясь через плечо ничуть не хуже, чем кувыркалась по обочине аллеи Катя во время ночного нападения на нас в Лесном городке. И я, хотя это на меня совсем не походило, хватал приличных размеров бульник, даже подсознательно не пытаюсь определить минеральный состав образца, и метал его с силой, которой никогда бы от себя не ожидал. Точно в крест прицела.

А потом шарик лопнул, разорвавшись одновременно с треском от другого шарика — микромолния расщепила кривенькую сосну прямо за моей головой. За тем местом, где секунду назад находилась моя голова. Пальнули из разрядника, очень мило. Жизнь стала напоминать древний вестерн.

Чуть запоздав относительно выстрела, сверху раздался глухой стук, и человек в темной форме береговой службы пролетел метров тридцать со скалы, что высилась невдалеке перед нами. Он лежал теперь внизу, на камнях, и тело его напоминало крест прицела.

— Бегом наверх! — крикнула Катя, и мы побежали, уже не думая о том, чтобы поберечь босые ноги. Через несколько десятков секунд, когда, запыхавшись, добрались до площадки, откуда стрелял этот человек, там уже, также запыхавшись, стояли двое сотрудников базы. Они смотрели вниз.

— Насмерть, — констатировал один из них.

— Ща его поднимут... — ответил второй. — Вы видели, как он упал?

Это уже к нам. Видели-видели, и даже поспособствовали. Только вот

не возьму в толк, как мне удалось снизу вверх залепить ему камнем в голову, да еще с такой силой, чтобы сбить с площадки...

— Видели, — ответила за нас обоих Катя. — Мне нужно срочно поговорить с начальником базы.

— Ну, он скоро будет там... — протянул первый, не отрывая взгляд от трупа внизу. Бьюсь об заклад, это была первая смерть в его жизни. Что же, когда-то надо и взрослеть.

Мы отошли в сторонку. Катя на ходу активировала коммуникатор и жестом показала мне сделать то же самое. Площадка с двумя парнями осталась за поворотом.

— Интендант Коховский? — не включая видеосвязи, заговорила она. — Да, я в курсе. Нет, не надо проекции. Нет, вы ему ничем не поможете. Прикажите ничего не трогать до прибытия следственной группы. С пилотом на борту? Двое на борту? Передайте координаты, пусть вызовут подводников. У нас свои каналы. Да, наверняка погибли. Спасибо за понимание, выполняйте.

Катя резко остановилась.

— А пойдем-ка мы, Пол, домой, — странным тоном произнесла она.

— То есть как, домой? — я растерялся. — Ты же хотела поговорить насчет аэрокара, который нас таранил...

— Я поговорила. Не тормози, Пол, надо спешить.

И она решительно направилась по тропинке на другой конец острова, к нашему домику, снова поднося ко рту коммуникатор.

«Минимизирует громкость... — подумал я. — Что, вообще, происходит?!»

— Роб... А, уже знаешь... Хорошо. Подгони сюда челнок без опознавательных. Да, из гражданской службы. Мне все равно, Роб, где ты его возьмешь, но как можно быстрее. Нет, с посадкой на воду. Когда будут? О'кей, успеем собраться. Вышли сюда Леваниди, он сообразит, что делать.

Подобно урагану ворвались мы в домик, переоделись в имитационку, ведь вечер обещал быть непредсказуемым, и принялись собирать вещи. Хорошо, что прабабкин хрусталь с нами на этот раз не поехал, да и, вообще, получилось всего два неполных роботранса. Отдав им приказ следовать за нами, мы покинули очередное место, в котором намеревались прожить отпуск, и спустились к берегу.

Ветер крепчал. Небо заволокло тучами. На скалы с грохотом и брызгами накатывали серые валы. Катя говорила что-то о посадке на воду?

— Чего ждем? — спросил я, едва мы, наконец, остановились.

Роботрансы в ожидании замерли чуть позади нас. Впереди, украшенное барашками, расстилалось потемневшее море.

— Челнок, — казалось, Катины мысли бродят где-то далеко, но, на самом деле, она предельно сосредоточена.

— А как мы в него попадем?

— В нем есть миникар.

— А, то есть, они на воду сядут, а сюда пригонят кар?

— Да, — и тут же, без паузы. — Пол, их было двое в той машине. И они не пытались выжить.

— Возможно, только пилот...

— Да, — оборвала она меня. — Но хотя бы один пошел на верную смерть.

— То нападение, в Лесном городке, тоже выглядело странно...

— Одно и то же, Пол. Один почерк. Словно за тобой охотятся самоубийцы.

— За мной?

— Пол... Скажи, Пол, а что было на тропинке? Ты хорошо засветил ему, не ожидала. Камнем, метров с пятидесяти, да еще и вверх, и точно в голову... Тебе не странно? А как ты его заметил, кстати?

— Так же, как ту ледяную глыбу, которая падала с потолка за моей спиной. Время остановилось, увидел все сразу, одновременно. Но тогда я видел что-то еще, постороннее. Смешивалось. Сейчас было только две картины: его и моя. Он... Ну, да, ты права. Он целился мне в голову.

— А видел бы ты, как ты двигался... Такому трудно научить. А ведь тебя не учили.

— Ну, в летной школе...

— Не смейся, Пол. Как кувыркаются в Летной школе, ты показал под липами. Сейчас было другое. Ксената?

Я задумался. Ксената? Может быть... Хотя, он производит на меня впечатление мирного человека. Едва ли он проходил какую-то... как это называли в горячем прошлом земной цивилизации... боевую подготовку.

— Не знаю, — честно ответил я.

— Холодает.

— Да.

Мы выпустили активные пленки, чтобы согреться. Вернее, конечно, не мы, а наша одежда. Имитационка, используемая оперативными агентами Контроля, только выглядит как простая одежда, на деле это много что еще. Если бы она была на мне во время прогулки на лодочке, пожалуй, я сумел бы добраться до берега и вплавь, а уж утонуть или замерзнуть точно бы не

грозило.

— Минут через сорок, — сообщила Катя.

— Будут?

— Да.

— Ты заметила, нам словно мешают поговорить?

— Да. Но это случайность, Пол. Нас просто слишком часто пытаются убить.

— Пожалуй. Попробуем?

— Валяй.

— Нож?

— Где-то там.

— О'кей. Нож. Плоское существо на ноже не видит третьего измерения. Его жизнь и понимание построены вокруг двумерного мира. Может быть, точно так же мы не видим многомерности времени? Может быть, то, что мы называем временем, есть нечто совсем другое, и мы искусственным образом выделяем понятия «время» и «пространство» из некоей единой сущности?

— Ну, да, «пространство-время», все такое, в школе учат, Пол.

— Учить-то учат. Но мы живем все в том же восприятии. Как в каменном веке. Мы по-другому не умеем. Потому что мы — двумерные существа на плоском ноже. Самые умные из нас догадались, что нож плоский, хотя не очень понимают, что такое «плоский», что есть это «третье измерение». Описывают его известными нам аналогиями. Опиерируют абстрактными понятиями. Даже придумывают формулы, которые более-менее работают. Но что это такое — не может понять, осознать, почувствовать... не может никто.

— И?

— Представь, что время ветвится. В каждый момент образуется бессчетное количество копий реальности, существующих одновременно. Что будет, если в такой реальности изменить что-то в прошлом?

— Очевидно, Пол. Начнется новая ветка.

— И куда попадет тот, кто изменил прошлое, вернувшись назад?

— Можно только гадать, — Катя пожала плечами, похоже, не понимая, к чему я клоню. Не удивительно, я и сам еще не понимал этого, пытаюсь рассуждениями нащупать нить.

— Он вернется в свое прежнее место. Ведь своей ветки он не изменил.

Катя кивнула и предложила свой вариант:

— Или окажется в новой ветке, а в своей просто пропадет. Или разделится вместе с веткой, и один вернется в старую, а второй окажется в

новой.

Настал мой черед кивнуть. И поднять указательный палец, как любит делать она сама:

— Но! Это если представить, что время бесконечно ветвится. В принципе, почему бы и нет? Представление о бесконечности пространства никого не смущают, как многих не смущает и представление о бесконечности трехмерных пространств в рамках четырехмерного, словно стопка опавших листьев, сложенных один над другим, только каждый лист бесконечно малой толщины... ведь он же двумерен, значит, строго говоря, толщины не имеет. Также не смущает допущение о бесконечной длительности времени. В общем, можно допустить и бесконечность ветвления времени. Скажем, в рамках двумерного времени куча одномерных ветвей.

— Прекрасная модель, Пол, — улыбнулась Катя. — Где-то я что-то подобное, кстати, читала. Но я не сильна в фундаментальной физике.

— Да я тоже не силен... — признал я. — Хотя определенные аспекты, типа теории полей, геофизические методы и тому подобное мы, конечно, проходили, но упор все-таки делался на наши спецкурсы: поближе к камню, подальше от высоких материй.

— Может быть, нам обратиться за консультацией к специалистам?

— Они только запудрят мозги! Ты слышала когда-нибудь разговор двух математиков? А вся современная физика — математика!

— Тише, Пол, тише, я только предложила... — улыбнулась она.

— Мы с тобой имеем достаточно, чтобы найти решение. Не важно, в формулах или в глине оно будет. Мне Лиен объясняла на глине и ноже. Без формул. Нам главное — понять внутри себя, почувствовать, ухватиться за понимание и дернуть, чтобы шкатулочка открылась. А объясняют пусть потом физики-математики, как им угодно.

— Ты не боишься, что мы откроем ящик Пандоры?

— Честно? — я вздохнул, ибо этот момент беспокоил меня уже давно. — Боюсь. Очень.

Катя согласно кивнула.

— Если мы вернем наших марсиан... Пол... Что если за ними последуют другие? Только уже не спрашивая разрешения. Что здесь начнется...

Я замер. Прислушался. Вроде бы, сквозь шум ветра пробивается какой-то другой звук...

— Ты тоже слышишь? — Катя вопросительно глянула на меня.

— Да, похоже, ракета...

В этот момент ожил Катин коммуникатор. Она дала картинку. Конечно, кто же еще, наш незаменимый инспектор Бобсон, и опять в белом.

— Доброго вечера, лидер-инспектор, здравствуй, Пол.

— Доброго вечера, Роб.

— Они садятся. Кар наведут на вас.

Я поперхнулся.

— Что такое, Пол? — Бобсон улыбнулся.

— На нас сегодня уже наводили. Не хотелось бы повторения.

Инспектор кивнул:

— Исключительно верные, надежные ребята. А кар, вообще, на автомате. Повторения не будет.

— Роб, а что там Леваниди? Есть новости?

— Есть. Погибли три человека: один разбился, двое в аэрокаре. Кар упал в море, поднимают с шестисот метров.

Я присвистнул.

Катя нахмурилась:

— Это не очень новости, Роб.

— Я не закончил, — кивнул ей инспектор, а на меня бросил взгляд «со значением», мол, не прерывай. — Все погибшие характеризуются исключительно положительно. Двое из трех служат уже не первый десяток лет. Никаких нареканий. Третий недавно, но он — потомственный патрульный, и... Все это очень странно. Судя по показаниям свидетелей, он был на посту в контрольной рубке. Вдруг сорвался, схватил оружие и побежал. У них есть разрядники на всякий случай, мало ли, медведь зимой по льду забредет... Положено по инструкции. Его заметили, но пока догнали, он уже успел разбиться...

— Он успел выстрелить... — начал я. Катя незаметно наступила мне на ногу.

— Да, проверили статистику разрядника. Но, вроде, ни в кого не попал.

— А что те двое на каре? — перевела тему Катя, и я понял, что она, на всякий случай, старается не говорить всего даже Бобсону.

— Патрульный облет. Учебный. Проверяли новую машину, оба — опытные пилоты, никаких зацепок, почему вдруг один из них направил аэрокар вниз... Возможно, у него были какие-то невыявленные проблемы со здоровьем... Отключился на секунду, не справился с управлением...

— Не справился с управлением и упал на нас? Проблемы со здоровьем? — Катя усмехнулась. — Многовато совпадений.

— Многовато, — согласился инспектор. — Но Артур еще не закончил

работу.

— О'кей, подождем, — кивнула ему Катя. — До связи.

Стереопроекция Бобсона пропала, мы вновь стояли вдвоем на берегу холодного океана. Если не считать трансов за спиной, конечно. Вскоре над волнами показался небольшой аэрокар. Он шел низко, волны едва не захлестывали его.

— Я попросила, — Катя потянулась. Наверное, заметила мой взгляд, — Чтобы не обнаружили. У него мимикрирующее поле, когда близко с поверхностью, трудно различить радаром и оптикой.

— Но мы-то видим?

— Но мы-то сбоку, — улыбнулась она.

Миникар подлетел прямо к нам, сел на мокрые камни и поднял крышку кабины. Катя влезла первой, клацнул замок багажного отсека, наши трансы попрыгали туда. Я втиснулся рядышком с ней — машина, действительно, оказалась «мини» — крышка захлопнулась и наступила тишина.

— Уфф, — выдохнула Катя. — Полетели, Пол?

— С тобой — куда угодно, — рассмеялся я. — А, кстати, куда? Сейчас — на ракету, это понятно, а дальше?

Катя постучала пальцами по панели.

— А дальше, мой дорогой доктор Джефферсон, я намерена доставить вас на Луну.

— Ты серьезно? — вот куда бы я хотел попасть в последнюю очередь, так это туда.

— Абсолютно, — без тени улыбки выдала она. — Пол, мы стали опасны.

— То есть? — У меня глаза на лоб полезли.

— Вокруг нас гибнут люди. Это не организация. Это случайные люди. Надежные в прошлом. Словно кто-то или что-то влияет на них, и они пытаются тебя убить, невзирая на свою жизнь. И... Пол... Я не уверена... Но вдруг это связано с Марсом?

— Как это может быть связано... — начал было я и осекся. Канал. Канал открыт. Лиен и Ксената его открыли и, скажем так, переместились в нас. Теперь они пропали. Но... канал-то... открыт?

— То-то и оно, — Катя поняла мои сомнения. — А что если по этому каналу сюда что-то перемещается? Не может завладеть тобой... Нами... Но, как бы рикошетом, отскакивает в других?

— Хм... И это «что-то» хочет меня убить? Зачем?

Катя бросила короткий взгляд, в котором я прочитал неуверенность:

— Например... Чтобы закрыть канал? И навсегда оставить Лиен и Ксенату там? Или помешать им добиться своего? Того, ради чего канал открывали? Пол, это только версия. Фантастическая. Но мы не должны ее отбрасывать. Больше вероятно, что кто-то как-то ухитрится за нами следить и направляет на нас атаки. Из неизвестного крыла экстремалов-натуралистов или, вообще, сумасшедший. Возможно, он одурманивает людей, тех, кто рядом, а потом использует их как оружие. Да, следов не остается, но мы ж не любую химию можем выявить. А, может, это и не химия. Какой-нибудь самораспадающийся чип? Например, на микроботах, хоть это и запрещено. Сел в мозг, направил, вылез, уничтожился, ноль улик. Нападения выглядят абсурдными. Но мы по-любому опасны для соседей. А вот если соседей не будет... Даже если враги нас выследят, им придется изменить тактику. По этой смене мы их и вычислим. Получим шанс вычислить. Сейчас тупо не хватает данных. Ты же ведь не думаешь, что мы просто убегаем, Пол? Мы ищем их, чтобы нейтрализовать, выманиваем на себя, создаем им сложности, даем проявиться. Думаем, анализируем. И уводим свои тела из-под удара. А то думать станет нечем.

Мы замолчали и сидели молча.

Снаружи начал накрапывать дождь.

— Значит, Луна... — обреченно вздохнул я.

— Самый отдаленный ее уголок. Чтобы рядом не было ни души. А сначала, конечно, замести следы, — уточнила Катя.

Ее руки отдали команду, и наш миникар, плавно оторвавшись от земли, полетел прямо над хмурым северным морем к далекому, невидимому из-за дождя, ракетному челноку.

«Луна», — рефреном звучал во мне собственный голос, — «значит, все-таки, Луна... Ну, что же... Разберемся.»

* * *

— Миражи есть всегда. И везде. Но люди способны видеть только сильные.

Мы стояли с Армир посреди пустыни, на невысоком плоском бархане, отдалившись от скал на двудесять шагов. Она сказала, что для занятий предпочтительнее ровное место. За нашими спинами ярко пламенел закат, заливая окрестности горячей кровью дневного светила. Песок благодарно впитывал жертву и остужал ее, как делает это каждое предтеие, когда завершается вторая треть дня — солнцепад.

В вышине желтел Вестник, а поблизости от него белым огоньком горел Страж. Зеленая звезда Весенницы стояла высоко в небе за моим затылком. Рядом с нею едва различимо тлела точка Фонарика, верного ее спутника. Он всегда светит тускло, чтобы не отпугнуть таинне, живущих в складках плаща Владычицы времени. Таинне помогают жрицам с берегов Лалым проводить свои сомнительные ритуалы. По крайней мере, так принято считать.

За девятку и два дня, прошедшие от первого созерцания миражей, Армир не отпускала меня ни на шаг: поджаривала полуденным зноем, заставляла до изнеможения вглядываться в красные слоистые стены окружающих скал, выискивать там прозрачные искрящиеся крупинки кристаллов и неотрывно смотреть на них, а потом, лежа на животе в тени, изучать песок — в упор он выглядит совсем не таким, как с высоты человеческого роста. Если приблизить глаз, чтобы каждая песчинка превратилась в булыжник, мир изменится, вернее, появится новый мир, как если бы удалось стать на время маленьким жучком. В мире жучка — свои законы и порядок, свой вес и размер, своя скорость, но те же тени и свет. Я должен был раствориться в нем, начать воспринимать маленький мирок своим, и тогда старый реальный мир раздувался, становился огромным — ведь мне-жучку нужно куда больше времени, чтобы преодолеть, скажем, путь до вон той скалы, чем мне-человеку.

Как только это превращение начало более-менее получаться, Армир выдернула меня и приказала взлететь, превратиться в огромную гору, осмотреться вокруг ее глазами, а затем и больше, стать Жемчужиной, ощутить безбрежный океан пустоты, тонкость своего воздушного покрова, привязанность к бесконечным циклам обращения вокруг господина по имени Солнце. Я увидел нашу землю со стороны — прекрасный перламутровый шар, в котором изредка проглядывало голубое. Шар, на котором, как сквозь тонкую дымку, кое-где можно было разобрать очертания континентов и морей. Не зря жрецы Звездного огня учили меня чтению карт на первых ступенях посвящения, эти знания неожиданногодились и помогли мне понять увиденное теперь.

А затем я стал солнцем. Возможно, Нарт или вдова Траны, Зарбат, подмешивали в пищу нечто, обостряющее восприятие. Пол называл это словом «наркотик», когда сургири, овладевший телом Траны, заставил меня разжевать горошину, добавившую мне на время сил и прояснившую разум. Так это или нет, сейчас мой разум не прояснялся, а, скорее, наоборот, наполнялся многослойными видениями, проникавшими одно в другое как хитрое плетение норасийских мастеров. Может быть, благодаря этому я

смог удивительно легко увидеть мир глазами таких разных «животных», как Песчинка, Гора, Жемчужина и Солнце, следуя лишь некоему невидимому потоку, связывающему все существующее и напоминающему каскад пересекающихся струй немыслимого водопада, где вода крутится и хлещет одновременно во многих направлениях.

Когда я стал солнцем — огромным, бурлящим, неукротимым, выбрасывающим во все стороны облака пламени — превратился в шар неудержимого пожара, стремящегося оторваться, распространиться и наполнить собой пустоту, но удерживаемого собственным весом, Армир приказала мне отдалиться, стать самой пустотой. И исчезло солнце, превратившись в одну из неизмеримого числа звездочек — потерялось среди них, словно песчинка в пустыне. Исчезли звезды, скрученные в гигантские смерчи, исчезли и сами смерчи, издавна похожие на планктон в мутной и теплой морской воде. И тогда Армир приказала мне остановиться и увидеть все сразу.

Я был оглушен. Между струями водопада, среди плотных нитей норасийского плетения Вселенной, скрывалось что-то еще. Оно вставало дымкой, уплотнялось и принимало форму, словно я приобрел еще одно зрение, помимо тех воображаемых точек, на которые помещала меня наставница. Я увидел тяжелую приземистую машину, размером сходную с вирманой и ползущую по дну ущелья, опираясь на подвижные полосы из сочлененных металлических пластин. Ущелье представлялось мне творением рук человеческих, но какие же руки могли пробить эти толщи серого камня? Навстречу машине неслись нескончаемый водный поток, а она толкала перед собой пенный бурун, заливавший ее до половины высоты. Шел нескончаемый дождь, но я видел сквозь него без малейшего труда. И еще я видел, что рядом была гибель. Не для машины. Гибель тех, кто жил здесь раньше. Я видел то, что происходило сейчас, и то, что случилось прежде — огромное приземистое дерево, похожее на гриб, раскаленное и ужасное, на короткое время разогнало облака и оставило вместо серой полусферы, служившей кому-то домом, оплавленную круглую яму, быстро остывшую и превратившуюся в бурлящее и шипящее озеро.

Машина направлялась туда. И хотя дерево распалось, а его ядовитые семена смыла вода, в скалах и в самой яме оставалось еще достаточно смертоносного невидимого света, чтобы убить человека, сидящего в кабине. Я попытался проникнуть к нему, чтобы предупредить и остановить, но не смог сделать это. Одновременно я понял, что человеку сейчас ничего не угрожает, броня его машины способна защитить от дыхания отравленных скал. И еще я понял, кто этот человек. Это был Пол. Это его

голос я слышу в своей голове. Он не сургири, и он нуждается в моей помощи.

Вернувшись из наваждения, я обнаружил, что Армир смотрит на меня с очень странным выражением на лице. Смесь испуга и удивления? Я так не привык к ее редким проявлениям эмоций, что не всегда способен их правильно понимать. Тем более, что выражение это оказалось мимолетным, почти тотчас его скрыла обычная маска спокойствия.

— Ты видел меня сейчас, Ксената? — спросила она практически без интонации в голосе, лишь сделав некоторый упор на моем имени.

— Я видел другое место, — так же спокойно ответил я. — Там шел дождь, погибли люди, большая машина двигалась по дороге, прорубленной когда-то в скалах, а теперь залитой дождем...

Она кивнула словно бы удовлетворенно. Но я не понял, была ли она удовлетворена моими словами или моей реакцией на собственное имя.

— Миражи можно увидеть везде. Но пустыня помогает нам, искажая воздух. Помогает нашему зрению настроиться. Мы не можем управлять этим. Но мы можем пытаться выбирать. Выбирать, откуда смотреть, что смотреть. Даже у самых опытных жриц Весенницы это получается редко, хотя они не пачкались с мужчиной и никогда не оскверняли себя волосами, — в глазах Армир сверкнул то ли смех, то ли отблеск заходящего солнца.

— Но... Я же мужчина...

— Я же говорю, сказки. Глупые сказки лысых дур, — Армир дернула плечом. — Мужчина тоже человек. Тебе нравится Нарт? Твое сердце бьется быстрее при мысли о ней? Ты волнуешься, глядя на ее походку? Можешь не отвечать, уже ответил.

Я не успел совладать с собой, переход оказался слишком резким и неожиданным.

— Но...

Армир коснулась моего плеча. В ее лице не было гнева. Пожалуй, даже скользнуло что-то сродни состраданию.

— Забудь о ней. У нее другое предназначение.

— Но почему?! — вырвалось у меня внезапно даже для самого себя.

— Она родилась жрицей Владычицы времени...

— Ну и что?!

— Не перебивай меня, мальчик.

Отведя взгляд от меня, она посмотрела на край светила, красной дугой опускающийся за горизонт. Словно была растеряна. Потом снова нашла

мои глаза.

— Ее ждет... другое. И миновать это нельзя.

Она замолчала и сняла руку с моего плеча.

— Но... Может, я смогу помочь?

Армир внимательно посмотрела на меня, словно заново изучая лицо:

— Кто бы помог тебе, Рожденный Пустыней. Забудь о моей дочери.

Ветер сумерек налетел на нас с запада и взъерошил волосы бывшей жрице Весенницы. Она машинально пригладила их и посмотрела на быстро темнеющее небо.

— В треть тьмы мы покинем это место. Соберись.

Новость оказалась неожиданной, но, наверное, так и задумывала моя наставница. Показывая, что разговор окончен, она прошла мимо и направилась к скалам. Я хотел было поспешить следом, спросить, куда мы отправимся теперь, но задержался, будто остановленный неосязаемой рукой. Над багровой полосой горизонта дрожал воздух. «Миражи есть всегда», так учила Армир. И я попытался войти в трепетание незримого и увидеть то, что она считает предназначением Нарт.

А увидел другое. Вокруг вилась и клубилась пыль. Туча пыли, такие бури бывают в наших пустынях, но в этой что-то казалось неправильным... Я не сразу понял, что она совершенно невесома, словно ветер, несущий ее, не в силах оторвать от земли даже самые мелкие песчинки. Мой скафандр облеплен пылью. Так вот, что такое «скафандр»... Но мысль убегает, и вслед за ней убегает и бурая поземка их-под моих ног. Я поднимаюсь на высоту гор и выше... Я вижу, как скругляется линия горизонта, очерчивая границы Жемчужины. Но что я вижу? Не прекрасный перламутровый шар, радующий силой жизни, лежит подо мной, а разоренная пустыня, скалящаяся льдом на северном и южном краях, застывшая в агонии пересохших рек и морей, избитая оспинами огромных ям, похожих на вулканы, но абсолютно мертвых, холодных, как все вокруг. И как посмертная судорожная улыбка, как шрам от глубокой рубленой раны, распавшейся и с трудом сросшейся за многие тридевятилетия, лик моей Жемчужины пересекало гигантское ущелье. Оно проходило через знакомые земли, полностью поглотив под собой часть Хампураны, большинство Башен и плодородные равнины Лора.

Только неизменный Вестник продолжал наматывать круги над мрачной могилой, забытым всеми, кроме пыльной бури, темным трупным пятном расплывшейся по щеке мертвой Жемчужины.

Какое название теперь пришло бы в голову людям, впервые увидевшим тебя? Коричневая пустыня? Ржавь? Смерть?

«Марс, — прозвучал в голове голос Пола. — Эта планета зовется Марс, по имени древнего бога войны. На нашем небе она выглядит красноватой точкой. Красная планета — второе, неофициальное название. Ксената, нам нужно продолжить то, на чем прервались...»

Но я уже не слышал его.

Я стоял на коленях, упертых в песок, под едва светящимся небом поздних сумерек, и из глаз моих лились слезы. Я оплакивал родной мир. Травы и деревья, зверей и птиц, рыб и насекомых, всех людей, жрецов и дикарей, бандитов и торговцев, Нарт и себя.

Мир не вечен. Жемчужина не вечна. Даже солнце и звезды не вечны. Этой истины не отрицают и святоши, хотя выкручиваются, пряча ее за двудевятками лицемерных слов. Я знал всегда, но до сих пор не мог поверить, что когда-нибудь, пусть даже в самом отдаленном будущем, это может произойти. Пока не увидел своими глазами.

Совершенно потерянный, я вернулся к скалам, в наше временное убежище, которому тоже предстоит быть брошенным и забытым, занесенным песком. Нарт ждала меня у входа.

— Ты опечален, — вместо приветствия произнесла она. Последние дни, занятый своей наставницей, я почти не видел ее дочь. Она мелькала то здесь, то там, но везде как-то краешком, задерживаясь только на еду и сон, а часто получалось так, что я и ел, и спал не одновременно или в разных местах с нею. Словно бы кто-то специально мешал нам встречаться. Но, я знаю, так бывает, когда людям надо сделать многое в короткий срок.

— Да, — только и смог ответить я, все еще находясь под впечатлением увиденной смерти Жемчужины.

— Но я же предупреждала тебя...

В глазах Нарт — легкая укоризна и, пожалуй, боль. О чем она? Ах, да... Она неверно поняла, решила, что я тоскую от неизбежности расставания. Возможно, мать поведала ей о нашем разговоре.

— Я видел наш мир опустошенным, — ответил я. — На Жемчужине не осталось жизни, она перестала быть жемчужиной, она стала ржавой землей пыли, замерзшей коричневой пустыней, ее моря и реки пересохли, над ней не осталось воздуха, которым мог бы дышать человек.

Нарт схватила меня за запястье и воскликнула:

— Ты видел, когда это будет? Почему это будет?

Я отрицательно повел плечом:

— Возможно, через многие тридевятилетия тридевятилетий. Все стареет, не только мы...

— Нет! — резко дернула плечом Нарт. — Это будет скоро. Я знаю...

Она отбросила мою руку и убежала, скрывшись в глубине убежища. Донесли приглушенные всхлипы и тихий незнакомый голос — вероятно, Зарбат — словно бы убеждающий, уговаривающий. Ого, вдова Траны умеет говорить... А я, было, усомнился в этой ее способности. Затем вступила Армир, какая-то короткая фраза, и все стихло. Я постоял еще немного на пороге, давая женщинам привести себя в приличествующий вид, и медленно зашел вовнутрь.

Наставница движением руки предложила мне сесть. Вскоре Зарбат подала ужин. Нарт подошла чуть позже. Ее глаза выглядели заплаканными, но больше ничто не выдавало душевного волнения. Интересно, почему она так резко отреагировала на мои слова? Неужели они совпадают с ее собственными миражами? Или она знает больше, чем я могу себе представить?

В иных обстоятельствах я бы обратился к Армир, спросил бы у нее насчет увиденного, но теперь опасался еще больше расстроить Нарт. Другие мысли на ум не шли, и так бы я, наверное, и просидел до конца трапезы, не произнеся ни звука, если бы ее мать сама не обратилась ко мне.

— Ты должен узнать это. В Великой Башне нашли способ воскресить силу древних. Они собираются воззвать к Вестнику.

Она сделала паузу, но я промолчал.

— Вестник хранит силу древних. Их механизмы. В золотых пластинах выбито, что там оставлены усыпленные корабли. С помощью этих кораблей наши предки достигали Зеленой звезды, а люди оттуда плавали через океан пустоты к нам.

По реакции Нарт я понял, что она тоже впервые об этом слышит. Но она не проронила ни слова, только чуть подалась вперед и сдула волосы со лба. Это привычное движение я уже неоднократно видел за нею.

— Они считают, что Башни должны бросить тень на Зеленую звезду. Я не знаю, что скрывается за этими словами. Но едва ли что-нибудь хорошее. Похоже, они верят, что жрицы получают не помощь от богини, а посылки от жителей Зеленой звезды. Двудесятилетия между жрецами Звездного огня и служительницами Владычицы времени сохранялся мир. Никто не хотел испытывать силу древних, проверять, у кого ее сохранилось больше. Кроме того, жительницы Лальм не захватывали земель, не вели войн...

— То же самое можно сказать и о святошах, — встрял я. — Войны ведут координаторы, но они не жрецы, а светские правители. Землями управляют помещики, передавая их по праву рождения. Или прямые ставленники, назначаемые одним из координаторов.

— Однако слово жреца Звездного огня является законом.

Я несогласно мотнул плечом:

— Формально не считается. Хотя влияние есть. И среди жрецов давно бытует мнение, что дочери Владычицы слишком активно вторгаются в дела континента, рассылая своих агентов. Подкупом или убеждением переманивая на свою сторону даже некоторых помещников.

— Это правда, — неожиданно для меня согласилась Армир. — И это еще одна капля, упавшая на весы ошибочных выводов, сделанных вашими жрецами. Похоже, они решили, что на берегах Лальма созрел заговор по захвату власти. Чтобы заменить Звездный огонь символом Времени, чтобы вместо треугольника воцарился квадрат. Ведь если заменить их на жриц Весенницы, остальное пребудет без изменений. Координаторы и помещники так же продолжат управлять народом.

Мне трудно было удержаться от удивленного возгласа:

— Это правда?

— Все, что я говорю, не является ложью.

— Прости, я не сомневаюсь в твоих словах. Но мне трудно... принять, что жрицы Владычицы времени планировали такое...

— А они и не планировали. Они защищались. Чтобы защищаться, нужны глаза и уши. Чтобы знать, когда и откуда будет нанесен удар. Нужно влияние, чтобы удар отвести.

— Но...

— Я же сказала. Ошибка. Жрецы Звездного огня ошиблись. Но никто их в этом не убедит. Даже... даже другие... жрецы Звездного огня.

— Другие? — я начал смутно подозревать, куда она клонит. — Те, кто думают... иначе?

— Да, — Армир заговорила медленнее, словно бы очень осторожно подбирала слова. — Те, кто смотрит с другим наклоном головы. Но их меньшинство среди облеченных властью. И они... нерешительны.

— Значит, остальные уверены, что жрицы Весенницы готовы их перебить и занять тепленькое местечко, верят, что остров Лальм получает помощь прямо с Зеленой звезды, от живущих там людей... Может быть, они верят, что готовится... вторжение? — я был ошеломлен этой догадкой.

— Да. И не только. Они считают, что мы получаем девочек оттуда. Что мы все — настоящие, плоть от плоти дочери жителей Зеленой звезды. Более того. Они думают, что мужчины там перебиты, но есть машины, позволяющие порождать подобия людей. Как из глины можно вылепить одинаковые фигуры, так и эти машины могут делать любое количество живых существ. Женщин. Они читали об этом в своих древних источниках. То же самое сказано на золотых пластинах острова Лальм. Что такие

машины были.

— Но... Это же неправда? — мой взгляд заметался между такими похожими лицами Армир и Нарт.

— Мы рождены женщинами на острове Лальм. Мы не имеем никакой связи с Зеленой звездой, кроме ритуальной. Жрицы поклоняются этой звезде. Они поклоняются ей как обителищу и воплощению богини, Хранительницы времени. И те из них, кто... достаточно прожил... они знают, что это не звезда. И знают, что там живут люди. Или жили. Такие же, как мы. Дочери Лальм знают о кораблях, способных плыть через океан пустоты. Но у них нет этих кораблей.

Я задумался.

Видя это, Армир накрыла ладонью мою ладонь. Ее рука оказалась горячей и сухой.

— Ксената, многое изменилось в Башнях с тех пор, как ты покинул их.

— Но и на острове Лальм... Не так ли?

— И на острове, — согласилась моя наставница. — Ко мне стекаются... ручьи с разных гор. Поэтому... я вижу то, что есть на самом деле. Я чувствую приближение времени, когда родники смерти сольются в потоки, способные захлестнуть всех нас, живущих на землях Жемчужины. Но я вижу не все. И не всегда вовремя. Появление Рожденного Пустыней совпало с открытием в Великой Башне. Я сомневаюсь в силе пророчества. Мне больше верится в естественную связь между этими событиями. Но я не могу ухватить за кончик нитки, чтобы распутать узел. Мне нужна твоя помощь, Ксената.

— Чем же я могу помочь?

— Ты — Рожденный Пустыней. По крайней мере, они так думают. И они не смогли тебя убить. По их пророчеству ты призовешь на Жемчужину Звездный огонь. Это значит, у тебя есть какая-то сила, знания или ключ к силе и знаниям, которые они могут использовать для себя. Кто-то из них, самые фанатичные, предпочтут тебя уничтожить, следуя учению. Другие захотят прибрать к рукам, чтобы возвыситься. Сдайся им. Доберись до устройства, способного воззвать к Вестнику, и сделай так, чтобы оно никогда не заговорило.

Я увидел краем глаза, как изменилось выражение лица Нарт.

— Но мама! — вскричала она. — Ты посылаешь его на гибель! Даже если его не убьют сразу, они замучают его! И как он найдет эту штуку?! Как он ее сломает? Мы ведь даже не знаем, на что она похожа!

Армир прикрыла веки и дождалась, пока дочь закончит.

— У нас нет выбора. Если их не остановить, они могут выпустить на

Зеленую звезду дымные огни, несущие гибель. Я не знаю, что это такое, но в золотых пластинах выбито, что после них на землях не остается жизни. Эти огни использовались когда-то на Жемчужине.

Я кивнул с пониманием:

— Во время войны с сургири.

Но она отрицательно дернула плечом:

— Нет. Тогда о них уже забыли. Их использовали раньше, когда наши предки явились на Жемчужину. Но сейчас нет времени болтать о давно прошедшем, — вдруг встрепелась она. — Ты поможешь нам, Ксената, заново рожденный пустыней?

Я не знал, что ответить. Сдаться святошам? После стольких лет бегства? Принести себя в жертву чужой богине, Владычице времени? Зачем мне это?

— А почему бы им не атаковать Лальм, если они получают эту силу с Вестника? — пришел мне в голову очевидный вопрос, и я задал его, чтобы чуть-чуть потянуть время и собраться с мыслями.

— Они не смогут, — Армир встала из-за стола. — Корабли помнят, куда лететь. Объяснить заново жрецы не смогут. Только выбрать из вариантов, которые им предложит древний механизм. Из тех, что описаны и дошли до них. Я понимаю, твой ответ «нет»?

Я промолчал.

— Пойдемте, — не моргнув глазом, будто ничего не произошло, произнесла Армир. — Время не ждет. Нам нужно еще откопать вирману и попытаться до восхода добраться до места. Мы высадим тебя там, Ксената. И пойдем дальше сами.

Она не дала мне возможности подумать. Впрочем, она ничего не потеряла, даже времени. Ведь, подумав, я бы лишь подтвердил ее предположение, ответил бы «нет». В этом мире все пытаются друг друга использовать. Армир спасла меня из рук сургири. Но ведь Иные перед этим спасли меня из рук бандитов. Которые отняли меня у Траны, пытавшегося, под влиянием чужого сознания, передать меня сургири. Но даже если бы не это, если бы меня у края пустыни ждал настоящий Трана — он действовал бы по приказу хозяйки Нагорной, исходя из ее интересов, не из моих. И мы сидели бы, возможно, сейчас в этом самом убежище, только нас было бы четверо, и в ухе Зарбат не висела бы серьга вдовы.

Действительно ли я погиб бы без Траны? Я, выживший трижды по девять с двумя по три днями в раскаленной пустыне без капли воды, спрятавшись под слоем песка, зарывшись как усач-верхогляд? Я, нашедший в себе силы доплестись обратно до Крепости Костей? Если бы

меня не заметила Айбис, птица Армир, если бы не пришел Трана... Умер бы я или сумел бы очнуться? Я, обученный Дсебой, наделенный от пустыни новой силой? Разве не заполз бы в тень, а ночью не доковылял бы до ближайшего родника или какой-нибудь дикорастущей лозы гроздевой тыквы? И не лучше ли было бы лично для меня, вместо того, чтобы отправиться с Траной — прокрасться мимо знакомых уже постов стражи Дарсума, облачиться в платье странствующего искателя и присоединиться к паломникам, или в одиночку попытать счастья, пробираясь горными тропами в соседние земли, или спрятаться на какой-нибудь никем не посещаемой плоской горе с красивым водопадом и заброшенным садом, каких много осталось после изгнания баальбетов? Чем я обязан Армир?

Так подумал я, и тут же ответил себе сам. Знанием. Она наделила меня знанием, которого не было раньше. Поведала о подселении чужого сознания. Пробудила во мне способность видеть миражи. Она сделала это не потому, что так было нужно для использования меня в своих целях, а просто потому, что знание нуждается в разделении его с другими, способными нести бремя. Этим я обязан Армир.

А еще она мать Нарт.

Молча, при свете звезд, ибо Вестник уже зашел, мы пересекли участок пустыни, отделяющий убежище от вирманы. Песок почти не занес его, маскировочная ткань во многих местах торчала наружу. Мы остановились перед тем, как приступить к раскопкам.

— Я помогу вам, — обронил я невзначай. Слова будто сами выпали из моего рта.

Армир подошла и положила обе руки на мои плечи. Ее глаза блестели, и, по воле случая, в них отразилась Зеленая звезда.

— Ты можешь пожалеть об этом, — произнесла Армир.

Нарт отвернулась. Мне показалось, что она уже пожалела и что ей хотелось бы отпустить меня, дать шанс выжить.

— Я могу пожалеть о многом, — сказал я, глядя прямо на Зеленую звезду в ее глазах. — Но сейчас я хотя бы поступаю правильно.

Армир промолчала.

Она опустила руки и отошла от меня, как ученый отходит от решенного вопроса. Или как жрец от принесенной жертвы. Или просто, чтобы не терять времени. Или чтобы не выразить чувств, кто знает, вдруг и моя наставница умеет плакать, и в глазах ее блестели не только звезды?

Так или иначе, мы взялись за маскировку и понемногу, подтягивая то с одного края, то с другого, смогли стащить ее с вирманы. Песок смахивали руками, пока Нарт не остановила нас. Она что-то сделала, и в машине

открылся узкий лаз; я и не подозревал, что так можно.

— Попробую поднять. Отойдите, — сообщила она и, махнув рукой, исчезла в кабине. Лаз закрылся.

Мы отошли шагов на двенадцать. Машина заурчала, вздрогнула. Постепенно, как бы отряхиваясь, вирмана выбирался на поверхность. Наконец, он подпрыгнул на высоту соседних скал, огласив окрестности торжествующим ревом. Взметнулась туча песка. Снизившись почти до земли, Нарт успокоила механическое чудовище, укротила его мощь до приглушенного рыка и подлетела к нам.

Три створки распались, мы забрались в кабину, усевшись, правда, в ином порядке. Я оказался спереди, рядом с Нарт, а ее мать и вдова Траны расположились позади.

С любопытством разглядывал я рычаги и рычажки, колесики и светящиеся полосы, с помощью которых управлялась эта древняя летающая повозка. Если они и были сделаны из металла, как мне показалось поначалу, то этого металла я не знал.

— Ничего не трогай, — прокричала Нарт, пока мы еще не взлетели, и я не осмелился попробовать их на ощупь. — Разваливается на ходу! Мираж не выдает, на ручнике водим! Но не бойся, дотянем!

Удивительно, как долговечны древние машины. Все, что сделали после них, уже давно распалось в прах, кое-где даже острова опустились на морское дно, города заросли джунглями или были занесены песками, но вирмана все еще служит людям, исправно носит их по воздуху. Правда, не думаю, что его часто использовали, однако вещи ведь стареют и просто от старости.

— А куда мы летим? — заорал я в ответ.

— А?

— Куда летим? — повторил ей в самое ухо, случайно коснувшись губами кожи.

— Через море! На восток! Заткни уши! — крикнула она, приблизившись почти в упор. Я чувствовал ее дыхание. Тогда мне показалось, что это самый счастливый момент в моей жизни. Мимоходом, коротко Нарт сжала мою руку и принялась двигать рычаги. Цвет светящихся полосок изменился, вирмана задребезжал, заскрипел и с грохотом рванулся вперед, набирая высоту.

Прямо перед нами, словно цель, висел Вестник, но до него даже на такой могучей машине не добраться. Мы перелетим через море Гем, на мой родной восточный берег, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы он так и остался недостижимым. Навсегда.

Часть 2. ОСКОЛКИ СТЕКЛЯННОЙ РОЗЫ

«...и книги были раскрыты; и другая книга была раскрыта, которая есть книга жизни, и были судимы мертвые, согласно написанному в книгах, по делам своим.»

Откровение Иоанна, гл.20, ст.12.

Луна мало изменилась за несколько сотен лет, прошедших с первых шагов Нила Армстронга и Эдвина Олдрина, отметившихся на ее поверхности. С них и началось присутствие здесь человека.

Шаги эти, вернее, следы от тех эпохальных шагов, видны до сих пор. Они на века отпечатались в реголите — раздробленном микрометеоритами слое, похожем на пылеватый песок — подобно сладкой присыпке для праздничного пирога он покрывает единственный спутник Земли. Меньше повезло Майклу Коллинзу, третьему участнику экспедиции «Аполло-11». Во время высадки коллег он болтался по орбите и наверняка кусал себе локти, убеждая зудящее эго: «Но ведь кто-то же должен».

Верно. Кто-то всегда должен принести себя в жертву. Его ботинки не топтали лунный грунт, он не стал одним из первых людей, шагнувших на другое небесное тело, помимо планеты-матушки. Его частенько забывают, когда говорят о начале «покорения Луны». Но, справедливости ради, на памятнике, отгроханном тут же, неподалеку, есть и его имя.

Как нетрудно догадаться, вокруг следов первой экспедиции создали музей под открытым небом. Что вполне логично: если закрыть это место куполом и дать ему нормальную атмосферу, от исторических следов, простите за каламбур, очень быстро не останется следа. Кроме того, пришлось бы долго проветривать зал от запаха горелого пороха, свойственного реголиту. Впрочем, если привлечь для этого дела земных бездельников, шатающихся по «местам космической славы» или просто прожигающих дни на Луне, выставив их в ряд и дав в руки веера, возможно, задача обрела бы смысл. Кроме того, звездно-полосатый стяг моей исторической родины наконец-то можно было бы высвободить из пут проволоки или чем они его там укрепили, чтобы не обвисал в

безвоздушной среде. И наш древний флаг смог бы, наконец, развеяться и трепетать на ветру, а разве не для этого созданы все флаги на свете?!

Вскоре после начала серьезного освоения Луна потеряла серьезность и стала большим аттракционом для землян. Помимо научных и учебных станций, которыми, конечно, спутник загружен основательно, на нем выросли целые города, сады и джунгли с «площадками крылатых», развешанными и прилепленными к стенам куполов наподобие огромных осиных или птичьих гнезд. Неофициально эти площадки так и прозвали: «гнезда летунов». Слабое лунное притяжение дает возможность человеку осуществить древнюю мечту: парить, словно птица. Причем, опираясь только на силу собственных мускулов. Все земные модели махолетов, даже самые успешные, выглядят лишь пародией на Икара. На современной Луне таких икаров — пруд-пруди, сотни тысяч, если считать туристов. Многие купола построены исключительно с целью расширить зону свободного полета. Между большими куполами на разных высотах проложены широкие галереи, по которым летун может перепорхать из одной области «неба обетованного» в другую.

Последний, самый крупный проект для «крылатых людей», закончили лет двадцать назад. Это удивительный город мыльных пузырей, проткнутых соломинками для коктейля — так он выглядит с высоты нижней орбиты ракетного облета. Прозрачные, матовые или зеркальные купола, соединенные трубами переходов, или, точнее, перелетов, громоздятся друг над другом на высоту до трех километров, и в каждом — свой ландшафтный дизайн, своя земля и небо — где-то имитируется пустыня, где-то — джунгли, где-то — фрагмент прерии или морского острова. Есть и купола как бы «с других планет»: и реальных, например, копии Марса, и фантастических. Есть даже реконструкция прошлого — Ганимед до его преобразования. Но эта модель, как и многие другие, чисто оптическая, обычная иллюзия, создаваемая системой трехмерных проекторов. Купола летунов транслируют подобные иллюзии: сегодня одну, завтра другую. Так у нас во всем. Во всех сферах работы, быта и отдыха нынешний человек находится в плену нематериальных псевдоживых изображений, что коренным образом отличает его от не слишком далеких предков.

В плену иллюзий. В плену миражей.

Мы вызываем их для удобства и развлечения, но глаза-то у нас прежние, обычные глаза *homo sapiens*, и они искренне верят в обман — ведь для того обман и создается. Мы живем как бы в сказке. Однако стоит однажды пропасть энергии, питающей этот балаган, и вместо пещеры

Аладдина, полной сверкающих сокровищ, нам предстанут невычищенные Авгиевы конюшни. Конечно, я преувеличиваю. За чистотой надежно следят роботы. И будут следить. До тех пор, пока есть энергия.

Но энергия, конечно же, не пропадет. С чего бы ей пропасть? И мы продолжаем махать крыльями над иллюзорным миром в искусственной атмосфере под куполом мертвого спутника Земли. Как бабочки. Не замечая, насколько, на самом деле, суров и беспощаден реальный мир вокруг нас, насколько он не прощает ошибок. И цена, заплаченная на Ганимеде, едва ли чему-то научила человечество. Оно как ребенок — упало, всплакнуло, отряхнулось и побежало дальше. Не впервые за историю.

Проживая в «мегакольцах», гигантских тороидах, обеспечивающих привычную силу тяжести, наши ученые, инженеры, их семьи, постепенно подтянувшиеся с Земли или образовавшиеся прямо тут, превратились в настоящих креолов. Они сформировали новую, пусть еще тоненькую и совсем молодую, ветвь человеческой цивилизации. Наземники с родной планеты насмешливо прозвали их лунянами, лунатиками и сателлитами, как бы подчеркивая юный возраст нации, отсутствие у нее корней, обилие иллюзий и неизбежную зависимость от прародины, застывшей прямо над головой и следившей за своими детьми внимательным голубым глазом. Сами же местные обитатели, нередко не покидавшие спутник годами, гордо величали себя селенитами по имени древней богини Селены.

Прекрасная Селена, сиянием наполняющая земные небеса и вдохновлявшая, да и по сию пору вдохновляющая поэтов... Человечество предпочитает видеть лучшее для себя, находить свет в конце тоннеля, луч надежды во тьме, благую весть на будущее... Новые лунные люди зовут себя селенитами, опрометчиво забывая, что другим лицом древней богини была Геката — мрачная колдунья с пылающим факелом в руке и змеями в волосах, покровительница ведьм и убийц, бродящая среди могил и вызывающая к себе на службу призраки мертвых.

Есть и другая мистическая версия, землянам неизвестная.

Давным-давно, на далеком Марсе обитали люди, считавшие нашу родную планету — Владычицей времени, богиней Весенницей, и видели ее не голубой, а зеленой звездой на своем небосклоне. Тот из них, кто обладал острым зрением, или ученые, управлявшиеся с оптическими приборами, могли различить рядом с богиней небольшую тусклую точку. В их поверьях, сила Владычицы времени, стекавшая по складкам ее одежды, порождала «таинне» — пугливых существ, наделенных, однако,

огромной силой и способных помочь жрецу, правильно выполнившему ритуал. Чтобы не оставаться в темноте, заклинатель использовал специальные ритуальные фонарики, рассеянный и мягкий свет которых не отпугивал таинне, поэтому бледный спутник богини и начали величать Фонариком. Нашу Луну.

Эти люди звали свой мир Жемчужиной, потому что был он тогда еще отнюдь не зловеще-красным, ржавым от старости, искореженным и почти лишенным атмосферы Марсом. Был он жив и зелен, наполнен морями и реками, населен животными и растениями, и неслись над ним, поверх дождевых туч, высокие и почти прозрачные перламутровые облака.

Так было.

Но теперь не так.

И человечество не слышит этого предупреждения. Оно глухо к событиям столь седой старины. Все умерло, ушло и быльем поросло, теперь мы — цари природы, мы строим межпланетную империю, перекраиваем на свой лад иные миры. Мы — боги.

Еще один мираж: коллективная глобальная галлюцинация самоуверенного социума.

Сколько уже их было в разные периоды истории... Не учимся ничему.

Но, как бы там ни было, сейчас Луна бежала перед моими глазами как большой ноздреватый блин, местами растрескавшийся от старости, а где-то покрытый засохшим черничным вареньем. На нем поблескивали огоньки станций, виднелись пятна разработок, площадки ракетодомов, свернувшиеся в круг гусеницы тороидов «мегаколец», тянулись нити монорельсов, сверкали купола... Однако, в целом, поверхность естественного спутника Земли со времен «Аполло-11», действительно, изменилась мало. Диких территорий не то, чтобы хватало — Луна практически вся состояла из них, что Катю как раз и устраивало.

Подозрение, будто нечто из прошлого Марса пытается, используя меня как открытый канал, проникнуть в наше настоящее, заставило нас поискать максимально уединенное место, которого можно было бы, к тому же, достигнуть быстро. И как я ни был против, как ни пытался всю жизнь избегать этой планеты, пришлось все же признать разумность Катиных доводов и лететь сюда.

Я смотрел на проплывающий под ракетой безрадостный пейзаж и сравнивал его с памятью. С теми моментами, когда, будучи ребенком, валялся, раскинув руки, в снегу, и пялился на звездное небо, мечтая поскорее покинуть Землю. Когда я разглядывал красавицу-Луну в окуляр

или просто так, невооруженным глазом, и мечтал побродить среди ее кратеров и горных пиков. Когда Гавайи еще не убили моих родителей-вулканологов, и без того лишивших меня детства и обрекших на душевное одиночество. Они похоронены здесь, на «земной» стороне Луны, а я непроизвольно жду невозможного — что увижу их могилу. Хотя даже не знаю, как она выглядит.

Людям из более ранней эпохи мои слова могли бы показаться странными или даже смешными, ведь во времена, предшествующие объединению государств, семейственность оказалась практически разрушенной, и стало нормой воспитываться посторонними — сначала в приемных семьях, затем в «системе интерн» — глобальной сети интернатов и детских домов, куда дети обычно попадали практически с рождения. Часто так и оставалось неизвестным, кто их «биологические предки». Целое поколение, выращенное таким образом, казалось, должно было снести остатки «устаревших догм» семьи. Тем более, что понятие «брак», до того регулировавшее так называемые «нормальные отношения между мужчиной и женщиной», размылось и практически срослось с понятиями «работа по контракту» и «завещание». Тем более, что женщины постепенно перестали вынашивать младенцев, а предпочитали внеутробное оплодотворение с возможностью генетической коррекции и инкубаторным вызреванием плода.

Но произошло обратное.

Возможно, и вправду, все в природе развивается по спирали, и на новом этапе повторяются старые события, обновляется лишь канва.

Рожденные в инкубаторах, воспитанные в «системе интерн», дети, повзрослев, начали разыскивать своих родителей. Родители, передавшие детей на внешнее воспитание, состарившись, принимались разыскивать их. От той эпохи осталось немало трагических произведений, посвященных теме надежд и разочарований от попыток воссоединения. Массовая волна самоубийств сотрясла народы. Человечество, как и в других случаях, споткнулось, отряхнулось, поплакало и забыло, но традиции снова изменились, и вот уже как минимум два столетия дети обычно воспитываются в семьях, из которых и происходят. Их не отдают в интернат при живых папах-мамах; то, как поступили со мной — ненормально.

Шум двигателей изменился и вывел меня из затянувшихся размышлений. Челнок сел в северной части кратера Коперника, на ракетодроме одноименного научного городка. Здесь нас ждала пересадка на

заранее подогнанный людьми Бобсона местный ракетолет, внеатмосферный катер, предназначенный для экстренной переброски пассажиров в пределах нижней орбиты. Их создавали специально для Луны.

Формой кораблик напоминал чудное насекомое с торчащими во все стороны лапками, антеннками, углами и усиками, хотя родство с аэродинамическими моделями прослеживалось отчетливо в гладких обводах кабины. Кстати, кабина оказалась намного просторнее, чем на подобных атмосферниках, в ней легко можно не только стоять в полный рост, но даже немножко ходить.

Экипажа не было. По настоянию Кати челнок без опознавательных знаков Контроля и без пилотов, зарегистрированный на одной из научных станций, предоставлялся в наше полное распоряжение. Моя лидер-инспектор не имеет привычки складывать яйца действий в корзину одной версии событий, поэтому, на всякий случай, отсекала потенциальным злоумышленникам возможность вычислить наше местоположение. Если нам угрожает древний Марс, это не поможет, потому что «канал», чем бы он ни оказался, связан со мной. Но ведь мы можем и ошибаться.

— Все, Пол, мы вдвоем, — с видимым облегчением выдохнула Катя, провожая взглядом оставшуюся за спиной взлетную площадку с блестящей рыбкой земного челнока над нею. Автопилот вел нашу ракету по выбранной траектории.

— Ты боялась, что кто-то из них...

— Накинется на тебя? — прервала она меня. — Да, Пол.

— Ну, они и сейчас могут нас выследить... Если кто-то из них. Мы же не особенно скрываемся, — я пожал плечами.

— Во-первых, нет. Нападавшие на тебя действовали импульсивно. Хватали, что похоже на оружие, и бежали убивать. Не ждали и не выслеживали. Во-вторых, мы скрываемся. Сейчас мы летим в Гелиополис. Да, это — немножко риск, там полно народу... — Катя подняла руку, останавливая мои возражения, — но тем и лучше, если за нами следят — затеряемся. Собьем со следа. По дороге изменим внешность и перекодируем коммуникаторы. Прикинемся обычными туристами с Земли, якобы приехали поразвлечься. Там мы снова изменим внешность, разделимся, возьмем два такси и поодиночке вылетим, смотри...

Перед нами появилась стереокарта Луны, где красным огоньком выделялся Гелиополис.

— Вот, смотри, — продолжила Катя, — ты — на базу Кравника, а я —

в учебный центр, как его тут... Учебный сектор Полинезийского университета, да.

На карте появились стрелочки с направлением движения и названные ею пункты. Мы должны немного разлететься, сделав вид, что как бы не вместе. Так. А потом собраться, да?

— А потом меняем такси, внешность, переключаем идентификацию в коммуникаторах снова и встречаемся вот здесь, севернее, — кивнула моей мысли Катя. — Туда я от третьего лица заказываю хоппер. Будет ждать пустой.

— Прыгун? — скривился я.

— Туристы любят экзотику, — пожалла плечиком Катя и показала язык. Ну точь-в-точь как Жанка. Я вздрогнул от противоречивой потребности отогнать и одновременно притянуть наваждение.

— Ты чего? — ее бровь изогнулась. Совершенно по-Катиному.

— Да... Так. Подумал о Жанне, — лучше не врать. Ей лучше не врать. Неизвестно, какие мысли она понимает и насколько точно.

— А... — протянула Катя и порылась в кармане. — На. Маска с модулятором голоса, цветокорректор для волос.

Она протянула мне малюсенькую капсулу. Не поняла? Не заметила? Сама не заметила, как в ней проявилась Жанна? Или мне мерещится...

— Не бойтесь, мистер Джефферсон, оно маленькое, да удаленькое, — Катя приняла мою растерянность за нерешительность. Странно. Да что это с ней?

— А маска зачем? — за бытовым вопросом я постарался скрыть волнение. — Проекцией нельзя обойтись?

— А если у них сканеры? Не, пусть ловят реальный рельеф. Проекцией перекрасим волосы. Одежда выстроится как надо, только задай режим. Вот, видишь...

И она показала пальцем на обозначения. Действительно, все просто. За пару минут мы сделали со своей внешностью все, что планировали. И еще быстрее перенастроили коммуникаторы.

— Ну, Кинг-Конг, привыкай к своей крошке... — жеманно протянула Катя... Нет, не Катя! На меня смотрела жгучая брюнетка с алебастрово-белой кожей, круглым лицом и маленьким, довольно симпатичным, алым ротиком. Влажный взгляд глаз цвета темного ореха приглашал немедленно отбросить все глупые дела и, подхватив даму на ручки, вознести ее не менее, чем на Олимп. Кстати, там Кинг-Конгам самое место. Жаль, на Луне олимпов нет, но зато есть куча развлечений похлеще.

Новые Катины ресницы оказались очень длинными и изысканно-

наивно загибались на кончиках. Она сделала ими хлоп-хлоп, и гигантская обезьяна во мне почти начала искать свой небоскреб, чтобы убежать. Я ведь говорил, что боюсь женщин? Да-да, комплексы проснулись.

— Что ты молчи-и-ишь... — протянула она капризно. — Я тебе не нравлюсь?

Голос теперь у нее на пару тонов выше и с незнакомыми интонациями. Какой-то легкий акцент, не пойму только, какой...

— Нравишься, что ты, всю жизнь о такой мечтал... — соврал было я, и хотел добавить еще пару ласковых, но звук собственного голоса заставил меня заткнуться. Откуда этот солидный бас? Откуда эта, изредка проскальзывающая, хрипотца?

— Голос можно настроить, мой обезьяночеловек... — нежно улыбнулась э-э-э... Катя. — А как тебе вот это?

И она выразительно приподняла ладонями грудь, раздувшуюся на пару размеров, и похлопала по так же расширившимся бедрам.

— Да-да, дружок, а еще я немножко подросла. А ты, э... окреп. Возмужал, да, Пол, ты очень возмужал, — звонко, переливисто расхохоталась она. Я вздрогнул. Не то, чтобы неприятно, но как-то непривычно слышать такой вот смех...

Программу преобразования подготовила, конечно, Катя, меня, разумеется, не спросив, так что собственная внешность для нее не стала неожиданностью, а вот меня, похоже, ждал сюрприз за сюрпризом...

— Ну, вставай, посмотри на себя, ну же, Пол, сделай одолжение, оцени мою работу, — снова рассмеялась она, а я снова от этого вздрогнул. — Кстати, теперь тебя зовут Пауль. И фамилия твоя Мозель.

Я, слегка помявшись, поднялся и спросил:

— А... Немецкий акцент мне тоже имитировать? — и обратил внимание, что он уже есть. Мощная штука, оказывается, эта масочка... А ведь невесома и на лице практически не ощущается. — Ну... Давай.

И она дала изображение: прямо напротив меня появился коренастый мужчина европейского типа, среднего роста, с узким длинным подбородком и слегка оттопыренными ушами, в стильную меру заросший рыжеватый блондин.

Я задумчиво почесал за ухом — он задумчиво почесал за ухом. Выглядело это по-идиотски. Конечно, исключительно из-за дурацкого лица. У меня совсем другой образ, честное слово, никогда не мечтал стать небритышем блонди.

— Э-э-э... — протянул я, и он открыл рот, очевидно, произнося то же самое. — Надо почаще смотреть на себя со стороны.

— Вот это в точку, пупсик, в самую точкушечку... — хихикнула Катя и со стопроцентно поддельным смущением, которое глупые дамочки пускают в ход для очарования болванов, прикрыла ладошкой ротик. На ногтях у нее красовались новомодные объемные наклейки. То есть они выглядели объемными, на самом-то деле — стандартные микропроекторы, просто программа новомодная, дизайн. Рассылается подписчицам с очередным обновлением...

Похоже, Катя специально собрала в личине этой девицы все черты, раздражающие или пугающие меня в женщинах.

— Ну и зачем? — вздохнул я, уже привыкнув к тому, что она ловит мои мысли.

— А чтобы ты вел себя с этой... — и она кивнула на свою выпирающую грудь, — не так, как со мной. Кста, — сообщила она, характерно глотая промежуточные звуки и широко раскрывая рот в паузах, — мя зовут Джульетта, для тя — Джу. Ко-о-отик.

Последнее слово добавила так, что я скривился. И это не прошло незамеченным:

— Ха-ха-ха, нельзя ж так попадаться! — воскликнула Катя-Джульетта. — Все мужики едят глазами — прям, что покажешь, то и заглотят. И ты, мой любимый, этому живое подтверждение есть!

Закончила она по-немецки. Явно не случайно, если вспомнить, что теперь я зовусь Паулем Мозелем. Судя по всему, двухсторонний синхронный переводчик встроен в маску, ведь немецкого-то я не знаю. Но как начать говорить?

— Пауль, у тебя такой внутренний поиск на лице... Ха-ха-ха. Переключатель режима на коммуникаторе, синхронизирован с маской. Но ты можешь перевести на маску. Хочешь? Как предпочитаешь управлять? Взглядом, морганием, языком, звуковым сигналом?

— Последнее поподробнее, пожалуйста...

— Ну-у, а с кем ты собираешься чирикать на этом грубом языке, мой железный орел? — она кокетливо уклонилась от ответа. Не узнаю Катю. Словно полностью изменилась не только внешне, но и внутри. А что, если она и со мной играет точно также, как... Не надо думать, она ловит... «Какая прекрасная игра, Катя» — со всей отчетливостью, на которую способен, произнес я внутри собственной головы.

— Стараемся, стараемся, — она чиркнула ножкой в подобию старинного книксена.

Я моментально задушил торжество, переведя его в похожую по вкусу эмоцию, в радость и гордость за Катины способности. Получилось.

«Значит и у нас все получится. Какая молодец Катя» — примерно такие мысли должна она поймать. А остальное уйдет в оттенки. В непонятки. В фон. Значит, чтобы не попадаться, мне надо думать короткими недомыслиями, прерывая их четкими, внятыми фрагментами «для нее». Желательно притом, чтобы мои настоящие мысли были неэмоциональными и без четкой словесной формы, а отвлекающие — наоборот. «Теперь мне надо попробовать поболтать по-немецки» — отчетливо, вдавливая каждое слово и пытаясь ощутить воодушевление и неуверенность, произнес я внутри себя.

— А как, все же...

— Смотри, — она показала, как почти незаметно для постороннего глаза сменить режим речи с помощью коммуникатора. — Если не слишком частить с переключением, не заметят.

— Катя, — не выдержал я, — мы шпионами в логово врага идем? Ну к чему такая... проработка образов?

Она ухмыльнулась. Странно было видеть Катину ухмылку на этом, в общем-то, привлекательном, но таком глупом лице «славной девушки с Земли».

— А ты собрался в песочнице поиграть, малыш? Противник неизвестен. Мы должны сделать все, что можем... Пауль.

Наши руки соприкоснулись. Едва заметная дрожь пробежала по моему телу. Все-таки, это — она, Катя, если не смотреть...

— И не хватайся за меня, грубиян, — всплеснула руками Катя-Джу. — Вижу, еще кое-чем задумался, только не глазами!

Я покраснел. Моя Джульетта, определенно, более вульгарна, чем я готов выносить.

Сигнал автопилота о приближении к пункту назначения остановил поток мыслей.

Гелиополис.

* * *

Море Гем потерялось в дымке далеко позади. Под нами плыли зеленые поля и доли, богатые сады и непроходимые, опасные сейские джунгли, в верхних ветвях которых изредка удавалось различить злых и любопытных бурки, выискивающих добычу. На равнинах безмятежно паслись стада валаборов, лениво жующих кустарник на уровне своих негнущихся шей и, вероятно, так и не успевавших понять, пугаться им или нет столь

стремительно пролетавшего над головами грохота вирманы. «А, ну его, показалось...» — думали, наверное, они, и, конечно же, мгновенно забывали. Забывать — единственное, что валабор умеет делать мгновенно.

Однажды мне показалось, что на отколовшемся обломке белой скалы разлегся полосатый заур. Зауры — настоящее бедствие в наших краях, и хотя дома моего народа остались намного южнее, я узнавал знакомые черты во всем, мимо чего пролетал.

Грохот не давал разговаривать, но Нарт заметила мое оживление и улыбнулась. Думаю, она поняла, что, несмотря на механическую вонь вирманы и набранную нами высоту, я чувствую запах родины.

Небольшие деревни вистермейсов и гаубов проглядывали плетеными крышами сквозь заросли плодоносящих деревьев и лиан, которыми эти племена имеют склонность обсаживать дома. Трехслойное крышное плетение у них настолько совершенно, что не оставляет дождю возможности просочиться вовнутрь. Я несколько раз бывал у гаубов, а в детстве меня возили и к вистермейсам. Признаться, не вижу между ними особой разницы, если не считать некоторого расхождения в произношении имен да пары десятков слов, применяемых только первым или вторым племенем для обозначения одних и тех же вещей. Мне кажется, они самито нередко путают, где кто, если человек неизвестный, и отличают представителей своего народа от соседнего только по этим особенным словам. Что не мешает каждому из племен называть свой язык «вистермейским» или «гаубским», подчеркивая, насколько они уникальны.

Спокойные края, давно забывшие о голоде и нужде, уже много двудевятилетий не слышавшие слова «война». Не знаю даже, осталось ли такое понятие в местных языках.

Неожиданно мы пошли на снижение. По пологой дуге вирмана обогнул опушку густых зарослей сейсы, никогда не перестающих цвести и стрекотать, и нырнул под своды леса, в зеленый тоннель, образованный сросшимися ветвями и лианами над ленивой мутной рекой. Здесь царил полумрак. Словно бы предвечерие, время сумерек, однажды войдя тем же путем, что и мы, задержалось и не смогло покинуть джунгли. Мысль о возможности не вернуться коснулась моего разума и скользнула прочь по внешней его границе — нет резона переживать страхи, когда решение принято, когда ты вверил себя другим и не влияешь на происходящее.

Мы летели почти над самой водой. Летели так неторопливо, что, пожалуй, прыгающий по веткам бурки без усилия обогнал бы нас. Поверхность реки под вирманой морщилась и проминалась, разгоняя

влекомые течением опавшие листья и создавая небольшие волны, кольцами расходящиеся от нас во все стороны. Нередко, когда отжатая горячим воздухом вода отступала, обнажались белесые ленты и лохматые щетки речных водорослей, и если в этот момент мы оказывались слишком низко, они варились заживо в выхлопном пламени древней машины.

Я глядел на реку, перегнувшись за борт, насколько позволял выступ прозрачной крышки кабины. Подняв взгляд, рассматривал проплывающее мимо сплетение ветвей, стволов, стеблей, листьев — настолько плотное, что трудно и помыслить преодолеть его без тесака или огнелуча. Растения яростно боролись за жизнь, карабкались одно на другое, пытаясь лишить друг друга света и любой ценой вырваться наверх, к солнцу, или хотя бы к воде, сумрак над которой был, все же, менее густым, чем в чаще. Растения учились пить чужие соки, присасываясь к жертвам. Они учились ловить подвижную живность и питаться ею. Самые миролюбивые обрели способность довольствоваться крохами, просачивающимися сквозь туго сросшиеся кроны, или уходили в жирную землю, научившись обходиться теплом, жить в темноте.

«Они такие густые возле берега, поглубже должно быть свободнее», — сделал я логичный вывод и взял на заметку, а то, мало ли, вдруг придется оказаться в этом лесу пешком. Зауры здесь точно водятся. Наши говорили, в сейских лесах кто только ни водится... Но бурки хуже зауров. Полосатые ящерицы не лазают по деревьям. А вот гадкие бурки, ловкие шестирукие монстры с длинным раздвоенным хвостом, они не менее кровожадны, чем зауры, но куда опаснее и умнее. Нет, не хотелось бы одному и без оружия ступить в эти терния...

Я снова осмотрел плотную стену растительности у самой воды. Хорошо, вирмана большой и громкий, они наверняка следят за нами, оценивают и боятся... Непроизвольно глянул наверх. Над головой проплывали своды этой своеобразной лесной пещеры, сквозь которые нигде не просвечивал даже маленький клочочек неба. Нередко свесившиеся лианы или застрявший в густых ветвях сухой сук доставали до крыши кабины, неслышно поглаживая или стучаясь в нее.

Нарт показала мне: «Вынь затычки из ушей», и я послушался. Шум вирманы заметно ослаб. Он уже не разрывал слуховых перепонки и, скорее, урчал, нежели ревел, но разговаривать все равно было бы делом затруднительным, разве что орать во весь голос.

Нарт хлопнула меня ладонью по руке и махнула вперед. Нагнувшись, к самому уху, прокричала: «Скоро уже... Там пещера...» — и снова устремила взгляд на реку. Прямой участок русла заканчивался, оно стало

уже, течение убыстрилось, зеленый коридор сжался и потолок из ветвей и лиан опустился. Вирмана приник к самой воде, вскипавшей и испарявшейся под его брюхом. Нас окружил пар, и различить что-либо стало возможно только прямо перед собой.

«Как в том сне» — вспомнил я внезапно недавнее, но уже почти забытое видение реки в каменных стенах, огромной тяжелой машины, идущей против течения, дождя... Туман... Туман за клубился вокруг меня, проник в кабину, заполнил глаза, украл звуки.

«Туман способен говорить, способен показывать, не только миражи...» — бормотал мне на ухо едва различимый шепот, пожалуй, мною же и думанные мысли, но они почему-то не шли изнутри, а как бы отражались от молочно-белой слепоты вокруг, отражались шорохами, отражались призрачно, возвращаясь ко мне.

«Туман расскажет тебе...» — нашептывало мне эхо, и вдруг умолкло, словно отброшенное громким и живым, таким знакомым голосом Пола: «Ксената! Я уже думал, никогда... К переводу вернемся позже. Скажи, что такое этот канал? Вы с Лиен открыли канал, вошли сюда, теперь пропали, но мы можем говорить... Кто-то другой может влезть в канал? Ксената, не молчи, это важно!»

«Да, я слышу, подожди, надо подумать» — ответил я, а сам лихорадочно пытался сообразить, что же он имеет в виду. Связь у нас такая, что вот-вот порвется. И манера у Пола такая... Невыносимая. Приходить в самые неподходящие моменты. Или у меня все моменты стали неподходящими? Такова теперь моя жизнь? Да нет же, летели чуть ли не треть дня, что раньше-то мешало... Ладно. Он об этом голосе в тумане? Это, что ли? Но это же мой голос, и мысли мои... Или он... Есть! Вспомнил!

И я начал торопливо складывать внутри себя, боясь, что не успею: «Кто-то говорил, когда я спал. Не ты, не я. Пока канал открыт, говорил, убейте, убейте... Но я не знаю, что это за канал! Поверь уже мне. И я не знаю Лиен, и никогда не знал!»

«Вспоминай же, вспоминай, черт возьми! — Пол тоже торопится и злится, я чувствую это. — Остров, плавающий остров, море, хозяева острова, подводная лодка, там живет Лиен, у тебя на берегу тайник, наверху холма, оттуда подземная дорога с тачкой на рельсе...»

«Но... Что такое рельса?» — Я не могу разобрать, что он имеет в виду.

«Ктар! Черт, ты называл его ктаром!»

И вдруг я увидел. Увидел так, будто сам был там. Ктар. Не он, а она. Она зовется ктар. Из древних машин, но из простых. Их используют жрецы

Звездного огня, умеют даже строить. Неужели я в храме? Я несея в подземном тоннеле, ветер свистел в ушах. Темнота. Но вот впереди забрезжил свет, движение ктар замедлилось и она мягко ткнулась носом в стену. Отчетливо запахло морем...

Тьма...

Кругом тьма.

Кто-то тормозит меня.

— Ксената! — обеспокоенные голоса. Свет. Я открываю глаза. Лица плывут, словно смотрю через рябую воду.

— Он очнулся.

— Дай воды. Да просто воды, с ним все в порядке.

Вода брызжет на лицо. Течет в рот. Как тогда, на краю пустыни. Меня поил Трана. Нет, Нарт. Но ее руки были такими неуклюжими... Не то, что сейчас...

Зрение прорезалось: лицо, склонившееся надо мной, видно теперь четко. Зарбат, вдова Траны. Все возвращается на круг, как поется в древнем гимне: «Все возвращается на круг и вырастает вновь, лишь звезды не сгорят».

Не сгорят. Как же.

Вместо Зарбат появляется Армир.

— Он в себе.

И она же, но теперь мне:

— Вставай. Прилетели.

Я сажусь и лишь тогда оглядываюсь по сторонам. Свет исходит от круглых фонариков, встроенных в стену. Негромко журчит вода, пахнет сыростью и мокрым известковым камнем. Это река, подземная река. Она выбегает из темноты и уносится в темноту. Ноздреватые своды большой пещеры, словно изъеденные слизнями, убегают во мрак. На широкой площадке явно искусственного происхождения во всей красе возвышается вирмана. От него до стены всего тройка шагов. И столько же до черной воды. Надо же, как точно вписались... А вирманы ведь не плавают. Я отогнал от себя эту мысль еще когда увидел под собой бескрайнее море Гем. Теперь можно. Теперь бояться поздно.

— Солнечный город, — донеслось до меня. И торопливый ответ: — Да скоро уже...

И появилась Нарт. Ее лицо сияло улыбкой.

— Когда ты теряешь связь с этим миром, я не волнуюсь, — рассмеялась она. — Привыкла.

Но легкая тень тревоги во взгляде, обежавшем меня с ног до головы,

заставляла усомниться в полной искренности сказанного. Приятно усомниться.

— Привыкла к тому, что я неизменно возвращаюсь? — мягко подтолкнул ее я.

Нарт не ответила.

К нам подошла Армир.

— Ты можешь идти? — посмотрела на меня она.

— Сейчас проверим, — я приподнялся, выпрямился, сделал несколько шагов взад-вперед. — Даже голова не кружится.

— Тогда идемте, — моя наставница развернулась, традиционно закончив разговор обрубанием.

— погоди, Армир! — воскликнул я вслед. Она обернулась. — Объясни хоть что-нибудь. Куда мы летели, зачем, куда мы идем? Вы меня тащите как необъезженного ксенги...

Нарт прыснула. Даже в глазах Зарбат мелькнуло что-то, напоминающее веселинку. Армир тоже чуть улыбнулась:

— А ты объезженный?

— Я заслуживаю доверия, — мой голос звучал предельно серьезно.

— Да? — Армир чуть приподняла тонкую бровь. — Хорошо. Мы идем в Солнечный город. Слышал о нем?

Один из главных городов Башен, еще бы мне не слышать, я там учился. Вторую ступень посвящения почти целиком провел в храме Синеокого, а потом возвращался туда на четвертой... Оттуда и был изгнан.

— И даже бывал, — хмыкнул я.

— Вот и отлично, — снова отрезала Армир и, развернувшись, пошла в проход между вирманой и стеной пещеры. Похоже, дальнейшее обсуждение не предполагалось. Что же. Пусть так.

Каждый из нас взял по фонарику.

Рассеянный свет мягко обнажал каменные своды и натеки, трещины и темные провалы боковых ходов. Мы поднимались. В какой-то момент Армир остановилась, словно не уверенная, куда повернуть, а затем подошла к стене и резким движением обеих рук надавила на выступ. Раздался скрежет, и открылась узкая вертикальная щель.

— Помогите, — приказала моя наставница. Мы налегли все вместе и расширили отверстие так, чтобы в него мог протиснуться человек.

Первое, что бросилось в глаза — пыль. Буквально по щиколотку утопали ноги в густой рыжеватой пыли, занесшей пол за, возможно, тридевятилетия покоя. Армир заметила мой взгляд:

— Давно не пользовались, — сухо вато хмыкнула она. — Забыли уже.

— Где мы?

— Под Солнечным городом. Слушай меня внимательно, Рожденный Пустыней. Я говорила, жрецы Звездного огня намерены погубить Зеленую звезду. Для этого они хотят с помощью древнего механизма пробудить Вестник. Они думают, дочери берегов Лалъм замышляют напасть. Они верят, что дочери Весенницы получают от матери силу не только в наставлениях, но и в людях, в оружии. Они думают, мы готовим вторжение.

Кажется, впервые моя наставница сказала «мы» о себе и жрицах Владычицы времени. Случайная оговорка или она хочет на что-то намекнуть? А что, если святоши не так уж неправы? Что, если Армир послана с острова Лалъм в земли под тенью Башен для подглядывания и нашептывания, выведывания и подлога? Тогда понятен ее интерес к Рожденному Пустыней, ох как понятен... И не менее понятна осведомленность в делах жрецов Звездного огня. В самом деле, откуда бы отшельнице, беглой жрице, пусть даже она и нашла бы эти свои хоромы в Нагорной, знать о происходящем в секретных комнатах Великой Башни? Даже если редчайшая машина, вирмана, ждала ее или попалась на глаза случайно в каком-нибудь хранилище древних, она не помогла бы Армир проникнуть в планы высших жрецов. Только информаторы. А информаторы бывают только у шпионов.

— Но жрецы не едины в намерении погубить Зеленую звезду, — продолжала она. — Самые мудрые и самые глупые сомневаются. Они не восстанут. Они подчинятся воле большинства. Но они могут дать тебе ключ.

Она многозначительно замолчала, но я не задал вопроса.

— Ты не спрашиваешь, что за ключ, — констатировала она. — Это мудро. Я тоже не знаю ответа на этот вопрос. Но они могут дать тебе ключ. Ключ, который позволит тебе, рискуя своей жизнью так, как на это не пошел бы ни один из них, обезвредить Вестник. Если мы разделимся, ищи Гаруссу.

— Где мне искать Гаруссу?

— Он жрец, — ответила Армир.

Что же, ответ исчерпывающий. Чтобы найти жреца, достаточно спросить у другого жреца, если он не знает, ответит к тому, кто знает. И, если статус искомого позволяет встречаться с ищущим, преград не будет.

«Святоши ближе к народу, чем можно было бы подумать.» — шевельнулась мысль в моей голове.

«Пол?» — неуверенно позвал я, однако лишь тишина была

результатом.

— Но почему жрецы так озабочены судьбой Зеленой звезды? Те, которые против обращения к Вестнику? — вопрос вертелся у меня на губах с момента, как она упомянула о расколе. Такая забота о чужаках не особенно-то свойственна святошам.

— Предзнаменование. Прорицание. Предсказание, — моя наставница слегка скривилась. — Много лет назад, как ты, наверное, знаешь, одна из древних машин в Великой Башне вдруг заговорила. И она предрекла гибель Жемчужине от небесного огня. Жрецы, конечно, тут же решили, что это их Звездный огонь. Машина назвала и год. И даже день. Он наступит при нашей жизни, если богиня раньше не отвернется от нас.

— А причем тут Весенница?

— Зеленая звезда упоминалась в предсказании. Но жрецы не готовы слушать никого, кроме себя. Ученик случайно оказался рядом, когда машина заговорила. Она считалась мертвой. Когда собрались все, большая часть была сказана. Поэтому ни год, ни день точно не известны. Ученик перепугался. Сначала он заткнул уши. Жрецы вытянули все, что могли, но он не мог сказать больше, чем слышал. После допроса ученик умер. К тому же, машина говорила на языке более старом, чем староферсейский, они просто не все поняли. Они считают, Звездный огонь падет на Жемчужину, и это как-то связано с Зеленой звездой. Они всегда недолгобливали нас, но боялись нашей силы. Теперь, когда время приближается, они... нервничают, — снова сухой смешок. Армир, определенно, презирала жрецов, как, возможно, и мужчин вообще. — Но мудрые понимают, Зеленая звезда ни при чем. Что бы ни говорилось в прорицании. Ее просто упомянули. Возможно, огонь пролетит рядом с нею. Или ударит и ее тоже. Или она спасет нас. Или что угодно. Те, кто поумнее, думают, если не будить Вестник, возможно, он сам проснется, когда надо, и сделает, как надо. Или та машина его разбудит, чтобы спасти Жемчужину. Что нельзя ничего трогать, мол, предки знали, что делали, и надо ждать нового предсказания и молиться. Глупцы же... Глупцы боятся мести богини или совпадают с мудрецами в выводах, имея другие мотивы — молиться и доверять Звездному огню.

— А... Я-то тут при чем?

Армир внимательно посмотрела на меня, словно хотела что-то сказать, но потом передумала и произнесла другое:

— В предсказании машины тебя не было. Но они узнали, что тебя видела жрица Владычицы времени. Рожденного Пустыней. Видела в миражах. Узнали и решили, что ты помещаешь им и приведешь

пророчество к воплощению.

Сказать, что я был удивлен — ничего не сказать. Выходит, не наши святоши, а жрицы Весенницы обрекли меня на такую веселую жизнь...

— Ты не хочешь узнать, что на самом деле сказали миражи?

— Хочу, — только и нашелся пробормотать я.

— Они сказали, что придут двое из пяти в одном, чтобы спасти всех.

— Мутновато... И почему словами...

— Ты прав, миражи не говорят. Они показывают. Я сказала кратко, суть. Так записано у нас.

— И поэтому вы ждали... меня? Поэтому ты послала Трану?

— Да. Спасти тебя, чтобы спасти всех.

— А что это за «двое из пяти в одном»?

— Мы не знаем. Та, кто видела, была не совсем... нормальна. Но ее слова оправдывались, когда приходил срок, если их понимали верно.

— Ты уверена, что вы правильно поняли это ее... предсказание? — усомнился я.

Армир промолчала.

— Армир... — настоял я.

— Есть разные мнения. Но нет смысла о них говорить, — отрезала она. — Я считаю так.

Отлично. Выходит, и среди жриц нет согласия. Возможно, часть их полагает, что святоши правы, и человек этот, то есть я, принесет гибель, а не спасение. Но, конечно, они не смеют сказать это вслух, ведь тогда они поддержат святош, предполагающих уничтожить Зеленую звезду. Ладно. По крайней мере, моя наставница на моей стороне, иначе давно бы убила меня.

— Армир, прежде, чем выйдем отсюда, прошу, расскажи мне, в чем суть миражей?

Она немного нетерпеливо повела плечом:

— Миражи показывают то, что не здесь, или то, что здесь, но выглядит не так. Миражи всегда показывают то, что есть. Или было. Или будет.

— Но как? — я хотел, чтобы она объяснила, ведь нас ждала опасность и нового шанса поговорить могло не выпасть.

— Ты настоящий ученый, Ксената, — смягчившись, произнесла она. — Хорошо, слушай. Все дело в свете. Мы видим свет, ты знаешь это. Но задумывался ли ты, как свет умеет обманывать? Видел ли ты его игры в воде, когда он преломляет воткнутую в дно палку? Так же и в обычных миражах, только обман сильнее. Свет может обогнуть горы, если воздух ему позволит. Тогда он покажет тебе то, что с другой стороны гор.

— Ты говоришь об обычных миражах, Армир, — вставил я, заметив, что она замолчала.

— Да. Ты прав. Но и в обычном мираже можно увидеть больше, чем он показывает. Это учит тому, как видеть все миражи.

— Я понимаю это. То, что ты сказала о свете. Но как можно увидеть будущее или прошлое?

Армир некоторое время молчала, словно взвешивая, и, все же, видимо, решилась:

— Прошлого и будущего нет. Нет настоящего. Это слова. Мы так видим, так называем, но это наш повседневный мираж, вводящий в заблуждение, мираж, позволяющий нам жить. Мы живем в нем, иначе мы не справимся. Так ограничивает нас разум. Так ограничен он сам. Вглядываясь в миражи, открываясь им, ты на короткое время становишься тем самым слоем воздуха, который проводит свет из-за горы. Но этот твой свет и так здесь, никуда не девался, ниоткуда не берется. Ты только подглядываешь в него. И видишь сразу больше, чем можешь переварить, не сойдя с ума. Разум защищается, ты мешаешь ему. Так сходят с ума. Миражи опасны. Мы всегда бы видели их, если бы не закрывали глаза, но открытые глаза убивают нас.

— Так сошла с ума та предсказательница?

— Да. Поэтому видела больше других. Она остановилась в продвижении безумия, поэтому могла пересказывать.

— С нею можно встретиться? — внезапно для самого себя, вырвалось у меня.

— Она умерла, — мне показалось, в голосе скользнула печаль.

— Вы были знакомы?

— Это моя мать. У тебя есть еще вопросы или мы можем идти? — резко бросила она.

— Армир... У меня есть еще один вопрос.

— Последний.

— Конечно, — быстро согласился я и спросил о самом главном, о том, что давно откладывал, опасаясь ее реакции. — Голос в голове... Бывает, что человек слышит... Что с ним кто-то разговаривает. Это подселение сознания?

— Обычно, нет, — Армир отрицательно повела плечом. — Обычно это усталость или сумасшествие.

— А если он говорит разумные вещи, знает то, чего ты не знаешь, а потом оно подтверждается?

— Почему ты спрашиваешь, Ксената? — ни тени озабоченности в ее

голосе.

— Ну... — и я рискнул броситься в воду неизвестности, как когда-то прыгал с утеса на восточном берегу Гем, — я слышу иногда.

— Что же ты слышишь?

— Голос другого человека. Он убеждает меня... — я попытался собраться с мыслями, чтобы выразить их как можно короче и понятнее.

— Убеждает сделать что? — подтолкнула меня собеседница.

— Ну...

— Выдели главное.

— Найти какую-то Лиен. Кстати, похоже, она их ваших... Извини, бывших твоих... Ну, из жриц Владычицы времени...

Только сейчас я обратил внимание, что лицо Армир окаменело, словно при жизни превратившись в предсмертную маску. О чем она задумалась?

— Армир... Ты слышишь меня?

— Да... Да.

— Может быть, ты знаешь, кто эта Лиен?

— Имя указывает на принадлежность к жрицам Весенницы, — немного растягивая слова, согласилась она с моим предположением.

— То есть, мне искать ее там, на берегах Лальм?

— Жрицы Весенницы живут на этом острове, — снова согласилась со мной Армир.

— Но это же невозможно! Меня не допустят туда!

— Да, не допустят. А если проникнешь и попадешься — убьют. Мужчинам не место на берегах Лальм.

— Но что это за голос?

— Я... Не знаю. Будь осторожнее с ним. Ты можешь рассказывать мне все, что он тебе говорит, прежде, чем будешь принимать свое решение?

— Да, конечно, наставница.

— Вот и прекрасно. А теперь идемте, это плохое место для долгих разговоров. Ступайте след в след. Ксената последний, твои следы самые большие. Старайся покрывать наши.

Она пошла впереди, за нею вдова Траны, потом Нарт, я замыкал.

Наконец-то мне доверили хоть что-то.

За поворотом нас ожидала крутая лестница, уходящая прямо в потолок. Я обернулся. Следы, оставленные нами, казались делом ног одного человека.

Лестница несколько раз меняла направление, угол и наклон, в одном месте даже ненадолго превратилась во вьющуюся. Мы все поднимались и поднимались, но это меня не особенно удивляло, Солнечный город

расположен на плоском холме, довольно высоко поднятом над равниной. Несколько лет прожил я в нем, обучаясь в храме Синееокого, однако даже не подозревал, что туда можно попасть подземным путем через пещеры.

Удивительно, пыль пропала практически сразу, как мы миновали первые повороты лестницы. Я спросил бы об этом Армир, но она шла впереди, и кричать, наверное, было бы неразумно, а Нарт могла не знать причины, да и, в самом деле, сколько уже можно проявлять неуместное любопытство, будто я первогодок. Так что решил отложить.

Очередной пролет лестницы привел нас в тупик.

Армир ощупала стену, ступеньки, поискала на потолке. Наконец, похоже, нашла скрытую панель, нажала на нее, но ничего не произошло. Тогда она уперлась спиной в противоположную стену и надавила ногой. Очень неохотно камень, закрывавший выход, откатился в сторону. В лицо пахнуло свежим воздухом. Снаружи было еще не очень жарко, первая треть дня только начиналась. Чуть выше Башни, возвышавшейся над городом, висело сиреневое облачко. В прозрачных камнях городских окон разливалось золото раннего солнца. Плоские крыши громоздились одна над другой. В домах богатых жителей их украшали сады, иногда даже в несколько этажей.

Я попробовал сориентироваться.

Ну, конечно, мы в Хабаре, лесном квартале. Здесь запрещено строить и охотиться, он огорожен и охраняется. Местная и приезжая знать, включая координаторов, имеет привычку приятно проводить время в уютных плетеных хижинах рядом с ручейком, выбивающимся из-под живописных камней. Говорят, это сближает господ с народом, на деле же «народа» здесь нет — обычная прогулка на природе, даже в лесу, под надежной охраной и без всяких там внезапно появляющихся бурки или зауров. Несколько раз, слышал, бурки пробирались-таки в город, но стража отлавливала их и истребляла немедленно, еще во внешних кварталах. Отлавливать бурки... Представляю себе, сколько хлопот с этими крышами... Сам не раз скакал по ним, не желая быть застуканным за каким-нибудь неодобряемым занятием.

Святоши редко появляются в Хабаре, и я заглянул сюда лишь однажды, полюбопытствовать. Статус ученика второй ступени позволял посещать лесной квартал под надзором посвященного жреца, и я воспользовался случаем, пристроившись к добрейшему Вартиксе — тот любезно согласился провести меня с собой для демонстрации излишеств и в назидание, какого образа жизни следует избегать прилежному юноше.

Ничего особенного, ранее мне незнакомого, я здесь не лицезрел, но оценил стены и охрану. К защите покоя и удобству посетителей квартал Хабара относился серьезно.

Наше счастье, что острие оружия стражников всегда направлено вовне, а не вовнутрь забора, иначе пришлось бы искать другой путь под землей. А так, мы привели в порядок одежду и дождались, когда начнется солнцепад, вторая треть дня. Закрывать выход из подземелья нам не удалось, плита не хотела подаваться, пришлось заложить щель камнями и закидать ветками. Женщины стравили волосы с голов, воспользовавшись каким-то своим, неизвестным мне средством. Лысыми Армир и Нарт стали еще более похожи, но чужеродность их лиц для здешних мест стала менее бросаться в глаза. Зарбат, на мой взгляд, так и осталась дикаркой, но вид ее теперь соответствовал этикету периметра стен Хампураны, внутренней страны Башен.

С достоинством спустившись с холма и для виду постояв у искусно вырубленного водопада, мы пристроились к большой шумной группе гостей помещнического дома, где женщины легко могли — на первый взгляд, конечно — сойти за чьих-нибудь слуг, а я — за посвященного. Святоши не следовали единому канону в одежде, придерживаясь лишь общих принципов чистоты и скромности, и мое длинное платье полностью им удовлетворяло.

* * *

Как я и предполагал, стражники Хабары не обратили на нас внимания вовсе, мы без помех выскользнули наружу.

Большая площадь перед входом служила местом ожидания, здесь томились слуги и панцирные скакуны — ксенги, ожидавшие своих хозяев. Отдельно и будто бы с особым достоинством возвышались самодвижки — двенадцатиколесные копии древних машин. Святошам удалось-таки научиться воспроизводить их в храмовых кузнях. Питались они, конечно, топливными стержнями, но съедали на удивление мало — в сравнении, например, со стрельбой из выжигателя. Так что редкость этих машин объяснялась не дороговизной содержания, а ограниченным производством, которое, в свою очередь, определялось сложностью работы и труднодоступностью некоторых компонентов. Я слышал, устройство, переводящее теплоту стержня в движение, нуждалось в каком-то редком металле. Возможно, все это было ложью, и малое число самодвижек

связано с тем, что устройство, для которого якобы требовался редкий металл, до сих пор не научились делать вообще, поэтому использовали только обнаруженные на каком-то древнем складе.

Мы прошли площадь насквозь и немного расслабились. И печальная Зарбат ненадолго украсилась бледной улыбкой.

Сколько же я не был здесь? Полгода? Но тогда пробегом... Да, почти два оборота, получается... Город совершенно не изменился: те же крытые трехъярусные главные улицы, треугольником сходящиеся к центру, где высилась Башня. Те же очертания крыш. Наверняка садовники посадили девятку-другую деревьев в навесных садах, однако, за исключением этого, едва ли я обнаружу какие-нибудь бросающиеся в глаза нововведения — жители Солнечного чрезвычайно консервативны.

Ворота прибашенной площади встретили нас распахнутыми настежь, но их скоро закроют, близится тьма. Кстати, нам туда и не надо, Башню лучше обходить стороной. Если можно было бы покинуть район Хабара, вообще не проходя через Старый город, мы бы, конечно, так и поступили — подальше от координаторов, поближе к народу.

Новый город начинался сразу за крепостными стенами. Миновав глубокую арку ворот, мы расслабились еще больше. Пока никаких препятствий нашему плану, каким бы он ни был, не возникало. Любопытно, какой же у нас план? Мое знание пока ограничивалось намерением попасть в Солнечный город.

— Могу ли я спросить? — обратился я к Армир, на всякий случай избегая называть ее по имени.

— Можешь. Но ты правильно избегаешь имен, — ответила она.

Я хотел было предложить взять другие имена, однако вовремя вспомнил, как жрицы относятся ко лжи, и язык застрял в моем рту — к слову, давно уже не вкушавшем ничего съестного... Я запнулся, и произнес совсем другое:

— Было бы неплохо перекусить. Наши силы скоро начнут убывать...

Нарт прыснула, прикрыв рот ладошкой. Армир метнула в нее взгляд, и та сразу посерьезнела. Я тоже постарался сдержать улыбку, слишком уж непривычными казались мне эти лысые женщины, слишком уж я изменился и, пожалуй, даже привязался к их красивым густым волосам. Мои-то не вырастут уже никогда: изменения, выполненные жрецами Звездного огня, необратимы.

— В твоих словах есть смысл. Но сначала найдем Гаруссу. Он накормит нас и устроит на ночлег. Скоро уже падут тени, — Армир указала

на небо, — до тьмы не дольше девятины.

Насколько я помнил город, наставница вела нас к храму Рыбака, главной звезды хуаргаев, особо почитаемой также центростанниками. Считалось, она покровительствует обмену и ремеслу, связанному с кожей, панцирями, одеждой — всем, чем закрывают тело. Яркая и красная, эта звезда считалась одной из сильнейших в наших краях и уважалась многими народами.

В Солнечном городе храму Рыбака отводилось не самое лучшее место, ближе к южным воротам. Настоящей крепостной стены здесь не было, поскольку о войнах уже почти забыли. Предместья застраивали, заботясь лишь о защите от диких зверей. Храм напоминал ступенчатый кристалл черного камня, венчаемый треугольной жертвенной чашей, всегда наполненной негасимым темным огнем. Такой огонь давали горючие камни, маслянистые на ощупь, но никто никогда не видел, чтобы служители подбрасывали их в чашу. Считалось чудом, что жертва приносится непрерывно и как бы сама собой, питаемая лишь молитвами жрецов. У каждого храма в Хампуране было свое чудо, а у некоторых — и по два. И все они имели естественное объяснение, если покопаться.

Непривычный вес оттягивал мою одежду справа сзади. Еще задолго до подхода к храму Рыбака, когда улицы превратились в двухъярусные, а некоторые и вовсе потеряли статус, пролегая исключительно по мостовой и даже лишившись навесов, наставница, прикрываясь от любопытных глаз, крутила мне в пояс выжигатель. Видя мое недоумение, бросила:

— Не доверяй святошам, — и не стала больше ничего объяснять.

У ворот храма оказалось пустынно. Рыбак — не самая популярная звезда-предок в Солнечном городе, тут вам не Хуарга. Никто не встретил нас и в парадном коридоре. Шуршал красный песок дорожки, затем синий песок дорожки, затем снова красный. Наконец, нам встретился жрец. Он сидел на каменной скамье, покрытой пористым дурсом, деревом, известным своим теплом и прочностью. Тонкий узор на бритой голове означал пожизненный статус смотрителя храма. Выше ему не подняться.

Завидев посетителей, он вопросительно шевельнул ладонью.

— Да пребудет святое пламя в незыблемом горении! — произнесла Армир, приветственно поднимая руку в ответ на его вопрос. Но жрец смотрел на меня.

— Женщина говорит от моего лица, — с максимально надменным видом, на который только был способен, поправил положение я. Так себе

поправил, конечно: мужчина должен идти впереди, женщина должна молчать. Армир, видать, никогда не ходила с мужчиной по городам в пределах стен Хампураны, а в диких краях, в тени Башен, правила совсем другие, не говоря об острове Лалым. И я сплеховал, не сообразил вовремя... Первая наша серьезная осечка, уважаемая наставница, и, надеюсь, последняя. Иначе все кончится плохо. Пока меня просто засчитали за... странного. За очень странного. Нормальный святоша постеснялся бы такой компании.

— Рыбак доволен вашими словами, — неожиданным басом произнес смотритель. — Пусть сопутствует вам удача в делах.

Ответное пожелание могло бы быть и побогаче, ну да ладно, спасибо и за такое. Армир, кажется, поняла свою оплошность и теперь молчала. Но я знал, что сказать:

— Я ищу Гаруссу и веду к нему этих женщин.

Тяжелым взглядом смотритель окинул нас всех.

— Гарусса будет оповещен. Рыбак предлагает вам подождать.

Кряхтя, он поднялся, явив немалый рост. Указав жестом на скамьи, подобные той, на которой только что сидел сам, он неспешно удалился по коридору, присыпанному белым песком.

Некоторое время мы стояли в тишине. Садиться никто не стал.

Затем Армир с деланным спокойствием произнесла:

— Гарусса всегда сам принимал гостей, и оповещать его не требовалось.

— Наверняка занят каким-нибудь важным делом, — в тон ей ответила Нарт, и я понял по выражению их лиц, что все очень нехорошо.

— Конечно, именно так нам и следует думать, — с небольшим нажимом согласилась моя наставница, делая рукой разматывающий жест и указывая на свою поясницу. Выжигатель. Там у меня вмотанный в пояс выжигатель. Неужели придется стрелять в храме... Хотя, какая разница, где.

Успокоив заладившее было биться сердце, как учил Дсеба, я спокойно, словно ничего особенного не делаю, вымотал выжигатель из пояса и просунул в широкий рукав. Руки теперь держал вместе перед собой, как положено порядочному святоше. Правая быстро и вслепую набрала код бессрочной разблокировки.

— Женщины, — властным голосом заявил я, — хватит здесь болтать. Идите и подождите меня на ступенях храма, там обтачивайте свои лясы.

— Можно ли мне остаться, господин? — неожиданно коротким голосом

произнесла Нарт. В черных глазах плескался неподдельный страх, и я понял, что это страх за мою жизнь.

— Останусь я, если господин не возражает, — сухо отрезала ее мать. — Дело ведь касается меня, мне отсюда не уйти, пока... оно не сделается. А вы, давайте-ка, бегите из храма вон. Зря вообще за нами увязались, безмозглые балаболки, не место вам в святилище.

Заметив, что Нарт не двигается, впившись в меня взглядом, я рыкнул:

— Она сказала за меня! Живо прочь! Бегом!

Нарт словно очнулась. Блеснули слезы. Но она развернулась и побежала. Вдова Траны припустила за ней, они быстро скрылись за поворотом. Мы остались в тишине, можно было слышать дыхание.

— Правильно ли она поняла? — задал я иносказательно волнующий меня вопрос.

— Да, — ответила наставница. Это означало, что ее дочь и Зарбат убегут. Что они поняли и не будут ждать нас ни на выходе, ни в городе. И только глубоко в сердцах своих остается им надеяться на наше возвращение.

В коридоре, по которому удалился зритель, раздались громкие голоса.

Они должны отвлекать внимание. Атака будет с другой стороны. Так учил Дсеба.

Я притянул к себе Армир и закрутился за угол. Позади раздалось характерное шипение — по стенам, где мы только что стояли, полоснули огнелучи.

— Я могу сражаться, — с негодованием оттолкнула меня Армир. Думаю, негодование ее было, скорее, растерянностью. Думаю, растерянностью от того, что мужчина впервые сжимал ее в объятьях. Этого я не учел. И предположу, хотя теперь уже поздно, что из всех мужчин, встреченных ею на жизненном пути, именно мои объятья она бы предпочла. По крайней мере, как мать.

Огненный бич хлестнул из-за угла и срезал ей голову.

Одномоментно.

Я не успел ни затащить ее обратно, ни даже толкнуть.

Выжигатель выпал из обезволенной руки Армир и плюхнулся в песок.

Я не защитил ее.

Странная мысль для хампуранца. Но я был хампуранцем не всю жизнь.

Потом много думал над этим. Видел снова и снова, как падает на песок

ее тело. От головы не осталось почти ничего, огнелучи при полной мощности прожигают камень. Правда, не сразу. Голову — почти мгновенно. Кровь, конечно, не текла — рана запеклась.

Почему они, вообще, начали стрелять? Почему широким лучом, на максимуме затрат? Это же одновременный пуск с девяти стержней... Зачем специально целились в голову?

Я думал об этом потом.

А в то мгновение...

Что же...

Как учил Дсеба.

Взвинтить восприятие. Больше воздуха в легкие. Холодную ярость в кровь. Распустить по телу. Контроль ярости. За это придется платить потом. За все придется платить. Но кое-кто расплатится прямо сейчас.

Я подтянул полы платья и связал их на поясе. Присел и тут же прыгнул низко над полом, цепляя по дороге оружие Армир. Движение кажется замедленным, но я знаю, что это не так. Сейчас я перемещаюсь быстро, очень-очень быстро. Мой невидимый друг назвал бы это словом «наркотик», но я не жевал твердую горошину, это идет изнутри меня.

Они стреляют, но не учитывают скорость. Там, где взметнулся оплавленный песок, меня уже нет. Продолжая переворот, дважды коротко отпускаю пламя. Они кричат, потому что я не целился в головы — я выжег им сердца.

Подпрыгиваю под потолок и успеваю заметить выглядывающую из-за угла лысину. Убратся она не успевает, крикнуть тоже — один выплеск огня в полете. Дсеба не зря учил меня.

В широком коридоре ждут молча. Те, кто недавно громко говорили, отвлекая наше внимание. Они не уверены. Они не понимают, что происходит. Один пытается убежать, трое стоят как вкопанные, двое поднимают руки, собираясь стрелять.

«Ну, не-е-ет...» — назидательно шипят мои выжигатели.

Нет, не уйдет никто из вас.

Вслед убегающему огнелучи посылают улыбку. Он падает, рассеченный пополам.

Страшно воняет паленой плотью. Мне никогда не нравился этот запах. Возможно, я был плохим жрецом.

Возможно, я чрезмерно любил знания и через чур хотел учиться и учить мудрости.

Возможно, я был слишком непокорным и зря поднял голос на старшего.

Но Дсеба учил меня не этому.
Он учил убивать.

Получилось как-то слишком легко. Я бежал по коридорам, не встречая больше никого. На их счастье. В тот момент я мог убить каждого, кто появится на пути. Мне нужно было убедиться, что Нарт успела.

Выскочил из храма с двумя выжигателями в руках и тут же метнулся обратно. Вовремя — штук девять огнелучей заплясали танец смерти на темной стене святилища Рыбака. От испаряющегося камня во все стороны полетели осколки, я отступил глубже в коридор.

Откуда они взялись, эти стрелки? В храме не было столько жрецов. Не осталось. Получается, мы попали в ловушку? Стража? С девятью выжигателями? Ой ли... Но как же Нарт...

Я остановил порыв немедленно броситься наружу.

Имеет ли смысл вернуться и собрать стержни? Нет. Долго. Нужно найти другой выход. Едва ли они оцепили храм. Рассчитывали же уложить нас внутри. Сейчас оцепляют, надо спешить.

И я побежал снова. Примерно представляя себе, как устроено это сооружение, взобрался на самый верх, перепрыгивая через несколько ступенек. Прожег стену там, где, на мой взгляд, должен находиться лаз на крышу, скрытый от наивных посетителей. Разумеется, там он и обнаружился. Я проник в комнатку, заваленную горячим камнем. Отсюда его подбрасывают в жертвенник. Повезло, не задел огнелучом, когда жег дверь. Ага, вот и люк. Распахнул его и вылез на крышу, невидимый для всех, точно под чашей. Посередине чаши обнаружилась треугольная дырка, горело вокруг нее. Нечто в этом роде я и предполагал. Жарко, но работать можно. Только это не моя работа, кормить Рыбака. Моя работа сейчас — бежать.

Разрядив до конца выжигатель — кажется, свой — я прорезал дыру в крыше и, дав чуть остыть, выполз на поверхность. Закрутил его в пояс — выбрасывать жалко, страшно ценная и редкая вещь, потом будет не достать, а вдруг пригодится? Кроме того... память об Армир. Ведь оба дала мне она, и с одним из них в руке — погибла.

Одежда безнадежно измазана пылью горячего камня, но я подворачивал платье не абы как, а чтобы пачкалась только лицевая сторона. Походные платья шьются таким образом, что можно выворачивать и носить их изнанкой наружу, никто даже не заметит. Изнанка-то чиста. Надо постараться и сохранить ее такой.

Уйти отсюда по крышам, к сожалению, невозможно — храм стоит

отдельно, не допрыгнешь. Поэтому я прикинул, где меня меньше всего будут ждать, и, с разбегу сиганув туда, бросился наутек. Один, с почти разряженным выжигателем, против всей городской стражи я — не боец. Дсеба учил не только убийству. Он учил выживать.

Прыжок вслепую, но я представлял себе окрестности. Город Солнца не любит меняться.

Приземлившись, перекатился под стену, оттолкнулся от нее, вскочил, добежал до ограждения, но тут же резко метнулся в другую сторону — весь мой путь сопровождало шипение выжигаемого камня. Они чуть-чуть не успевали, тупые валаборы, жевали бы свою жвачку на полях, не брали бы в руки оружие. Они могли просто одновременно пальнуть вдоль храмового переулка, ведь, все равно, кроме меня там никого не было, да и, можно подумать, их бы волновало, если бы кто-то был. Они могли иссечь воздух огнелучами так, чтобы мне стало некуда прыгать. Но тупицы все вместе гонялись за моей тенью.

Еще три мгновения, и тени не осталось — я свернул за угол и понесся, что было сил, прочь от храма Рыбака. Я запомню этот солнцепад, красная звезда, запомню надолго.

Конечно, они бросились следом.

И кто-то из них уже бежал в обход, надеясь отрезать меня от оживленных улиц. Сомневаюсь, что их беспокоило количество жертв, но в толпе я мог бы затеряться.

Подпрыгнув толчком от стены, я взобрался на крышу и тут же рядом ввернулась тяжелая металлическая стрела. С противным визгом она вошла точно в щель между камнями. Отлично, значит, городская стража тоже участвует в охоте. Лучше некуда. Зигзагом уйдя еще от двух стрел, я свалился с крыши в другой переулок, пока пустой. Случайный прохожий шагов за двенадцать от меня шарахнулся в сторону. Ага, там другой переулок. Я понесся к нему, но, едва повернув, лицом к лицу столкнулся с тройкой стражников.

Один держал в руках взведенную стрельницу, двое с дубинками. Прохожий, испугавшись меня, размахивает руками, что-то им объясняя. Обычный патруль, они подключили всех. Они знают, кого ловят. И я знаю теперь, кто стрелял по мне на выходе из храма. Наследники. Не те, конечно, кто загонял меня в коричневые пески, но смысл тот же. И задача у них одна: убить Рожденного Пустыней.

Я подкатился под ноги стрелку и, свалив его, кувырнулся дальше, по дороге прихватив выпавшую из его рук стрельницу. Две дубинки ударили в место, где меня уже не было.

Да, парни, сразу видно, вы никогда не ловили юрцов.

Одной рукой из тяжелого пружинного стреломета стрелять неудобно, но в другой я держал выжигатель и расставаться с ним не собирался. С колена вклепил стрелу в горло одному из стражников. Другой думал было напасть, но увидел, чем ему грозит моя вторая рука, сменил храбрость на разум и с неожиданной для такой туши скоростью скрылся за углом, вслед за вконец перепуганным прохожим. Я успел бы срезать его огнелучом, но не увидел смысла. «Действуй рационально, особенно, когда увлечен», — учил Дсеба. И я побежал дальше, закинув разряженную стрельницу на крышу одного из домов.

На перекрестке осмотрелся. Несколько горожан с одной стороны, несколько горожан с другой, но вдали виднеются стражники, спешат сюда. С третьей... Оттуда тоже кто-то приближается, не в форме стражи, но явно по мою душу. Побежал прямо, расталкивая ошарашенных прохожих. По стене чиркнула стрела, высекла искры. Стреляют сверху. Стража тоже умеет скакать по крышам. Особенно — тайная стража координаторов.

Они вытесняют меня в богатый район, но зачем? Там двух- и трехуровневые улицы, скрыться проще... Ах, да... Вот оно что. Это же не просто «богатый район», это Ксечера, как я мог забыть... Глухие высокие стены и узкие щели между ними. И никого. Дома здесь как раковины, защищают владельцев, скрывая все мягкое и сочное внутри. В проулках кое-где встречаются хозяйственные двери, для прислуги, но они, конечно, заперты, да и не так-то просто вломиться через подобную дверь в дом, даже если прожечь ее — лабиринт коридоров нижнего яруса запутает постороннего, а по всему клану разнесется сигнал тревоги.

Я думал на бегу, лихорадочно пытаюсь вспомнить, где здесь можно укрыться или как выскользнуть отсюда, чтобы покинуть город. Обратно к выходу из подземелья, пожалуй, не пробиться — слишком далеко, слишком много стражи. Был и еще один, запасной, план, но я оставил его на крайний случай. Храм Синеокого. Найти Дсебу. Возможно, он тут же сдаст меня наследникам. Очень возможно. Или убьет сам. Пожалуй, это еще более вероятно.

Воздух запел, в стену передо мной уперся огнелуч. Бьют издали, тонким крученым шнуром. Я свернул влево, пробежал три по девять шагов и остановился как вкопанный. Вспомнил это место. Глухой узкий переулок, как все они в Ксечере, выложенный треугольной плиткой. От стены до стены можно дотянуться раскинутыми в стороны руками. Высоченные стены, словно смыкающиеся над головой. Я уже видел это. Да, определенно, я бывал здесь.

Пробежал еще немного, пытаюсь вспомнить. Никак.

В переулке уже сгущались сумерки. Он вел не прямо, а немного поворачивая, загибаясь вправо, следуя форме домов. Возможно, когда-то они образовывали внешнюю стену квартала...

Далековато от края города. Наследники и координаторы, разумеется, давно подняли парящих и перекрывают дорогу на волю, стягивают всех — по крышам там теперь не пробежать. И не отсидеться до темноты. Очень плохо.

Переулок круто повернул направо. Я последовал за ним и уперся в тупик. Так вот оно что. Попался. Нужно выскочить прежде, чем ловушка захлопнется.

Я побежал назад, но едва приблизился к выходу, как заметил их. Они вошли в проулок и закрыли выход. Я выстрелил. Огнелуч прошил воздух и зацепил плечо успевшего отпрянуть наследника, до меня донесся вой, исполненный боли. Хорошая реакция, молодец, почти увернулся. В ответ запели несколько выжигателей, вокруг меня защелкал и зашипел трескающийся от жара камень. Я чуть отступил и коротко пальнул в их направлении. Чтобы не думали, что у меня кончился заряд. Чтобы не знали, что заряда осталось где-то на три коротких выстрела.

Что же. Пусть боятся. Ведь одним огнелучом я могу срезать их всех в этом рукотворном ущелье. Теперь они будут ждать, пока не сдамся сам или не выскочу на верную смерть. Или пока сверху, наконец, не подберутся мои убийцы. Уверен, они уже спешат сюда.

Они спешат, но я не стану ждать.

Я отошел подальше, временно скрывшись от наблюдения. Осмотрел стены, оценивая их гладкость. Неплохо. Когда-то мне приходилось делать такое. Не думаю, что разучился.

* * *

Гелиополис. Город солнца. Помпезное название, одно из первых поселений на Луне.

Огромное гравитационное колесо жилого сектора крутится прямо на глазах, не скрытое неподвижным чехлом с торчащими в обе стороны створками приемо-выпускающих раструбов, не изуродованное надутыми венами подходов тоннелей. Преимущества безатмосферности. Вместо сплошного чехла, удерживающего вакуум — сетка безопасности, защищающая мегакольцо от случайных повреждений и аварий

пролетающих транспортных средств.

На Ганимеде такие штуки не проходят, плотный воздух слишком тормозит движение, да и на Марсе мегакольца строят по закрытой схеме — хоть тощая марсианская атмосфера при малых скоростях почти не влияет на движение, но мешает пыль. А вот монорельсы, использующие аналогичный принцип электромагнитной подвески и линейной тяги, конечно, и на Красной планете задраены по полной программе — на сверхзвуке нужна максимально разреженная среда, чтобы свести к нулю ее сопротивление.

Под управлением автопилота челнок свернул свои антеннки и усики, проскользнул в открытый приемный раструб и подключился к протяжному устройству, чтобы сравнить скорость со скоростью вращения колеса. Нас слегка вжало в кресла и уже не отпустило — девять целых и восемь десятых метра за секунду в квадрате, земная сила тяжести.

Покинув парковочную площадку, мы вышли на Центральную улицу. Она опоясывала все мегакольцо Гелиополиса, как бы разрезая его вдоль посередине. Ниже и выше лежали ее отражения, дублиеры: десять над и десять под нами. Каждый дублер был чуть уже предыдущего, и сила тяжести на нем немножко отличалась — чем выше, чем дальше от внутреннего «дна» вращающегося тороида, тем притяжение слабее. Но на практике жители этого почти не замечали.

Летать по городу запрещалось, хотя для крайних случаев предусматривались «окна» — вертикальные шахты, пользуясь которыми, аэрокары Контроля или аварийки могли бы оперативно перемещаться между уровнями. Если не считать этих шахт, а также обычных, гражданских переходов и лифтов, наклонных галерей, обзорных мостов и панорамных площадок с прозрачными стенами, все дублиеры Центральной улицы существовали независимо. Казалось, что мы находимся в обычном земном городе, над нами — веселое голубое небо с перистыми облаками. Солнце ярко светит и отражается в стеклах домов, стилизованных то ли под девятнадцатый, то ли под двадцатый век — и даже греет, хотя сообразить, как инженеры добились этого с помощью обычной проекции мне, без Катиной помощи, не удалось.

— Дурачок-дурашка, — кривлялась она вполне естественно для своего образа, — разный угол взгляда. Угол-уголок, понял? Ты идешь — оно идет.

— А... — кажется, до меня дошло. — Оно всегда как бы бесконечно далеко. А потолок низкий. То есть по всему потолку...

— Вот-вот, именно-именно, по всему этому тупому потолочку

размазано солнышко, — хихикнула то ли Джу от лица Кати, то ли Катя от лица Джу.

Одежда гуляющих, а таких, оказалось, тут большинство, выглядела весьма разнообразной. Преобладали костюмы то ли времен Вашингтона, то ли Рузвельта, я не очень ориентируюсь в этом деле... в общем, попали мы на бал в стиле ретро. Тут же встречались и какие-то ковбои, и чуть ли не самураи, и более-менее знакомый на вид костюм двадцать второго века. Современно одетых, типа нас с... э-э... с Джульеттой, похоже, меньшинство.

— Скажи мне, Джульетта... — начал я, но был немедля перебит.

— Фу, Пауль, фу! Джу, я же просила, Джу, Джу, Джу! — закапризничала она. Прогуливающаяся мимо чинная пара расцвела улыбками. Господин приподнял шляпу. Кажется, такая называлась «цилиндр». Ну, неудивительно, именно как цилиндр, натянутый на темя, она и выглядит.

— Ты привлекаешь внимание... — зашипел я на нее.

— Еще бы, — заговорщицки подмигнув, громко прошипела в ответ моя самодеятельная актриса, — я ж такая милашка!

— Джу... — попытался я начать заново. — Почему тут словно... бал-маскарад... карнавал... почему...

— Почему у них такой прикид? — перебила она, закончив мою фразу отсебятиной. — Элементарно, Кинг-Конг, они отрываются!

Видя мое недоумение, милашка Джу продолжила:

— Ну, ты тупой... Дома видишь? Стиляги. Снимают комнатки прям с прикидом, нарядились, и в путь по Бродвею. Усек? Эти, вон, с другого сектора, — она очень неприлично показала пальцем на ковбоя. — У них там ранчо, небось. С быками. Или пыльный городишко с салуном и гробовщиком, все в стиле...

— Но зачем для этого лететь на Луну? Все-таки, я чего-то не понимаю...

— Не догоняешь... — передразнив, поправила она меня под свой сленг. — Это кусок шоу. Заодно с остальными. Полетами там всякими, прогулками при Луне, тьфу, при Земле... Мы ж на земной стороне? Ага, на земной... Ну я тупая... И круто ж, в таком марафете по Луне...

— Ты не слишком в образе? Обратно потом выйдешь? — почти всерьез обеспокоился я, глядя, как она чертовски картинно и очень типажненько приложила тыльную сторону ладони ко лбу.

— Дурак, — рыкнула Джу совершенно с Катиной интонацией. — Ладно, пошли, — и, схватив за руку, потащила меня от Центральной в

сторону, в переулок.

Мы миновали маленькую площадь с какой-то статуей посередине, свернули еще в один-другой переулок, вышли на неожиданно широкий проспект, уводящий в далекую зеленую даль, в идиллически-натуральные поля, по которым, не сомневаюсь, гулял ветерок, колыша стебли и шепча колосьями спелой пшеницы, где пылили по дорогам машины или дилижансы, что тут у них положено по веку, и куда было приятно посмотреть городскому жителю под вечер, отдыхая от дневной суеты...

— А вот это уже борт, — остановила меня Джу. — Тпру, лошадка! Дальше проекция.

Я не поверил глазам, хотя, вроде бы, человек привычный.

— Ну, и какие у нас планы насчет поразвлечься и затеряться, курочка? — решил я подыграть ей, но, обернувшись, не поверил глазам. Джульетты больше не было, на ее месте стояла очень серьезного вида дама, определенно с двумя, а то и с тремя учеными степенями в области Сверхсерьезных Наук, и скептически оглядывала меня.

— Вторую цепочку, — вместо ответа произнесла она словно бы с легкой брезгливостью.

Я запустил с коммуникатора вторую цепочку действий по трансформации, заранее заложенную туда Катей. Что-то изменилось, поскольку в строгом лице новой дамы промелькнуло удовлетворение.

— Вот так значительно лучше, господин Коллинз. Ник Коллинз. И не забудьте, что вы теперь мулат. Проекцию, увы, не предложу, но зеркальце — извольте.

Она действительно достала из сумочки маленькое аккуратненькое зеркальце, от которого за километр разило подлинной стариной, и показала мне меня. Нда. Ну, хотя бы без волос под губой. Толстоват, но сгодится. Наш парень.

— Прабабкино, — шепнула Катя сквозь личину Серьезной Дамы.

— А, позвольте спросить, как вас величать? — подделываясь под ее вид, спросил я.

— А вам меня величать не придется, друг мой. Здесь мы распрощаемся. Коммуникатор доведет вас до такси. Встречаемся в условленном месте.

Она протянула руку, я пожал. Чуть дольше, чем положено по этикету для Серьезных Дам. Катя сжала мне ладонь и совершенно серьезно произнесла:

— Не дай им себя убить.

Отпустила руку и, развернувшись, как курсант на плацу, совершенно

не своей, корявой походкой направилась восвояси. Я немного подождал, любуюсь искусственным закатом. Красное солнце плавилось в стеклах или проблескивало сквозь жалюзи, сзади негромко шумел город из далекого человеческого прошлого. Трое господ в черных костюмах неспешно переговаривались в сторонке, одинокая девушка вела белую собачку, держа на плече зонтик.

«Здесь и дожди бывают, что ли? Или это от солнца?» — успел подумать я, и тут запиликал коммуникатор. Над ним возникла стрелка, указывающая направление. Что ж, прощай, Гелиополис, Солнечный город. Так и не посмотрев путем на твои забавы, покидаю я тебя. И слава богу. К черту эти карнавалы-гулянки.

Маршрут, проложенный автонавигатором, был, наверное, самым коротким. А, может быть, вовсе и не авто-, а живой навигатор Катя продумала, как мне максимально избежать скоплений людей или, иначе говоря, свидетелей.

Спустившись по лесенке, я обнаружил перед собой берег самой настоящей реки, закованной в каменные набережные. Головы мраморных львов украшали ее. Я проследовал по набережной до моста, красивой дугой перекинутого с берега на берег, перешел по нему, свернул, затем миновал еще несколько переулков и неожиданно выскочил прямо к парковочной стоянке внешних такси. В Гелиополисе ими служили небольшие легкие вездеходы, в народе именуемые «стрекачи». Стереобраз такой машины вращалась прямо над пустой стоянкой. Обычные стрекачи обходились динамически масштабируемыми колесами, позволяющими им плавно и быстро катиться по относительно ровной местности, даже если она завалена камнями или рассечена небольшими трещинами. Чтобы повысить проходимость на сложных участках, лунный вариант снабжался шагово-хватательными манипуляторами, по шесть телескопических с каждой стороны. В собранном состоянии они спокойно лежали вдоль бортов. На нашем, марсианском, на котором пришлось покататься, их не было. Модель там постарше, что ли...

Над всеми машиноместами горели надписи. Зеленые, желтые или красные. Одна из зеленых гласила: Ник Коллинз. Ага, это для меня. Заказала заранее, умница, правильно, тут наверняка бывает дефицит, с их массовыми увеселениями-то. Решат всей оравой покататься — и жди меня, Катя, пока освободится такси. Зеленая надпись — значит, время подходит, скоро подадут.

Машины подкатывали, люди выходили или садились и уезжали. Не то, чтобы помногу, но то там, то тут... Наконец появился и мой железный конь.

Нет, не конь, жук-плавунец на колесиках, со сложенными по бокам лапками. Я подошел, и он, сверившись с моим коммуникатором, распахнул дверцу.

Забравшись в кабину, я устроился поудобнее и дал команду на выезд.

Мы вывернули со стоянки и вошли в тормозящий тоннель. Большое колесо, набитое, в основном, бездельниками, продолжало крутить свои круги, а мы, нанизавшись за монорельс, начали разгон в противоположную сторону. Торможение есть разгон — такова теория парадоксальности гравитационных колес. И снова ускорение чуть-чуть вжало меня в упругую спинку кресла, а когда отпустило, я почувствовал себя почти как на Ганимеде. Здравствуй, настоящая Луна. Право, в свете увиденного, мне должно бы быть неудобно приветствовать тебя без цилиндра.

И покатился вездеход по однообразной серой равнине под черным небом, украшенным ярким диском солнца. В пару к нему, несколько не стесняясь ослепительного соседства, кривился узкий серп Земли.

Непривычно резкие тени резали глаза, поэтому я скорректировал светофильтры. Автопилот прекрасно справлялся с дорогой, а чего бы от него было еще ожидать? Пейзаж мне быстро наскучил, да и сам я устал изрядно. Не заметил, как уснул.

Открыв глаза, я не смог сообразить, где нахожусь. Под ногами лежала мощеная треугольными плитами дорожка. Шириной она была едва ли метра два и казалась еще более узкой из-за стен, ограничивающих ее с обеих сторон. Стены из гладко отесанного желтоватого камня словно бы пытались сомкнуться над головой, но все же оставляли там узкую прорезь для тонкой полоски голубого неба — единственный путь к свободе.

Меня опять гнали. Преследователи думали, что теперь я в ловушке, и не особенно спешили появляться. Действительно, куда бы мне деться из узкой щели, один выход из которой контролируют они, а другой — наглухо перекрыт. Там тупик, и нет смысла лезть за мной и рисковать поцеловаться с огнелучом, когда можно просто подождать, когда я, рано или поздно осознав безвыходность положения, решу вернуться.

Я усмехнулся. Куда бы мне бежать, говорите? Я предпочел бы погибнуть, приняв бой на выходе, чем сдаться. И гибель моя была бы бесславной. Так бы и произошло, не будь я учеником Дсебы.

«Дсеба...» — это имя вывело меня из ступора. Я — в теле Ксенаты, но я не управляю им, как было когда-то. Попробовал: нет, ни один мускул не слушается, даже дыхание подчинено не моему ритму. Итак, я в его теле так же, как он приходил в мое: все видел, ощущал, но не мог управлять. Не мог

управлять, но мог говорить со мной. Впрочем, сейчас от меня ему толку никакого, одна помеха, и я решил обождать.

Тем временем, я — то есть мое тело — то есть тело Ксенаты — ловко подпрыгнул, уперся в противоположные стены босыми ногами и голыми руками и, лихо перебирая ими, пошел вверх. Снятые сандалии лежали на животе, туго примотанные чем-то вроде шарфа. «Ну ты даешь», — подумал я, и в тот же момент его ритм сбился. «Пол», — услышал я, — «прошу, не сейчас».

«Черт, как же мне не думать...» — началась отчетливая мысль, но я перехватил ее, размысл, сделал нерезкой, как бы не очерченной. И все дальнейшие мысли изо всех сил старался смягчать и ни в коем случае не обращать к нему, чтобы не отвлекать. Ведь он боролся за свою жизнь. Или, кто знает, возможно, за наши тоже.

А Ксената все шел и шел вверх по параллельным стенам. Жара, похоже, совершенно не мешала ему. Мне было любопытно, как он выкрутится, когда дойдет до крыш. Но в движениях моего, то есть его, тела ощущалась такая уверенность, словно оно знало, что делать. И действительно, когда подъем закончился и солнечный свет ударил по глазам, я, то есть он, ухватился пальцами за шершавый верхний край, кое-как оттолкнулся ногами и словно влип в камень противоположной стены, распластавшись по нему наподобие ящерицы — удар практически не ощутился, и руки, вопреки моим опасениям, не сорвались. Как он умудрился так амортизировать... А. Ну, да. Это же Марс. Сила Ксенаты, конечно, адаптирована к условиям пониженного тяготения, в этом смысле он в несколько раз слабее меня, но вес-то меньше... Ситуация не располагала к долгим умозаключениям и решению уравнений с пределами, то есть какая из функций меняется быстрее при снижении гравитации: уменьшение мускульной силы и крепости костей или уменьшения силы инерции. Кроме того, пришлось бы учитывать весьма возможное изменение массы тела и разницу в росте: я предполагал, что марсиане были значительно выше землян, но, при этом, тоньше. На то имелись основания — достаточно посмотреть на рост деревьев, да и других организмов, в условиях ослабленного притяжения. Впрочем, не все существа увеличивались в размерах, некоторые даже мельчали из поколения в поколение, так что с выводами тоже спешить не стоило. Визуально оценить глазами Ксенаты все это я не мог, возможно, накладывалась его привычная оценка увиденного.

Как бы там ни было, факт на лицо: Ксената удержался. Он перемахнул через парапет и побежал по плоской крыше. Я чувствовал каждый шаг,

словно сам босыми ногами скакал по нестерпимо горячему, нагретшемуся на солнце, камню. Словно сам, но, все-таки, чуть со стороны. Как приглушенная боль, как звуки из соседней комнаты, если открыта дверь.

Пробежка получилась недолгой, ведь раскаленная площадка, выложенная уже знакомой мне треугольной плиткой, заканчивалась метров через двадцать, неожиданно обрываясь в сад. Не раздумывая, я-Ксената спрыгнул, ловко перекувыркнулся, гася инерцию, и скрылся в тени густого кустарника, обсыпанного крупными розовыми плодами с твердой кожурой. Про себя я обозвал их гранатами за определенное сходство. Присев, он помассировал мышцы, а затем развязал то, что я принял за шарф, обулся в сандалии и взял в руку устройство, подозрительно напоминавшее боевое. Второе такое же замотал обратно. Так вот что оттягивало одежду и давило в спину, к ней были примотаны... как их назвать...

«Выжигатели, — ответил Ксената. — Не мешай».

Черт, я опять слишком отчетливо задал вопрос... Конечно, сейчас куда важнее спастись. А «от кого» и «почему» можно отложить, это не имеет актуальности, а только отвлекает его.

Шарф оказался широким поясом. Возможно, его использовали и в качестве шарфа или перевязи, не сказал бы, что в тот момент меня это особенно заботило.

Крадучись, пробирался Ксената, стараясь не покидать тень. Солнце скоро сядет, темнота помогла бы нам, но он явно не собирался дожидаться ночи. Миновав фонтан с разноцветными струями — каждая попадала, по видимости, в свой резервуар — мы перепрыгнули через присыпанную розовым песком дорожку и, скользнув вдоль изгороди, образованной искусно сплетенными ветвями пышно цветущего кустарника, оказались перед дверью.

Подумав — и я почти уловил его мысли — Ксената не пошел в дверь. Вместо этого он побежал дальше, так же стараясь не быть обнаруженным. Твердая рукоятка выжигателя успокаивающе оттягивала правую руку. Идя по самому краю дорожки, посыпанной, на этот раз, черным песком, я, то есть он, наконец, добрался до другого края сада. Здесь не было стены, только невысокая балюстрада с резными балясинами в форме танцующих людей. Ни секунды не колеблясь, Ксената перепрыгнул через нее и очутился на плоской крыше, примыкающей к стене. Он пробежал вдоль стены, прыгнул с разгона и перелетел на следующую крышу. Там подтянулся, выбрался на другую, пробежав по которой, спустился на третью.

Я довольно быстро запутался в маршруте, но ощущал общее

направление и эмоцию — Ксената спешил на запад, пока не зашло солнце, и в его задачу не входило покидать город. Это мне показалось странным, и я снова непроизвольно выдал себя мыслью.

«В храм Синеокого», — коротко ответил Ксената: «Найду Дсебу. В тьму закроют, надо спешить».

Ага. Таинственный Дсеба, учитель Ксенаты, у меня есть шанс увидеть его... В тьму? Ах, да, третья часть суток. Они же все делят на три, с рассвета до полудня у них — солнцерост; от полудня до заката — солнцепад; а ночью — тьма.

Он спешил, насколько можно спешить, двигаясь по крышам, перепрыгивая ущелья улочек, обходя слишком высокие дома и слишком заметные с них, опасные участки. Диск солнца уже покраснел и почти сполз с неба, когда Ксената, вывернув наизнанку изрядно перепачканное снаружи платье, соскочил, наконец, на землю, отряхнулся и, как ни в чем ни бывало, с вальяжным видом направился к выходу из переулка. Пропустив так же чинно шагающих бритоголовых мужчин в похожем наряде, он пристроился на шаг позади них. Без каких-либо происшествий мы миновали треугольные ворота в, пожалуй, декоративной стене, огораживающей храм, прошли такие же странные треугольные двери и попали вовнутрь — я не успел даже как следует осмотреться, взгляд хозяина глаз был потуплен, направлен чуть вниз и перед собой.

Что же, мы в храме. Наверное, Синеокого.

Вместо обширного зала со статуей бога и алтарем, которые я почему-то ожидал увидеть, нас ждал узкий коридор со стенами, изрезанными сложным орнаментом. Пол присыпан желтым песком, сандалии шуршат и похрустывают в тишине.

Жрецы, шедшие перед нами — а я уверен, это были они — разошлись по разным ответвлениям. Некоторые из коридоров, как и наш, покрывал желтый песок, другие — красный и синий. Освещались они цепочками давно знакомых мне фонариков. Похоже, такие фонарики применяли отнюдь не только в религиозных целях, я слишком поспешил приписать их к исключительно жреческой атрибутике.

«Ксената...» — обратился я как бы сам к себе.

«Подожди, они наступают на пятки», — ответил мне собственный голос.

Отлично. Я отучился различать голоса. Завтра проснусь и пойму, что всегда был Ксенатой, что Пол Джефферсон — только сон... Я исчезну навсегда?

Чувство, близкое к панике, едва не охватило меня, но удалось

справиться, почти не сбившись с размеренного ритма шагов — привычно вывести страх на край сознания. Я чуть скосил глаза влево — ничего особенного, письма воззваний к Синеокому, они всегда здесь были — семь да девятый гимн, песня затмения. Здесь по-прежнему чтут суеверия. На Земле мы тоже... Но как я смог управлять глазами? Марс... Жемчужина... Красная планета... Голубая планета... Зеленая звезда... Катя... Лиен... Жанна...

В голове что-то лопнуло миллионом ярких брызг.

Тело дергалось, словно от судороги, и я пребольно врезался коленом в приборную доску ручного управления. Надо же было так раскорячиться... Кресло пассажира не предназначено для гимнастики...

Осторожно вернул себя в адекватное положение. Выдохнул. В тишине мерно урчал мотор, за псевдопрозрачным окном кабины бежали, слегка подпрыгивая, неровные, перепаханые метеоритами, серые лунные поля. Подняв голову, я поискал в небе красную точку Марса. Не нашел.

«Вот тебе, бабушка, и день Юры...» — пришла на память поговорка, которую мы когда-то, в неописуемо далеком прошлом, обсуждали с профессором Марковым. Почему Игорь? Откуда он всплыл? Да и где он сейчас? Ему повезло тогда — перед самой Ганимедийской Катастрофой бывший начальник бывшей девятой станции Игорь Марков улетел на земной конгресс, посвященный... Да не помню, уже, чему. Главное, он выжил. Начудил тогда, придумал что-то, чтобы присутствовать лично. Соскучился, наверное, по своей русской пастиле и по кофе с коньяком — будто нам в последнее время посылки стали ходить менее регулярно, чем обычно... Да нет, думаю, он соскучился по родине. Той, которая в окне кабинета. Его бывшего кабинета на станции Сикорского. В подвижной стереопроекции. Вечный август и дети, играющие в волейбол... Я так и не спросил его, почему. Не решился.

Интересно, теперь нет девятой станции Сикорского или таки восстановили? Мы с храбрым Юджином ее, конечно, почистили, сложили трупы в холодильник, заставили роботов вымыть и оттереть последствия разложения... Но каково людям там работать после такого? Надо узнать, что ли...

Как вернулся с Ганимеда, всячески избегал новостей. Хотя теперь они, конечно, сплошь хорошие. Примерно как об успешной стройке на кладбище ваших друзей.

Я вздохнул.

Все очень запуталось.

Раньше было просто и понятно. Я хотел в космос, к чертям Землю, но еще дальше — Луну. Я хотел на астероиды, меня притягивал Марс, но попал по распределению на Ганимед. Тоже неплохо, хотя скучно. Ясных планов не было, цель, в общем, достигнута, летная школа и универ не прошли даром. А потом началось... вот это... И никак не кончится, становясь все сложнее, расплываясь, словно грибница, выскакивая новыми веселыми шляпками на кривеньких ножках то здесь, то там... где и не ждешь...

Я вспомнил ощущение, с которым очнулся в тот раз, впервые на древнем Марсе. Словно замороженный мицелий льда во мне вдруг расплавился и открыл дорогу воде. Причем здесь лед? Почему мицелий? Причем здесь вода? Разве что самое распространенное молекулярное соединение во Вселенной... «Вода — это жизнь», — фраза из звуковой книжки для самых маленьких — нам запускали в садике на сон грядущий, считалось, что детишкам лучше засыпать под голос взрослого.

Ворох воспоминаний — слежавшаяся листва, растревоженная палкой. Зачем? К чему? Уверен, это Ксената. Что-то происходит внутри. Оно перебирает пласты памяти, путает, устраняет разделение на «мое» и «его», и это страшно. Но меня ждет Катя. Я должен доехать до станции Кравника, сменить облик, пересесть на другое такси, соединиться с ней.

Не решаясь больше надолго закрывать глаза, я разглядывал то проплывающий однообразный пейзаж, то далекие горы, острыми светлыми краями взрезающие черное небо, то само небо... Почувствовав, что снова засыпаю, вспомнил о проекторе и включил старый объемный фильм о приключениях доблестного инспектора Контроля в пучине Тихого океана. Фильму лет сорок, он старше меня. Там аж три серии, но, судя по хронометражу, мне не удастся досмотреть даже первую. И ладно. Главное — не спать.

* * *

Станцию Кравника я застал в стадии модернизации. На ней шел капитальный ремонт главного купола. В отличие от Гелиополиса, никаких карнавалов здесь не ожидалось — обычный научный поселок, давно выросший из понятия «станция», но официально еще не получивший статус городка.

«Прочный корпус», костяк нового купола незадолго до моего приезда смонтировался из нереструктурируемых микроботов — однажды

сбравшись, расцепиться они уже не могут, превращаясь в обыкновенный материал с заранее заданными прочностными, термостойкими и иными свойствами. В иной ситуации я бы кусал локти от расстройства, что не увидел процесса самосборки, но сейчас лишь устало пожал плечами. Не судьба.

Инженеры расширяли станцию, не трогая старый купол, чем сохранили в неизменности атмосферу. Теперь его демонтируют. Причем, сделают это тоже микроботы, только уже реструктурируемые, способные собираться и разбираться многократно. Вроде тех, из которых состояли двери и кресла, столь удивившие меня в здании Комитета Контроля на Ганимеде.

В Кравнике микроботы покрывают прочный корпус нового купола снаружи и изнутри. С их помощью могут решаться самые разные задачи: от формирования крепежей под какие-либо подвесные конструкции до создания самих этих конструкций, например, лоджий; от системы пожаротушения до сверхбыстрого наращивания точечной брони и экстренного латания пробоин в случае удара метеорита. И, конечно же, такая простая по нынешним меркам вещь, как проецирование изображений, в частности, имитация двухсторонней прозрачности купола, тоже перекладывалась на плечи (представим, что у них есть плечи) реструктурируемых микроботов.

Вот эти-то мельчайшие механизмы, размером едва ли превышающие пылинку, и примутся за утилизацию старого купола. За распил, так сказать, раскус и разнос, а также за сортировку мусора. Останется куча пыли или щебня установленной фракции, то есть «крупноты помола». Не сомневаюсь, ей уже задумано применение.

Пока технология экспериментальная, опробована лишь в паре мест, но после Кравника, полагаю, ее сделают типовой. Со временем, попомните мое слово, микроботы заменят собой всю производство. Все искусственное, чего коснется человек, окажется микроботовым кооперативом: ложка, ботинки, стол, дом, аэрокар. Для получения нового предмета из старых будет достаточно запустить программу реструктурирования. А старым не будет износа, ведь в случае чего их можно восстановить, просто докинув малюсеньких механических собратьев.

Следующим шагом, в принципе, уже почти сделанным, но находящимся под строгим контролем, станет самопроизводство. Переход от микроботов к микробиотам. И перед человечеством откроются поистине немыслимые перспективы. Достаточно бросить единственный экземпляр

микробиотического организма, например, на астероид, чтобы в течении пары часов, в строгом соответствии с программой, получить, допустим, гигантский космический корабль, снабженный супермощными, надежнейшими реакторами — заправленный рабочим веществом и готовый отправиться к ближайшим звездам.

А насколько упростится преобразование планет...

Один шаг отделяет человечество от очередного технологического и психологического скачка, в развитии своем — беспрецедентного. От кардинального изменения условий и внутренних правил существования общества, от нового перехода количества в качество.

Один шаг отделяет человечество от шага в пропасть.

Ведь эта технология невероятно опасна. Она превосходит опасностью все виды оружия, изобретенные людьми за историю развития цивилизации; все эпидемии, посещавшие Землю, и даже все космические катастрофы, уродовавшие ее лик. Одного маленького микробиотического организма со сбившейся программой достаточно для уничтожения планеты. А если программа была сложной, да еще и автокорректирующейся, например, той самой, для сборки гигантского космического корабля? Не породит ли человек вирус галактического масштаба, ограниченный в распространении только скоростью света?

Поэтому до сих пор «почти». И, надеюсь, это «почти» останется еще очень надолго. Потому что даже сверхнадежные программы дают сбой. И потому, что даже сейчас есть отдельные люди, готовые на все ради идеи. Как поступит долбанутый экстремальный натуралист, если ему придет в голову мысль на доступном примере показать миру, к чему может привести преобразование, «насилие над природой»? Не бросит ли он специально запрограммированное микробиотическое зернышко на родную планету?

Вот такие проблемы могут встать перед нами уже в обозримом будущем.

Но пока послушные микроботы послушно распилят старый купол станции Кравника, уберут мусор и реконструкция будет завершена. И даже этого я не увижу, потому что заскочил сюда лишь на несколько минут, сменить свой внешний вид, авторизацию коммуникатора и пересесть в новое такси, которое доставит меня, наконец, к Кате. Куда-то в лунную пустыню, в условленное место, где нас будет ждать заранее заказанный хоппер. Надеюсь, тогда она решит, что достаточно замела следы, и мы сможем, наконец-то, остановиться и попытаться насладиться обществом друг друга, не опасаясь нападений маньяков-суицидников.

Да-да, я знаю, что и помимо нападений есть неразрешенные вопросы. И мы не можем их отложить. Мы должны вернуть наших марсиан. Должны нащупать источник проблем — кто, почему и зачем устраивает на нас покушения. Разобраться, что же вообще происходит — и сделать то, что окажется правильным в прояснившейся ситуации. Все это потом. Я знаю, что этим придется заниматься, но отгоняю такие мысли потому, что просто хочу видеть Катю. Наши коммуникаторы не общаются ни друг с другом, ни с внешней сетью, работая просто как наручные вычислительные центры, локальные библиотеки, навигаторы, идентификаторы и так далее — чтобы исключить возможность проследить связь. Данные передаем только от устройства к устройству в зоне прямого контакта, как вот сейчас с роботакси.

Я не знаю, что с нею. Хотя не вижу причин для беспокойства, но ведь сердцу не прикажешь. И я боюсь за нее.

Наружная, «уличная» автостоянка станции Кравника располагалась в зоне лунной гравитации, в скучном надземном ангаре по типу марсианских — память о временах начала освоения Солнечной Системы.

Конечно, этот ангар не такой старый, но типаж еще из тех времен. Проехал шлюз, и вот ты уже внутри. Обычные клетки для парковки. Несколько машин: два стрекача того же модельного ряда, что мой; минихоппер вроде того, который заказала Катя, лежащий на длинных лапах и небольшой тягач с широкими гусеницами. Для улучшения сцепки с грунтом гусеницы могут выпускать шипы до пятнадцати сантиметров длиной, за что использующие их вездеходы ласково зовутся «кошечками».

А лунные хопперы отличаются от марсианских даже внешне. Их форма не обтекаема, и равновесие удерживается не за счет атмосферных стабилизаторов, гироскопов и внутренних балансиров, но, в основном, внешними рычажными компенсаторами — тяжелыми шарами на длинных, телескопически раздвигаемых палках, свободно вращающихся в разных направлениях. Система компенсаторов позволяет внеатмосферному хопперу легко выравнивать корпус при неравномерном распределении груза и не даст перевернуться даже если пассажиры вдруг, паче чаяния, возьмутся бегать с борта на борт во время прыжка. Эти компенсаторы существенно экономят место внутри аппарата, фактически заменяя встраиваемые механизмы балансировки — ведь на Луне нет воздуха.

Зато атмосферный хоппер может изменить направление полета с помощью одних только рулевых крылышек — кажется, они называются «закрылки». В безвоздушной среде такие штуки не проходят, поэтому тут

прыгуны таскают с собой небольшой запас рабочего вещества для верньерных движков, которые, впрочем, обычно не используются.

Вообще-то я мог бы ехать дальше и на своем вездеходе. Судя по всему, он никуда не торопился, следовательно, свободен, и любой заказ в ближайших окрестностях будет принят им в первую очередь. Но на мое новое имя уже было активировано другое такси: один из двух стоящих здесь же стрекачей.

Еще часок-другой в пути, и я обниму Катю. Сначала в скафандре, ведь нам придется пересаживаться в прыгун прямо «на свежем воздухе», то есть, покинув вездеходы. А потом уже нормально. А потом уже, когда мы доберемся-таки до спокойного места...

Теплая волна разлилась по моему телу.

Я поймал себя на том, что как дурак стою посреди пустой парковки, вместо того, чтобы быстренько поменять личность и сесть в новую машину. Зеленая надпись «Дюк Нильсон» уже крутилась над ней — полагаю, так меня будут звать после реавторизации коммуникатора. Оглядевшись, я с радостью обнаружил, что укромное местечко имеется — ради посещения уборной не нужно проходить на станцию. Заскочив в заветную комнату, я забрался в кабинку, чтобы скрыться из виду гипотетического случайного посетителя автостоянки, и запустил программу. Обратно вышел уже совсем другой человек: стал выше сантиметров на пятнадцать за счет надстроившихся платформ, потерял в объеме — прежний-то мой персонаж худобой не страдал — и вернул себе белый цвет кожи. Заметно белее, чем мой естественный, кстати.

Над губой теперь чернели противные темные усики, а волосы, медно-рыжие и выющиеся, как это сказали бы в старинном романе: «ниспадали на плечи». Какая-то, на мой взгляд, слишком запоминающаяся внешность... Катя отжигала. Хотя, теперь уже без разницы. Остался последний ход в нашей короткой раздельной партии.

Я отвернулся от зеркал, вдоволь налюбовавшись на Дюка Нильсона, вышел на парковку и, в обход гравидорожки, попрыгал к машине, в полной мере наслаждаясь слабостью лунного притяжения. Люблю иногда порезвиться. Вернее, не люблю магнитные дорожки.

Звук открывающегося шлюза привлек мое внимание и заставил обернуться. Стрекач, как две капли воды похожий на уже припаркованные здесь, вкатился в зал и чинно проехал на пустую клетку. Из него выбралась девушка: вполне милая, черноволосая, с азиатскими чертами лица. Завидев меня, помахала ладошкой, мол, «приве-е-ет, а где здесь Статуя Свободы?» и

поскакала ко мне.

— Приве-е-ет, я — Мэри, а вы — местный?

Ну, чуток другой текст, однако смысл мало меняется. То ли ей нравятся высокие рыжие парни типа моего Дюка Нильсона, то ли она без ума от усиков, то ли нужно поднести чемодан со взрывчаткой.

— Привет, я — Дюк, — приятным баритоном ответило мое горло через мимикрирующую маску. — Не, я проездом, уже мотаю отсюда, — и мотнул головой на надпись над машиной, мол, точно мотаю, прямо сейчас.

— А-а-а... — будто бы слегка разочарованно протянула она. — А я к маме...

И не уходит. Словно ждет продолжения. Ну какое может быть продолжение, лапушка? Дюку Нильсону от роду пять минут, и жить ему осталось несколько часов. А Пол Джефферсон мало того, что не заводит случайных подружек, так еще и его подружка, Катя Старофф... Эээ... В общем, лучше не надо.

— Ну, вы время неудачное выбрали. Реконструкция. Купол меняют... — многозначительно сообщил я, словно был в курсе дел станции.

— Ясно... — опять протянула она. И опять не уходит.

Я уже собрался было извиняться и сваливать, как вдруг выражение ее лица переменялось, причем так резко, что я испугался, не стало ли ей худо.

Но, думаю, с ней случилось нечто иное, потому что сила, с которой она заехала мне по горлу, оказалась нешуточной. Если бы не воротник спецодежды контроля, моментально распознавший критическую энергию по скорости деформации и за долю секунды уплотнившийся до твердости сиплекса — быть бы мне покойником. А так — всего лишь отбросило метра на три, и я упал, не в состоянии удержать равновесие. Одежда уже перешла в режим защиты, поэтому смягчила падение. Со спины через голову набросился прозрачный сверхпрочный капюшон, герметизировавший пространство под собой. Для дыхания включились фильтры. Если вдруг откачают воздух — они закроются и запустится регенератор — ненадолго, запас энергии невелик, все-таки это только одежда, и пытаться использовать ее в качестве скафандра высшей защиты не стоит, не потянет.

А девушка уже была на мне и с увлечением, достойным лучшего применения, колотила и молотила меня руками, локтями и головой. Без особого эффекта, должен отметить. То есть, я чувствовал удары, но заметного вреда они мне не причиняли. Чего нельзя сказать о ней: кровь текла из рассеченного лба, костяшки пальцев сбиты...

Я попытался сбросить ее с себя, схватить за руки, но не тут-то было. Она казалась железной и неукротимой. Вцепилась мне в горло и попыталась задушить: соревнование, кто сильнее, девушка или рубашка КК.

Похоже, победила рубашка, потому что Мари вдруг обмякла — так же внезапно, как напала на меня — и мы оказались лежащими на полу в более чем пикантном положении, если посмотреть со стороны — эдакие любители перчика на автостоянках.

Спихнув ее с себя, я поднялся. Несколько секунд, к стыду своему признаю, мне хотелось только бежать, настолько я был обескуражен. И почти убежал, даже открыл дверцу ожидавшего меня такси, но остановился. Посмотрел на валявшееся под ногами тело. Что, если еще жива? Ведь никаких травм, несовместимых с жизнью...

Выдернул из такси аптечку, приложил к ее животу, провел блиц-анализ: клиническая смерть. Аптечка переключилась в режим экстренной помощи. Она сделает инъекции и вызовет медиков, вдруг еще что-то можно исправить...

Надо сообщить им обстоятельства...

И остановился.

Ну, и как это выглядит?

А выглядит это так. На автостоянке человек, выдающий себя за другого, дождался одинокую девушку и напал на нее. Она отбивалась, но по какой-то причине умерла...

Прекрасно...

Но уверен ли я, что аптечка их вызвала? Ведь если не вызвать, точно умрет...

Я активировал коммуникатор и сообщил по экстренной:

— База Кравника, внешняя парковка, несчастный случай, клиническая смерть, одна минута, девушка... — всегда затрудняюсь определить возраст, поэтом проскочим — ...в крови, но без серьезных внешних повреждений, вела себя неадекватно, возможен приступ, скорее!

Не слушая, что они говорят в ответ, я выключил коммуникатор и дал деру. То есть залез в машину, вывел ее через шлюзы, отрубил возможность внешней блокировки управления — Катя, на всякий случай, показала мне, как это делается — и запустил программку ложных координат. Слава богу, получилось. Теперь они будут думать, что я нахожусь в другом месте. Даже если сразу начнут искать. А настоящие координаты цели автопилот считал с моего коммуникатора и уверенно понесся по равнине, залитой солнечным светом.

Теперь они не знают, где я, и не смогут меня остановить. Даже если будут действовать оперативно. Потом, конечно, машину найдут, но мне нужно всего лишь несколько часов.

Я откинулся на подголовник сиденья.

Замечательно, просто замечательно. Всегда мечтал почувствовать себя беглым преступником. За мной — заметьте, за мной! — в любой момент может погнаться патрульная служба, а инспектор Контроля уже, наверное, берет в производство дело о странном происшествии на автостоянке станции Кравника.

Если бы я не удрал, если бы я был под своим настоящим лицом, меня бы опросили, обследовали и отпустили. Но я сбежал. И даже не мог спросить совета у Кати. Трусость ли двигала мною? Да какая разница. Теперь уже остается только надеяться на авось и постараться как можно скорее сменить личность. Последняя программа трансформации, подготовленная Катей, оставалась в коммуникаторе, но ее не стоит активировать, пока не покину такси. А вот после этого уже никто не докажет, что я — Дюк Нильсон. Придумать бы еще, как скрыть следы на реголите...

Два часа тянулись как два дня. Я все время ждал, что раздастся голос, приказывающий мне остановиться, или машина встанет сама, или рядом появится преследователь — какая-нибудь ракета Контроля...

Но стрекач исправно наматывал километры на счетчик, а лунная пустыня вокруг оставалась пустыней.

Я следил за продвижением по карте, мысленно сближая зеленую точку вездехода с красной точкой цели. Вот, наконец, это произошло. Машина остановилась, я натянул скафандр и вышел.

Такси загерметизировало шлюз, развернулось и укатило.

Судя по отсутствию других следов, Катя еще не появлялась.

Последний этап. Взобраться на вал и спуститься в кратер. Хоппер должен быть там.

Прыжками я, как эдакий бесхвостый кенгуру, перемахнул через вал и, действительно, обнаружил машину совсем неподалеку. Нужно добраться до нее, не оставляя следов. Пусть потом докажут, что я сошел и не вернулся в такси, записи-то нет. Для усложнения картины, я поскакал назад, к следам вездехода, а потом, точно попадая в старые следы, вернулся на вал, толкнулся посильнее и совершил свой самый длинный лунный прыжок. Помог опыт Ганимеда и Марса, я научился неплохо рассчитывать

расстояние.

В яблочко. То есть в хоппер. Прилунился точно на его опорную ногу. Целился, правда, не совсем туда, но не существенно, главное, следов нет. Теперь преобразование личности. Коммуникатор выполнил последнюю Катину программу. Даже не поинтересовавшись, как меня теперь зовут, я подключился к прыгуну и прошел идентификацию. Шлюз гостеприимно раскрылся.

Вскоре я уже сидел в удобном туристическом обзорном кресле и ждал Катю.

Прошло около часа.

Я давно посмотрелся в камеру и узнал, на что стал похож, узнал свое имя, во всех подробностях разглядел окружающий пейзаж, то есть вид небольшого, относительно молодого лунного кратера изнутри, посчитал звезды — на черном небе Луны их прекрасно видно днем, атмосферы-то нет — и принялся изучать краешек Земли, кокетливо высовывающийся над валом.

Прошел еще час.

Мне показалось, время перестало двигаться.

А мы ведь так и не договорили с Катей о том, что такое время. Как раз об этом не договорили, когда нас прервал этот камикадзе на аэрокаре. «Камикадзе» — слово всплыло из памяти, из старых времен, когда были войны. Сейчас тоже идет война, только о ней из ныне живущих знаем лишь мы с Катей. Не знаем даже, подозреваем.

И вот теперь Катя пропала.

Прошел третий час.

Ждать дольше нет смысла. Что-то случилось. Что-то серьезное, она не могла просто так опоздать, выверяла по минутам. Нужно ехать навстречу, в пункт, откуда она собиралась брать такси сюда. То есть прыгать, это же хоппер.

Я активировал карту, нашел учебный сектор Полинезийского университета.

Но неизвестно, под каким именем она вошла туда... Приехала как... Черт, тоже не помню... Она не назвала имени, когда уезжала из Гелиополиса... Кого же искать?

Эх. Как бы там ни было, не сидеть же сложа руки.

А вдруг авария по дороге? И отказала связь? И система службы спасения этого не заметила? Или Катя ввела ложные координаты в программу стрекача, как и я? Хотя, зачем бы ей это... А зачем мне... Стоп! Почему мы решили, что охотятся за мной? Первый напал на меня.

Стрелок целился в меня. Но он не мог целиться в двоих сразу... Если он из патриархального общества... Так, пусть даже это обычный наш человек, перед ним двое, мужчина и женщина, мужчина крупнее, на кого нападет первым?

Мои руки задрожали.

Мы упустили, что канал мог быть не один. Или один на двоих.

Ксената связан со мной, Лиен говорила о канале мне, открывали его для меня... Но только ли для меня? Почему мы так решили? У нас были основания? Пожалуй, нет. Лиен сказала, что присутствует в нашем мире. Потом она вселилась в Катю, можно так упростить. Значит, Катя в канале. Лиен и Ксената пропали. Канал открыт. Господи, какой я идиот! Если угроза исходит не от гипотетических земных заговорщиков, если это, действительно, сознания неведомых врагов проникают в наш мир из древнего Марса с целью закрыть канал, разорвать связь времен, они должны пытаться убить нас обоих!

Больше не рассуждая, трясущимися руками я сжал виски и скомандовал: «Старт!»

Хоппер качнулся раз, качнулся другой и, набирая высоту с каждым новым толчком, понесся вскачь над равниной.

Ощущение почти как в учебном полете на аэрокаре, только помягче...

Или как на качелях, как в детстве, только подольше...

На Луне устраивают целые соревнования по гонкам на хопперах. В том числе, по гонкам с препятствиями. Есть и неофициальные игры, например, «чеканочка» и «рикошет». Суть «чеканочки» в том, кто выше распрыгает хоппер. Теоретически высота прыжка механического кузнечика зависит только от силы толчка. Безусловно, инженеры не забыли о «защите от дурака» — от реактора на толкательные конечности можно подать импульс не более максимально допустимого, и это ограничено конструкцией аппарата, никак не изменить. Это усилие значительно меньше максимального «запаса прочности» амортизаторов.

По расчетам разработчиков, во время маршевого движения система амортизации обязана на каждом прыжке полностью погасить кинетическую энергию прилунения и вытолкнуть машину обратно с той же силой. КПД современных электромагнитных пружин приближается к ста процентам, ведь отсутствует трение, поэтому расход топлива минимален. Во время горизонтального разгона или вертикального распрыгивания каждый последующий скачок выше предыдущего. Горизонтальный разбег применяется на ровной местности, распрыгивание — при необходимости

прямо со старта взять высоту, например, выскочить из ущелья, если зачем-то надо было остановиться на дне. Стандартный туристический маршрут к Прямой Стене, кстати, содержит в себе этот элемент — развлекает туристов.

Специальная блокировка не позволяет амортизаторам развивать усилие больше определенного, чтобы не превысить «запас прочности» во время прилунения и не расшибить пассажиров в лепешку. Это дополнительная мера безопасности. И механический кузнечик, улетев выше, чем позволено, при посадке оттолкнется не в полную силу, а чуть притормозив.

Но народ хитер. Блокировку отключают.

Получается, чем дольше распрыгиваешься, тем выше поднимаешься, и ограничивает тебя только прочность амортизаторов и перегрузка. Обычно первыми ломаются люди. Но тут зависит от выносливости, тренированности, качества противоперегрузочного кресла и настройки хоппера. Вот они и придумали игру «для настоящих крутышек» — на выносливость. Хотя, формально, суть ее в том, кто выше распрыгается, понятно, что это соревнование на «кто лучше держит удар о Луну», то есть у кого крепче задница.

Глупость, в общем-то, и незаконно. Их стараются отлавливать и разъяснять всю опасность увлечения. У большинства со временем проходит. Но не у всех. И несколько летальных случаев в год на Луне традиционно приходится на «чеканщиков».

«Рикошет» примерно с тем же смыслом, но там гоняют по горизонтали. Хотя есть и варианты с предварительным распрыгиванием. Выбирают замкнутую область, например, кратер, и устраивают кольцевые гонки. Или скачки по пересеченной местности. С каждым кругом скорость или высота прыжков возрастает. Есть, кстати, легальные аналоги, с невыключенной блокировкой и другими ограничениями.

Эта игра мне кажется намного более интересной, возможно, сам гонял бы, пришлось в детстве жить на Луне. Рикошетчики тоже регулярно снабжают больницы новыми пациентами и приносят человечески жертвы на алтарь богини азарта и забавы.

Мысли о развлечениях селенитов не слишком отвлекали меня от главного, текли в фоновом режиме.

Я внимательно вглядывался в местность, над которой пролетал, и следил за показаниями радара. Но на всем пути мне не встретилось ни одного стрекача, да и никакой другой транспорт не попадался. Как не было

и следов колес или гусениц, которые вели бы к кратеру, где прятался наш прыгун.

Она не покидала учебного центра. Если вообще добралась туда.

У меня нет полномочий. Даже если снять эту дурацкую личину и представиться Полом Джефферсоном, у меня нет полномочий требовать видеоматериалы, опрашивать свидетелей, проводить расследование... Всего лишь любимая собачка госпожи лидер-инспектора, собачка, потерявшая хозяйку...

Я невесело усмехнулся.

В крайнем случае, придется вскрываться и вызвать инспектора Бобсона.

В самом крайнем случае.

* * *

В крайнем случае, я собирался идти к Дсебе.

И этот случай настал.

Они ждали меня на крышах, но думали, я сам попадусь, поскачу к ним в лапы, попытавшись выбраться из города Солнца. Они думали, я не вижу их планы. Но я успел вылезти из переулка до того, как ловушка захлопнулась еще и сверху, и побежал навесными садами на запад, к храму Синееокого. Побежал, прячась в тени кустов, распластываясь по вертикалям стен. Если парящие и замечали меня, сообщения до координаторов доходили с задержкой: птица должна вернуться, чтобы передать увиденное, информация должна дойти до наследников, команда должна дойти до стражи — это драгоценное время, за которое я успевал сменить направление движения, уйти из точки, где меня обнаружили в прошлый раз.

Конечно, они поняли, куда я стремлюсь.

Но поняли слишком поздно.

Слившись с учениками, возвращавшимися на время тьмы из города, я проник в храм.

Мой невидимый друг, Пол, опять выбрал самое неподходящее время для разговора. Допускаю, что он не может выбирать, не удивлюсь, если слышу его только в критические моменты, в момент напряжения чего-то внутри меня, что служит спусковым механизмом для выстрела — и мысль Пола достигает моей головы.

Сомнений Армир, покойной наставницы, матери Нарт, в том, что Пол

— друг, я не разделял. Уж что-что, а дружественность от враждебности я отличить в состоянии. Тем более, что слышу его вибрацию внутри себя, чувствую его трепет, радость, злость или обеспокоенность. Он не желает мне зла, напротив, он хочет меня спасти, хотя, сдается мне, тем самым спасает и себя, и кого-то еще, кто ему дорог, например, эту Лиен, жрицу Весенницы. Пол волнуется не только за себя, это определено. И это «не только за себя», пожалуй, женщина. Возможно, во мне создавалась бы подобная картина молний, раз уж маленькие молнии определяют наше сознание... Если бы я знал способ найти и спасти Нарт. В том, что ее надо спасать, у меня почти нет сомнений, ведь даже если им с Зарбат удалось бежать из храма, уклониться от встречи с наследниками на выходе, что бы они дальше делали в этом городе, разыскиваемые всеми? Куда бы подались, покинув город?

В одном я был безосновательно, но твердо уверен: она жива.

Пока шел коридорами Синеокого, ощущение раздвоенности преследовало меня. Словно шел не один человек, а два, но два единых — не как тело и тень, а как две тени от двух факелов. Именно факелов, не фонариков, ибо контуры этих «теней» обрисовывались резко и дрожали. И я видел не только древние стены храма, изрезанные песней затмения — эти стены были такими же тенями, как мы с Полом, они были словно бы полупрозрачными призраками стен, на которые накладывалось иное существование. Сквозь них я видел яркую, светло-серую, песчаную пустыню, залитую светом, и я знал, что эта пустыня неизмеримо мертвее той, что лежит к востоку от Крепости Костей. Угольно-черное небо над нею казалось драпировкой, пробитой навывлет тысячами стрел, и из каждой дырки и дырочки сиял Звездный огонь, ибо это были звезды. Но эти звезды не сомневались, как наши, они смотрели мне прямо в глаза, не мигая, и я не увидел в них ни злобы, ни жалости, ни даже безразличия — взгляд их показался мне лишенным сознания, но нельзя сказать, что он был мертв. Он был неодоушевлен.

Самой яркой, ослепительной звездой пылал над головою огромный желтоватый диск. Не сразу удалось мне постичь, что это и есть солнце. Что правы наши святоши: солнце, действительно, одна из звезд, просто самая могучая. И я увидел в стороне, ближе к горизонту огромную бело-голубую спутницу, подобно Вестнику прикрытую черной полумаской. Только тогда я сообразил, наконец, что движусь по чужой земле, что пересек океан пустоты и нахожусь, по всей здравости предположения, в родной стране Пола. Где бы она ни была.

Меня выбросило из видения и все вокруг обрело привычные контуры. Я продолжал идти по желтому коридору, восстанавливая спокойствие, и уже вскоре достаточно оправился от бега и от посещения Пола, чтобы задуматься над дальнейшим. К чему вела меня сия тропа, к гибели или спасению? И не будет ли спасение лишь отсрочкой скорой смерти?

В любом случае, мой единственный шанс — найти Дсебу. Обычно в девятину падения солнца он созерцает закат. Балкон на западной оконечности храма. Я взошел по лестницам на третий этаж и со всей быстротой, которую позволяли приличия, проследовал туда. Солнце уже село, но тонкий серп его еще лежал на пологих Эведейских холмах.

Жрец стоял на балконе в одиночестве.

— Мир накрывает тьма, Ксената, — изрек он, не оборачиваясь. — Мир накрывает тьма, но мы продолжаем ловить вертунов и юрцов среди камней старых правил, постепенно срастаясь с тенями от этих камней. Когда на мир падет Звездный огонь, когда предки придут, чтобы взять достойнейших на небо, гореть среди них, как среди равных себе, кого они здесь встретят? Вертунов и юрцов? Пару одичавших валаборов, молящих дать им дожевать жвачку? Мир мельчает, Ксената, это причина и следствие, это признак приближающегося конца. Подойди.

Я подошел к нему. Дсеба был выше меня почти на голову. Крепкие мышцы рельефно выделялись на его шее. Пальцы, расслабленно лежащие на перилах, не выдавали ни малейшего душеного напряжения. Впрочем, я знал, насколько жрецы Синеокого способны к самоконтролю. Знал по себе, а ведь я не прошел полного обучения.

— Смотри на запад. Узри тлеющий огонь зари солнцепада. Ускользящий огонь. Такова наша надежда.

Он не убил меня. Он говорил со мной. Он хотел что-то мне открыть.

Что ж, похоже, я не ошибся, выбрав путь на запад по крышам.

Жрец повернулся ко мне. Его глаза блеснули красным в лучах заката. Густые тени лежала в глубоко прорезанных морщинах. Я не видел его два года. Он не изменился.

Снизу донесся какой-то шум.

Балкон выходил в глухой двор, так что, вероятно, шумели у входа в храм.

— Пойдем, — произнес Дсеба. — Парящий почти в зените. Он может увидеть тебя.

Мы вышли с балкона другим коридором, полого ведущим вниз. Никто не найдет меня в храме Синеокого, если Великий Предок сам не захочет того. Сейчас ключ от его желаний лежал в ладони моего бывшего учителя,

да простится мне такое мерзкое богохульство.

Миновав череду комнат и коридоров, мы спустились в подвал. Отопнув одну за другой несколько потайных дверей, Дсеба привел меня в небольшой треугольный зал, в каждом из углов которого горел голубой светильник. После коридорных фонариков свет показался мне ярким, нестерпимо-резким. В центре зала возвышалась колонна из гладкого металла.

— Наложь руки, Ксената, — голос Дсебы расторг тишину — особенную тишину, свойственную глубоким подземельям.

Я повиновался.

На ощупь металл предстал прохладным. От него слегка кололо пальцы, будто маленькими быстрыми иголочками.

— Заставь ее говорить.

Я непонимающе взглянул на него.

— Не можешь? — жрец как бы задал вопрос, но сам же ответил на него утвердительно. — Не можешь.

Он подошел ко мне и посмотрел в упор. В голубом сиянии светильников его глаза казались ярко-синими. Настоящий Синеокий.

— Было бы проще, если бы смог. Эта машина тоже управляет воротами на небо. Она жива, ты чувствуешь это?

— Да, — ответил я, и это было первое слово, произнесенное с момента прихода в храм.

— Не разучился говорить? — криво усмехнулся Дсеба. — Следовало бы вырвать тебе язык, а не просто изгнать. Что скажешь?

— Отдай меня наследником, они сделают больше, — я смотрел прямо ему в глаза.

— Дерзок, как прежде, — он дернул плечом, выражая неудовольствие. — Возможно, так и следовало бы поступить. Они считают тебя Рожденным Пустыней, знаешь об этом?

Не дожидаясь ответа, мой бывший учитель постучал костяшками пальцев по металлической колонне:

— Я надеялся, ты оживишь эту штуку. Ну, нет, так нет. Значит, путь будет длиннее...

Надеюсь, мой взгляд выражал всю глубину непонимания.

Дсеба снова хмыкнул и пояснил:

— Предсказание. Много лет назад было предсказание. Вернее, предупреждение. Одна из древних машин ожила сама собой и рассказала, что нас ждет. Жрецы из Великой башни трактуют сказанное так, что нас ждет смерть от Звездного огня, если мы не распахнем ворота Вестника и не

выпустим на волю скрытую там силу. Ты, конечно, слышал о сестрах с острова Лальм? О тех, кто поклоняется Зеленой звезде? Жрецы из Великой башни утверждают, что они причастны к появлению Рожденного Пустыней, который привлечет Звездный огонь на наши головы. Жрецы говорят, женщины с берегов Лальм готовятся открыть ворота для вторжения. Они хотят принять целые армии воительниц, вооруженных древним оружием, чтобы захватить наши земли, очищенные Звездным огнем. Жрецы из Великой башни давно подозревают женщин, служительниц Весенницы, в стремлении отнять власть.

Дсеба замолчал, словно бы собираясь с мыслями. Он явно не хотел говорить мне всего, что знал, но что-то сказать считал необходимым для достижения своей цели:

— Треть оборота прошла с тех пор, как машина в Великой башне раскрылась. Она выпустила неосязаемый бутон, мираж, за который нельзя ухватиться, но, погружая пальцы в который, можно добиться разных... результатов. Я был приглашен на размышления Избранных. Видел это... иллюзорное... устройство... выпущенное машиной. Оно напоминает управляющий мираж вирманы. По моему мнению, и по мнению большинства собравшихся, оно предназначено для контроля за находящимся далеко. Оно предназначено для взаимодействия с небесами. Жрецы Великой башни говорят не все. Но... новости доходят до меня. Эта машина может открыть ворота Вестника. Ты ведь знаешь, что Вестник — большое существо, охраняющее небеса Жемчужины? Возможно, это не существо, а машина... или склад... на котором стоят машины. Спящие корабли, способные преодолеть океан пустоты. Несущие на себе могучее оружие.

Я слушал внимательно, не прерывая, и сводил сказанное им со сказанным наставницей.

— Жрецы Великой башни... считают, что машина предупредила их об опасности, исходящей от Зеленой звезды. Возможно, на Фонарике... спутнике Весенницы... также спят корабли. Ты ведь знаешь, что Зеленая звезда — вовсе не звезда, она не порождает огонь. Это гигантское существо, подобное Вестнику, или земля, подобная Жемчужине. Жрецы подозревают, что там живут женщины. Исключительно женщины. Продолжающие свой род противным природе способом, описанном в древних источниках. Женщины, живущие на Зеленой звезде, прислали к нам своих шпионов. Ты знаешь, что жрицы Владычицы времени не всегда жили на острове Лальм? Тридевятилетие назад они прибыли неизвестно откуда, с какого-то якобы затонувшего далекого острова... Мы никогда не

верили им. И вот, настал роковой час, рука для удара занесена. Предки предупредили нас, и предки вручили нам в руки оружие, способное опередить врага!

Голос его, поначалу тихий, загрохотал под сводами. Казалось, даже светильники мигнули, словно настоящие звезды, под напором неистовой силы.

— Так говорят жрецы в Великой башне, — продолжил он тихо. — Но они ошибаются. Они отринули верную трактовку пророчества. Нам грозит не Зеленая звезда. Существо-убийца, подобное спящему Вестнику, летит, еще невидимое, к Жемчужине. Об этом предупредила машина девятилетия назад и назвала день и время нападения. Зеленая звезда лишь упоминается в словах машины, она как-то повлияла на движение чудовища, но не делала этого намеренно. Жрецам Великой башни трудно понять это, потому что собственные цели застят им глаза. Они хотят покончить с дочерьми Лалъм, избавиться от стародавней занозы, и новые силы, открывшиеся им, пьянят их разум. Они тщатся надеждой, что теперь есть возможность победить. Но думаю, машина открыла... мираж... для управления... потому что так было задумано создателями. Предками. Они не предполагали, что мы... все забудем. Жрецы Великой башни поняли значение нескольких... действий... и одно из них — засеять Зеленую звезду семенами смерти и разрушения. Я не знаю, когда и зачем было сделано такое... место... применение... для управления кораблями. Возможно, готовилась война миров, перед тем, как прекратилось движение через океан пустоты. Но она не началась. Предки были мудрее нас...

Он сделал паузу, глядя в пол, и я не смог удержаться от того, чтобы выразить сомнение:

— Почему же тогда они не убрали это... эту возможность из миража управления?

Дсеба поднял на меня тяжелый взгляд, и я впервые услышал от него эти слова. Он сказал:

— Я не знаю.

Только тогда пришло мне понимание, перед какой пропастью стоит этот человек. Какой внутренний раскол пережил он, всегда лояльный Великой башне, но отличавшийся ясным умом и непреклонной волей. Он видит ошибку, которая способна вызвать катастрофу, и не может донести это знание до власти имущих, ослепленных своими предрассудками.

— Значит, Зеленая звезда погибнет? — спросил я его, чтобы попытаться нащупать дальнейшие планы и не показать, что от Армир уже слышал больше, чем он сказал сейчас.

— Зеленая звезда? — словно очнувшись, переспросил он и горько усмехнулся. — Нет. Погибнет все, что живет на ней. Эти семена... Раньше уже давали всходы. Здесь, на Жемчужине. Так мы пришли сюда.

Я уже давно подозревал это. Предки уничтожили жизнь на Жемчужине, чтобы расчистить место для себя. Они сделали это, и теперь боятся, что так же поступят с ними? Что ж... Это справедливо.

— Но не Зеленая звезда беспокоит меня, Ксената.

— Но что тогда?! — воскликнул я, изобразив удивление.

— Жемчужина. Ты слышал, что я сказал? Чудовище летит к нам. Оно уже близко. Жрецы Великой башни вот-вот пробудят Вестник. Корабли понесут смерть на Зеленую звезду. А кто защитит Жемчужину?

Хоть я и ожидал этих слов, все же надеялся услышать другое. Холод проник в мое нутро, однако я быстро распределил его по поверхности сознания, не давая овладеть собой. Значит, Армир не ошиблась. Все ее предположения подтверждаются. Но есть ли надежда? Как мы можем защититься, даже если корабли не уйдут?

— Я знаю, что сказано в предсказании. Думаю, что знаю. Это предупреждение, обычное предупреждение. Как гонг перед наступлением тьмы. Как гонг при начале солнцероста. Как гонг при начале солнцезахода. Гонг не влияет на солнце. Предупреждение не влияет на событие. Дает возможность подготовиться. Уведомляет о том, что будет. Чтобы не было паники. Возможно, чтобы спрятались...

— Но от Звездного огня невозможно спрятаться... — удивился я.

— Верно, — вновь горько усмехнулся Дсеба. — Поэтому Вестник проснется. Сам. Когда чудовище будет в самом удобном месте для атаки. Корабли поднимутся и уничтожат его. Или оттолкнут чуть-чуть в сторону, чтобы оно пролетело мимо. Чешуя чудовища, куски его могут упасть на землю. Об этом предупреждала машина. К этому предлагала подготовиться.

— Но если мы уведем корабли... — протянул я.

— Или если корабли истратят заряды для оружия... — Дсеба хлопнул в ладоши, выражая досаду. — Некому будет остановить чудовище.

Видение вспомнилось мне. Мертвая каменистая пустыня, рыжая пыль, огромный шрам на остывшем лице Жемчужины... Так вот что это было... Вот что видела Нарт, вот почему она закричала тогда...

Но я не стал говорить Дсебе о своем умении всматриваться в миражи и не стал сообщать о знакомстве со жрицами Весенницы. Пусть даже и бывшими. Не думаю, что ему следовало это знать.

Мне было интереснее, что предложит он. Есть ли ход в этой игре? Или

нам безропотно готовиться к смерти?

Бывший учитель посмотрел на меня в упор.

— Ты обладаешь непокорным нравом, младший, ты — бунтарь. И ты умен. Среди валаборов, окружающих меня, не на кого положиться. Одни пойдут за мной на смерть, но глупы настолько, что испортят дело. Другие предадут сразу, как узнают, что я собираюсь предпринять. Тебе нечего терять, не так ли, мой мальчик?

Он назвал меня «младшим», я не ослышался? Ритуальной формулой признал во мне ученика? Значит, снова принял под взгляд Синеокого, вернул из изгнания, в которое сам же и отправил? Пусть это примирение только между нами, пусть наследники продолжают рыскать в поисках меня — это примирение состоялось, и я был рад ему.

Дсеба понял мое молчание по-своему.

— У нас есть шанс помешать им. Единственный, последний шанс. Если удастся, Жемчужина не погибнет, и твоя жричка, беспутный молокосос, останется жива.

Он увидел растерянность в моих глазах и уточнил:

— Три женщины, с которыми ты вошел в храм Рыбака. Одна была убита. Две бежали. Среди них та, ради которой ты забыл обет безбрачия. Но предки простят тебе грех, если ты готов принести себя в жертву ради спасения Жемчужины.

— Но... — гремучая смесь негодования, радости и недоумения захлестнула меня, и я скрутил ее в жгут, упрятал в недра земли. Спокойным голосом, демонстрируя безразличие, ответил я учителю: — Но я не нарушал обета безбрачия. И не знаю никаких жриц. Женщины, с которыми я шел... одна из них, погибшая, возможно, когда-то была жрицей, но ее изгнали. Многие годы она обреталась в диких землях и даже не удаляла волосы. Мыслимо ли это для жрицы?

Дсеба усмехнулся, на этот раз, пожалуй, даже весело:

— Мыслимо, Ксената, мыслимо. Они засылают к нам шпионов и эмиссаров, строят козни и сеют зерна недовольства среди народов под тенью Башен. Они собирают новости и знания. Ради этого они готовы на любой обман, любой грех, любую грязь. Скажи, как звали убитую?

— Армир, — мне было непонятно, к чему он клонит.

— Что ты еще знаешь о ней? Кто была ее мать?

Я задумался.

— Я не знаю имени ее матери, старший. Но Армир говорила, что ее мать умерла. А при жизни была немного сумасшедшей. Что она... Делала предсказания.

Дсеба улыбнулся.

— Например?

Мне вспомнились слова, услышанные от наставницы в день ее гибели. Подумал, не будет вреда, если произнесу их сейчас. И я произнес:

— Придут двое из пяти в одном, чтобы спасти всех. Так она сказала.

Дсеба удовлетворенно крякнул.

— Армир, говоришь?

Он отошел чуть в сторону, зачем-то внимательно оглядел металлическую колонну спящей машины сверху донизу, и лишь потом обратился ко мне снова:

— А знаешь ли ты, что дочерью Харрис, великой прорицательницы, произнесшей эти, известные нам, слова, была Алар, а не Армир?

Любопытно. Выходит, Армир обманула меня? Но...

— Но жрицы же не лгут? Да и зачем ей было лгать? — спросил я осторожно.

— Они меняют имя при изгнании. Алар больше нет среди дочерей Великой матери. Она изгнана, значит, мертва. Официально. Так сообщали наши источники. Это старая история, покрывшаяся плесенью и коростой.

— Но...

— Армир это и есть Алар, дочь Харрис. Она не лгала тебе. Жрицы не лгут. Алар и ее дочь Лиен были изгнаны дважды девять лет назад.

Голова закружилась: «И ее дочь Лиен... И ее дочь Лиен...»

Я остановил вращение, разбросал вокруг, сжался в стержень и ненадолго прервал мышление. Это помогает, когда надо позволить улечься волнам, разбегающимся от упавшего в сознание камня неожиданности.

Вот почему наставница так странно реагировала на мои слова о требовании Пола найти Лиен! Она не знала, кто и зачем хочет разыскать ее дочь. Хорошо, не убила меня на всякий случай, как, пожалуй, поступил бы любой святоша...

Лиен. Нарт и есть Лиен... Это стоило осознать глубоко. Так глубоко, как на тот момент не было возможно. Значит, отложить. И вернуться к этому позже. Не сегодня.

— Что я должен сделать, старший?

Дсеба одарил меня мрачным взглядом:

— Не ты, а мы. Я не рассчитывал на такой подарок Синееокого, но он дал мне тебя. И теперь, едва всполошились наследники Солнечного города, я уже знал, ты возвращаешься. Чтобы искупить свой проступок, за который был изгнан. Чтобы искупить грех, который еще не совершил. Чтобы принести себя в жертву. А еще потому, что сеть была раскинута верно. Ты

дал мне шанс выполнить решенное. Без тебя мне не удастся быть в двух местах одновременно. Без меня ты не проникнешь в Великую башню.

— Мы пойдем в Великую башню?

Дсеба хрипло расхохотался. Казалось, ему действительно смешно.

— Долго. Мы полетим. Летал на вирмане?

Я опустил очи долу и не солгал:

— Уверен, это будет незабываемый опыт.

— Незабываемый грохот это будет, младший. Грохот, вот что я тебе обещаю! А сейчас получишь пищу и подстилку. Ляжешь прямо здесь. Храм уже перетрясли, скоро уйдут, но ждать некогда, ты должен поесть и отдохнуть.

— Да, старший.

Он направился к выходу. Обернулся, замер на миг, словно хотел сказать что-то еще, но не стал. Вышел. А уже через девятую девятины с потолка опустился сверток с моим будущим ложем и накрытый треугольный столик с едой. Я уселся, используя сверток под седалище.

И вновь, как уже не раз бывало со мной за годы скитаний, ужин показался мне необыкновенно вкусным. Так обостряет чувства голод.

Удовлетворенный растекшимся по жилам теплом сытости, я устроил лежанку на полу подальше от металлической колонны древней машины. Сон пришел мгновенно.

* * *

Хоппер доскакал до куполов учебного сектора и сбавил ход, прыгая все ниже и ниже. В других обстоятельствах путешествие на нем мне бы понравилось. Намного интереснее стрекача — хотя управляемость и хуже, но по скорости его превосходит, да и по проходимости должен бы — не представилось случая проверить, однако, очевидно, что прыжками можно преодолевать куда более высокие или протяженные препятствия, чем на колесах. И с верхней точки траектории видно как с нехилого колеса обозрения. Не удивляюсь теперь, почему туристы для прогулок предпочитают именно хопперы.

Колеса у него все-таки нашлись: маленькие, предназначенные для маневров на гладком полу парковки.

Я вылез из своего кузнечика и прикинул, куда идти.

Уличная стоянка учебки Полинезийского университета занимала почти половину небольшого, отдельно расположенного купола, галерей

соединенного с основной зоной городка. Маленькие вагончики открытого монорельса служили тем, кто желал добраться туда, не тратя времени на пешую прогулку. Это про меня. Я, конечно же, желал как можно скорее очутиться в номере местной гостиницы, чтобы попытаться получить доступ в закрытую сеть и найти хоть какие-то признаки прибытия Кати Старофф в ее последней личине. Последней из виденных мною.

Угроза нападения, подстерегавшая на каждом шагу, не так волновала меня, как опасность, которую я сам, своим присутствием, нес людям. Для меня было делом почти доказанным, что кто-то пользуется нашим таинственным каналом и захватывает контроль над сознаниями тех, кто волей случая оказывался поблизости. Механизм этой атаки представлялся пока совершенно непостижимым, как и природа канала, но от этого последствия не становились менее реальными.

С сожалением я вспоминал девушку по имени Мари, накинущуюся на меня в Кравнике. Пришлось бросить ее на полу в состоянии ранней смерти... И то, что убил ее не я, не делало мне легче. Кстати, первого из нападавших, служащего из Лесного городка, убила тоже не Катя. Он как бы умер сам, словно от потрясения, что упал в кусты. Собственноручно я отправил в небытие только стрелка с базы Контроля, камнем в голову. Но... Исходя из нынешнего опыта, осмелюсь предположить, что он не выжил бы и без этого удара камнем, и даже если бы не упал с обрыва.

Даже не убивая их сам, я словно нес в себе заразу. Как бубонную чуму в Темные века. Как если бы у меня был иммунитет, а у прочих — нет. И я не мог понять алгоритма, по которому выбиралась жертва — человек, становившийся орудием в руках врага. Мне все больше казалось, что это происходит случайно, будто есть некая нестабильно действующая сила, способная дотянуться сюда из марсианской древности, но для успеха ей нужно еще и нащупать подходящую цель. Возможно, не каждого и не в любой момент она способна сломить. Возможно, кто-то невосприимчив к ней вовсе. И я вспомнил людей, выживших при атаке ганимедийского существа. Оно не брало под контроль, оно просто пыталось соединиться, чтобы получить энергию для разрыва себя на составляющие, чтобы сделать шаг в эволюции. Этим оно убивало. Допустимо ли предположить, что принцип «проникновения» в разум в том и в этом случае схож?

Я смог противостоять ему. Мы смогли. Вместе мы даже завершили цикл, помогли существу разорваться. Это стоило потери связи с Ксенатой, но мы справились, хотя Жанна... До сих пор не могу понять, что произошло и где она сейчас... Катя говорила, что в ней спит часть или все сознание Жанки. Судя по тому, что иногда прорывается, в этом есть хотя бы

часть истины...

Потеря Жанны далась мне тяжело. Но теперь пропала и Катя. Так я терял все.

Вагончик доставил меня в гостевой холл, плотно прилегающий к другим районам учебного центра. Жилое колесо лежало вокруг куполов, немного возвышаясь над крайними, но уступая в росте центральным. Это мегакольцо выглядело крошечным в сравнении с громадой Гелиополиса и предназначалось не для туристов, а для учащихся и персонала. Первоначально построенный как выездной учебный центр для прохождения практики, городок постепенно превращался в лунный филиал Полинезийского университета, функционирующий на постоянной основе. Недалеко то время, когда этот статус будет признан официально.

Университет...

И я решил дальше не скрываться.

Положительной стороной моей уверенности в древнемарсианской природе атак было то, что теперь я мог не опасаться слежки гипотетических земных врагов. За нами следили изнутри нас, а это значит, можно спокойно снимать личину и включать коммуникатор в сеть. Даже полезнее оказаться известным героем, вернувшим человечеству Ганимед, планетологом, доктором Полом Джефферсоном, о котором уже слагают легенды, человеком, летающем на ракетах Комитета Контроля как на личном такси, чем каким-то безвестным Джоном Смитом, непонятно зачем зарулившим под купола храма науки.

Традиционно свернув в уборную, я перепрограммировал коммуникатор на единственную программу, оставшуюся доступной мне — на себя самого. И снял маску.

Зеркало показало знакомое лицо. Чуть осунувшееся. С лихорадочно блестящими глазами. Лицо, от которого я уже начал отвыкать.

— Привет, Пол! — вырвалось у меня вслух, и я со страхом оглянулся, нет ли свидетелей. Однако в это время дня, похоже, гостевой санузел не пользовался популярностью. Я был один. Ну и прекрасно.

Смешно, но от такой ерунды, как стать самим собой, у меня на душе заметно полегчало.

Всего-то вернул внешность. Которую изначально никто и не планировал менять надолго. Как же человек зависит от мелочей...

Изрядно ободренный переменой, я гордо покинул уборную и направился к стойке регистрации. Называли ее так по старой привычке,

ведь когда-то прибывавших в гостиницу людей действительно встречали за стойкой и записывали в тетрадь. Наверное, даже от руки. Пером и чернилами...

Сейчас это небольшой зал ожидания с удобными креслами и общественным стереопроектором, повествующим об устройстве городка и Полинезийского университета в целом. Каждый может запросить эту информацию через коммуникатор и просмотреть в индивидуальном режиме, но почему-то традиция коллективного вещания оказалась более живучей, чем регистрационные стойки.

Я присел, заказал кофе с бисквитом и, в открытом режиме, отметил, как приезжий. Стандартное приветствие визуализировалось над столом. Мне предложили на выбор несколько пустующих номеров, я остановился на крайнем, если можно так сказать в отношении тороида... На том, рядом с которым потенциально возможное скопление людей было бы наименьшим. Разумеется, эту задачу решил за меня компьютер, мне-то откуда знать?

Кроме меня здесь никого не было, но неподалеку кипела жизнь, я мог наблюдать ее через отверстие горизонтального тоннеля, связывающего этот купол с соседним. Туда-сюда сновали люди и роботы. Я усмехнулся: наверное, странно выгляжу без багажа. Но доктор Джефферсон может выглядеть как угодно, в известности есть свои преимущества. Правда, пока они никак не проявлялись. Спокойно пью горячий кофе, пожевывая пирожное, никому глаза не мозолю и, признаться, очень этому обстоятельству рад...

— Доктор Джефферсон! Как мы рады вас видеть! — возопил внезапно материализовавшийся стереообраз: высокий худощавый блондин с нордическими чертами лица и удивительно энергичной мимикой.

Я чуть не поперхнулся.

Ну, сам накаркал.

Конечно, как только регистрационные данные... Эх. Надо было сначала допить, а потом уже...

— Позвольте представиться: доктор Мерлинг, Чарльз Мерлинг... А это — доктор Зума... И доктор Красовский... — блондин широко взмахнул рукой, словно приветствуя вновь прибывших.

Тут же из пустоты материализовалась запыхавшаяся доктор Зума, маленькая негритянка, по черноте кожи способная поспорить с нашим дорогим Робом Боббсоном, и застенчиво теребящий воротник халата доктор Красовский — молодой веснушчатый парень с наивными голубыми глазами, вероятно, из вчерашних аспирантов.

«Из разных углов сбегаются, что ли... Мышки ученые... — мелькнула у меня в голове озорная мысль, тут же сменившаяся грустным удивлением. — Был ведь недавно сам таким же лопоухим юнцом... Потрепало меня, и в глазах тоска, зеркало не врет... Я не старше его, всего ничего прошло с конца стажировки... Какой маленький шажок для времени, но какой большой напруг для Пола Джефферсона, сэр...»

— Рад познакомиться, зовите меня просто, Пол, — отставив чашку и привстав, раскланялся я.

— Сидите-сидите, доктор... Пол. Мы скоро подойдем, чтобы поприветствовать лично... Так сказать... Никуда не уходите! — Мерлинг заговорщицки подмигнул и пропал вместе с остальными.

Лично. Разумеется, лично. Пожать руку, похлопать по плечу: «Здорово, Пол! Как жизнь, Пол! Ты молодец! Ну, давай, заглядывай!» — и прочие ритуальные танцы.

Несмотря на технический прогресс и богатый арсенал иллюзий, раскрывшийся с ним, люди остаются людьми: пытаются держаться за традиции, иногда даже крепче, чем раньше, предпочитают личные встречи — стереоконференциям, считают наилучшим — воспитывать детей в семьях, а на отдых любят выбираться на природу, не ограничиваясь фантазиями продвинутого климат-контроля. И движение натуралистов, многие лозунги которого выглядят абсурдно, не случайно набрало такую популярность, что стало способно блокировать в Совете инициативы могучих преобразователей. Прогресс — это еще не все. И сопротивление человеческой природы — не просто бессмысленная, механическая инерция. В ней есть стремление внутренне оставаться людьми. Улучшенными, усиленными, но людьми.

Поэтому же работа Роннигстона «Совершенство человеческого сознания» ошеломительно популярна. Его постулат, на мой взгляд, не бесспорный, сводится к следующему: если убрать перегибы и недостатки, настроить все как следует, то ничего в мире не найдется идеальнее и гармоничнее нашего сознания. И поэтому, мол, лучшее, что можно найти для общества — это прочистить себе голову. Если все прочистят — будет идеальное общество, где прекрасно станет житься каждому, и все тайны мироздания немедленно падут к нашим ногам.

Это я упрощенно излагаю, конечно, в книжке много всяких убедительных слов, иллюстраций, процессных потоков, ссылок и прочего. Но свести можно к вышесказанному. И люди это потребляют, говорят: «Да-да, это он классно сказал!», потому что им хочется в это верить, хочется стремиться к тому самому совершенству — быть совершенными людьми.

На деле, конечно, как всегда: стремятся единицы, остальным только хочется стремиться, да и то — не постоянно, а так, по вторникам после ужина.

Тройка уже знакомых мне и прилипшие к ним по дороге ученые составили чуть ли не делегацию по встречам. Точнее, их собралось семеро, но ситуация, по моему разумению, превращалась в угрожающую. Я планировал вести дело тихо, а тут, пожалуй, попахивало лекцией в большом зале и «а давайте, мы вам покажем...».

— Дорогой Пол! Мы все очень рады приветствовать вас в нашем университете! — энергично начал новую речь доктор Мерлинг. — Позвольте представить...

И он представил мне еще четверых и, подбежавшего только что, пятого. Все тепло поздоровались за руку. Особенно крепко жала руку маленькая округлая дамочка, доктор Роза Фангсяо, я даже попытался вспомнить, не встречались ли где... Вроде бы, нет.

— Ну, а с докторами Зумой и Красовским вы уже знакомы... — улыбка разрубила героическое лицо Чарльза Мерлинга на две половины, и я пожал руки докторам Красовскому и Зуме.

Настала пора брать быка за рога. Иначе есть шанс оказаться на этих рогах самому. И я бросился в атаку, прямо как древний кирасир на вражеские редуты:

— Уважаемые господа и дамы, позвольте огласить причину моего визита. Я ищу одного человека, который мог бы оказаться проездом в вашем университете. К сожалению, не знаю его имени. Но зато знаю, что он сел в такси в Гелиополисе и направился к вам буквально несколько часов назад. Это женщина. Была одета...

И я, как смог, описал приметы Солидной Дамы, в которую обратилась Катя Старофф при нашей последней встрече.

— Мне нужно найти ее как можно быстрее, дело не терпит отлагательств. И раз уж у нас тут собрался, можно сказать, ученый консилиум, не посоветуете ли, каким образом наиболее эффективно организовать поиски?

Господа и дамы ученые зачесали подбородки и сделали задумчивые лица. Первым очнулся Красовский:

— Так можно объявить по общесетевой, что доктор Джефферсон...

— Хочет видеть некую женщину: белую, с такими-то приметами, прибывшую сегодня? — иронично уточнила Зума. — Я бы не пошла. Даже к доктору Джефферсону, — и она с улыбкой чуть поклонилась в мою сторону.

«Катя придет, — подумал я, — но этот вариант мы оставим напоследок».

— Давайте посмотрим регистрацию. Она же регистрировалась? Время известно туда-сюда, ну, десятка два там будет женщин, со всеми свяжемся и найдем? — это тот, кто подбежал последним, господин Кохэй Ямамура. — Она же от вас не прячется?

Ученый коллектив дружно захихикал: дама будет прятаться от самого Пола Джефферсона? Немыслимо!

Что-то надо делать с этой своей славой, возможно, поменять имя и внешность, раз и навсегда, но это потом, а сейчас — найти Катю.

В «добрые старые времена», когда параноидальная система слежки всех за всеми и государства за каждым накрыла Землю, мою проблему можно было бы решить в два счета. Вернее, в один. Позвонить инспектору Бобсону. Он поднял бы все записи о передвижении транспорта, видео с каждого угла, в том числе из уборных, переговоры, в том числе о самом личном, и быстренько обнаружил бы, куда делась пропавшая лидер-инспектор. В те времена проблемы вообще решались просто. Для тех, кто имел связи. За счет тех, кто их не имел.

Но уже давно в большинстве ситуаций нет необходимости даже удостоверять личность. Например, моя регистрация вполне могла состояться в анонимном режиме, и я получил бы тот же самый номер для проживания. Такси тоже можно заказывать на цифровой код или ключевую фразу, но это редко делают, проще использовать настоящее имя. Мы с Катей пытались маскироваться под обычных отдыхающих, которые, конечно, не стали бы заморачиваться анонимностью.

И домаскировались. Теперь приходится искать госпожу лидер-инспектора по приметам ее вымышленной личности. Радует лишь то, что, оформляясь как обычная туристка, Катя, конечно, ввела стандартные данные, следовательно, оставила свое тогдашнее имя, которого я, кстати, не знаю, и стереографию. Вот по ней-то...

— Хорошее предложение. Как считаете, Пол? — Мерлинг выжидающе посмотрел на меня.

Все-таки, правильно я сделал, сразу их озадачив конкретной проблемой. Никаких предложений лекций и экскурсий «прямо сейчас» не будет, как-то неуместно ведь... А от «потом» отбрехаюсь.

— Прекрасное предложение, Чарльз. Спасибо, доктор Ямамура. Спасибо вам всем, — я отвесил вежливый поклончик. — И мы можем сделать это прямо сейчас?

— Разумеется, доктор. Кохэй, дружище, организуете? — Мерлинг

умоляюще посмотрел на японца.

Тот кивнул:

— С превеликой радостью.

И тут же вывел перед нами список зарегистрированных в указанный мною период, отсеял мужчин, остались всего четыре женщины, и ни одна из них не подходила под мое описание. Кати среди них не было.

— Хм... — Ямамура вопросительно посмотрел на меня. — А она точно к нам поехала?

Я кивнул.

— А точно в это время?

Я почти кивнул, но остановился. Вдруг она успела сменить внешность прежде, чем регистрироваться? Как же я не сообразил... Ведь сам поступил в точности так. Приехал, переменялся, зарегистрировался... Иногда очевидные вещи не приходят в голову вовремя. Определенно, я устал, определенно... Но как же мне проверить их заново...

— Ну-у-у... — протянул я. — У меня была такая информация. Вероятно, она не точна. А за последнюю неделю много народу приехало?

— Сейчас узнаем...

Он снова вывел список, и я уже без фильтрации понял, что нащупал повод получить доступ к местной служебной сети.

— Да... Человек триста. Тут студенты заезжали... Конференция еще была...

Сделав вид, что задумался, я чуток пожевал губу, а потом дал им возможность сделать мне правильное предложение. С усталым видом я обронил:

— Если не возражаете, хотелось бы немного привести себя в порядок, с утра перепрыгиваю из одного седла в другое... Не с вашего, лунного, утра, конечно, а как встал на ноги...

Господа ученые снова хихикнули, показывая, что им понравилась шутка про лунное утро, хотя, понятное дело, она избита до неприличия. День на Луне в этих широтах, если считать время от восхода и до заката, длится почти две земные недели, и все новички с Земли попадают на это различие в понимании слова «утро».

— Мы подключим вас к сети, и вы сможете просматривать регистрацию прямо из номера! — Мерлинг развел руки, будто нес в них гигантский арбуз или даже саму Луну. Вероятно, чтобы я понял всю обширность открывающихся передо мною перспектив. — Найдете свою загадочную даму...

— Очень вам благодарен, — кивнул я, не обращая внимания на

очередное подмигивание. Похоже, мой новый друг решил, что я преследую таинственную незнакомку из романтических побуждений. Почему бы и нет, пусть думает так. — Удачи вам, уверен, еще свидимся.

Прежде, чем кто-нибудь из них успел бы сообразить предложить в провожатые, я ступил на подвижную гравидорожку и укатил по стрелке, показанной мне коммуникатором. Там мой номер.

Получив, наконец, возможность остаться в одиночестве, я сходил в душ и заказал кофе — похоже, последние дни я исключительно им и питаюсь. Решив, что прошло достаточно времени, и моя поспешность не вызовет подозрений, я активировал появившуюся опцию в коммуникаторе: доступ к регистрационной информации. Повторил первый запрос Ямамуры и заново рассмотрел лица приехавших женщин. Все прибыли из Гелиополиса. Неудивительно, ближайший город. Ну, и которая из них?

Самый простой способ — обратиться к каждой. Но повод...

И я пошел на хитрость. Ничего особенно затейливого, просто обратился к каждой от имени Пауля Мозеля, рыжеватого небритыша, чья внешность представляла меня в Гелиополисе. Через глобальную сеть, конечно, как будто я не рядом. Ведь они добровольно оставили свои публичные контакты при регистрации. Каждой из них я отправил сообщение с убедительной просьбой непременно ответить: не встречали ли они на автостоянке моего выдуманного друга. Поскольку с фантазией у меня не очень, а с чувством юмора — вполне, то в качестве друга я описал Роба Бобсона.

Конечно же сердобольные женщины откликнулись, и я получил примерно одинаковые ответы. Мол, нет, не встречали. Еще бы. Вот бы я удивился, если бы на той автостоянке оказался рослый негр в белом классическом костюме. Даже в Гелиополисе зрелище нечастое. А вот Катя опознала бы и Бобсона, и, безусловно, моего немца — ведь сама его придумала.

Итак, тупик.

У меня похолодело в животе. А вдруг она не добралась? Мало ли... Вдруг?

Как мне узнать, довезло ли ее такси? И не уехала ли она... Нет, уехать не могла, все зарегистрировавшиеся... А если уехала, не зарегистрировавшись? Если на нее напали, накачали наркотиком, вставили чип, запихали в мешок... Что еще могли сделать? Да все, что угодно. Но если остыть и подумать, станет понятно: нет, нет и нет. Покушавшиеся на нас не были способны к длительным, сложным и осмысленным цепочкам

действий... Я снова вспомнил лицо Мари. Ее будто внезапно прихватило — и она тут же напала.

Если бы они убили Катю, тело бы давно нашли — никто бы его не прятал. Похитить, по тем же причинам, ее не могли. И автопилот довел бы стрекач до учебного центра этого университета. Сама же она, конечно, следовала бы собственному плану, не бросила бы меня одного у хоппера.

Тупик снова.

Тщась найти выход, я, незаметно для себя, уснул.

* * *

Возможно, то было влиянием древней машины, находившейся рядом, или совпали какие-то иные обстоятельства, но сон мой оказался очень необычным.

Я сидел за высоким столом непривычно округлой формы. За прозрачным камнем окна солнце уже принесло себя в жертву тьме, но яркие фонари не отпускали свет, отгоняли сумерки прочь от небольшой поляны с коротколистной травой.

Ощущение странной легкости в теле объяснилось просто и невероятно, едва я попытался встать. По привычке опершись на ноги, я взлетел на полтора своих роста, почти коснулся головой потолка и медленно повалился вбок. Выровнять падение не составило труда, но я был так ошеломлен произошедшим, что не сразу разобрал слова, обращенные ко мне:

— Может, врубим гравидорожку-то? Не будешь головкой стучаться...

Женщина. Голос высокий. Обращается ко мне, будто я ей принадлежу. Она владеет мною? Мы в диких землях? Возмущение, наполнившее было меня, уступило место осторожности. Во всех краях свои традиции, и лучше сначала разобраться в ситуации, чем давать волю реакции на неполную оценку.

Легкий толчок в спину развернул меня к ней.

Маленькая, щуплая женщина, дикарка с невероятным цветом волос, похожим на разбавленную медь... Я знаю ее! Пол называл ее «Жанна». Мужское окончание у женского имени, у них все наоборот... Но когда я мог ее видеть? Когда Пол говорил мне о ней? Это очень-очень важно вспомнить... Я перебрал в памяти все наши разговоры, все свои видения, но не смог найти...

— Ну, посторонись хоть! Дорогой, запер собой весь проход. Давай, присоединяйся! Вечернее стояние на крыльце! — она хихикнула и, протиснувшись между мною и стенкой, исчезла за дверью: такой же странной, как и окно, прямоугольной формы.

Следом проскакал мальчик. Через меня он просто перепрыгнул, сделав сальто. Видимо, не в первый раз: получилось у него это ловко, ничего не задел.

Я провел ладонью по голове и ощутил непривычную, упругую поросль. Вероятно, это тело Пола. Как бы узнать наверняка...

— Пол, ну, долго тебя ждать! — донеслось с улицы. — Я включила дорожки, не споткнись!

Стараясь ступать осторожно, чтобы не повторять ошибки, я вышел из дома на открытую площадку, над которой был сделан навес. Если бы не пологий, без ступенек, спуск к земле, я бы решил, что нахожусь на балконе. Поверхность под ступнями липла к ногам, это здорово помогало не улететь, но, конечно, оказалось непривычным. Хорошо, что тело Пола знало, как себя вести, и я доверился ему.

Женщина и ребенок стояли там же.

За кругом яркого света начиналась тьма.

У меня внезапно закружилась голова. Показалось, что во тьме есть что-то, что нацелено сюда, в дом, что-то, чего я не могу понять и поэтому, возможно, опасное...

Я взялся руками за перила и головокружение отступило.

— Жанна, — произнес я впервые в жизни это странное имя.

Она обернулась. В ее глазах светилось что-то очень похожее на последний взгляд Лиен, как я ее запомнил. И это «что-то» было адресовано мне.

Я коротко махнул рукой. У меня дома это означало бы «пойдемте отсюда».

— Прохладно... Мне кажется, прохладно... — сказал я первое, что пришло в голову, тем более, что, действительно, было зябко, на перилах поблескивали капли росы. — Пойдемте в дом.

— Да ты у меня неженка! — рассмеялась Жанна и звонко коснулась губами моей щеки. Впервые в жизни женщина делала так со мной. По крайней мере, во взрослом возрасте. Обет безбрачия, даваемый с момента посвящения храму, не позволял...

Она прыгнула мне на шею и обхватила ногами талию. Смешной вес, но у меня загнулось дыхание и быстро-быстро заколотилось сердце. Сделав пару вдохов, я успокоил его и прояснил взгляд. Прямо перед моим

лицом улыбалась Жанна.

— Ну, нести свою даму баиньки, Геракл! — произнесли ее губы, и что-то еще говорило тело, что-то совершенно запретное для моего статуса. И это новое «что-то» снова было адресовано мне. Вместо стыда и возмущения, долженствующих ситуации, я испытал радость. Настолько сильную, что рассмеялся и, подхватив ее одной рукой, занес в дом.

Тревога сумерек осталась с той стороны, за закрытой дверью.

— Джонни! Ну-ка быстро спать! Брысь наверх! — прямо с моих рук звонко крикнула Жанна.

— Ну, мам... — донеслось из глубины дома.

— Никаких «нумам»! Быстро-быстро, завтра рано вставать, едем в город.

— Назад? Я не хочу, мам!

— Хочу, не хочу... Живо спать! Пол, скажи ты ему...

— Джонни... — произнес я это странное, но все же похожее на мужское, имя. И замолчал, не зная, как продолжить. Что положено говорить в таких случаях?

Но мальчик уже послушался. В один прыжок он взлетел в открытую дверь на мансарду и помахал оттуда рукой:

— Бай-бай, папамама.

— Спокойной ночи, сынок, — прожурчала ему вслед Жанна.

— Спокойной ночи, — я решил, что можно повторить эту ритуальную фразу без особого риска. Судя по всему, не ошибся.

Мы остались вдвоем.

Она посмотрела не меня взглядом, способным растворить любую крепость, и прошептала: — Отнесешь меня в спальню? Только не стукни ни обо что, медведь...

Так, в священном сердце храма Синеокого, рядом с древней божественной машиной предков, я, бывший ученик, изгнанный два года назад и только что тайно возвращенный под сень Звездного огня великим Дсебой, нарушил до сих пор свято хранимый мною обет и совершил страшнейший грех — вверил себя женщине.

Правда, во сне.

Кажется, во сне. Последнее время я начал сомневаться в достоверности окружающего меня мира. И недавний опыт одновременного взгляда на страну Пола и коридор храма Синеокого, пожалуй, подтверждал мои сомнения.

Я не мог знать, существует ли место, что привиделось мне. Его могло

навевать сознание Пола. Я не мог знать, есть ли там эта женщина... Я вспомнил! Она была с нами в момент, когда мы отправили Ганимедийское существо на следующий шаг развития, но дальше ее следы для меня потерялись, мне было только очевидно, что она жива, однако недостижима. Да и сам я, похоже, потерялся. Похоже, нас раскидало тогда. Пол ищет Лиен. Хочет, чтобы я нашел ее. Я не понимаю, кто это. Потом вдруг оказывается, что она — Нарт, но почему-то на ней волосы... А Лиен — жрица... Если она раньше знала меня, до изгнания с острова Лальм, почему не узнала теперь? А я? Почему ее не узнал я?

Что-то во всем этом не сходилось.

Мне следовало разобраться.

Следовало бы, несмотря на близкую смерть. Ведь я не тешил себя иллюзией заблуждения о качестве роли, заготовленной для меня Дсебой. И я, конечно, помнил, что не только искусству убивать и выживать мы посвятили немало времени.

Помимо прочего, Дсеба учил нас умирать.

Но тяга к знаниям, к раскрытию тайн, решению загадок, не позволяла мне отрешиться от жизни в той мере, как требовала подготовка к жертвоприношению. Возможно, наука умирать — единственная, которую я так и не смогу постичь в совершенстве.

И я уже начал, было, раскладывать по треугольной сетке связей те факты, что имелись в моем распоряжении, как послышались шаги и вошел учитель. Неужели я проспал так долго?

— Отправимся раньше, младший, — произнес Дсеба, едва войдя в комнату. Мне показалось, что он бросил недобрый взгляд на молчавшую древнюю машину. — Попытаемся опередить их.

Мы быстро шли полутемными коридорами. На ходу учитель инструктировал меня:

— Ни с кем не разговаривай. Встающих на пути — убивай. Я прожгу стену, войдешь. Прямо коридор, третий поворот налево, первый направо, третий налево. Найдешь зал испытаний, подорвешь посередине пол. Спрыгнешь, подорвешь следующий. Стержни и веревку дам, выжигатель у тебя есть. Кольцеватели дам. Спрыгнешь, прорежешь пол в правом углу, если спиной к твоему входу в стену. Там негде прятаться, не взрывай. По коридору налево до конца. Повтори.

Я повторил все в точности. Дсеба продолжил объяснение:

— Увидишь большую машину. Она будет открыта. Если не откроется — уходи, спасай свою жизнь. Нет смысла жертвовать напрасно. Если

сможешь покинуть город, отправляйся на восток моря Мессем. Старый храм Милостивого, мы посещали его руины, вспоминай.

— К востоку от Дежелелы?

— Да. Дальше на юг вдоль берега моря был еще один храм. Очень давно его разрушили до основания. Там спрячешься. Вблизи никто не живет. Но если тебя все же выследят, сможешь бежать, из нашего тайника ведет ход.

— Чьего «вашего»?

— Не важно. Найдешь холм с лестницей, невдалеке от моря. Рядом родник. Поднимешься, нащупай предохранитель, вытяни на себя. Он в дыре под ноздреватым камнем, в углу площадки. Сунь палку сначала, чтоб никто не цапнул, а то нечисть всякая наползает, — мой наставник на ходу сухо усмехнулся. — Как вытянешь предохранитель, походи там, плита опустится. Долгая пища в стенах, найдешь. Но я надеюсь, тебе это все не понадобится, потому что твоя жертва будет принята предками сегодня.

— Да, старший. Но что делать с машиной?

— Машина закроется, когда ты войдешь и сядешь. Ты должен заставить ее взлететь.

— Как?

— Не знаю. Сообразишь. Мне не нужен валабор или юрец для этой жертвы, нужен... стремящийся к знаниям и умеющий быстро думать. Не только стрелять и прыгать. Приведешь машину к пасти Вестника. Он тебя впустит. Там может не быть воздуха, может быть ледяная тьма — позаботься об этом. Найдешь такой же столб из металла, наложишь руки. Заставь его открыться. Тебе покажут в воздухе знаки... Мираж... Ты сможешь дотянуться до него. Погрузи ладонь вот в такую штуку... Она должна свернуться. Не убирай, пока не свернется!

Он задрал рукав и показал рисунок, которого я раньше там не видел.

— Это все? — спросил я, поскольку он замолчал.

— Да.

Мы вошли в сумрачный зал, прорубленный прямо в скале в незапамятные времена основания храма. Редкие фонарики, развешанные в цепочку на стенах, едва разгоняли мрак. В центре зала стоял вирмана. Раза в полтора крупнее того, на котором везли меня Нарт и Армир... Лиен и Алар... он был немного другой формы. Более плоский, что ли, более приземистый и, пожалуй, более... хищный на вид. Это слово неожиданно всплыло в моем разуме, я внимательнее оглядел летающую машину древних и, кажется, обнаружил большой выжигатель, высовывавший свою короткую зарешеченную морду из борта. Возможно, не единственный.

Таким можно вирману насквозь прожарить, пожалуй. Ничто не устоит... И тут я вспомнил о скафандрах сургири. Что-то может противостоять и выжигателю. Всегда находится что-то, что может победить сильнейшего. Силой или хитростью.

Вспыхнул яркий голубой свет, вырвавший из полутьмы все три угла помещения. От неожиданности я моргнул. Дсеба вкрутил мне в пояс какой-то кулек и вложил в руку несколько топливных стержней.

— Полежай. Там зарядишь. — Подтолкнул он меня.

Я влез в вирману и обнаружил рядом еще троих учеников. Знакомых среди них не было. Логично, вторая ступень. Сам-то был бы уже на пятой, не подними тогда голос на старшего.

Скосив глаза, я наблюдал, как он пробирается на сиденье управителя. Тот, кто учил меня жестоко, как любимого ученика, а затем обрек на позорное изгнание. Не каждый возвысит свой голос на жреца. Но и не каждого вышвырнут из храма. Мой проступок был велик, но оправдывали ли он такую меру? Я немало думал об этом за прошедшие годы, и вот, наконец, у меня появилась возможность спросить прямо. Возможно, первая и последняя. И я решился:

— Старший Дсеба, у меня вопрос к тебе.

— Что непонятно? Спрашивай, пока не поздно, скоро мы взлетим и будет не до болтовни.

— Зачем ты изгнал меня?

Дсеба обернулся, задержал на мне словно бы оценивающий взгляд и спросил в свою очередь:

— Зачем? Не «почему»?

— Не всех изгоняют за такой проступок, хоть он и серьезен. Я был из числа лучших твоих учеников.

— Лучших? Уверен?

— Да, старший.

— Знаешь себе цену?

— Да, старший.

— Не знаешь. Ты был лучшим.

— Но почему...

— Уже «почему»? Больше не «зачем»? — Дсеба хохотнул и хлопнул ладонью по пустому сиденью рядом с собой. — Пересядь.

Я перебрался к нему. От тройки учеников на заднем сидении нас теперь отделяло порядочное расстояние. Вирмана задребезжал — это наставник включил машину, дающую возможность летать, но пока не разогнал ее.

Дсеба наклонился к моему уху, перекрикивая шум:

— Я сам привел тебя к неповиновению. Специально. Ты мало практиковался в умении сдерживать гнев. Я принес тебя в жертву уже тогда. В почетнейшую жертву!

Открыв было рот, чтобы удивиться, я промолчал, заметив его останавливающий жест.

— Я спровоцировал тебя и вышвырнул из храма. Дал возможность учиться настоящему искусству. Мои люди направляли твое бегство, ставили ловушки, но ты юлил как болотный угорь, скакал как юрец. И учился.

Он повторил жест и продолжил накрикивать мне на ухо:

— Мои люди загнали тебя в Дарсум и сдали наследникам. Я убедил жрецов принести тебя в жертву пустыне до срока. Как проклятого.

— Но они убили Зоакар! Убили всю ее семью, разрушили дом!

— Женщина, давшая кров проклятому?

— Да!

— Сожалею, Ксената. Но ты должен был закончить обучение.

— Обучение чему?!

— Стать моим ключом. Ты созрел. Пустыня анамибсов должна была научить тебя. Пробудить в тебе голос. Чтобы открыть машину Синеокого. Чтобы остановить безумие Великой башни.

— Но я же не смог!

— Открыть машину? Да, не смог. Но она ответила тебе. Может, это не та машина?

— А какая из них — та?

— Надеюсь, та, в которой ты окажешься скоро. Поместник должен был забрать тебя для меня, но побоялся отправить стражу. Нанял какую-то заезжую банду, они все испортили. Дальнейшее лучше известно тебе, как ты оказался с этими... женщинами.

— Но, учитель...

— Хватит болтать!

Он дал силу вирмане, и тот приподнялся над полом. Я поискал глазами затычки для ушей, но не нашел. Краем глаза Дсеба поймал мое движение и ткнул пальцем в шар, прилепленный сбоку. Я взял его и повернул, как было нарисовано. Шар распался на две полусферы. Я приложил их к ушам, шум затих, раздался спокойный голос наставника:

— Теперь все слышат меня. Взлетаем.

Свет погас, но тьма не наступила. Над головой быстро раскрылся потолок, пропустив к нам отраженные от стен лучи растущего солнца.

Вирмана затрясся сильнее и резко пошел вверх.

Я выкрутил из пояса один из выжигателей, зарядил его, вкрутил обратно. На прорезку пола должно хватить с избытком, плюс три запасных стержня. Вторым выжигателем перед всеми светить не хотелось, так что оставил его пазы пустыми. Заодно осмотрел содержимое кулька, данного мне наставником. Там оказались две пластинки, заранее отделенные от топливных стержней, и кольцеватели, необходимые для замыкания силы горения на взрыв.

Мы не прятались. Мы неслись на огромной скорости под безоблачным небом. Каждый мог увидеть нас, но едва ли кто — достать. Мы летели прямо, не замечая следы, не обманывая никого. Только тогда я, кажется, окончательно осознал, что Дсеба не собирается возвращаться, что это и его жертва.

Не прошло и девятины, как мы проревели над стеной города Великой башни, переполошив, должно быть, всех жителей, не то что стражу. Я видел, как в воздух взвились сразу пять парящих, а за ними еще два. Но что нам парящие?

Великая башня.

Сверху она не казалась такой уж огромной, но, сравнивая с обычными домами и улицами, можно осознать масштаб.

На самом деле, это не только сама древняя башня, а целое скопище больших и малых башен и площадей, высоко поднятых над остальными городскими строениями. Как исполинский трехгранный палец вздымалась она над землей, матово блестели бока, сложенные явно не из камня, в отличие от всего поналепленного неумелыми потомками на ее верхушке. Гибкой тонкой лианой обвивала Башню прилепившаяся сбоку дорога. Чтобы подняться по ней повозкам приходилось проделать нешуточный путь. Вертикальными стволами спускались вниз трубки подъемников. Девять штук, по одному на ребро и по два на каждую плоскость. Дорога крепилась на эти стволы и собою укрепляла их. Они — быстрый способ достичь вершины, но наш — еще быстрее.

Все это пронеслось подо мной, потому что мы приближались с невероятной скоростью, плавно снижаясь. Перед самой башней Дсеба повернул вирману почти вертикально, как встает на дыбы скакун, если слишком резко осадить его. Нас вдавило в кресла и начало трясти с такой силой, что казалось, глаза выскочат из орбит, а зубы — из крепко сжатых челюстей. Продолжалось это недолго. Дно вирманы стало прозрачным, но

сквозь него было видно только пламя и дрожащий от жара воздух.

— Первый, готовься, — произнес Дсеба непонятно к кому обращенную фразу.

Он поводил пальцами по каким-то светящимся узлам и ниткам, висевшим прямо в воздухе перед ним. Вдруг словно кто-то сдул огненную помеху, и оказалось, что мы парим практически над крышей одной из высочайших надстроек, сделанных из обыкновенного серого камня. Наставник взмахнул рукой, и один из сидевших сзади учеников вдруг пропал. Сквозь прозрачное дно я увидел, что он, вместе с креслом, падает прямо на плоскую крышу. Вот под ним что-то взорвалось, вокруг расплозлось клубящееся облако, совершенно непрозрачное для глаз.

— Второй готовься, — бросил наставник.

Вирмана накренился и боком пошел в сторону. Почти над самым краем Великой башни Дсеба повторил жест рукой, и второй ученик вместе с креслом полетел вниз.

— Третий готовься.

Машина набрала скорость, пролетела между двумя башнями и оказалась на другом краю.

Сбросив третьего, он развернул вирману, чтобы по пологой дуге обогнуть Великую башню с севера. Затем вирмана залетел в какой-то угол, образованный ничем не примечательными строениями и завис над одним из них.

— Твой черед, младший. Умри достойно.

Дсеба что-то проделал с висящими перед ним огоньками. С трех сторон в стену ударили ярко-белые лучи, камень брызнул паром. Лучи быстро крутанулись, и предо мной открылся круглый лаз, края которого быстро остывали, меняя цвет с ярко-красного на багровый. Дыра в два моих роста. Вот это мощь!

— Прыгай. Не задень, обожжешься.

Часть крышки кабины отъехала, к нам ворвался свежий ветер.

— Да будет благосклонно принята твоя жертва, Ксената! — донеслись до меня последние слова наставника, и я шагнул в темноту.

После яркости дня глаза не сразу привыкли к сумраку. Судя по атрибутам, до моего визита это был зал постижения. На полу валялась огромная, расколовшаяся на части, плита — фрагмент кладки, вырезанный из стены огнем вирманы. Сзади сиял идеально круглый пропил, ведущий в голубое небо. Свет широким лучом падал из него, дорожкой ложился на пол, словно указывая мне путь. Но я обошел обломки стороной — от них

все еще несло жаром.

Пробежав по пустым коридорам, как и было приказано, я достиг зала испытаний. Закрепил в кольцевателе одну из пластинок, данных мне Дсебой, приложил к полу, отбежал за угол. Стены дрогнули, в коридоре за клубилась пыль. Только сейчас я сообразил, что на ушах у меня те полусферы, с вирманы. Снял их, но решил их пока не выкидывать. Мало ли, вдруг машина, к которой иду, тоже шумит. Хоть не оглохну. И завернул их в пояс.

Бывший зал испытаний превратился в яму. Внизу было видно не особенно хорошо, там клубилась пыль, но я прыгнул. Приземлился удачно. Найдя свободное от обломков место, закрепил новый кольцеватель. Снова отбежал за угол, дождался взрыва. Спрыгнул вниз.

Теперь уже весь пол оказался завален битым камнем. Пыль стояла столбом, я начал задыхаться и чихать, прикрыл лицо рукавом, но это не очень помогало. Почти на ощупь нашел противоположный угол. Когда воздух чуть прочистился, я убедился, что угол тот самый — высоко вверху виднелся край отверстия с кусочком голубого неба.

Станный какой-то зал. Без входа и выхода. Замурованный, что ли...

Вручную я принялся растаскивать камни. Повезло, что не попалось ни одного слишком крупного. Когда, наконец, на полу осталась только крошка, я достал свой выжигатель и начал резать. Камень защелкал, застрелял в разные стороны, покраснел, затем побелел и подался. Одной рукой пришлось прикрывать лицо. Дело шло медленнее, чем хотелось, и я уже начал беспокоиться, что кончатся топливные стержни, как вдруг вырезаемый мною кусок с хрустом провалился и исчез во тьме.

Я заглянул в дыру, но ничего не увидел.

Сверху донесся какой-то шум. Далекие голоса.

Надо торопиться, скоро они будут здесь.

Я зажмурился и выстрелил из выжигателя вниз. По тлеющему камню понял, что невысоко, и спрыгнул.

Вокруг был мрак. Слабо светилась дыра наверху, ожог от моего огнелуча на полу уже погас. И бледным контуром в стене мерцал выход в коридор. Я ощупал стены. Есть еще один коридор, но он темный. Куда там было надо... Вспомнить, вспомнить... Налево до конца.

Я встал так, чтобы оказаться спиной к уже невидимому пролому во внешней стене и посмотрел налево. В мерцающий коридор. Отлично.

Сверху донесся глухой звук от удара упавшего камня. Так просто им не спуститься, два пролета — не шутки, нужна хорошая тренировка или веревка.

Быстро, но осторожно я двинулся по коридору, держа наготове выжигатель. Судя по мернику, выстрелов на девять, если не жать долго, там еще есть. И три стержня в запасе — я богат.

Коридор оказался длинным. Несколько ответвлений с такими же, странно мерцающими, стенами вели от него, но я бежал прямо. И вот мой путь окончился, приведя в небольшой куполообразный зал, в центре которого, словно вырастая из пола, высилась машина. Не такая уж и большая, примерно как вирмана. Она была со всех сторон гладкой и сделана из того же материала, что колонна в храме Синеокого.

Что же теперь делать с нею? Она закрыта!

Вспомнив, как учил Дсеба, я заткнул выжигатель за пояс и наложил ладони на прохладный металл. Ничего не произошло.

Что же делать?!

Скоро они будут здесь...

Дсеба сказал, спастись...

Я отступил от неподвижной машины, достал выжигатель. Зарядил его запасными стержнями.

Прошло несколько мгновений. Еще несколько.

Вдалеке, в коридоре, что-то мелькнуло. Я выстрелил. Не попал, но пусть не думают, что пришли на прогулку.

Однако, похоже, они и не думали. Время шло, машина молчала, никто не появлялся.

Возможно, они тоже в затруднении? Не знают, как поступить? Я вооружен, а машина-то для них ценна. Боятся повредить? Значит, нужно ждать или переговоров, или иного внезапного хода...

И надо попробовать ее открыть еще раз. У меня может получиться.

Я снова заткнул выжигатель за пояс и собрался было наложить ладони на гладкий бок машины, как вдруг она быстро повернулась вокруг оси, распахнув проход вовнутрь.

Но ведь же ничего не сделал...

Так и не поняв, что послужило причиной успеха, я вошел вовнутрь.

Кабиной эта штука напоминала вирману. Какие-то огоньки...

Сел в кресло. Ого, оно сразу обхватило меня, будто волны моря, но более упруго. Выжигатели больно врезались в спину и в бок. Я выдернул заряженный, переложил на колени, а второй протащил прямо внутри пояса на живот. Стало существенно удобнее.

Вход закрылся. Надеюсь, он не откроется наследникам...

В воздухе перед моим взором появился мираж. Он был

полупрозрачным и состоял из многих групп предметов, медленно вращающихся вокруг нескольких осей, словно бы специально для того, чтобы я мог получше разглядеть их и выбрать требуемый. Когда я неосознанно коснулся миража, его вид изменился. Вперед выдвинулась и приблизилась ко мне та штука, которую я как бы задел.

И что теперь?

Я взял нервы под контроль и постарался расслабиться. Дсеба верил, что мне под силу решить эту задачу. Что это может быть? Какая-то система управления, вроде той, которая на вирмане учителя. Но здесь нет тонких линий, и значки другие... И что означает эта слегка светящаяся сфера...

Я потянулся к ней, вытащил на себя из глубины миража, и передо мной предстал бело-голубой шар... Конечно, мне уже виделся такой. Это Жемчужина с высоты... Из океана пустоты. Или не Жемчужина... Они так похожи, Зеленая звезда и наша земля... Вот, рядом с ней — желтый шар, изъеденный круглыми вмятинами, словно ходами береговых червей... Наверное, это Фонарик, но мне нужен не он.

Вглядевшись в мираж, я нашел еще один похожий. Вытянул на себя... Нет. Он грязно-бежевый, с размытыми коричневыми полосами, и рядом с ним нет Вестника.

С третьей попытки удалось достать Жемчужину. Да, это она, теперь я точно вспомнил — таким выглядит наш мир, если смотреть из океана пустоты. А вот и Вестник. Как отправиться туда? Я надавил на шарик ладонью, и он отдалился. Я подмахнул его к себе, и он занял всю кабину. Нет-нет, не то... Вернув прежний размер, я попытался сжать его пальцами — он изменил цвет на однородный ярко-белый. Я подождал — все вернулось обратно. Тогда я снова сжал его и, когда шарик побелел, сжал еще раз.

Машина несильно затряслась. Получилось?

Я вспомнил о полусферах для ушей и быстро нацепил их.

Тряска усилилась.

Похоже, получилось!

Но как же она будет взлетать, ведь вокруг — камень? Пусть не сама древняя Великая Башня, а всего лишь более поздние надстройки, но...

Сила, вдавившая меня в кресло, не показалась чрезмерной. Судя по звукам, пробившимся сквозь наушные полусферы, обошлось и без особого грохота. По крайней мере, внутри кабины.

Ее стены обрели прозрачность, и я увидел, как трещины бегут по камню, как обваливается прямо на меня кладка, как продавливаются вверх моя машина — вверх, к небу, к Вестнику!

Я ликовал.

Я будто висел в воздухе, без каких-либо помех наблюдая за происходящим подо мною разрушением. Машина-то, похоже, оказалась больше, чем я думал — основная часть ее была скрыта под камнем, торчала только кабина. Она оставалась прозрачной для меня, и я боялся что-нибудь испортить, поэтому ничего не трогал, но, если судить по тому, что творилось внизу... Эта штука, на самом деле, в несколько раз больше вирманы. И я вспомнил, ведь читал о подобных устройствах! Они назывались «толкатели», их задачей было перемещаться с земли в океан пустоты и обратно.

Город Великой башни быстро отдалялся. С высоты я успел понять, что причиненные взлетом повреждения вовсе не так велики, как казалось — они терялись на поверхности башни словно небольшой укол на коже валабора.

Древняя машина отклонилась от вертикали, забирая чуть-чуть в сторону. Там, вдалеке, меня ждал Вестник. Осталось только догнать его...

Сквозь полусферы, надетые на уши, донесся резкий и пульсирующий высокий звук. Одновременно, в одном ритме с ним заморгали ярко-голубым невидимые стены. Я огляделся. Кто-то гонится за мной. Один, два, три, четыре, пять... Да сколько же их...

Они летели быстрее моей машины и, похоже, были меньше размером.

Они догоняли, растянувшись цепочкой.

И что-то шептало мне на ухо, что ни к чему хорошему это не приведет.

«Ракеты или вроде того, они запустили по тебе ракеты земля-орбита, собьют, если здесь нет защиты, у нас раньше так воевали, надо срочно...»

«Пол!» — чуть ли не вслух закричал я.

«Да. Видишь, тебе выдвинули на выбор варианты? Их всего два. Правый похож на защиту. Сожми его, быстрее!»

Я сделал, как он сказал, но ничего не произошло.

«Эта штука просто свернулась!»

«Возможно, сломалась... Или разряжена...» — голос Пола в моей голове звучал очень напряженно.

В этот момент одна из догонявших меня машин вспыхнула белым и, разваливаясь на куски, по дуге полетела вниз. То же самое произошло со второй, и с третьей, и с четвертой...

«Ага! Работает!» — вскричал Пол.

Но остальные приближались. Первая уже подошла ближе, чем были сбиты ее предшественницы. Мираж показывал как бы со стороны мою

машину и ее наследников — мысленно я назвал их «наследниками», потому что задачи, похоже, у них совпадали — идти по следу и убить. Расстояние быстро сокращалось. И только один вариант висел перед моим лицом. Нечего выбирать.

Я попытался сдвинуть его, но руки не послушались.

Я посмотрел на них, и увидел, что они раздваиваются. Причем обе копии становятся как бы полупрозрачными. За бортом появились тени, уплотнились, стали похожими на ту мертвую пустыню под светом яркого солнца, с летящей высоко в черном звездном небе прищурившейся голубой спутницей... Нет, только не сейчас!

Но руки не слушались. Вообще.

«Пол!» — изо всех внутренних сил закричал я, и увидел, как рука в странно узком, темно-сером рукаве тянется к этой штуке и сжимает ее.

Больше ничего не помню.

* * *

Мы построили дом.

Уютный маленький домик с верандой и ставнями, распахивающимися наружу.

Посадили деревья. Несколько яблонь и, в стороне от них, секвойю. Наверное, первую секвойю на Ганиমেде. Надеюсь, она не перевернет этот мирок своим весом, когда вырастет, и не послужит рычагом для какого-нибудь местного Архимеда-радикала.

Еще мы посадили крыжовник, клубнику и малину. Жанка, оказывается, питала страсть к садоводству, кто бы мог подумать...

А перед всем этим мы перекроили планету. Мы, люди. Чтобы на ней можно было строить дома, растить сады, заводить детей и отпускать их гулять на свежий воздух, не боясь, что, вдруг, случится авария, и купол рухнет. Куполов больше нет. И бояться теперь надо лишь того, что дети не рассчитают высоту прыжка. Инерция ведь остается инерцией.

Ветерок гуляет над Ганимедом, гоняя белые облака по голубому полотну... Правда, сходство с земным небом на этом заканчивается. Огромный полосатый зверь, космический тигр, хозяин системы — Юпитер. Он виден даже днем, если вы, конечно, на обращенной к нему стороне спутника. И даже днем, несмотря на экран Гольдера, ионосферные сияния то там, то здесь раскатываются в вышине многоцветными переливами.

Ночью, конечно, ярче.

Теперь у нас бывает ночь. Свернули все зеркала, кроме четырех, а те работают по одиночке, включаясь синфазно с солнцем. Получается, днем над нами как бы полтора солнца: одно настоящее, другое — зеркало вполоборота.

Другие луны Юпитера тоже нередко видны даже днем. Так что есть на что поглазеть, валяясь во мху или на траве. Почти настоящей, земной траве, с небольшими генными модификациями. Траве с маргаритками. Жанна высадила газон, сказала, что «будет очень японский стиль: камни, ручеек». Но вместо сакур, почему-то, яблони...

Как же все изменилось за прошедшие годы... И не верится, что по голым скалам здесь лупил непрерывный ливень, вечная серость висела в воздухе, не давая разглядеть ничего за пределом вытянутой руки. А еще раньше — льды, мертвая глыба льда и мертвая тьма неба над нею, полная тьмы звезд. Не верится. Но было.

Конечно, живем мы не в этом домике. У нас большая квартира в мегакольце Ганимеда-Сити. Все дело в гравитации. Слишком вредно долго находиться при местном естественном притяжении, несмотря на всю нашу медицину. Но несколько дней — даже на пользу. И мы ездим сюда как на дачу. В остальное время за домом следят роботы. Да и состоит он, по большому счету, из роботов. Только из миниатюрных. Нереструктурируемые микроботы, разовая сборка по типовому проекту, несколько минут — и готово, заносите любимую мебель Ну, мало ли, какая-то есть любимая, антикварная — остальную-то уже сложили из своих скелетиков эти новые искусственные организмы.

Жанке не нравится, когда я говорю «скелетики»: получается, что дом — из костей. Но, во-первых, никакие это не скелеты и не живые существа, а, во-вторых, люди всегда строили на костях и из костей, возьмите хотя бы традиционный материал — ракушечник. И не забывайте, большая часть известняков и доломитов, основного строительного камня для многих старых городов, отнюдь не хемогенного происхождения. Настоящие живые микроорганизмы оставили нам свои скелеты, чтобы получился такой замечательный «белый камень».

А если копнуть глубже, кто поручится, что «гранит» ступенек в каком-нибудь храме искусства, например, музее или театре, не является на поверку парагнейсом, то есть преобразованным на огромной глубине слоем осадков, ранее накопившихся на поверхности: песка, глины и тех самых скелетиков всего живого, бегавшего и прыгавшего, радовавшегося солнцу и

с увлечением пожиравшего друг дружку. Вы умеете отличить гнейс от гранита в полированных ступеньках и в облицовке фойе исторических зданий?

А если копнуть еще глубже, все, из чего состоит планета Земля, образовалось из газо-пылевого облака. Пыль в этом облаке не могла бы появиться на раннем этапе эволюции Вселенной, тогда ведь и тяжелых элементов-то не было. Звезды первых поколений перелопатили водород в гелий, гелий — в калий и так далее, причем, не остановились на группе железа, хотя реакции синтеза более тяжелых элементов идут с затратой энергии, а затратили-таки эту самую энергию и породили даже трансурановые — как побочность, как мусор — случайно, заодно.

И только потом, когда первые звезды взрывались, заполняя пространство новым веществом, когда оно начинало собираться в облака, закручиваться в спирали, уплотняться, разбиваться на сгустки, поглощать друг друга — только тогда появилась возможность планетам создаться. Причем, уверяю вас, Земля была не первой. Как не было и Солнце первой звездой с планетами. За миллиарды лет до нас у миллионов других звезд, выгоревших теперь дотла, были свои планеты. В том числе, подобные нашей. В том числе, с жизнью. В том числе, с разумной.

Что осталось от них? Пыль.

Пыль и газ, которые собирались заново, чтобы запустить колесо бытия по кругу.

Так появились мы.

Так что в любом куске камня, в любом глотке воздуха, скорее всего, содержатся атомы, некогда входившие в состав множества живых организмов, звезд, планет, туманностей. Все это в нас. И все это для нас — лишь строительный материал. Скелетики, из которых мы строим свой скелет, свои дома, свой мир. Так устроено, нравится вам это или нет.

Жанке не нравится.

Она хочет, чтобы волки не ели зайчиков, но при этом все были сыты и счастливы.

Странные иллюзии для биолога. Впрочем, она же ксенобиолог. Ищет в чужой жизни нечто такое, чего нет в нашей...

Что-то смутило меня в этой мысли, и поток рассуждений прервался.

Я стоял на крыльце и смотрел, как сын прыгает по лужайке в окружении «роботов-воспитателей». Никакие они, конечно, не воспитатели — развивающие игрушки с механизмом обеспечения безопасности ребенка. Короче, если упадет — поймают, разобьет голову — залечат,

потеряет сознание — вызовут скорую и родителей. Как-то так.

Джонни. Мы назвали его Джонни, потому что это показалось Жанке забавным.

Забавен, скорее, ее мотив, но почему бы и нет? Имя как имя.

Что же меня смутило? Он прыгнул слишком высоко? Вроде, нет... Да и следят же роботы... О чем я думал? О скелетиках... О звездах... О биологии... Ксенобиолог, ищет в чужой жизни...

Меня пробил озноб. Да, это оно. Но что? Почему меня смутило, что моя жена — ксенобиолог? Доктор Жанна Бови, вполне даже известный ученый, с многолетним стажем на Ганимеде. Занимается, правда, не местной... Да, вот, поймал. Местная жизнь. Но здесь нет и не было жизни. По крайней мере, в обозримом прошлом. Только ископаемая, но это, скорее, удел палеонтолога... Жанна занимается наблюдениями за изменением в нынешней, экс-земной флоре и фауне, появившейся здесь после преобразования и заселения планеты.

Так что же за «местная жизнь», что меня зацепило?

Но мысли вылетели из головы, когда тонкие руки нежно обняли меня. Она подошла неслышно.

— По-ол, у тебя головка еще не бо-бо от нашего попрыгунчика? — прошелестела Жанна мне на ухо. Для этого ей пришлось встать на цыпочки.

— Я думаю.

— А-а-а... — с дразнящей интонацией протянула она. Не отпуская рук, Жанка кивнула, подчеркивая понимание исключительной важности моего занятия: — Государственные дела, не иначе... А пойдем, ты меня побросаешь?

Она потащила меня на лужайку. Сын в воздухе помахал нам руками. Его светло-рыжая нестриженная шевелюра растрепалась и окружила голову, сделав ее похожей на одуванчик.

— Давай, кидай! — скомандовала Жанка. Я подставил сцепленные руки, она уперлась ножкой и тут же отправилась в полет. Красиво раскинув руки, как прыгун в воду с вышки, она грациозно и медленно перевернулась в небе и приземлилась, чуть присев. — Слабо пулынул! Давай, кидай еще!

— Меня! Меня кинь! — к нам уже скакал Джонни. И пришлось подбрасывать их по очереди.

Обычные выходные. Обычные будни.

Работал я, в основном, в лаборатории при Ганимедийском филиале

Академии Наук, в поля высылал роботов, иногда катался сам, но, как правило, не по надобности, а чтобы размяться и набраться впечатлений.

Сейчас, вот, ненадолго заскочили на дачу, потом Жанна собралась смотаться на Европу, ее месяц не будет дома. Думаем завести второго. Ребенка-ганимеденка. Интересно, он тоже получится рыжим? Конечно, этим можно управлять. Но не у всех событий в нашей жизни хочется держать руку на пульсе, кое-что приятно оставить провидению.

Уже заметно свечерело, когда мы, накувыркавшись и нашатаявшись по окрестностям, нарвав ягод и утомившись, как загнанные лошади, вернулись домой. Неясное смущение, посетившее меня еще днем при мыслях о гипотетической «местной фауне», постепенно переросло в беспокойство. Причем усиливалось оно от вещей, с этой фауной никак не связанных — буквально от всего, что я видел вокруг, а особенно — от сумерек. Сумерки неотвратимо подползали к дому, и я даже врубил внешнее освещение, чтобы остановить их.

Как будто обжегшись, они отступили во тьму, залегли в тенях под кустами. Вот и славно. Вот и... Темная воронка поглотила меня, выдернув из мира света. Она утаскивала прочь, лишая воздуха, не давая возможности даже закричать.

Задыхаясь, раскрывая рот, как вытащенная из воды рыба, я очнулся.

Что произошло? Упал купол? Да нет уже на Ганимеде давно никаких куполов... Метеорит? Что случилось... Взгляд мой, наконец-то, сфокусировался и память начала возвращаться.

Время к вечеру. По земным часам. Мой номер. Луна. Учебная база Полинезийского университета. Мерлинг. Ямамура. Коммуникатор.

Катя! Ее здесь нет? Я должен найти Катю! Я просматривал регистрационные записи, но ничего не получилось. Есть ли другой способ? Господи, как больно... Жанна... Мне снилось, будто все хорошо, будто никакой Ганимедийской Катастрофы не случилось... Будто я не улетал с Ганимеда защищаться на Землю... Будто... Не было Кати? Да, похоже, что так.

Альтернативная реальность?

Иная ветка времени? Одна из тех бесчисленных «если бы»?

Жанка... Жанна Бови...

«Пол...»

Клянусь, я слышу это!

«Пол...»

Она зовет меня! Это ее голос! Ксената? Какой, к черту, Ксената, я не могу спутать его с Жанной!

«Пол...»

После тяжелого сна с глубоким погружением в настолько болезненные для меня волны, еще и галлюцинации... Неудивительно... Но я уверен, она меня зовет.

Встав и кое-как брызнув на лицо водой, чтобы освежиться, я вышел в коридор и двинулся с такой уверенностью, будто меня вел навигатор. Возможно, я не стал бы давать волю эмоциям или, скажем прямее, поддаваться сумасшествию, если бы проснулся как следует. Но тяжесть последних дней... И эти видения... Такого простого, бытового, человеческого счастья с моей несносно-прекрасной Жанкой... И потерять все, проснувшись здесь, где я потерял все... Катя...

Каша в моей голове кипела и только череп мешал ей выплескиваться наружу и заливать пол и подвижные гравидорожки, по которым я торопливо перескакивал, приближаясь к неизвестной для самого себя цели.

Вот и она. Дверь.

Обычный номер. Такой же, как мой.

Заперта. Разумеется, заперта.

Я послал запрос хозяину с коммуникатора. Не отвечает.

Заодно узнал, что номер занимает господин Вацлав Бреме. Посмотрел его на видео. Чуть полноватый, высокий, средних лет... «Средних лет» в наше время может означать что угодно, поскольку на лбу у человека количество циклов восстановления не проштемпелевано.

Приехал примерно тогда же, когда Катя...

Может быть, он видел ее? Почему же не отвечает... Спит?

— Чарльз? — я связался с Мерлингом. — Не хочу отрывать, но не поможете ли мне в одном дельце?

— С радостью, Пол, с радостью! — голова доктора Мерлинга, появившись в воздухе на уровне моей, действительно, сияла радостной улыбкой. Той самой, рассекающей лицо пополам. — А что нужно сделать?

— Господин в этом номере, некто Вацлав Бреме... Не могу с ним связаться. Он прибыл из Гелиополиса примерно тогда же, когда женщина, которую я ищу. Не подскажете, как до него достучаться? Ну, где он последний раз проявлялся? Может быть, он спит, я тогда позже подойду...

Мерлинг кивнул и выражение его лица изменилось на сосредоточенное. Ищет.

Вот выражение на его лице сменилось удивлением.

— Пол... Он как приехал, так и не выходил из номера. И ни с кем не

связывался. Коммуникатор поставил на стандартный контроль безопасности, сейчас глянем... От коммуникатора сигнал, что он спит... Статистика... Все это время спит... Но как-то слишком долго... Не находите, Пол? Не долговато ли он спит? Уже часов тридцать...

Я решительно кивнул.

— Пора будить. Вы можете дать экстренный сигнал на его коммуникатор? Чтобы пробить блокировку вызовов?

— Ну... Обычно мы этого не делаем...

— Он спит слишком долго, Чарльз, возможно, какие-то проблемы, придется дверь деблокировать. Попробуйте сначала вызов.

— Хорошо, Пол...

Взгляд головы Мерлинга, висящей в воздухе, изменил направление и обрел сосредоточенность.

— Господин Бреме? Простите, бога ради! Не за что? Ну, что вы... Мы вас побеспокоили, потому что ваш коммуникатор... Да-да, спите уже так долго... Да-да... А тут к вам посетитель! — успел ляпнуть Чарльз прежде, чем я дал ему сигнал помолчать. — Кто? Доктор Джефферсон, да, Пол Джефферсон собственной персоной! Да, да, хорошо. Приятного дня!

Он повернулся ко мне. Выдохнул с видимым облегчением:

— Ну, вот, все и уладилось. Звоните ему, Пол, он вас примет. Только просит минут десять, чтобы привести себя в порядок, — и снова та же сногсшибательная улыбка. Будто топором поперек лица, ей-богу...

Я улыбнулся так лучезарно, как только смог:

— От всей души благодарю, Чарльз! Я подожду здесь, пока он приготовится.

— Сходите на уровень ниже, Пол, там кафе. Или закажите прямо в коридор.

Кивнув мне с чувством выполненного долга, доктор Мерлинг исчез.

Я вытер испарину со лба.

Шоу продолжается. Кто такой и при чем здесь вообще этот господин Бреме?

Но не случайно же голос Жанны звучал отсюда. Я уверен, это был ее голос. И он вел меня так же надежно, как маяк.

Десять минут не истекли. Запиликал коммуникатор, над ним возникло сообщение: «Вас ждут». Дверь номера оказалась открытой.

Опасаясь очередного нападения — давно их не было — я осторожно вошел в номер...

— Проходи в комнату, Пол, я сейчас, — донесся Катин голос.

Я прошел и встал спиной к имитации окна.

Она вышла из душевой комнаты в коротком бледно-розовом халатике. Подошла и чмокнула в щеку. И рассмеялась.

— Видел бы ты свое лицо, милый.

Я сел в кресло. Или, вернее сказать, упал.

— Так этот Бреме...

— Ну, да, решила побыть мужчиной. Есть у нас такое выражение: «переконспирироваться». Вот это про меня. Надо было тебе сразу сказать, как меня будут звать на всем протяжении... Да нет, надо было ехать вдвоем.

— Катя, ты представляешь, что мне пришлось пережить?

— Представляю, Пол, — совершенно серьезно ответила она. — И люблю тебя.

Продефилировав предо мной, она поправила волосы и плюхнулась ко мне на колени.

— Ты же не думаешь, что я специально?

Ее глаза смотрели ласково, будто даже немного пьяно.

— Переконспирировалась? Есть такая поговорка: «Пуганая ворона куста боится».

Глаза немного округлились:

— Ты назвал меня вороной?

— Нет, что ты. Я предложил не бояться кустов...

Договорить не получилось, она впилась в мои губы, и следующий час мне вспоминается с трудом. Не скажу, что не хотел этого, но даже немного испугался ее страсти. В ней было что-то... не совсем Катино... но не ощущавшееся чужим.

Мы лежали посреди разбросанной одежды и каких-то предметов. Хорошо, что полы здесь не стилизуются под мрамор, вполне теплые и мягкие. И чистые.

Катя сдула челку с глаз. Тоже какое-то не ее движение... Она бы смахнула рукой или оставила. И тоже не вызывает отторжения. Не настораживает. Как будто так и надо. Но и Жанка так себя не вела. А Лиен... У нее вообще волос нет.

— Что тебе снилось, а? — я повернул голову. — Ты проспала чуть ли не двое суток. Земных.

Катя томно потянулась, упершись сцепленными над головой руками в диван. Зевнула:

— Не знаю. Но с удовольствием поспала бы еще часок-другой. Может, перейдем на кровать? Или тебе пол теперь роднее?

Она дала команду, диван раскрылся и застелился. Мы перебрались на него. Катя положила мне голову на плечо и прижалась всем телом. Как обычно в такие моменты, я решил, что именно об этом и мечтал всю жизнь. Гипотетический рукоклюв-усач из системы Поллукса мог бы сказать: «сиюминутная глупость людей в континиуме». Уверен, сказал бы. Возможно, был бы прав. Но ощущение счастья в этой уверенности не растворялось.

— Ты не знаешь, что тебе снилось? Вообще ничего не помнишь?

— Не-а... — снова зевнула она. — Помолчи.

И уснула. Это невероятно, но она опять уснула!

Прошла минута, другая. Прошли десять минут, двадцать...

Катя крепко спала, и я тоже задремал.

Открыл глаза, словно только что закрылись. Но на часах семь. Значит, с трех мы как раз и провалялись.

— Не спишь? — тихий голос Кати.

Я промычал что-то отрицательное.

— Нам не надо больше бегать, Пол. Нападений не будет.

Мои глаза широко раскрылись.

— Да, не будет. И Лиен... Она со мной. Мы не можем говорить. Но мы чувствуем... друг дружку. Как-то так... сложно объяснить. Это вот... — Катя обвела рукой разгромленные нами просторы номера. — Мы вместе так... Так получилось, — и она как-то смущенно, даже словно бы виновато улыбнулась.

— Все путем, — сумел, наконец-то, произнести я хоть что-то членораздельное. — Я люблю... э-э-э... вас... тебя... вас... это... в общем...

Она положила мне палец на губы и прошептала:

— Давай о деле.

Я кивнул:

— Больше не бегаем. Почему?

— Не знаю. Оно закрыто.

— Из-за того, что Лиен возвращается?

— Не думаю, что в этом причина. Скорее, наоборот. Лиен возвращается, потому что что-то закрылось. Больше недоступно им.

— Кому «им»? Кто это был, Катя?

— Что-то древнее... — словно выдавила из себя она. — Очень.

Я подавил смешок.

— Знаешь ли, наши марсиане тоже тот еще свежачок. Им миллионов

пятьдесят небось, лет-то. В смысле, геологическим пластам. Которые накапливались при них. Может быть, если хорошенько порыться, мы найдем там их кости...

— Прекрати, — Катя строго посмотрела на меня. — Сбиваешь.

— Но, слушай, я ж серьезно и по делу...

— Хватит паясничать, — отчетливо проговаривая каждый звук, произнесла она.

Я поднял руки вверх, что означало «сдаюсь!», а затем захлопнул себе рот сразу обеими ладонями, да еще и покачал головой для пущей убедительности. Полная капитуляция, Катя, можно продолжать.

— Это намного старше Лиен. От нее почти не прорываются слова. Мне кажется, она не осознает, что происходит, не осознает контакта со мной. Как если высунуть руку из-под земли под солнечный свет — рука там, наверху, нагревается, травинки хватает, но разговаривать не может и не понимает, что с ней. Я с трудом улавливаю... течение... ее чувств... ощущений. Вбрасываю вопросы... на уровне этих же чувств. Она боится. Что это что-то сильное. И старое. Мертвое. Которое считают мертвым, наверное, не может же мертвое...

— Конечно, не может... — скривился я скептически. — А ты с кем сейчас там вот общаешься, можно поинтересоваться? Лиен у нас когда родилась? Где сейчас ее тело? Мертвое... Не мертвое... Наука — штука сложная, но можно заказать водки.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Э-э-э... Прости. Вспомнил Игоря. Поговорка русская такая. На Ганимеде...

— Ясно, — Катя вздохнула. — У нас сегодня день цирка. Вспоминай. Ксената говорил о ком-то древнем? Кто был до них? Ты видел что-то такое, когда был в нем?

— Нет.

— Уверен?

— Ну... — протянул я и понял, что не уверен. — Не помню. Он летал на чем-то вроде аэрокара или ракетоплана какого-то. А в остальном живет как в античности. Еще у них есть что-то вроде плазменных резаков. Только они как оружие используются. Ну... устроены по-другому, но плазма, явно. Там как-то она закручивается в узкий длинный шнур, можно далеко запустить, и не расползается.

— Ты хочешь сказать, несоответствие технологических уровней? Оружия и цивилизации Ксенаты?

— Да. У них остатки какие-то, похоже.

— Остатки...

— Да. Но, вроде, это их собственные остатки. Техника предков. Зачем предкам пытаться нас убить?

— А зачем потомкам этих предков пытаться убить Ксенату? — Катя подняла бровь. — В общем, сходится... Сейчас, подожди...

Она легла на спину и расслабилась. По лицу побежали волны, как бы микросудороги. Я уже хотел толкнуть Катю в бок, когда ее глаза сами распахнулись. Сначала в них не было выражения, словно серая вода со льдинками, но вот веки закрылись, снова раскрылись, и это была уже она, госпожа лидер-инспектор.

— Так. Пол, это не предки. Она боится, что это враги предков. Нет. Не так. Те, кто были до предков. Кого предки, похоже, изгнали или уничтожили. Не люди. Считалось, что уничтожили. Месть? Наш канал, вроде, последняя надежда, и если его прикрыть...

— Прелестно. И ничего не понятно. Почему же атаки прекратились?

— Она не знает. Что-то случилось с машинами. Там... древние машины... не пойму... что-то могут делать. Их мало, их берегут. Что-то случилось с ними, и она думает, что поэтому не нападают.

— Все равно ничего не понятно. Машины же их предков? Какая связь с теми, кто был до предков?

— Пол, возможно, машины сломались... И этого добивались враги? Или они использовали эти машины? Или машины использовались для создания канала, а теперь отключились? Я не могу больше... Она словно уснула глубоко-глубоко. Но она была уверена, что канал больше недоступен для них, значит, атак не будет.

Я набрал полные легкие воздуха и громко выдохнул.

— Ладно. Что нам делать теперь?

Катя села и посмотрела на меня ясными-ясными глазами:

— Ждать, Пол. Просто ждать.

— Просто ждать? Чего? Когда все само собой сладится?

— Да. Или не сладится. Когда созреет. От нас сейчас мало что зависит.

— Но я не могу сидеть без дела... Когда... Надо же что-то делать!

— Скажи, как ты нашел меня? — вдруг перевела она тему, и я вспомнил, что хотел же ведь сам рассказать и спросить, но другими переживаниями вышибло из головы.

— Мне приснилась Жанна. Второй раз этот сон. Вернее, сон об этом месте... С разных сторон.

— Расскажи?

— Ганимед, на котором не было катастрофы. Преобразование успешно завершилось, все рады. Мы живем и работаем там. С ней. Домик, садик, лужайка. Да... у нас там... ребенок.

— Ребенок? — задумчиво переспросила Катя и уточнила со странной интонацией. — Мальчик, девочка?

— Мальчик. Рыжий.

— Ну, разумеется, рыжий... — кивнула Катя, и опять я не понял оттенка эмоции. — Продолжай.

— В этот раз мне снилось, что я стою на веранде, он прыгает с роботами, Жанка выходит, мы о чем-то говорим... И все.

— Все?

— Да. А в том сне, первом, ты помнишь, я говорил? Я смотрел со стороны. Из кустов. Что же, получается, два меня?

— Два? — улыбка скользнула по ее губам. — Ведь сон не закончился развязкой?

— Думаешь, будут еще?

— Не знаю. И причем тут этот сон?

— Я услышал, как она зовет меня. Когда проснулся. Пошел совершенно уверенно и остановился напротив твоей двери.

Катя встала и, глядя в стену, произнесла:

— Значит, по голосу Жанны Бови теперь ты можешь находить меня. Пол, это похоже на сеть какую-то, живую сеть... Мицелий, грибницу. Она словно бы разрастается внутри нас. Внутри нас всех.

Она обернулась ко мне. Мне показалось, в ее глазах мелькнул страх.

— Эти мертвые... Они ведь все мертвы: Лиен, Ксената, Жанна. Они живут в нас. Что если мы все понимаем неправильно, Пол? Что если нечто неизвестное нам, нашей науке, не выявленное нашими сканерами пытается захватывать людей? Как тех, кто бросался на нас? Может быть, мы — первые или не очень удачные попытки? Поэтому нас хотят устранить?

Я отрицательно покачал головой:

— Слишком сложно. Конечно, да, лидер-инспектор Комитета Контроля... прекрасная цель. Но многовато сказок, не находишь? Зачем этот барельеф на Марсе? Зачем болтовня с Ксенатой? Зачем мне вообще надо было попадать туда, в этот вымышленный или реальный образ древнего Марса? Если можно просто взять сознание под контроль?

— А ты уверен, что сейчас твое сознание не под контролем? Может, ты думаешь, что все это происходит с тобой, а, на самом деле, твое тело заседает в Совете и решает какие-то важные земные дела? И эти сказки выдуманы твоим собственным разумом, подавленным чужой волей, просто

чтобы не сойти с ума?

Она тряхнула головой. Очень Катин жест. Непокорный такой. Мне нравится. Ее голос не менее решителен:

— Короче, фантазировать можно до конца Вселенной. Исходим из того, что имеем. Верим, что мы есть. Верим Ксенате и Лиен. И Жанне Бови... тоже. Где бы там ни был ваш домик с ребенком, — она фыркнула, и я понял, наконец, что это ее задело. Интересно, чем... Все-таки, не понимаю женщин. А Катя продолжала: — Поэтому просто ждем. Проклянутся наши марсиане, значит, поможем, чем сможем. А пока... Продолжаем отпуск. Мы же в отпуске?

— Прекрасный план, — согласно усмехнулся я.

— Тогда, доктор Джефферсон, с вас один должок.

— Какой же, мадам?

— Ты кое-куда меня прокатай, и не смей говорить нет.

— Конечно, не вопрос...

— Тогда поехали.

— Прямо сейчас?

— Нет, перед отлетом, а прямо сейчас — кувыркаться в куполах Гелиополиса и, вообще, отрываться. У нас почти две недели!

— О'кей..

Свободных хопперов на ближайшие десять часов не оказалось, и мы взяли стрекач.

Уже садясь в кабину, я связался с Чарльзом Мерсером, поблагодарил за помощь. Сказал, что разобрался со своими проблемами и отбываю. Он посожалел, что так недолго имел честь, и все такое прочее, и виртуально пожал мне руку. Так мы распрощались с учебкой Полинезийского университета и завершили безусловно увлекательный, но, все же, слишком нервный этап своего совместного отпуска, который можно было бы назвать операцией «Бегство от собственной тени».

* * *

Ни думал, ни гадал очутиться когда-либо в этом месте.
Напротив, был уверен, что никогда.

Полная Земля прямо над головой.

Ее огромный фонарь заливает голубоватым светом истоптанный реголит.

Здесь нет искусственного огня прожекторов.

Это место никогда не обретет купола, несмотря на свою популярность.

В каком-то смысле, оно напоминает музеи «Аполло» или русских луноходов, но здесь не запрещено месить ногами грунт. Собственно, сюда и ходят его потоптать.

И еще здесь попадают цветы. Самые настоящие. Обычно, из лунных садов, но бывают и земные. Мертвые, конечно. Цветы не живут в вакууме. Они мерзнут при температуре в минус сто двадцать, а днем жарятся на солнце, быстро теряя вид. Но пока солнце не опалит их — они как живые.

Одна из древнейших человеческих традиций, почти начисто вытертая в век борьбы с семейственностью и воскресшая, едва маятник настроений общества качнулся обратно. Она воскресла, а им воскреснуть не суждено, они обращены в прах и останутся прахом до тех пор, пока случайный метеорит не разнесет вдребезги этот фрагмент лунной поверхности.

Традиция хоронить мертвых, делая из смерти — культ.

Традиция кладбищ.

Никогда бы не пришел сюда по собственной воле.

Что за глупости, в самом деле.

Жили не по-человечески, погибли глупо, похоронены с претензией на романтику.

Чета Джефферсонов, Алла и Стив.

Родители.

Давненько не виделись.

Осколки стеклянной розы на небольшой гранитной плите.

Имена, дата смерти, место смерти, ничего больше.

Гранит оттуда?

Не. Гранит вопреки. Вопреки щелочным лавам.

Знаете, родители... Профессор Игорь Марков... Возможно, вы слышали о нем? Он русский. Вы знаете, как у русских сильны традиции? «Иваны, помнящие родство», — этой поговорке он меня научил. А еще он подарил мне деревянную ложечку, раскрашенную в дикие цвета: черный, красный, зеленый и золотой. Сказал, на счастье. Она была со мной на Ганимеде. Принесла ли счастье? Но я не о том... Мысли разбегаются... Столько всего хотел сказать в детстве...

Марков. Да, начальник девятой станции. Мы сдружились с ним. Он давал мне послушать старинную русскую песню. Нет, не «Очи черные», хотя их тоже. Та песня была геологической. Думаю, она бы очень подошла

к обстановке. Игорь перевел ее для меня. Боюсь не вспомнить точно, примерно так:

«Ему поставили венок из минералов-силикатов
И положили на могилу пегматит»

Это про вас.

Гранитоиды — чем не пегматит? Почти одно и то же, если чуть зажмуриться.

А минералы-силикаты... Да вот, хотя бы эта стеклянная роза... Чем не силикат?

Постойте, что-то еще вспоминаю... Да, из той же песни:

«Он первым бросил на могилу горсть песка с глауконитом —
Большую горсть зеленого песка»

А вот и ваше стекло. Его же делали из песка? Говорю, песня про вас. Кстати, откуда эта роза? Почему разбита?

Настоящие розы, небось, тоже бьются тут, если ночью уронить. Вдребезги могут биться. Хотя, могут и не биться... Не пробовал.

Я нагнулся и прикоснулся пальцем перчатки к остроугольному прозрачному осколку. Припаян намертво. Не случайно лопнула, так задумывали памятник. Эстеты.

В призрачном свете Земли поблескивали неровные края битого стекла и полировка гранита. Когда-нибудь они потускнеют, обработанные микрометеоритами и солнечным ветром. Стекло-то, небось, кварцевое или какое-нибудь еще такое... Необычное. Чтобы подольше. Это же важно для мертвых, чтобы подольше. Давайте еще духам предков помолимся. Вон, у Ксенаты народ верил, что предки становятся звездами. Не все. Самые правильные. Остальные превращаются в песчинки. Поэтому, чем дольше история людей, тем больше пустыни. В этом утверждении есть своя соль, если задуматься. Не зря кто-то из классиков писал:

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины...
Взгляд, конечно, очень варварский — но верный»

Катя коснулась моего плеча. Едва заметен вес ее руки на скафандре.

Я, смешно сказать, забыл, что она здесь, рядом. А ведь это она привела меня. Наболтала, что прабабка строго-настрого запретила ей выходить замуж без согласия родителей. Старой закалки была прабабка. Прошла через такие годы... Похоже, только укрепилась. Люди делятся на тех, кого испытания ломают, и тех, кого делают сильнее. В том числе, сильнее упорствующих в своих заблуждениях.

— Ну, спрашивай своего... благословения, — хрипло бросил я. — Вдруг дадут.

Она улыбнулась. Я увидел эту улыбку одновременно сквозь псевдопрозрачность Катиного шлема и в проекции рядом, под собственным.

— Не сомневайся. Лучшей женщины тебе не найти.

— А ты за всех сразу спрашиваешь?

— А я не спрашиваю, милый. Я ставлю перед фактом. С тобой иначе нельзя.

— Ты же не со мной разговаривать пришла.

— Ты так думаешь?

— Со мной можно было и там, — я вяло махнул рукой в сторону хоппера.

— Глупый.

— Ну, Кать, ну, в самом же деле...

— Пол. Я хотела, чтобы ты разобрался с собой. И с ними. С памятью о них.

— И все?

Она кивнула.

Я обнял ее. Прямо в скафандре. Как медведь в доспехах обнимает другого медведя в доспехах. На моих глазах были слезы.

— Пойдем?

Мне показалось, ее голос дрогнул.

Мы развернулись и попрыгали к хопперу. Маленькие кузнечики к большому. Он принял нас и чуть качнулся, помахивая компенсаторами. Как живой. Кто бы мог подумать, что я люблю эти странноватые машины. А Жанку в них тошнит... Тошнило... Нет, тошнит!

Благословили всех оптом, значит?

Ну, будем считать, что так. Что квиты.

Будем считать, что разбитая вами роза моей жизни осталась здесь. А теперь начнется новая.

Уже сидя в кабине прыгуна, я оглянулся на бледно-голубое поле под черным небом, заставленное разномастными памятниками. Словно набросанными как попало. Издали оно напоминало... Что-то такое... Знакомое... Естественного происхождения. И тогда я вспомнил концовку песни. Последние две строчки. Я прошептал их на прощание, чуть-чуть переделав:

«И возвышается на кладбище пустынном, безвоздушном,
Гексагональной сингонии постамент».

И хоппер прыгнул.

Часть 3. ПАДЕНИЕ БАШЕН

«И на всякой горе высокой, и на всяком холме возвышенном, потекут ручьи, потоки вод, в день великого поражения, когда упадут башни»

Книга Экклезиаста, гл.1, ст.18.

Бункер верховного анамибса я нашел высоко в горах, вернее, в одиноком крутом холме, возвышавшемся над идеально круглой долиной. Со всех сторон ее окружали неприступные сверкающие пики. Ни один перевал, ни одна тропа не вела из внешнего мира в долину, и никакая птица не смогла бы перевалить через горные цепи, попирающие небеса, даже если бы захотела или если бы чья-то воля послала ее. Даже вирмана, со всем его грохотом и огнем, пожалуй, не добрался бы сюда.

Как анамибсы попали в такое уединенное место?

Возможно, во времена давнее давних существовал утраченный ныне проход. Или они обнаружили, а, вполне возможно, что и проложили себе дорогу под землей. В пользу второй гипотезы говорило и то обстоятельство, что впадина, будучи довольно-таки глубокой, не заливалась водой и не превращалась в единое озеро, хотя таяние льдов в окрестных горах несомненно должно было наполнять замкнутую котловину если не до краев, то хотя бы в значительной мере. Бурные речки то там, то здесь обрушивались водопадами в долину, но лишь несколько вытянутых дугообразных озер являлись результатом этого процесса.

Вдоль озер когда-то располагались дома анамибсов — вымерших ящероподобных гигантов, а чуть выше находились кладки желтоватых, как состарившаяся кость, яиц, каждое в полтора обхвата размером.

Мы не знаем, как погибли исполины. Долгое время само их существование не признавалось, их считали исключительно мифическими существами, которых выдумали древние люди, поклонявшиеся ложным богам и обожествлявшие что попало: все, что казалось им непонятным, но сильным или ведущим к силе, которая могла бы навредить им или защитить их.

Кости анамибсов, изредка попадавшиеся в пустынях, потрясали размерами и крепостью. Люди тогда еще не знали, а большинство не знает и сейчас, что кость со временем замещается камнем и, при надлежащих

условиях, после долгого пребывания под землей может превратиться в кремьнь или во что-нибудь потверже. Анамибсы жили на нашей земле с незапамятных времен, пока не исчезли с ее лика, и многим костям, приписываемым им, могло оказаться по девятижды тридевять тридевятых лет.

Кое-где находили целые пещеры, полые холмы с пробитыми входами — огромными арками, замурованными наглухо еще, видимо, во времена самих анамибсов, — и оконцами, прикрытыми полупрозрачным, пропускающим свет, минералом. В этих домах или, как принято их называть, усыпальницах, попадались скелеты, потрясающие своими размерами.

Большинство гипсовых пещер были разорены в незапамятной тьме веков, разгромлены дикарями, разрушены водой и землетрясениями; остальные — вычистили святоши. Но мне повезло видеть своими глазами целый скелет взрослого анамибса, окаменевшие яйца и почти полностью сохранившийся скелет детеныша. Не знаю, которую из усыпальниц, чтобы добыть эти трофеи, ограбили наши современные варвары — жрецы Звездного Огня, «собиратели знаний» и ярые преследователи инакомыслия, да оно уже и не важно. Мы не знаем даже, действительно ли это были усыпальницы или жилища. А, может быть, гипсовые склепы играли какую-то другую, неизвестную нам роль, которую мы не в силах и предположить из-за разности культур.

Одно ясно любому образованному и здравомыслящему современному человеку: анамибсы были разумны и вымерли до появления первых людей. Хотя есть и другие мнения. В сказках диких народов герои встречаются с анамибсами, сражаются с ними, отбирают у них похищенных младенцев и отвоевывают клады. Есть мифы, наделяющие их чертами кровожадных богов, извечных врагов людей — один из таких, о битве анамибсов с Многоруким, о возникновении коричневой пустыни, мне рассказала когда-то Зоакар — но то всего лишь сказки.

Внешне они походили на юрцов. Тех самых юрцов, что снуют меж разогретых камней и бегают по стенам, цепляясь липкими когтистыми лапками. Только размером в несколько раз больше человека. Ступени лестницы, ведущей к бункеру верховного анамибса от нижней террасы, явно предназначены не для наших ног. Чтобы взобраться, мне приходилось подпрыгивать, ложиться животом на край, забрасывать ногу — и так с каждой новой ступенькой, от чего к концу подъема я основательно вымотался, на одежде появились новые прорехи, а руки, ноги и живот кровоточили многочисленными ссадинами.

Знание лекарственных растений, по иронии судьбы, полученное мною от жрецов Звездного Огня, помогло отыскать среди камней листья жгутиковой камнеломки, довольно распространенной травы за пределами долины, но почему-то редко попадающейся здесь — она прекрасно останавливают кровь и освобождает раны от злостных невидимых существ, вызывающих гниение плоти.

Едва ли хозяева лестницы испытывали подобные затруднения. И крутизна подъема не должна была их смущать: эти ящеры, насколько известно ученым мужам, ходили на четырех лапах, хотя передней парой пользовались и как мы — руками. Хвосты носили только юные особи — они отпадали сами или, кто знает, вдруг их отсекали? Наверняка у анамибсов имелись какие-то ритуалы инициации, и, возможно, это событие приурочивали к достижению совершеннолетия... Если, конечно, образ мышления их хоть отчасти напоминал наш.

Конечно, когда я впервые входил сюда, еще не зная наверняка, но уже предполагая столкнуться с наследием анамибсов, я не называл это сооружение «бункером».

Вход не был завален или заложен камнями, как это наблюдалось в некоторых «гипсовых усыпальнях», когда-то разбросанных, похоже, по всей Жемчужине, но теперь редко попадавшихся на глаза людям по причине древности и изначальной уединенности таких мест от кипящей жизнью зеленых равнин.

Внутри обнаружилось несколько рукотворных пещер с осыпавшейся гипсовой лепниной. Все деревянные конструкции сохранились в целости, но мне трудно распознать их назначение. Один из залов — человеческому глазу он показался бы огромным, а по меркам анамибсов, наверное, являлся каморкой — имел абсолютно гладкие стены и куполообразный потолок, так несвойственный нам в Хампуране. В некоторых варварских землях, кажется, строили такие же — не удивлюсь, если в подражание анамибсам, хотя могли бы найтись и другие причины.

Центр округлого зала занимал черный камень, напоминавший вытащенную из моря гальку, увеличенную до пяти моих обхватов. Приняв его за своеобразный алтарь, я отрицательно дернул плечом — если это и алтарь, последний служитель культа, знавший соответствующие ему ритуалы, умер задолго до моего рождения, камень ничего не расскажет о них.

В первое посещение вершины для меня важнее было осмотреться по

сторонам, ведь тогда я еще совершенно не представлял себе, где оказался.

Отсюда открывался прекрасный вид на долину, окаймленную ожерельем белоголовых гор, поблескивающую змейками рек и сверкающую дугообразными зеркалами озер.

Голубоватая зелень высокогорных тристинов, игольчатыми шарами заполонивших верхнюю террасу, ниже сменялась густо-зелеными и коричневыми шапками чечевичников, перепутавшихся с шерстянкой, в жаркое полуденное время усыпанной крупными каплями сладковатого сока. Еще ниже появлялись клубки ленточных серпарид.

Серпариды — колонии лианообразных грибов, лентами обвивающих скалы и деревья, а, за неимением опоры, громоздящихся друг на друга и образующих невероятно запутанные скопления иногда в три-четыре человеческих роста высотой. Они стараются обвить все, что стоит хотя бы более-менее вертикально.

Если подойти к серпаридам вплотную и остановиться, замереть на девятину дня — допустим, у кого-то хватит терпения — ленты опутают его с ног до головы и скроют под собой как обычный древесный ствол. Что интересно, эти грибы не опасны для нас, не ядовиты, не паразитируют на других растениях и не используют солнечный свет для создания питательных веществ — они даже отражают его, покрываясь липкой зеркальной слизью, которую так любят использовать ремесленники. Будучи снятой с гриба, она быстро перестает сверкать, но зато из нее получается прекрасная перламутровая эмаль.

Ленточники с помощью своей слизи ловят пыльцу, всегда в изобилии наполняющую воздух в месте их произрастания и разносимую ветром. Через поры гриб всасывает, забирает улов, и выделяет заново уже очищенную слизь.

Однажды, в юности, мне пришлось прятаться в едва заметно копошащейся куче таких же ленточников. Правда, я не стал ждать, пока они меня облепят, а бесцеремонно влез в самую середину колонии. Еще бы не влезть! За мной гнались сразу два рвача — пестрые злые морды, полные слюней и жажды убийства — они шли по запаху и быстро сокращали расстояние. Я заметил их с обрыва и понял, что другого шанса судьба мне не подкинет, только прятаться. Через короткое время невозможно было найти следы моего пребывания — рвачи порыскали кругом и ушли ни с чем. Я их понимаю — вонь от грибов довольно-таки специфична и сильно бьет по чувствительному носу, а солнечные блики от зеркальной слизи режут глаза.

С тех пор я стал хорошо относиться к серпаридам и больше не

истреблял их, как это принято у меня на родине.

Под ними, на следующей террасе, уже достаточно тепло для гигантских многоусых ракоствов, выбрасывающих стебли-размножители высоко-высоко над собой, чтобы оттуда взорваться комком змей-корневищ, гибких отростков, разлетающихся в разные стороны со страшной силой и впивающихся в землю, чтобы зародить новый куст. С ними за пространство борются толстые бочонки водоносного дерева. Обычно оно встречается в засушливых местах. Глубокий корень доставляет к поверхности воду не менее эффективно, чем во время дождей ее собирает воронка из веера плотно прижатых друг к другу листьев. Одно водоносное дерево способно поить небольшую дикарскую деревню весь сезон зноя.

Почему они здесь? Почему не вытеснены более сильными влаголюбивыми растениями? Полагаю, потому что ирригация этой террасы давно прекратила работать, а дожди — нечастое явление в долине.

Совсем иначе обстоят дела на нижних террасах, наполовину разрушенных и больше напоминающих хаотически заросший склон, чем творение разумных рук. Лишь ступени лестницы кое-где угадываются под ковром буйной растительности.

Как проникли сюда некоторые семена — загадка. Понятна слюдянка — ее пыльца поднимается выше облаков и разносится, наверное, над всей Жемчужиной. Но орехи даранника: приплюснутые, с вертикальным сквозным отверстием, в которое можно просунуть руку — они-то как перекатились через горы?

Объяснение одно: анамибсы принесли их с собой. И то, что никаких животных, кроме насекомых, которые вполне могли проникнуть в долину вместе с семенами, здесь нет, наводит на мысль, что анамибсы употребляли исключительно растительную пищу. Неожиданное открытие? Вот вам и кровожадные монстры, вот и пугало для детей...

Возможно, когда-то они и были всеядными, на это указывает строение зубов, но к концу своей истории перестали употреблять мясо?

Эти и прочие рассуждения и догадки занимали мой разум и роились в голове во время продолжительного отдыха, что я позволил себе, спускаясь после первого похода к бункеру. Торопиться было определенно некуда: если бы святоши последовали за мной в моем безумном полете — они уже были бы здесь. Мне немыслимо повезло — разгонный толкатель мог рухнуть в любом месте Жемчужины, например, в океан, ведь атакован он

был после того, как покинул воздух, в общем, на случайном участке траектории, да и кабина наездника могла разбиться при падении... Они, конечно, на вирманах проследили за дымным следом на небе, но едва ли определили больше, чем то, что точка удара о землю находится в непроходимых диких горах, куда никаким из имеющихся в их распоряжении способов попасть нельзя. Наверняка на меня махнули рукой, как на погибшего.

Но я не расслаблялся. Жизнь научила меня внимательно и с осторожностью относиться к чудесам. Особенно к повторяющимся чудесам — чудесным совпадениям. За кажущейся случайностью обычно кроется сеть связей и намерений или других как бы случайностей, в свою очередь рано или поздно раскрывающихся в чьи-то намерения. Каким бы случайным ни казался мир, он — творчество воли населяющих его существ и кто еще знает, чего, этой волей обладающего.

Вероятность одной случайности — ничтожна, двух связанных — ничтожнее ничтожной. словно бы чья-то воля вела меня по жизни, не давая ни погибнуть, ни отклониться от заранее неизвестного мне маршрута. И как я ни пытался его предугадать или постичь смысл стоящей передо мной задачи, осознав однажды, что она существует — мне до сих пор не удавалось приблизиться не только к решению, но даже к формулировке условий. Впрочем, похоже, решение искалось само, вне зависимости от того, понимал ли я, что творю и что творится вокруг, или нет.

Жрецы Звездного огня, костноголовые святоши, сказали бы, что такова воля звезд. То же самое, но помянуя своих богов, ответили бы дикари, носители любой другой веры. Но если бы спросили меня, что я чувствую, когда пытаюсь постичь это «божественное», поймать за запястье или хоть за палец мизинца ведущую меня руку, я ответил бы: «холод». Холод, пронизывающий насквозь мое тело, разбегающийся по кровеносным и прочим сетям его, как лед бежит по воде, когда опустит в озеро свой скипетр Спящий — если верить глупым дикарским сказкам, из которых многое оказывается искореженной правдой.

Мне доводилось видеть лед. Настоящий лед на реке. Далеко отсюда, на севере. Я вижу его сейчас на вершинах гор, охранной цепью отгородивших долину анамибсов от остального мира. Я, в отличие от большинства этих святош, надутых собственным величием, тех святош, одним из которых так недавно был сам, могу сказать — я видел лед, я трогал его и я знаю — то, что чувствую, прикасаясь к этой вашей «божественной воле» — сродни ему. А еще оно сродни смерти.

Перед тем, как преследовавшие меня машины-убийцы, названные Полем «ракеты земля-орбита», достигли цели, я потерял способность контролировать тело и не очень понимал, что происходит. И я знаю, что меня спас Пол. Это он понял, что меня хотят сбить. Он уговорил меня, пока я еще мог шевелиться, пробудить защиту. А когда защита исчерпала себя, выбрал единственный оставшийся вариант, предложенный миражем, и каким-то непостижимым образом через бездну пустоты и времени сумел включить его. В результате кабина наездника была отброшена от толкателя и отправилась в самостоятельный полет. Толкатель взорвался, в него попали машины-убийцы, а мы уцелели и падали, но я уже не видел, как это происходит.

Я думаю, Пол обнаружил в бескрайних и гибельных горах маленькую зеленую долину, где можно было бы приземлиться и отсидеться. А затем он покинул меня вслед за сбежавшим ранее моим собственным сознанием.

И я думаю, его на редкость своевременное появление в этот раз — и есть та самая неслучайная случайность, в которой прослеживается нить сложного норасийского плетения жизни. Что-то, стоящее как бы вне нас, и не управляющее нами, но направляющее и поддерживающее от выбора к выбору. Причем, в выборе мы свободны, и, если не отступимся, не отречемся от чего-то, чего не знаем сами, но чему следуем слепо, по чутью, по запаху — удача не оставит нас.

Я успел основательно осмотреться в долине за те девятки дней, что провел здесь после приземления. Кабина толкателя уже едва ли когда-нибудь сможет летать — она раскололась, а меня, вероятно, выбросило вместе с креслом — иначе трудно объяснить, почему я очнулся, сидя в нем посреди ветвей. Чтобы скрыть следы посадки, мне пришлось забросать обломки ветвями и завалить стволами сбитых деревьев, так что сверху это место смотрелось как заросшая поляна в лесу.

Джунгли быстро делают свое дело, еще немного, и не останется даже поляны. Растения жадно тянутся к солнцу — если у святош нет способов видеть сквозь кроны, им ни за что не догадаться, что я здесь.

А вот выжигателя жалко — я так и не нашел его. И противно от своей глупости — надо же было положить на колени... Надо же было зарядить только тот... Надо же было и все запасные стержни в него всунуть... Надо же было... Эх. Сожалеть можно до бесконечности, но это непродуктивно.

Теперь у меня остался только незаряженный. Думаю, это он был в руке Армир, когда она погибла.

Наставница Армир... Алар... отправила меня закрыть ворота

Вестника. Она принесла меня в жертву великой цели, и она мертва.

Наставник Дсеба отправил меня в пасть Вестника. Думаю, если бы я выполнил его поручение, машина жрецов Великой башни навсегда потеряла бы способность управлять спящими кораблями. Он принес меня в жертву великой цели, и, думаю, он мертв, как и три преданных младших, выброшенных из вирманы. Сдается мне, их целью было отвлечь святош.

Задание Дсебы словно продолжало задание Армир, наполняло его конкретикой. Но если бы я отказался помочь наставнице, если бы выбрал не приносить себя в жертву, путь не привел бы меня в храм Синеокого. Я не взлетел бы так высоко, как уже много тридевятилетий не был ни один человек, и не пал бы подстреленной птицей, возможно, в самую таинственную из всех долин Жемчужины.

Жизнь в последние годы, вроде бы, предлагала мне только два действия: беги и прячься. Я спрятался в долине анамибсов, но должен буду отсюда бежать, ведь я хочу найти Нарт... Лиен... Да и не сидеть же здесь до скончания века... Хотя... Честно скажу, я так устал, что последнее предложение звучит заманчиво. Тем более, что, если верить всем этим предсказаниям, если учесть неудачу моей миссии, жить нам на Жемчужине осталось недолго. По крайней мере, не до моей старости.

Вершина центрального холма с бункером не давала мне покоя сразу, как я ее увидел. В тот день я взобрался на дерево, чтобы впервые осмотреться, и понял — на ней что-то есть. Что-то, сделанное человеком. И как только окреп достаточно, чтобы совершить восхождение, отправился наверх. Оказалось, это «что-то» — лестница, а с дерева я видел ее верхний участок. И сделана она была не людьми, а иными разумными существами — чудовищами из сказок, анамибсами. Это стало ясно, когда я, быстро обойдя пустой бункер, осмотрел с высоты окрестности, а затем, спустившись, принялся исследовать долину. Тогда-то и обнаружили на берегах озер развалины жилищ, поросшие джунглями, и кладки тридевятилетия назад брошенных яиц. Почему из них не вылупились детеныши? Я не знал этого.

Джунгли давали мне пропитание. Крупные хищники в долине не водились, да и мелких-то не было, разве что всякие насекомые-переростки — они не превышали в длину моего локтя и охотились на себе подобных. Ледяная вода озер и рек поначалу остужала мою любовь поплавать, но удержаться оказалось невозможно, и хотя бы пару раз в день я ненадолго бросался с берега, быстро-быстро молотил руками по воде, чтобы не замерзнуть, и выскакивал обратно. Постепенно это стало нравиться, тело

привыкло получать встряску. Потихоньку я начал даже нырять, но старался не увлекаться, четко осознавая опасность холода после того, как однажды мне свело ногу.

Решив еще раз свежим взглядом окинуть свои владения, я повторил тяжелый подъем из жарких влажных джунглей к продуваемой прохладными ветрами вершине центрального холма. Теперь я запасся кой-каким пропитанием, зная, что насчет еды верхняя терраса мне ничего не предложит, поэтому оставался там дольше, чем при первом посещении.

На табличках, приготовленных из смеси красной смолы ракоста с золой, я выдавил вид окрестных гор, карту долины, видимую отсюда как бы с высоты птичьего полета, изобразил схему террас, расположение лестницы, заросли тех или иных растений, которые смог отсюда различить, озера и речки, обнаруженные мною руины и кладки яиц, а, напоследок, решил нанести план бункера, для чего еще раз обследовал его.

Огромные платформы из искусно соединенных древесных стволов могли оказаться лежанками, столами, да, в общем, чем угодно. Холодный сухой воздух гор сохранил их почти в первозданном виде. Поняв это, я пожалел, что ни один анамибс не умер здесь — ведь тогда у меня появился бы шанс увидеть не кости, а мумию. Страсть ученого на миг взяла верх над практицизмом беглеца, и я вновь обошел рукотворные пещеры, заглядывая в каждый угол. Но ничего нового, конечно же, не нашел. И вновь мое внимание привлек этот гладкий округлый черный камень. Я потрогал его, отметив, что он, пожалуй, теплее, чем полагается быть обычному камню в таком месте, но не придал этому обстоятельству большого значения, списав на особый состав камня.

Мне ничего не оставалось, как выйти вон. К тому моменту запасы взятого с собой провианта подошли к концу, и я, с чистой совестью, начал спуск в долину — спуск не менее напряженный, чем подъем — чтобы проверить кое-какие догадки, возникшие после внимательного осмотра и составления карт, и заполнить «белые пятна» неисследованных территорий.

Я еще не знал, что главное открытие ждет меня не внизу, и что оно связано с черным камнем.

* * *

Колючие тристины проникли даже в трещины на древней лестнице, где они соседствовали с камнеломкой, и я, насколько мог, старался

обходить их. Дикая жизнь в долине не пощадила мою одежду, превратив ее в кое-как скрепленную связку лохмотьев, но я не мог отказаться от этого атрибута цивилизованного человека. Кроме того, в треть тьмы на высоте бывает холодновато.

Когда я в третий раз поднялся на верхнюю террасу и, продравшись сквозь колючие заросли, подошел к входу в бункер, последний луч солнца упал прямо передо мной, освещая вырубленную в скалах галерею на всю ее глубину.

Я прошел вовнутрь, прямо по светящейся красным золотом дорожке на неровном полу искусственной пещеры, и она привела меня в округлый зал с черным камнем посередине. Настоящий ученый не может отступить перед нерешенной задачей, он способен лишь отложить ее, но факт этот будет отравлять его до поры, пока не удастся найти решение.

На этот раз для подъема по лестнице анамибсов я воспользовался собственной переносной лестницей, сплетенной из стволов и лиан. Чтобы не обдирать колени и локти, чтобы не тратить лишних сил, я каждую огромную ступень преодолевал, прислоняя к ней свою лесенку, и взбирался без каких-либо хлопот.

Ее же я применил и для того, чтобы взобраться на гладкий черный камень. Заходящее солнце благословило меня и покинуло пещеру. Ухватив последний свет сумерек, я залез-таки на камень, но и сверху на нем не было видно никаких знаков, или их не удавалось различить из-за стремительно наступающей тьмы. Вместо того, чтобы разумно отложить осмотр до первой трети следующего дня, я принялся на ощупь обследовать поверхность и почувствовал, что здесь она теплее, чем внизу, и тем теплее, чем ближе к центру.

Я наложил руки на центральную часть камня, на самую его макушку, и ощутил в ответ нарастающий жар. С ним что-то происходило. Возможно, он просыпается? Так же, как наши древние машины? Но это же камень анамибсов...

Несмотря на жар, я не отдернул ладоней. Мне нужно было довести хотя бы одно дело до конца. К чему бы оно не привело.

И в этот миг со всех сторон сразу раздался голос.

От неожиданности я зажал уши руками, но тут же открыл их. Глупо бояться слов.

Чтобы убедиться, что голос звучит не у меня в голове, я снова чуть прикрыл уши. Слышно стало хуже. Я вздохнул с облегчением — моей голове, пожалуй, более чем достаточно одного Пола.

Кто бы это ни был, он говорил по-настоящему, вслух. Говорил на

староферсейском. Диалект, но понятный. Оглядевшись в наступившей тьме, я не увидел ничего, и решил спокойно посидеть там, где стоял, чтобы логически завершить свой, возможно, опрометчиво начатый, эксперимент.

Вот что донеслось до меня:

«Я говорю с тобой их языком, их словами — тех существ, что пришли из-за прозрачной стены, спустились с небесных огней и теперь процветают там, где мы благоденствовали еще совсем недавно. Не успело потерять хвост семя, принятое матерями, как ранее добрый и щедрый мир перевернулся дважды, показав вначале мертвую, а затем опять живую сторону бытия, но живую уже не для нас.

Я говорю с тобой их языком, потому что в тумане сложилось течение, ветви сплелись и живые корни сковали свободу выбора сетью определенности, потому что священные камни выстроились в два ряда, указывая тропу над болотом ошибок. Надежда моя в том, что указания разгаданы правильно и речь моя достигнет внимающего слуха.

Я говорю с тобой издалека, но расстояния в узле — обманчивы. Не отбрасывай мои слова как старые. Посмотри вокруг, посмотри вперед и назад, посмотри под и над, прислушайся ко мне своей нервной грибницей, и пойми, ты мертв также, как я, жив также, как я, просто сейчас ты — на свету, а я — в тени. Мы постоянно присутствуем во всем, но лишь когда корень даст побег, под солнцем появляется лист. Мой лист увядает. Увяли деревья моего народа. Не резвятся больше юные хвостатики в тростниках и озерах, матери не совершают таинство приплода, созерцатели не следят за горами и ветром, а певцы не тревожат выси трелью — все прошло, кануло во тьму, откуда некогда появилось несмело проросшим орехом, тем первым, от которого разошелся могучий древний лес.

Я говорю с тобой; я, живущий над другими. Залы моего дома пусты, дома моих людей пусты. Яйца брошены. Ветер не приносит запахи жилья. Туман предупредил нас, песня созвала тех, кто захотел слушать: и мы были готовы, и мы пришли сюда, найдя преграду от скорой смерти. Пузырчатые перетащили нас через горы, в древнюю холодную яму упавшего огня, мы взяли с собой семена, построили дома и террасы, вырастили сады, но этим лишь отсрочили конец. Мой народ слишком велик, чтобы жить в заточении. Как огромное дерево не помещается в скудном объеме земли и чахнет, так и наш род зачах в этой яме. Наши яйца больше не треснут. Последние умрут без продолжения. Я — из их числа.

Я говорю за тех, кто родился до меня. Кто бежал сюда, в наш дом, уловив движение тумана. Остальным повезло меньше. Когда над просторными цветущими равнинами разверзлась прозрачная стена и упали

семена гибели, уцелевшие люди поднялись в певческие залы, затворили створки и заложили входы, чтобы преградить ток дыму, яду и холоду. Но они не были способны пережить девять и один круг голодного мрака и белых полей. Одни выходили и умирали в поисках пищи, другие оставались в певческих залах, так и не разобрав вход. Мало кто уцелел. Это было давно, с теми, кто родился до нас, но мы помним. Пузырчатые носили предков туда, и они редко находили живых. И нередко не возвращались живыми. Существа, спустившиеся с небесных огней, убивали нас. Они пришли вслед за семенами гибели, после того, как черная ночь сменилась серой и на белые холодные поля обрушились дожди, после того, как солнце вернулось на небо и живая пыль заполнила воздух, осела и проросла новой жизнью на старых равнинах, на пепелищах и костях.

Я возвращался, и я знаю. Последние пузырьчатые носили меня туда еще когда я был хвостат. Я поселился в полуразрушенном певческом зале. С тех пор, как упали семена смерти, прошло так много времени, что существа забыли о своей природе, забыли, как убивали нас. Их поколения меняются слишком быстро, чтобы помнить. Они боялись меня, считая чудовищем. Они одаривали меня тем, что считали для себя ценным. Куча подарков росла в углу моего дома. Иногда приводили ко мне жертв — таких же, как они. Большинство я выгонял, но некоторые задерживались. От них я научился языку, которым говорю сейчас с тобой. Послушай, как звучит наш».

И зал наполнился трелями и щелканьем, напоминающим перекличку птиц. Это было красиво, но никогда бы не догадался, что подобные звуки издает разумное существо.

«Я сказал тебе, и ты знаешь теперь, как звучал мой народ. Его больше никто не услышит. Камень памяти раскрывается и поет один раз, туман не может двукратно повторить запечатленное единожды. Поэтому слушай внимательно и запоминай все, что услышишь. Смотри и запоминай все, что увидишь.»

Из камня в потолок ударил столб тумана. Так внезапно, что я резко отшатнулся, едва не потеряв равновесие, и с трудом удержался на покатой верхушке. Дымное облако разбежалось по стенам и полу, захватило меня и погрузило в себя. Дышать стало немного тяжелее, но в остальном мое самочувствие не изменилось, если не считать непроницаемой пелены перед глазами.

И вот туман поредел. Я ожидал, что увижу едва проступающие в сумерках грубые каменные стены и пол, усыпанный обломками и кучами обвалившейся гипсовой лепнины, но реальность заставила замереть от

восторга. Передо мной лежали джунгли. Вернее, нет, не дикий лес, а что-то вроде сада, разбитого по определенному плану: более высокие деревья чередовались с низкорослыми так, чтобы всем хватало света, а в тени были посажены, вероятно, какие-то солнцелюбивые растения. Широкие извилистые тропы пересекали этот лес в разных направлениях; озера и речки, вроде бы, естественного происхождения, но слишком уж разумно расположенные, питали его влагой.

У воды виднелись обособленные дома с покатыми крышами, годные для сезонов дождей. Меж ними сновали высокие двуногие существа с широкими цветными гребнями за головой. Отсюда они казались маленькими, хотя некоторые деревья едва достигали им плеч. Я мог смотреть одновременно издалека и вблизи и заглянул в их зеленоватые лица, хоть и мало напоминавшие человеческие, но имевшие так же, как и мы, по два глаза. Правда, глаза эти были расставлены широко и защищались выступающими костяными наростами, неподвижными сверху и, подобно щиту, надвигавшимися снизу, в результате чего, вместе с носовой пластиной, лицо становилось похожим на маску. Из-за тонких синих губ то и дело выскальзывал раздвоенный бледно-розовый язык: как признак любого волнения, нетерпения или увлеченности. Ушей, как таковых, не было, и возможно, гребни за спинами позволяли существам лучше слышать, или несли в себе какой-то ритуальный смысл — определенно, они являлись элементом одежды, как и широкие плетеные пояса, а у некоторых — жилеты, спускавшиеся до середины бедра. Они, судя по количеству крепежей и карманов, использовались для переноски мелких предметов: самый мелкий, пожалуй, размером сравнился бы с моей ногой.

В речках резвились такие же существа, только поменьше. Наверное, жизнь анамибсов, а не оставалось уже сомнений, что это они, была тесно связана с водой. Возможно, из воды они когда-то и вышли, но этого уже не узнать.

Вдруг все заволочло туманом. Когда он разошелся, передо мной возникла другая местность, берег большого озера, утопающий в невысоких, буйно цветущих кустах неизвестного мне вида. Вообще, многие из растений и животных, показанных тогда, были мне совершенно незнакомы. Вероятно, они вымерли. Многие ящероподобные сухопутные существа, в том числе весьма похожие на анамибсов, но не обладающие разумом, исчезли с лица Жемчужины навсегда.

Туман снова сходиллся и развеивался, он показывал мне разные стороны света, крайний юг и север, полностью лишенные льдов, огромный

океан, очертаниями заметно отличающийся от нынешнего, моря, которых больше нет, озера, вместо которых нынче — пустыни. Он показывал мне невыразимо грозных морских хищников, размером с плавающую гору, с пастьями, полными острых зубов, способных, казалось, дробить скалы. Летающие колонии «пузырчатых», о которых говорил мне верховный анамибс: подобно нашим хозяевам островов, они надували прозрачные капсулы, но только не воздухом, а самым легким из газов, поэтому могли перемещаться на очень большой высоте, ловя нужный ветер. Так же как и ленточники-серпариды, пузырьчатые питались пылью и покрывали огромные расстояния, просеивая воздух длинными тончайшими нитями, едва касавшимися вершин деревьев. Когда же их время завершалось и требовалось переродиться, каждый отдельный пузырек выпускал газ и зарывался глубоко в землю, превращаясь в ничем не приметную раковинку-трубчатку. Мы часто находили такие в детстве, но даже не могли предположить, что это временные домики огромных летучих пузырей.

Я продолжал смотреть, не отрываясь, на беззаботную жизнь анамибсов. Они, действительно, уже много двудесятилетий питались только плодами и молодыми побегами, приготавливаемыми разными способами и употребляемыми также в сыром виде. Меж ними не было войн, да и просто стычки происходили крайне редко. Они не развивали науку, не искали новых сфер влияния, вполне довольствуясь тем, что имели, но зато вкладывали всю творческую силу в такие бессмысленные для нас занятия, как пение или композиции из брызг. Определенно, они получали удовольствие от своего существования, и жизнь для них в том и состояла, чтобы прожить ее как можно приятнее, а уйти безболезненно, чтобы когда-нибудь вновь проклюнуться из грибницы общего сознания Вселенной, как они считали, для нового века.

Но однажды все закончилось.

Туман скрыл от меня счастливый мир анамибсов, а когда я прозрел снова, это был уже другой мир. В нем пылали огромные деревья, в страхе и боли металась, не зная, куда податься, крупные и мелкие животные. В небо поднимался горячий пепел, а оттуда, ему навстречу, падали какие-то раскаленные докрасна круглые штуки, оставляющие после себя дымный след и гул. С грохотом они бились о землю, и в каждом месте удара образовывалась яма, и над каждой вырастал клубящийся гриб пыли и огня. Это можно было бы назвать огненным дождем, если забыть, что каждая капля — никак не меньше меня величиной.

Все пространство заволочло едким желтоватым дымом, над которым стелился дым черный. А выше, где обычно начинаются дождевые облака,

копились облака серой пыли. Свет тускнел, наступала долгая ночь. Те, кто не погибли от огня, задохнулись дымом. Из остальных большинство умерло от голода. Только самые маленькие и везучие зверьки, только самые распространенные и выносливые растения смогли пережить первый удар звездного огня — у меня уже не было сомнений в том, что именно звездный огонь, вызывающий такой трепет у наших святош, обрушился тогда на Жемчужину. И, кажется, я начал понимать причину этого трепета.

Туман показал мне, как пытались спастись анамибсы. Их дома разрушились или сгорели, но сами они укрывались в залах пения — больших искусственных пещерах, сделанных в холмах. Они превратили храмы искусства в бункеры, закрыли окна и двери, замуровались и впали в спячку, чтобы переждать, как они и ранее, изредка, переживали стихийные бедствия. Когда пришло время выходить, те, к кому не проник яд из воздуха и в чье убежище не попала падающая звезда, были поражены холодом. Не все смогли проснуться из-за этого. Остальные разобрали выходы и не узнали привычных мест: земля вокруг была покрыта ровным слоем незнакомого им в быту, но известного по сказкам холодного белого вещества. На месте некогда буйных лесов, сожженных дотла, лежал снег. Небо, вечно скрытое непробиваемыми тучами, давало скудный свет, едва достаточный для того, чтобы дневное существо могло видеть.

Почти все сгинули. Повезло лишь единицам. Тем, кто оказался вблизи теплых источников, в которых не погибли водоросли. Тем, кто, сойдя с ума, вернулся к мясу, и принялся пожирать трупы своих родичей. Тем, чья спячка продлилась еще несколько десятилетий, но не привела к смерти. Были и такие, не раскрывшие двери бункеров вместе со всеми, потому что сон не отпустил их в назначенное время.

Верховный анамибс — не точное название, он не был владыкой, правителем, он лишь жил над всеми, наблюдая за племенем сверху. Его предкам повезло. Еще когда беда только готовилась разразиться, группа созерцателей встревожилась. Другие посчитали их тревогу беспричинной, но они все же собрались вместе и вместе наблюдали туман. У анамибсов бытовало мнение, что наблюдение за любым природным явлением, в принципе, может дать знание о любых других природных явлениях, даже неизвестных созерцателю вовсе. Не знаю, правда или нет, где-то это походит на учение Дсебы, а его практическая сторона уже не раз выручала меня на жизненном пути. И уж точно это напоминало учение Армир о миражах. Все в мире связано между собой, связано с прошлым и будущим, и, наверное, достаточно любого хвостика, чтобы, потянув за него, вытащить знание. Не обязательно наблюдать туман — Дсеба учил, что

лучше всего — созерцать себя внутри и слушать эхо. Не обязательно ждать мираж — Армир учила, что миражи есть везде.

Как бы там ни было, они встревожились и попытались найти решение, как избежать угрозы. Туман подсказал им переселиться в полузабытую долину, давным-давно образованную звездой, упавшей в недоступных горах. Во времена падения звезды анамибсы еще сохранили любопытство и летали на пузырьчатых посмотреть: в огромной котловине краснела и кипела лава, а в центре ее возвышалась гора из свежезастывшего камня, выброшенного ударом. От удара, вокруг раскаленной ямы, и без того окруженной горами, вздыбились отвесные стены. С той поры прошло очень много лет, конечно же, котловина остыла, превратилась в круглую долину с высоким холмом в центре. Ту самую, в которую попал я, спасаясь от атаки в небесах.

Все, кто согласился с созерцателями, покинули старые места обитания и, собрав провизию и семена самых важных растений, попросили пузырьчатых перевезти их через горы. Едва успели долететь, как началось падение звезд. Почему-то звезды падали почти исключительно в населенные районы, и не задели маленькой незаметной горной долины. Возможно, потому, что она была слишком маленькой, и горы отделяли ее от всего, что взрывалось в стороне.

Серая и рыжая пыль поднялась над Жемчужиной так высоко, что небо пропало. Стало холодно, но теплые подземные воды не дали снегу окончательно поглотить долину. Переселенцы кое-как построили убежища, подготовили тела к затяжному ожиданию и впали в спячку. А когда вышли из нее, старые припасы позволили им продержаться до потепления.

Во всей земле за пределами долины, там, где раньше жили и плодились анамибсы и множество других существ, после девятилетий снега начался дождь. Он шел и шел, смывая и затапливая целые страны. Он убил снега. Он убил все, что еще могло бы подняться из-под них.

Но в долине дождь не шел, потому что дождевые тучи не способны подняться так высоко, чтобы перевалить через горы. Солнце освещало благодатный край, посаженные плодовые деревья выросли, молодняк резвился в прохладных речках и теплых озерах.

В это время на всю Жемчужину с небес посыпалась живая пыль. Она прорастала, укоренялась и захватывала опустевшие земли новыми видами растений. Так появились клеприк и иглистый шиннар, огромные ползучие цветы плетенны и яркие стрелы зайлиса, раскрывающего огромные зонтики для защиты своих побегов от палящего солнца в период зноя.

Вслед за растениями пришли животные. Они прилетали на горячих камнях. Камни раскалывались, и выпускали живность тучами. Так же населялась и вода. Тогда в моря пришли лобастые акулы и придонные огоньки, тогда же появились мохнатые и рогатые, кормящие молоком, а также летающие, одетые в перо. Они быстро захватили новый мир, и лишь некоторые прежние рода смогли вернуться из семян и яиц, из спор и корней, чтобы воспротивиться и отбить себе место под старым солнцем.

«Я говорю тебе, что я видел это, что видели мои предки. А затем горящие камни привезли существ: маленьких, крепких и двуногих, бесхвостых, прыгучих как бурки, — голос мертвого анамибса зазвучал снова, туман сгустился. — Они расселились везде, вырубил леса, выросшие из звездной пыли, построили так много домов, что если сосчитать их, не хватит бусин во всех счетных цепочках моего народа. Одни огненные камни садились, другие улетали обратно на небо. Жизнь моя длиннее многих их жизней, я видел, как росли и множились селения, как все реже падали огненные камни, а затем и перестали вовсе. Как поколение за поколением существа, на позднем языке которых я говорю с тобой, становились выше ростом, тоньше в кости и слабее, мягче в мышцах, как постепенно они забывали то, что знали раньше. Я рассказывал их потомкам о том, что забыли предки, я стал для них хранителем мудрости и знаний, но, на самом деле, я ждал.

Я говорю тебе, что я ждал, и я дождался, когда они начали убивать друг друга. Тучи неживых мух, дымных камней и летающих бревен поднялись в воздух; броненосцы, не содержащие в себе настоящего разума, двигались по земле, ломая деревья и постройки, извергая из себя огонь и грохот. Мир снова заволокло пылью, как в те времена, когда вымирал мой народ. Но теперь огненные камни не падали с неба. Огромные сверкающие и клубящиеся деревья, семена которых привезли с собой эти существа, вырастали из земли так быстро и так высоко, что сокрушали все вокруг. Их сияние было ядовитым, их дыхание — смертельным, и, мгновенно вырастая, они созревали и распадалась на облака. То, что не сожгли эти деревья, бывало сметено ураганом, рождавшимся от их роста. То, что не сметал ураган, погибало, попадая под отравленные облака. Пыль поднялась и затмила солнце, и снова поля покрылись белым и холодным камнем воды.

Я думал, существа не переживут катастрофы, как не пережил ее мой народ. Но было ошибочно думать так, ибо менее страшной оказалась новая катастрофа. Короткие жизни, быстрые матери — обильное семя разрастается скоро, если дать ему вдоволь солнца и воды, если дать ему плодородную землю. Когда разошлись тучи, пролились дожди и поднялись

новые леса, существа вылезли из нор и щелей, в которых прятались, спустились с гор и вышли из пещер, приплыли с островов, на которые не падали дымные камни, до которых не долетали бревна, несущие семена быстрых и губительных небесных деревьев.

Я говорю на языке этих существ, потому что моего языка уже никому не понять. Я говорю для того, чтобы течение тумана подсказало тебе решение, как дало мне этот путь. Я говорю с тобой потому, что ты пришел сюда, чтобы услышать меня. Камень памяти и туман показали тебе то, что было. Я рассказал тебе об этом. Не ищи тщетного ответа на свой вопрос — это не тот вопрос, ответ на который дан. Когда наступит время решения, оно придет само, потому что теперь у него есть корни. Дай созреть листу.»

Туман распался и исчез, будто его не было. Верховный анамибс больше не разговаривал со мной. Зал выглядел таким же пустым, но еще более тусклым и унылым, чем когда я вошел сюда. Вероятно, даже пустота иногда способна опустеть еще больше.

Но... Я же вошел в конце солнцезапада! А сейчас слабый свет пробивается снаружи...

Провел здесь всю темную треть дня? Допустим.

Ведь он о многом рассказал, и происходило это не во сне, а наяву, время текло обычным образом.

Выходит, раньше озера были теплыми? Сейчас они мало отличаются от питающих их ледяных рек. Долина остывает?

И о чем он говорил в конце, какое решение?

А что это за технология тумана, позволявшая анамибсам просчитывать возможные ходы и выбирать наиболее верный? Она утеряна безвозвратно...

Сколько всего утеряно, уничтожено, разрушено людьми! Они пришли в этот процветающий мир, убив почти все живое только ради того, чтобы им было удобнее. Они могли договориться: миролюбивые анамибсы с радостью приняли бы маленьких гостей, поделились бы с ними плодами, выделили бы место для жизни, потеснились бы, если бы этого места не хватило. Но люди даже не думали договариваться. Даже не думали! Они пришли и взорвали почву. Убрали чужое, не разбирая, полезное оно или вредное, насадили свое. Не глядя.

Это не просто чудовищно, это чудовищно глупо даже по отношению к собственному роду! Как они могли быть настолько заносчивыми? Какая сила помутила их разум? Само ощущение силы, стоявшей за ними? Все эти «огненные камни», «небесные деревья», «неживые мухи» и «броненосцы»,

направленные сначала на мир анамибсов, а потом и друг на друга...

О, какая типичная картина — трудно не опознать людей. Они стремятся отнять, переделать по-своему, подчинить все себе. «Правильно» — это когда так, как они хотят, а кто не согласен — будет изгнан или умерщвлен. Они идут друг на друга, тридевятилетие за тридевятилетием идут друг на друга: брат на брата, отец на сына, только для того, чтобы утвердить свою гордыню, набить себе живот, развлечь свой скучающий убогий разум, не способный найти иной пищи, кроме как сражение с себе подобным.

Они...

В глубоком душевном изнеможении я присел на камень и заметил, что думаю о людях «они», но ведь и сам — человек. И я — не таков. Да и мир мой — не таков, больших войн не было уже давно. Значит, не все люди — зло, и не нужно огульно обобщать. Обобщать...

«Бросавших атомные бомбы на города...»

Чьи это слова?!

«Отправлявших еретиков на костры, выжигавших напалмом деревни, истреблявших миллионы людей в газовых печах, сгонявших коренных жителей в резервации...»

Кто это?! Опять он?! Но он говорит моим голосом!

«Это происходило не только на Марсе, это происходило и на Земле, а до того, конечно, во многих мирах, о которых мы и понятия не имеем».

Это мой голос, но не я произношу это!

«Кто ты?!» — я вскочил, оглядываясь, и закричал во всю силу.

Звук гулко ударился о стены пещерного зала анамибсов и ответил мне коротким эхом: «Ты... Ты... Ты...»

«Что тебе нужно от меня?!» — этот вопрос я задал уже мысленно и постарался успокоиться, вывел волнение за пределы сознания и настроился на плавные колебания воображаемой морской поверхности.

«Ты же знаешь. Мне нужно, чтобы ты вернулся. Канал открыт, но мы разорваны. Может, я чего не понимаю, но это опасное положение... — голос отдалился, на некоторое время пропал, потом снова стал слышим. — Ты должен знать лучше меня. Ритуал. Канал. Лиен. Вспоминай уже! Сколько можно?»

«Какой ритуал, какой канал, опиши», — ответил я ему мысленно. Все-таки это Пол, хотя и моим голосом.

«Я не знаю. Ты нашел Лиен. Это женщина: высокая, стройная, темноглазая, на голове нет волос. Вы решили провести ритуал. Какой-то древний ритуал.»

«Я знаю Лиен. Я нашел ее и тут же потерял. Это Нарт. Жрицы поменяли имя... — я решил сократить, вдруг он опять пропадет. — Но она не безволосая.»

«Не важно. Найди ее снова! Запомни. Остров. Плавающий остров. Хозяева островов. Под ними — подводный дом. Лодка под водой. Всплывает к поверхности. Твое укрытие в холме. С него к морю ход с...»

«Ты говорил уже, Пол. Еще вспоминай».

«Если ты не знаешь, то она должна знать ритуал. Открыть канал. Древняя машина, возможно... Она жрица? Небось, рылась в своих храмах, я не знаю... Поговори с ней! И еще. Если она не помнит — может не поверить тебе. Вдруг, испугается. Решит, что это не ты. Подумай, говорить ли о нас. Пусть она снова попробует открыть канал. Вы должны вернуться, нужно соединить, как было... Скажи ей имя: Катя».

И все.

Снова одно и то же, но теперь еще какой-то Катя.

Или какая-то. У них все наоборот... Наверное, это женщина. Связанная с Лиен? Возможно. Кажется, он уже упоминал ее. Или нет... Он упоминал... Жанну?

Меня пронзило почти истершееся воспоминание о сне в храме Синееокого, где мы с маленькой рыжеволосой дикаркой были вместе, где я нарушил свой обет безбрачия. Я застонал и выдернул занозу острой боли, занозу тяги к этой женщине, и спрятал ее так глубоко, как смог, обернув мягким убеждением, что еще вернусь к ней.

Но ведь было что-то другое, кроме нашей близости... В том сне я что-то вспомнил... Что-то очень важное обо мне с Полем, о Жанне, о нас всех...

«Нас всех»?!

Я сидел на теплом черном камне анамибсов, обхватив голову руками.

Слова из пророчества Харрис, матери Алар, бабки Лиен, пришли ко мне на ум, и меня озарило:

«Двое из пяти в одном... Двое из пяти... Я и Пол. А еще Лиен, Жанна... И Катя?»

Катя... Надо запомнить и, действительно, попробовать, когда увижу...

Я чуть не взвыл от разрыва планов с реальностью. Когда увижу Лиен?!

Едва успел поймать всплеск эмоций и закрутить их в узел, чтобы распускать потихоньку... Справился.

Слез с камня, полный новой решимости.

Нужно выбираться отсюда.

Выбраться из долины анамибсов можно одним из трех путей: по воздуху, по земле, под землей. И ни один из них не был для меня доступен: я не обладал летательным аппаратом; я не мог преодолеть горы; я не знал, есть ли путь под землей, и, даже если он существует, например, прорыт водою, удастся ли мне пройти по нему, не погибнув, и подняться на поверхность?

История, поведенная черным камнем, подсказала ответ. Пузырчатые — огромные колонии, наполненные легким газом. Когда-то они принесли сюда анамибсов, а ведь те были гигантами. И сам верховный анамибс — похоже, последний, кто оставался в живых — летал обратно с помощью тех же пузырьчатых.

Наверное, они вымерли вместе, теперь их не найти, но для настоящего ученого не обязательна точность подобия: достаточно лишь указать на него... И я задумал сделать свой собственный летающий пузырь. Две главные проблемы: оболочка и газ. Оболочку я мог сделать из чего-то растительного: нужно легкое, прочное и большое полотно. Можно соединить между собой несколько кусков, а газу закрыть выход тонким слоем смолы. Я надеялся найти это «что-то», пошастав по долине и хорошенько подумав.

Но где взять газ?

Я знал, что со дна болот, а также из озерного ила поднимаются пузырьки. Они пахнут, их можно поджечь — значит, это не воздух. Но достаточно ли они легки? И, главное, здесь же нет болот...

На решение меня навел огонь.

Скитаясь по зарослям в поисках сколько-нибудь пригодного материала для изготовления пузыря, я питался дикими плодами, орехами, молодыми побегами и цветами известных мне растений. Однако, однообразие приедается, кроме того, я ведь не анамибс, и мне страшно хотелось мяса. Огромные коруки — двенадцатилапые жуки, водившиеся на второй сверху террасе — разъелись на местных улитках до очень аппетитных размеров. Если мурикси питаются коруками, чем же я хуже? Его можно запечь прямо в панцире, а лапки пожарить отдельно...

Так я впервые задумался об огне.

Надеяться на небесную молнию в этих местах приходилось едва ли. Невидимые же молнии моего разума сами по себе не были способны

подпалить сухие листья или траву.

Я спустился к ближайшей речке и подобрал более-менее подходящие куски пестрого крепкого камня, расколол их ударами друг о друга, подсушил и высек искру. Удовлетворенно крикнув, вернулся к своим планам: наломал старой травы, поднялся к корукам и развел костер. Дальше дело было за малым, то есть за самим жуком. Поймать его нетрудно — целиком полагаясь на твердый панцирь, он прячется, вжимаясь в землю, и ждет, когда опасность минует.

В моем случае эта его тактика показала себя неверной: очень скоро целых три корука жарились на огне, издавая в меру аппетитный аромат. Где-то, кажется, что-то подгорало... Но жуков кругом было много, так что я мог позволить себе поэкспериментировать.

Вкуснее всего оказалось мясо из основания лап. Вытянутое из панциря, нежно-белое, волокнистое, оно пахло восхитительно и просто-таки таяло во рту.

Скоро, сытый и довольный, я подкидывал в огонь ломкие ветви чечевичника и запивал обед сладким соком шерстянки, собранным в скрученный лист с ближайших кустов. Пустой листок также бросил в огонь, горячий воздух подхватил его и понес вверх...

И тут меня осенило.

Конечно! Горячий воздух! Вот что поднимет пузырь.

Не нужно слишком заботиться непроницаемостью швов, чтобы легкий газ не убежал — воздух будет вокруг, никуда он не денется, нужно только постоянно подогревать его!

И начались дни испытаний.

Вторая терраса неплохо подходила, поскольку на ней остались не заросшие деревьями участки, и я решил разместиться там.

Для первых проб избрал пустую оболочку таровницы. Перед выбросом спор этот гигантский гриб надувается и лопаются, оставляя тонкую, но довольно прочную пурпурную кожицу — прекрасный подручный материал, обильно произрастающий на той же террасе — отличный выбор, чтобы не ходить далеко. Собрав наиболее крупные экземпляры и склеив их между собой подсушенным соком шерстянки, я получил что-то вроде кособокого шара размером в два обхвата и с дыркой снизу, оставленной мною специально для доступа нагретого воздуха.

Эта попытка ободрила меня: наполнившись дымом, самодельный пузырь взлетел на три моих роста, перевернулся дырой кверху и упал в стороне от костра, отнесенный туда едва заметным ветерком.

Нужно утяжелить низ, чтобы шар не переворачивался, тогда горячий

воздух не покинет его, и он сможет подняться выше. Чтобы добиться этой цели, я прикрепил к краю отверстия три обрывка лианы, обвязав ими небольшой камень. Конструкция становилась сложнее, еще немного, и ее можно будет назвать словом «машина».

Теперь мой пузырь взлетал медленнее, но зато не перевернулся. На высоте примерно в пять моих ростов он перестал подниматься и, покачиваясь, отправился в самостоятельное путешествие, влекомый все тем же легким ветерком. Я погнался за ним, не забывая поглядывать под ноги, благо, скорость движения шара не превышала скорости быстрого шага.

Наконец, он упал, нет, плавно снизился, опустив каменное грузило прямо мне в руки.

Это была еще не победа, но уже, определенно, успех.

В ту тьму я долго не мог уснуть, бредя скорым освобождением. Выдумывал различные конструкции и приспособления, способные помочь мне при создании более внушительного аппарата.

До конца солнцероста я собирал шкурки лопнувших таровниц и даже взрезал почти созревшие, весь оказываясь облепленным спорами, но зато получая кусок легкой и прочной кожицы. Почти до солнцезапада я склеивал лоскуты в большой шар заранее сгущенным соком шерстянки. Разумеется, оказалось, что такому большому шару нужен жесткий каркас. Требовалось хоть как-то укрепить его, чтобы придать форму, иначе клеить не получалось.

Пришлось спуститься на террасу ниже за упругими и прочными лианами, а внутри пузыря соорудить опоры из нескольких перекрещенных стеблей сезонной травы — я опознал ее в зарослях вдоль озера. Точно такую же центростанники используют для своих шестов; она полая, прочная и жесткая. Лучше сушить зеленую, но я спешил закончить до тьмы, поэтому выкорчевывал сухостой.

Кое-как управившись прежде, чем гладкая щека солнца коснулась рваного края горной цепи, я подкинул топлива в костер и передвинул шест, на который опирался мой новый шар, таким образом, чтобы дым попадал вовнутрь. К этому шару был привязан камень повесомее, да еще и прикреплен длинная лоза, чтобы мне не пришлось за ним бегать.

Пузырь рвался из рук, но я удерживал его, давая воздуху нагреться посильнее.

И тогда он вспыхнул и опал в один момент.

Как я ни старался быть осторожным, искра все-таки поднялась от костра и воспламенила пересушенную кожицу таровницы.

Остался от моего шара только каркас. Что ж, уже неплохо.

Переночевав и отправившись на новый сбор грибов, я понял, что в ближних окрестностях зрелых таровниц не осталось. Обойдя значительную часть второй террасы, удалось насобирать на этот опыт, и, возможно, хватило бы еще на такой же, но дальше нужно подумать о новом материале для оболочки.

Этот шар я собрал, как и предыдущий, но прежде, чем поднимать над костром, слегка смочил его поверхность водой. Костер тоже сделал безопаснее — нынешний больше напоминал тлеющую грудку углей.

Предосторожности помогли: пузырь величаво всплыл на ту высоту, которую я ему позволил лианой, и при этом ощутимо потянул мою руку вверх. Однако утащить меня за собой он не смог. Прикинув размер привязанного камня и силу, с которой я сдерживал оставшееся рвение летающего шара, мне удалось примерно оценить предел поднимаемого им веса. Я уже догадался, что чем больше нагретого воздуха — тем больше груза и тем выше способен взять аппарат. Так же я догадался, что чем горячее воздух, тем сильнее он стремится вверх, но тем реальнее опасность воспламенения оболочки.

Получалось, для того, чтобы поднять себя, мне следовало построить... О-го-го какую махину... А ведь нужно еще как-то подогреть воздух во время полета, иначе далеко не улететь и высоко не подняться. Значит, еще и вес топлива...

Плюс, новая возможная проблема встревожила меня. На какой высоте воздух заканчивается и начинается океан пустоты? По опыту жизни в горах, я знал, что чем дальше поднимаешься, тем труднее дышать. Не погибну ли я от удушья, не принесет ли ветер на равнину мой хладный труп?

И будет ли так же работать шар на большой высоте? Не перестанет ли он поднимать меня, перетащит ли через горы? Ведь я знаю, пузыри в воде, маленькие у самого дна, к поверхности вырастают. А мой пузырь не сможет вырасти, я могу только попытаться нагреть его сильнее... Кстати, чем ближе к океану пустоты — тем воздух холодней. Да и горит ли там топливо?

Многие вопросы не находили ответа в моих, как выяснилось, скудных познаниях.

Однако не оставаться же в долине анамибсов навсегда? Не повторять же судьбу ее древних жителей? Я должен найти Лиен... Найти Нарт... И не просто должен — я хочу этого!

Значит, нужно придумать новый материал для оболочки, материал

достаточно легкий, тонкий и прочный, и, притом, распространенный... Я должен найти, чем скрепить его, из чего сделать каркас, и собрать достаточно горючего — как можно менее тяжелого, не занимающего много места и хорошо поддерживающего чистый огонь, без искр — чтобы подогревать воздух в пузыре. Заодно неплохо бы придумать, как сделать так, чтобы воздух остывал помедленнее...

Много задач сразу для одного человека, даже пузырчатых живьем в небе не выдавшего ни разу — показанные черным камнем не в счет. К тому же, с ними анамибсы как-то договаривались, верховный обронил: «попросили перевезти» — не думаю, что это только фигура речи. А у нас на двоих с шаром разумным буду только я один. И управлять полетом не умеем мы оба.

С такими мыслями я начал строить свой главный шар.

Сначала подобрал материал для оболочки. Животных с тонкой шкурой или с подходящими кишками в долине анамибсов не водилось. Грибы таровницы я уже почти все перевел, да и не казалась мне их кожица достаточно надежной для большого пузыря. Упругие листья водоносного дерева производили впечатление прочных, но они слишком тяжелы и узки, кроме того, высохнув, теряют эластичность и станут хрупкими.

Серпариды почти не имели кожуры, и, хотя были весьма многочисленны, казались совершенно бесполезными, пока я не сообразил, как могу использовать их слизь. Ведь затвердев, она не только становилась перламутровой, но и обретала неплохую прочность при очень небольшой толщине, и, что важно, не пропускает воздух. Если обмазать лист любого растения с обеих сторон, он внутри довольно долго не высохнет и сохранит свои свойства. Кроме того, эмаль не была горючей.

Шаг за шагом продвигался я к решению каждой задачи.

Бродил по лесам и кустам террас, облазил низовые джунгли, развесистые камыши и остролистные, высокие заросли сезонной травы, даже нырял в поисках водорослей, которых, конечно, практически не было в холодной воде. Обрывал листья и цветы, обламывал ветви, сдирал кору — исследовал все, что хоть как-то казалось подходящим.

Но чем дольше искал, тем сильнее крепла уверенность, что придется вернуться к варианту, на который наткнулся в первые же дни и отложил как запасной — магона, лиана с узловатым, шипастым стеблем и широкими, тонкими листьями, которые она раскладывает по верхушкам деревьев, едва выберется на солнце из подлеска.

Я научился расслаивать листья магоны на две полосы и выскребать

изнутри влажную мякоть. На обратной стороне получался как бы пушок, а спереди — жесткая, но гибкая поверхность. Для пробы промазав обе стороны слизью и растянув лист между палками, я получил прочную, звенящую, как барабан шкуру. Она потеряла былую гибкость, но упруго пружинила и выдерживала довольно сильные броски камнем.

Мне очень не хотелось возиться с этой лианой: за ней приходилось лезть в самую верхнюю часть крон, где ветки тонкие, хотя и переплетены густо. Куча колючек, не только от стебля самой магоны, но и от прочих растений, отнюдь не облегчала сей труд — а ведь собранные и выпутанные из чужих веток листья нужно было еще стаскивать вниз...

Однако, увы, другого приемлемого варианта не нашлось. И я постепенно приспособился. Для подрезания и разделения листьев завел несколько острых каменных осколков, другие такие же использовал в качестве скребков. Научился лазать на деревья, наверное, не хуже, чем самый-самый дикий первобытный человек. Приспособился накручивать лист лианы на палку, и уже в таком виде протаскивать вниз среди мешающихся ветвей и колючих лоз. Чтобы не носиться туда-сюда как безумный бурки, делал промежуточные склады, а потом уже скопом перетаскивал добычу к земле и в лагерь. Дальше оставалось лишь достать прикопанный во влажной земле запас зеркальной слизи и приступить к сборке шара.

Но это было уже позже.

Прежде, чем начать такие серьезные заготовки лиан, я попробовал разные виды топлива. Остановился на древесном угле, полученном в яме без доступа воздуха, смешанном со смолой ракоста. Из этого материала я наделал палочек — получил грязные, липкие, но эффективные горючие стержни, хотя и неизмеримо уступающие, конечно, настоящим топливным стержням — сложным устройствам, производимым древними машинами по неизвестной нам технологии. Неизвестной, но работающей по сей день.

Обмотал свои горючие палочки листьями дольника, дал подсохнуть — уже и не пачкаются, и не липнут.

Для пробы собрал маленький пузырь. Вместо камня сплел небольшую корзинку из травы, насыпал в нее песку, поставил и поджег горючую палочку. Уселся ждать.

Ждать пришлось недолго. Шар вяло взлетел, снялся с кола, удерживавшего его вертикально, и пошел в небо, постепенно набирая высоту. Я следил за ним, пока он не скрылся из вида. Вроде, к концу его подъем замедлился... Но могло и показаться. В любом случае, никто не

мешает зажечь две палочки.

Воодушевленный опытом с горючим, решив важнейший вопрос с материалом для оболочки, я приступил к самому пузырю. Собрал верхнюю часть каркаса из трубок сезонной травы и лиан. Затем постепенно обтянул их листьями магоны, промазанными зеркальной слизью серпарид. Выяснилось, что она обладает неплохими клеящими свойствами, и я отказался от смолы, что упростило, облегчило и, конечно, обезопасило от пожара мой аппарат.

Слизь ленточных серпарид я добывал как и наши ремесленники: соскребал с ленты в какую-нибудь плоску. В моем случае это была корзина с выстланным дном и стенками. Но слизи мне требовалось много. Бегать, собирать, размазывать по расстеленному листу, пока не засохла, а потом прикреплять этот лист к каркасу, оказалось делом мучительным. Корзинки хватало на пару листов. Поэтому я сделал себе другую емкость, похожую на заплечный короб. Внутренняя поверхность его была плотно обложена листьями и обмазана той же самой слизью. После просушки он оказался непроницаем даже для воды. Сверху я его накрывал плотной крышкой.

В таком коробе слизь долго не сохла, я обирал целую колонию ленточников, относил награбленную зеркальную слизь в лагерь, где строился мой шар, закапывал добычу в землю, чтобы не перегревалась, и ложился спать. На следующий день срезал свежую порцию магоны и приступал к закреплению оболочки, уже не отрываясь на беготню. Поход за эмалью получался тяжелым, но зато коробка хватало на девять, а то и больше, листьев, то есть на треть дня работы. Так и сложился мой график: день собираю слизь, солнцестояние следующего дня режу магону, солнцепад обклеиваю пузырь и, одновременно, слежу за приготовлением угля в яме.

Дальше я шел к другой колонии серпарид, потом — к третьей. На седьмой день можно было возвращаться к первой, она уже полностью восстанавливалась.

Дни чередовались днями, мой пузырь постепенно рос. Я поставил ему шест и подпорки, сделал растяжки. Затем удлинял шест, добавлял подпорки, удлинял и ставил новые растяжки... Хорошо, что в долине не обходилось без сильных ветров, иначе работа могла бы пойти насмарку.

И вот, наконец, настал момент, когда центральный столб больше не требовалось наращивать. Высоченный и широченный, как дом, огромный шар перламутра — маленькая копия нашей Жемчужины, был готов. И его построил я. Не верилось. Правда, это всего лишь пузырь... Но зато какой

красивый!

Долго я не мог отвести глаз от своего детища, осознав, что основная часть мороки позади. Осталось приделать специально обработанный огнеупорный хобот для подвода воздуха от многопалочной горелки, подцепить заранее сплетенную корзину, загрузить топливо, воду, запас еды, и в путь...

Прощай, долина и последняя страна анамибсов!

Прощай, верховный. Я не забуду сказанного и увиденного. Надеюсь, мне действительно удастся найти решение того главного вопроса, который никак не получается даже толком задать.

* * *

Земля лежала далеко под ногами.

С трудом перевалив через горы, истратив почти весь запас горючего, мой перламутровый пузырь медленно снижался над Иссекутской равниной. В том, что это именно она, у меня уже не было сомнений: характерный изгиб береговой линии, одинокая дымная гора справа...

Ну и закинул меня толкатель... Задворки исследованного мира.

Зато ветер держался сильным и устойчиво попутным — с таким за несколько дней можно добраться до границ Хампураны. Можно бы. Но этому «бы» сбыться не суждено — шар безнадежно терял высоту. Я решил, что чем гуще воздух, тем меньше потребуется топлива, поэтому не мешал ему снижаться, но когда до колышущихся головок трав оставалось три-четыре высоты аппарата, пришлось дать ему огня. Падение замедлилось, затем прекратилось, и вот мы уже чуть-чуть пошли вверх... И довольно.

Регулировать нагрев пузыря моими палочками оказалось удобно. Хотя бы пара штук горела постоянно, а я лишь заменял или добавлял их. Когда же требовалось ослабить жар, тушил лишние по одной, надевая сверху специально изготовленный глиняный колпачок. После этого колпачок легко снимался, и можно было снова поджигать.

За время полета я подумывал о возможном усовершенствовании своего рукотворного пузыря. Например, чтобы быстро снижаться, можно добавить что-то вроде окошка для стравливания воздуха из оболочки. А чтобы иметь возможность резко подняться, можно брать с собой лишний вес, скажем, корзины с песком, и сбрасывать их при надобности. Хотя, в моем случае, стоило бы взять побольше топлива. Ведь ни срочный подъем, ни срочный спуск мне выполнять не пришлось, а вот пролететь еще хотя бы полдня

пешего пути было бы совсем не лишним делом.

Ну, задним умом все сильны. Ведь я не знал, удастся ли вообще подняться над горами, даже с этим весом.

Подо мной, чуть впереди, бежала длинная тень от шара и корзины. Иногда врассыпную кидались дикие ксенги или какие-нибудь их родственники — я не знаток живности в этих краях, никогда не бывал здесь, а о самом существовании равнины узнал из обязательного урока о землях за тенью Башен. Как-то отлеглась в памяти и эта дымная гора, и линия берега, теперь уже оставленные позади... Уж не в том ли море, носящем, кажется, название Гелирпета, находится плавучий остров, столь искомый мною?

Куда направиться, когда верный пузырь, насколько сможет, приблизит меня к цивилизованным землям? Как найти Лиен?

Не стоит ли попытаться счастья и посетить запретные для мужчин берега Лальм? Ведь Армир была когда-то жрицей по имени Алар... Дсеба намекал, что Армир, возможно, вовсе не изгнана, а отправлена шпионить. Тогда Лиен, то есть Нарт, выбравшись из заварухи в храме Рыбака, подастся на Лальм. Если, конечно, она не знает кого-то еще, кто помогает жрицам на континенте. Но, мне кажется, все, что касается тайного, несла на своих плечах ее мать...

Да, вполне возможно, что Лиен отправилась на Лальм. И совершенно невероятно, что мне удастся найти ее там. И как получить от жриц информацию? Да они просто убьют меня, осмелюсь я ступить на их остров, Армир сама говорила — наверное, это будет осквернением их мужененавистнического культа...

Что же делать? Пытаться выдать себя за женщину? Я рассмеялся вслух. С моим-то тонким узором. Да и, вообще, кого я собираюсь обмануть? Тех, кто видят человека насквозь? Смогла бы разве жрица выдать себя за мужчину-святошу в храме Синеокого? Ой, как сомневаюсь...

Я так глубоко задумался, что едва не пропустил момент, когда настала пора поменять стержни. Шар резко снижался. Я сунул руку в короб, пошарил там, заглянул для верности — нет, больше не осталось, пусто... А веселый ветерок все так же гнал мою надувную Жемчужину над бескрайними степями Иссекуты. Все ближе и ближе земля...

Можно было бы попробовать отвязать корзину и уцепиться руками за лианы или выбросить остатки воды и провианта, чтобы уменьшить вес, но

вода и провиант в этих степях мне, безусловно,годились бы, а корзину я закрепил так основательно, что без металлического ножа едва ли смог бы быстро освободить ее.

Поэтому, не дожидаясь непредсказуемостей крушения, я, как смог, привязал продовольственные запасы и спрыгнул.

Шар потащило дальше. Без меня он взмыл в небо, однако я спокойно проследил за этим последним рывком, не ускоряя шага. Не далее чем в девяistine пешего пути он будет ждать меня, валяясь на боку, помятый, с опрокинутой корзиной.

Так и вышло. Не получая больше подпитки теплым воздухом, пузырь постепенно опускался, пока не цепанул корзиной за землю. Ветер проволока его еще несколько десятков шагов и бросил.

Там он и нашел свою могилу. Там же нашел его я.

Запасы не пострадали. Бурдюк с водой и короб с дробленым орехом даранника, сушеными ягодами дерева йови и вялеными ножками коруков — вполне прилично. Здесь, в отличие от гор, тепло даже ночью, так что никаких проблем, кроме дальности пути, не предвиделось.

И я пошел.

Поначалу, действительно, никаких проблем и не было. Ходить я умею быстро, идти могу долго. Постепенно расстояние между мною и холмами Хатибы, отделяющими Иссекутскую равнину от земель под тенью Башен, сокращалось. На третий день, ближе к концу солнцезапада, я присел отдохнуть: думал чуток поспать и продолжить путь ночью, как и поступал в предыдущие дни. Темная полоса над горизонтом вполне могла оказаться уже и холмами.

И тогда я вспомнил о миражах.

Ведь не зря же наставница учила меня? А что, если я сам, без ее помощи, смогу увидеть, где мне искать Лиен? Ведь этого искренне хочет все мое естество, оно формирует определенный рисунок, некий узор маленьких молний в моей голове — значит, созвучие должно прийти, отклик появится?

Я сел и попытался сосредоточиться. Отпустил себя, расслабил все мышцы, каждый нерв, а затем резко, хлопком, собрал. Я превратился, как и учила Армир — но, на этот раз, превратился в птицу. Подобно парящему, вглядывался в бескрайние просторы Жемчужины: в ее горы и равнины, реки и поля, города и деревни, корабли в морях. Особенно внимательно рассматривал многочисленные плавающие острова. Но нигде не видел ее,

дочь наставницы, девушку с двумя именами.

Зато я увидел остров Лальм. С этой высоты он казался крошечным, но мое зрение было остро как никогда. Я видел храмы, дороги и порт, вереницу служительниц Зеленой звезды, выстроившихся вдоль мола и, вероятно, исполнявших гимн своей богине. Видел пару самокатных повозок, сходных с нашими, видел, как идет мимо острова корабль под знаками Хампураны, и знал, что внимательные глаза следят с его мачт за всем, что попадает в область их жадного взора, и что другие глаза следят за кораблем с небес — стоит тому приблизиться к острову, еще даже не увидев его — быть беде, скорая смерть придет за ним.

Ничто не грозит берегам Лальм, пока работают древние машины, привезенные жрицами Весенницы с прежней, затонувшей, как говорят, родины. Даже святоши побаиваются их, потому и затеяли эту безумную авантюру с ударом по Зеленой звезде.

Интересно, они уже спустили Вестник с цепи? Корабли уже уничтожили чужую жизнь? Разрядили весь свой боезапас, теперь Жемчужина обречена?

Что-то подсказало мне: нет, нет, нет.

Это был не голос. Просто знание. Как звук от камня, достигшего дна колодца. Только не звук я чувствовал, а нечто другое, скорее, сродни осязанию.

Они не смогли. Что-то пошло не так.

Что?

Я много раз думал о том роковом дне, о дне своей неудачи. О том, как, пусть невольно, подвел Дсебу. Моя жертва не состоялась, я не достиг Вестника, не отгородил его машины от наших, оставил его доступным для приказов из Великой Башни.

Но как мне, вообще, удалось попасть в кабину древней летающей машины, легендарного толкателя? Почему она дала мне занять место наездника?

Наложение рук не помогло. Так же, как колонна в храме Синеокого, машина не послушалась меня. Однако потом открылась. Может быть, Дсебе удалось-таки прорваться к другой машине, отдающей команды? Может быть, это он открыл мне кабину? В его распоряжении было сильнейшее из доступных нам видов древнего оружия — боевой вирмана. Совсем не такой, как у Армир, нет. На боевых машинах наши предки летали, чтобы убивать друг друга.

Если Дсеба прорвался к управлению, он мог открыть доступ мне и закрыть доступ им. Вот что он мог сделать. Или просто открыть мне

кабину и усыпить управляющую машину. Остается лишь гадать.

Одно ясно без гаданий: его убили. Вырваться из сердца Великой башни после содеянного было бы невозможно даже на боевом вирмане — у святош есть такие же.

Что ж, если у него получилось выключить машину, значит, жертва его была принята предками и на небе появилась еще одна звезда.

Остров Лалъм отделился. Я больше не чувствовал себя птицей.

Небо обрушилось мне на лицо. Одновременно я рухнул на землю. Но успел понять, что птица эта не имела перьев и летала незаметно. Я был мурикси. Единственную мурикси, птицу-криворога, которую знал, звали Айбис, и она считалась сестрой моей ныне мертвой наставницы Армир. Что бы это ни означало.

А еще наставница говорила, что мурикси разумны.

И эта «птица» несла нас с Траной вдвоем. Не сказал бы, что мне показалось, будто ей было тяжело. Вот чья помощь не помешает. Лучше, чем парящий. Она неплохо видит днем, обладает ночным зрением, способна различать тепло, на ней можно летать... Эх.

Устав от миража сильнее чем от очередного дня, проведенного на ногах, я уснул, чтобы продолжить путь с восходом солнца. От более раннего пробуждения пришлось отказаться, иначе не успел бы восстановить силы.

Я спал без сновидений, но со смутной и парадоксальной надеждой на лучшее.

* * *

Указания Пола о месте, где можно найти Лиен, мягко говоря, не отличались точностью. Конечно, я знал о Хозяевах островов. Это колонии морских существ, что выращивают пищу в прозрачных панцирях, плавающих на поверхности воды. Панцири скрепляются один с другим упругими лентами — это позволяет им во время шторма держаться вместе. А сами Хозяева островов, единые с ними, могут управлять движением всей колонии, зацепиться за дно или отгонять хищников длинными ядовитыми нитями, стрекалами.

Даже салиматы побаивались приближаться к плавучим островам, чем нередко пользовалась рыба. Скопления рыб притягивали хищника, но, стоило появиться в воде его темной громаде, как косяки поднимались к

самым нитям или даже заходили в них — под надежную защиту. Правда, эта защита помогала только тем, кто выработал невосприимчивость к яду — Хозяева островов не особенно разбирались, кого жалить.

В общем, о плавучих островах я знал достаточно, но в землях под тенью Башен — не одно море, и в каждом из них водятся свои колонии. Не могу же я проверить их все.

И мне нужно где-то жить. Годы изгнания научили меня многому, и, в первую очередь, истине: лучше иметь свой дом. Надежный, никому не известный, удобный. С доступом к пище и воде. С возможностью, в случае чего, бежать незаметно. Убежище.

Когда мы в последний раз шли по коридору, Дсеба говорил о тайнике на восточном берегу Мессемского моря. Рядом с каким-то храмом... Нет, с руинами храма... Да! Храм Милостивого, посвященный яркой белой звезде... Впрочем, неважно. Нужен не сам храм, а нечто в стороне от него. Кажется, на юге. Найти плоскоголовый холм, на который ведет лестница. Дальше куда-то сунуть руку... Палку, да, сначала палку...

«Какой заботливый у меня был учитель...» — я хмыкнул от такой мысли. Вот уж чего, а заботливость в Дсебе не просыпалась никогда. И не могу сказать, что сильно переживал из-за его гибели. Он сделал из меня оружие. Гнал меня, как ксенги с завязанными глазами. Я благодарен, конечно, за все, чему обучен, но ведь не ради Ксенаты, а ради своих целей учитель наставлял меня.

Иное дело Армир. Хотя... Она тоже использовала меня, тоже принесла в жертву... Но она давала мне выбор. Я мог отказаться. И мне ее жаль. Она умерла с оружием в руках, хотя была всего лишь женщиной. Знаю, она оскорбилась бы этими словами. Но она, действительно, не была обучена сражаться. Она шла не погибать, а на встречу с жрецом, возможно, с предателем. И ее убили из-за угла.

Кроме того, она мать Нарт... Лиен... И я бы хотел, чтобы она была жива.

Но желаний, к сожалению, недостаточно. Не они меняют мир — мир меняют действия. А некоторые вещи нельзя изменить уже никак. Например, прошлое.

Хотя, в сказках... Владычица времени, говорят, способна на многое. Мол, робкие таинные, стекающие по ее спине и прячущиеся в складках одежды, могут воплотить дух умершего на краткое время и позволить говорить с ним. Или спросить дух из невоплощенного о грядущем... Но одно дело — поговорить, другое — изменить состоявшееся, сделать так, чтобы человек не умер. Это, думаю, неподъемно даже для Весенницы.

Лучше всего спросить у самой Лиен, ведь она дочь берегов Лальм. Но для этого надо ее сначала найти.

Бросив последнюю сухую ветку в костер, я улегся на свой новый плащ и задремал.

Уже второй девятень ехал я верхом вдоль берега моря Мессем, огибая его с севера. Ксенги всегда любили меня, а еще они любят орешки томлина. Ловкость конокрада — одна из важных способностей, необходимых беглецу. Ловкость вора вообще — вторая. Кроме немолодого, но крепкого панцирного скакуна с плащом в придачу я обзавелся коротким железным ножом, седельными сумками и даже огарком топливного стержня где-то в четверть длины, которым тут же зарядил выжигатель. Широкая плетеная шляпа, не слишком чуждая северо-восточному побережью, скрывала мой тонкий узор, да и отсутствие волос не бросалось случайным встречным в глаза.

В принципе, я мог бы странствовать и дальше, обрастая вещами и даже знакомствами. Я мог бы носить накладные волосы. Придумать себе новое имя. Обменивать краденое на честно нажитое, оказывать людям различные, в том числе, сомнительные услуги, или просто заняться ловлей водорослей... Да, пожалуй, я мог бы стать ловцом водорослей и дожить так до скончания века — своего или Жемчужины, смотря что произойдет раньше.

Но я нуждался в Лиен. Я испытывал незнакомое чувство, напоминающее неутолимый голод, заставляющее думать о ней и разгорающееся сильнее, когда ее образ становился ярче в памяти. Кроме того, Пол говорил о необходимости сказать ей о ритуале. И назвать имя: «Катя». Правда, я уже запутался в его указаниях. Что она должна сделать — вспомнить о чем-то или провести этот ритуал? Пола я не слышал давно, и переспросить не мог.

А еще у меня была промежуточная цель — тайник Дсебы. Долгая еда, хранившаяся в его стенах, имела немалую ценность, и, вполне возможно, найдется еще какая-нибудь пожива. Да и просто надежное убежище никому не помешает. Я бы даже прожил там несколько девятней, чтобы уложить мысли, продумать планы, посмотреть миражи...

С этими думами отошел ко сну, с ними же и проснулся.

Утро нанесло прохладу, как это бывает в здешних приморских краях, я слегка озяб.

Хлопком в ладоши подозвал пасшегося в окрестностях ксенги. У

панцирных скакунов прекрасный слух, да и голова у них варит, на мой взгляд, не хуже, чем у некоторых людей. И стреножить их на ночь, в отличие от валаборов, не надо — они прекрасно знают свое место и роль, и пожалеет хищник, решивший посягнуть на их территорию. Даже небольшая стая зауров трижды подумает, прежде чем напасть на ксенги. А ведь один заур без особого труда справится с невооруженным взрослым мужчиной...

Взобравшись в седло, я продолжил путь.

Побережье загибалось к югу, следовательно, место моего назначения уже не слишком далеко...

Миновали еще двенадцать дней, когда я, путешествуя вдоль восточного берега Мессем, достиг окраины южной пустыни. Она не столь сурова, как та, сыном которой я считаю, но живности и растительности в ней не много — в основном, мелкие ящерицы да насекомые.

Невысокие плоские холмы подступают здесь к самому морю, а между ними лежат высохшие глинистые просторы, местами оживляемые скудными кустиками пустынного с листьями в форме птичьей лапы, густо усыпанного несъедобными темно-фиолетовыми ягодами. Ягоды эти, покрытые словно бы длинными жесткими волосами, годятся человеку только в качестве рвотного. У пустынного длинные и упрямые корни, они проникают на большую глубину, поэтому иногда его можно встретить в таких местах, где ничто больше не растет.

Там, где близко к поверхности подступает грунтовая вода, появляются пятна травы-семихвостки или даже заросли мелса или крайницы — засухоустойчивых кустарников, живущих, обычно, в паре. Знающему человеку они укажут, что можно копать колодец, а то и намекнут на близость к открытому источнику — возможно, невдалеке бьет ключ или булькает скромный родничок.

Потрескавшаяся почва, высушенная до крепости камня, иногда сменяется «шелестящей пустыней» — словно бы тридцать женщин тридцать лет били посуду и топтали ее, раскидывая кругом — целые поля черепков, шуршащих и позвякивающих под когтями ксенги. И хотя люди, действительно, когда-то жили здесь, сомневаюсь, что их жены наколотили столько кувшинов и чаш.

А если наколотили, значит, забыли вынести осколки от беды за порог — и беда пришла. Страна ведь была обитаемой. Давно. Но не так давно, чтобы об этом не осталось памяти. Зброшенный храм Милостивого — не из самых древних. Да и попадавшие то там, то тут полуразрушенные

стены домов без крыш, протяженные каменные заборы, загоны для скота, межевые камни — надежные признаки некогда плодородной земли и богатых пастбищ. И не нашествия врагов убили эту землю. Ее убило солнце. Солнца стало слишком много, вода ушла, жители перебрались в другие края. Обычная история, многократно повторявшаяся в мире людей.

До руин храма Милостивого оставалось около трети пешего перехода, но не он был мне нужен. Подъезжал-то я как раз с той стороны, где находится тайник, о котором говорил Дсеба, так что имело смысл приступить к поискам.

Стараясь не отдаляться от моря, я объезжал холм за холмом, и еще до наступления тьмы обнаружил искомый. Выдала его старая каменная кладка изгороди у самого подножия — вероятно, здесь были подсобные помещения храма. Странно, что пустынный еще не добрался сюда. Заросли кустов окраинцы и мелса и длинный голубовато-зеленый язык травы указывали на родник с текущим от него ручейком.

Ксенги легко проломился сквозь запутанные ветви — так и есть, в борту холма вырублена лестниц, почти не заметная со стороны, если не приглядываться нарочно.

Оставив скакуна пастись, я поднялся по старым ступеням на вершину. Она оказалась ровной и совершенно пустой. Для тристинов, пожалуй, жарковато, но какие-нибудь колючки вполне могли бы укорениться... Ну, и где же «ноздреватый камень»? И камней-то, почитай, нету, как специально все убрали...

Но вот, едва ли не на самом краю площадки, я заметил округлый бульник, словно притащенный сюда из другого места. И цвета он был не ржавого, как весь этот холм, а светло-серого. И отверстия в нем, действительно, походили на ноздри. Оглядев его поближе, заметил я и что-то вроде норы, ведущей под основание камня. Только вот, незадача, палки-то никакой с собой не прихватил, забыл.

Не спускаться же? Взял в руку сандалию и просунул в дыру так глубоко, как получилось. Уперся в твердое. Пошевелил — ничего. Судя по разведке, никто там не прятался. Правда, некоторые насекомые, да и ядовитые ящерицы, настолько малы, что... Но и палка тогда не поможет.

Расслабившись, я поднял скорость реакции так высоко, как смог, и медленно ввел руку в нору. По плечо. Пошевелил пальцами, нащупал ручку, ухватился за нее, потянул на себя. Без заметного сопротивления она выдвинулась почти до самого наружного отверстия. Я огляделся. Никаких изменений на площадке не произошло. Сама ручка была сделана таким

образом, что внешне не казалась плодом человеческого труда — камень, закатившийся в щель.

Где-то здесь должна опускаться плита... И я принялся мерить шагами вершину холма. На мое счастье, она была не так уж и велика. Вскоре под ногой дрогнуло, и я, повинуясь инстинкту, отскочил назад. Но не опасность подстерегала меня, а напротив, радость, ведь я нашел вход в тайник Дсебы!

Внутренне ликуя, но не теряя бдительности, я спрыгнул вниз и дождался, пока плита остановится. Сойдя с нее, я, видимо, активировал возвратный механизм, и она поднялась, закрыв уже бледнеющее небо позднего солнцепада.

Темнота.

Но вот засветились оранжевые фонарики, размещенные по стенам на высоте моей груди, и я осмотрел помещение. Первым делом проверил стенные хранилища. Обычно в наших комнатах они располагаются между светильниками. Так было и здесь. Большинство оказались заполненными капсулами с долгой едой — специально обработанной смесью питательных веществ, совмещенной с напитком. Они замыкались без доступа воздуха и могли не одно десятилетие сохранять первоначальные свойства. Невкусно, но надежно.

В некоторых отделах лежали запасные фонарики. Один был заполнен топливными стержнями, я тут же дозарядил свой выжигатель и взял прозапас. В соседнем я обнаружил еще один выжигатель, его решил пока не брать, и двудевятку кольцевателей. Нож для разделения топливных стержней не нужен: они раскладываются на пластины произвольной толщины простым вращением, и так же могут собираться обратно.

Похоже, тут готовились серьезно.

Когда я добрался до дальнего угла, стена передо мной разошлась и глазам предстал ктар. От неожиданности я чуть не сел прямо на пол, но успел взять себя в руки. Нет, не самодвижущаяся повозка, следующая нити, так ошеломила меня — ктарами приходилось пользоваться и раньше. Но именно эту повозку я видел, когда разговаривал с Полом. Она должна привезти меня к морю. И если поплыть, можно без особого труда добраться до острова, под которым прячется Лиен. Как просто!

Слишком просто...

Нельзя доверять чрезмерной простоте, она может обернуться ловушкой или совпадением. Однако нельзя игнорировать простое решение, оно может оказаться всего лишь прекрасным простым решением. Так учил Дсеба и, думаю, Армир согласилась бы с ним.

Ктары обычно парные: одна едет вниз, другая — вверх. Скорее всего, я

смогу вернуться. Если погибну, мой ксенги не растеряется, он найдет дорогу к людям или останется свободным. Здесь лишь окраина пустыни, добежит до зелени — от островка травы к островку...

Заметив, что чувствую ответственность перед украденным верховым животным, я улыбнулся. Это моя слабость. Одна из многих, врожденных или приобретенных в результате опыта и размышлений: считать женщин — равными; беречь неразумных существ; относиться к вещам как к живым. Последнее, кстати, появилось не очень давно, и я не знаю, откуда. Не думаю, что оно рационально, в отличие от первых двух.

Итак, ктар...

Но с путешествием лучше обождать до восхода солнца.

Расположившись на теплом пористом камне, покрывающем пол моего нового убежища, я заснул.

Чтобы узнать, рассвело ли, мне не пришлось опускать входную плиту.

В тайнике обязательно есть способ подглядывать за тем, что происходит снаружи.

Он нашелся быстро, поблизости от ктар: вращающееся зеркало, позволяющее ловить отражения от смотровых окошек, скрытно проделанных в стенах холма.

Да, солнце встало.

И вот я уже лечу сквозь подземную тьму, обдуваемый встречным ветром, куда-то вниз, словно проваливаясь в яму. Ктар взяла разгон. Не более чем две девярых от девятины дня пути отделяют меня от остановки...

И где же это мы?

Взгляд обежал неглубокую пещеру, освещенную бликами. Слабый плеск гулко разносился по ней.

А выход-то, похоже, только под водой...

Ну, это ничего. Главное, запомнить место, когда вынырну. Чтобы вернуться.

Недолгое купание привело меня в крошечную бухточку, соединенную с морем узким и мелким проливом. Миновав его, я решительно погреб прочь от берега. Пол говорил, остров должен быть там. Правда, я не знал, насколько хорошо мой невидимый друг умеет плавать... Но едва ли лучше меня, хоть и родившегося в предгорьях, но зато потом несколько лет почти не вылезавшего из соленой воды.

Однако прошла первая девятина пути, вторая...

Я плыл размеренно, но быстро, иногда отдыхая. Солнце сверкало в воде и ярко пылало на небе. Подо мной проглядывались мели, обросшие длинными хвостами водорослей, и темнели глубокие впадины, дна которых не видно. Вероятность столкнуться с единственным реально опасным для человека хищником — салиматом — была не большой. Охотятся они ближе к концу солнцепада, так что я уверенно углублялся в море.

Пошла третья девятина...

Я основательно устал, мне хотелось пить. Никак не предполагал, что остров окажется настолько далеко. А вдруг я проплыл мимо? Обычно Хозяева островов сбиваются в огромные сверкающие колонии, их панцири блестят так ярко, что видны издалека...

Неужели ошибся?

Остерегаясь углубляться в море дальше, я повернул назад.

Измученный так, что не передать, выбрался на галечный берег уже при свете Вестника и долго лежал, глядя на матово поблескивающий окатанный камешек. Лежал, пока дрожь не пробила меня. Во время тьмы здесь бывает прохладно. Тем более, я смертельно устал.

Едва волоча ноги, вошел обратно в воду, потому что плыть легче, чем идти.

Поблизости от берега салиматов нет. Не должно быть.

Утешаясь этой мыслью, я добрался до своей маленькой лагуны, набрал побольше воздуха и из последних сил нырнул.

Выныривать пришлось на ощупь, освещения в гроте не оказалось. Но хорошо, хоть попал, не ударился головой о потолок и не пошел ко дну — на вторую попытку меня бы уже не хватило.

Шатаясь и чуть ли не на четвереньках, в полной темноте, я нащупал тележку, свалился в нее и запустил в обратный путь.

В убежище снял мокрую одежду, преодолевая слабость, отжал и развесил на светильниках. Пусть хоть немного стечет и подсохнет.

Сам хлебнул долгой еды и голышом повалился на пол, но тут же вспомнил, что в одном из стенных отсеков видел пейшинские покровы — тонкую однотонную ткань, весьма ценившуюся в Хампуране — легкую и отталкивающую воду. Считалось, немногочисленный народ Пейши прячет ее из паутины горных салангоа. Может, сказки, может, правда — эта тайна строго охранялась и за попытку раскрытия злодея отправляли на корм тем самым салангоа. А еще рассказывают, когда слишком долго не находится желающих проникнуть в секреты пейшинских покровов, местные охотники приносят в жертву рабов.

Одним словом, ткань качественная, чудовищно дорогая и, главное, теплая, несмотря на невесомость. Вот в нее-то я и завернулся, повалившись на пол во второй и окончательный раз. И тени жертв салангоа, как и сами эти гусеницы, не потревожили мой крепкий сон.

Очухался я лишь к середине светлого времени.

Снова хлебнул из капсулы с долгой едой, сгреб влажные тряпки в охапку и вытащил их на вершину холма, досушить. Жара там стояла такая, что даже в сандалиях из кожи ксенги находиться на площадке было затруднительно, и я спустился по лестнице, предварительно одевшись — ведь на мне высохнет не хуже, чем если развесить по кустам, еще пожалею, что так быстро...

И верно, старый метод сработал, уже к концу спуска мое платье покрылось разводами сухой соли. Пришлось снова снимать, полоскать его в роднике и опять сушить. За этими хозяйственными делами я немного забылся и ненадолго почувствовал себя обычным человеком — не Рожденным Пустыней, даже не учеником жрецов, а простым парнем из какой-нибудь прибрежной деревушки. И так не хотелось покидать этот образ...

Что ж. Раз острова нет, нужно тайно попасть на Лальм. Но как? Вплыв туда не доберешься. Чужие корабли в гавань не входят, да и вообще их не подпускают близко к берегу. И сам берег наверняка под постоянным наблюдением. А в небе... меня передернуло... не удивлюсь, если вместо парящих жрицам Владычицы времени служат мурикси. Разумные и опасные. Умеющие пользоваться выжигателем. Несколькими выжигателями одновременно.

Возможно, не случайность, что в мираже я видел остров глазами птицы-криворога.

Но если эти птицы разумны... Одна из них считалась сестрой Армир. Идея шальная, но что если найти Айбис? Вдруг она поможет мне отыскать Лиен?

* * *

Дважды девять дней я упорно искал ответ в миражах.

Ксенги пасса неподалеку. В перерывах, я навещал его — мы знатно скакали по пустыне и резвились в прибое. Каждый раз после такой

прогулки приходилось подолгу обтирать огромного скакуна водой из родника, нагревая мокрую тряпку, чтобы не застудить его. Но физические упражнения и скачка хорошо освежают рассудок.

А еще я, конечно, плавал сам. Не надеясь обнаружить остров. Просто потому, что люблю купаться.

Миражи приходили.

Армир была права. Миражи есть везде.

Возможно, я свихнулся бы, если бы продолжил.

Каких только видений — истинных или ложных — не показывало мне искривление воздуха или не выдумывали мои маленькие молнии в мозгу. Я видел рождение и смерть звезд, жизнь неизвестных существ в неведомых мирах, я был тлей и рыбой, охотился на прыгунцов, загонял лкумара в неведомой быстрой реке — что удивило меня, ведь известно, лкумар живет только в море. Я видел Пола и разговаривал с ним, но глядя как бы со стороны на свой голос, не был в силах влиять на произносимое. Что только не приключалось в видениях за эти дни... Одного я не смог добиться — найти Лиен.

Я понял тогда, что видеть миражи — лишь малая толика умения. Главная сложность — их контролировать. Если это вообще возможно. И я понял с новой силой, как легко потерять разум, прыгая из одной галлюцинации в другую.

Да, я не смог обнаружить Лиен. Но я попробовал все, что мог, и мне удалось выстоять.

Не видя иного способа, я покинул убежище и отправился странствовать. Предохранитель подъемной плиты так и остался не утопленным в отверстие под ноздреватым камнем — я привык уходить ненадолго, а поскольку ни единый человек не появлялся в округе за все время моего пребывания, то я и не трогал его, опасаясь, что в норе поселится какое-нибудь ядовитое насекомое. Когда же был под землей, дверь блокировалась изнутри. Так что, я просто забыл его задвинуть обратно, а когда вспомнил, возвращаться уже получилось далековато. И махнул рукой.

Немного изменив облик, я шатался повсюду, надеясь получить хоть какие-то сведения о жрицах Весенницы, нащупать путь на остров или, напротив, на континенте наткнуться на признаки, что где-то неподалеку живет отшельница или колдунья — ведь именно так дикие народы воспринимали бы дочь Армир, и именно так она, скорее всего, устроилась

бы жить, наученная примером матери, если бы не вернулась на Лальм.

В самом крайнем случае я был готов как-нибудь проникнуть на корабль жриц и объявить себя Рожденным Пустыней, к чему бы этот отчаянный поступок ни привел. Впрочем, у меня имелась вполне законная уверенность, что привел бы он к моей бессмысленной смерти или заточению.

На второй оборот природного колеса, проехав побережьем Мессемского моря и пройдя перевалами, я прибыл в Дарсум.

Вместо дома Зоакар теперь торговали томлином и прочими приправами. Дворец помещника вырос на еще один этаж, а по каменистым от природы улицам горделиво цокали ксенги. Город богател и расширялся, но мне нечего было в нем делать, кроме как переночевать и запастись провизией.

В первую треть следующего дня мой собственный ксенги, ставший уже почти братом, повез меня в плоские горы. Думаю, даже самый маститый конокрад не смог бы теперь сманить скакуна у меня — так крепко мы подружились. Не раз уже его панцирь, рога и острые, от природы снабженные костяными бритвами, лапы и хвост, спасали нас обоих от врагов — диких зверей и разумных, но жадных людишек. Ну, и мой выжигатель, конечно. Я следил, чтобы в нем не переводился заряд. Впрочем, огнелуч я старался демонстрировать как можно реже. Незачем привлекать внимание к собственной скромной персоне. Старался обходиться холодным и метательным оружием.

Не доезжая до Крепости Костей, я свернул по тропе, которой когда-то вели меня Трана и Нарт, и добрался до Красной поляны. Все так же чернело отверстие в скале, так же белела осыпь и пламенели в лучах заката стены обрыва и камень площадки под ними.

Грусть захлестнула меня.

Второй раз на этом месте. Как часто мы приходим туда, где бывали раньше, но не можем застать прошедшего, хотя сознание все еще цепляется за него, все еще ожидает увидеть за поворотом давно сгоревший дом, заметить в окне лицо умершего отца или, как я сейчас: оглянуться и увидеть Трану и Нарт — еще верного, казалось бы, Трану, и едва начавшую терять неуклюжесть, такую незнакомую, но уже волнующую меня, Нарт. Лиен. А ждала нас впереди таинственная владелица Нагорной, женщина по имени Армир, и мы должны были вот-вот прийти к ней...

Все сгорело.

Сгорело уже при первых шагах внутрь этой проклятой горы.

Нет больше Нагорной, нет больше Траны, погибла Армир, потерялась Нарт. Неизвестно куда делась разумная мурикси, ускользающий шанс встречи с которой — единственное, ради чего я пошел на это испытание, вернулся сюда.

И единственный путь, который мог привести меня в место, где когда-то стояли резные колонны и открывалась прозрачная дверь балкона — пещера. Судя по тому, что я видел в Нагорной, попасть туда можно было только по воздуху или из-под земли. Полагаю, Трана, хотя его сознание и было подавлено, вел меня правильно, ведь с неба за ним следила Айбис — мурикси, сестра Армир. Поэтому он привел к верному входу, планируя, когда мы окажемся за пределами зоны видимости птицы-криворога, свернуть не туда и привести меня к своим хозяевам — ужасным Иным, сургири. Этот план сорвали бандиты, нанятые помещником — после объяснения Дсебы картина из осколков наконец-то сложилась в целое. Сургири нашли их, перебили и увели нас. Мурикси выследила Иных в слабом месте маршрута — при переправе по воздуху с утеса на утес — вероятно, подземного пути под ущельем не было или наши враги торопились. Айбис унесла меня и тело Траны к Армир, а мы тут же бежали на вирмане, путая следы. Поместник, не дождавшись возвращения бандитов, уже не скрываясь, направил своих людей в Нагорную. Вероятно, он решил, что шпионка жриц перекупила или перебила наемников или каким-то иным образом причастна к похищению. Поместник не ошибся, хотя и исходил из неверных предпосылок.

Его люди разгромили бывший дом Армир и Нарт. Об этом мне рассказала сама Нарт — в пустыне, где она видела мираж. Они искали меня. Только после рассказа Дсебы это стало ясно. Не нашли, и в злобе покрушили все, что видели. Или, возможно, надеялись обнаружить скрытые ходы, потайные комнаты...

Попасть в Нагорную эти люди могли только через подземелье. Странно, что они обнаружили вход... Возможно, Нарт, когда бежала, оставила какие-то следы — все-таки она еще не вполне пришла в себя после попытки сургири подавить ее волю и подселить чужое сознание. Кстати, да, конечно... Люди помещника могли воспользоваться нюхачом. Ведь за ними стоял Дсеба — он сам или один из его преданных учеников могли даже лично возглавить экспедицию, чтобы не давать тонкий прибор в руки дикарям.

Наставник Дсеба, крушащий дом наставницы Армир... Повезло мне с учителями в таком случае. Но все могло быть и не так. Ведь Дсеба, судя по

известному мне, участвовал в том же заговоре, что и жрец Рыбака по имени Гарусса, на пути к которому мы попали в ловушку. По идее, цели у них совпадали — остановить святош, не дать открыть Вестник.

Никогда не был силен в политике. В кознях и интригах. В них друг подставляет друга, союзник предает союзника, стремясь, вроде бы, к тому же. В них люди меняют цели на ходу, потому что, как правило, не цели руководят ими, а личная жажда: власти, богатства, славы.

Как бы там ни было, единственное место, где я могу надеяться рано или поздно встретить Айбис — разрушенная Нагорная. Надо найти ее и оставаться там хотя бы девять дней. Мурикси может появиться. Она может ждать возвращения Армир. Она может не знать, что Армир погибла. И, в любом случае, другого шанса на встречу с Айбис у меня нет, а это последняя, хоть и тоненькая, нитка надежды найти Нарт, то есть Лиен — мурикси может знать, где она или хотя бы предположить, исходя из своих знаний, которыми я не обладаю.

Прохлада пещеры встретила меня тишиной.

Все было как и в прошлый раз, но только теперь меня не вел Трана, и сзади не шла Нарт.

Выкрутив фонарик на среднюю яркость, я снял выжигатель с предохранителя и оставил на бессрочном режиме — теперь он не заблокируется, пока сам не решу, и легкого движения пальцем будет достаточно для выпуска огнелуча. Впрочем, вероятность встречи с кем-либо я оценивал скептически. В самом деле, кому нужны эти забытые пещеры? Раньше здесь ждали Рожденного Пустыней. Дождались, потеряли. Теперь разве что кто-нибудь случайно забредет сюда раз в десятилетие, и очень возможно, что этот «кто-нибудь» сразу убежит, только заслышав мои шаги или увидев свет.

Вскоре я оказался в гроте с вырезанными чудовищами при входе. На стене — до сих пор следы от выжигателя Траны — думаю, они останутся еще надолго. Но куда дальше? И почему я решил, что этот маленький зал, «опочивальня Мерсерты», как его назвала Армир, по пути к Нагорной? Что если Трана, направляясь сюда, уже свернул?

Я присел на камень, чтобы подумать.

Нет... Все же, на пути. Бандиты ждали нас здесь, а ведь они не знали, что Трана — не Трана, то есть думали, что он ведет нас к хозяйке. Допустим, они не знали точно, где вход в Нагорную, но были уверены, что дорога проляжет здесь. Поэтому устроили засаду. Да, вполне.

И я двинулся дальше. Решил обходить лабиринт по одной из стен. Для

начала выбрал левую. Шел и вглядывался в камни, искал признаки скрытых ходов. Нюхача со мной не было, да он бы и не помог, слишком давние дела...

Следы как таковые в пещерах остаются редко. Но у меня была надежда обнаружить какую-нибудь зацепку, знак от последнего налета стражников на Нагорную, ведь они не скрывались ни по пути туда, ни, тем более, по пути назад. Также грела меня надежда, что они не удосужились закрыть за собой тайную дверь.

В пещерах под Нагорной я провел девятень или чуть больше. В темноте непросто следить за временем, да и не было у меня такой задачи. Судил приблизительно, по припасам. И по воде — за ней приходилось возвращаться на поверхность или к ближайшему подземному источнику. В мешке было еще порядочно провизии, когда я наткнулся на сапог. Нормальный, крепкий сапог из выделанной шкуры валабора. Недешевая вещь, между прочим. Что ему делать здесь?

Внимательно осмотрев стены, заметил скол. Похоже, кто-то ударил твердым предметом — окованной дубинкой или, может быть, даже клинком. Задрал голову, окинул взглядом своды и на высоте чуть выше своей головы обнаружил явный след выжигателя. Похоже, тут сражались. Кто и с кем? Сапог вполне мог принадлежать одному из наемников, перехвативших меня у Траны, а стреляли, конечно, сургири. Бандиты тогда ведь так и не вернулись. Любопытно, они тоже унесли трупы? Почему тогда оставили сапог?

Но это не те следы, что искал я. И не та задача, которую считал актуальной.

Под самым потолком пещеры, мне показалось, что-то темнеет. Скопление прозрачных горных кристаллов — они собираются острыми головками вовнутрь, как бы сворачиваются в шарик, и он может выглядеть темным на фоне серых или желтоватых стен. Особой ценности такие кристаллы не имеют, но камни все больше и больше притягивали меня после знакомства с Полом. Думаю, этот внезапно возникший и крепнувший интерес связан ним. А все, что связано с Полом, поможет мне скорее, чем навредит... Я протянул руку и потрогал темный узелок кристаллов. В нем что-то шевельнулось, сдвинутое моими пальцами, и упало в складку платья. Я решил, что один из сверкающих камешков выпал мне на счастье — есть такая примета. Но, порывшись в платье, достал отнюдь не кристалл. Это был шестигранник с несколькими зарешеченными отверстиями. Явно искусственного происхождения. Как эта штука попала

туда и, вообще, что это? Возможно, какая-то вещица древних, ведь кристаллический, свернутый вовнутрь, ежик на потолке образовался давно...

Я пошел дальше, а находку завернул в пояс, чтобы разобраться с нею потом, когда будет время. Этого «потом» ожидалось предостаточно, ведь я планировал задержаться в разрушенной Нагорной.

Однако, человек лишь предполагает будущее, а судьба располагает знанием. И судьба распорядилась иначе. Разбив свой нехитрый лагерь, я уснул, но проснулся уже совсем в другом месте. Голый и, конечно, без оружия.

Я лежал на гладком полу, с руками, прижатыми вдоль тела. Полукруглый потолок медленно поднимался, отъезжая от меня. Он был неярко освещен, но никаких рисунков или знаков на нем не наблюдалось.

Постепенно потолок остановился, а я — обрел способность двигаться, но не подавал виду. Уже стало ясно, что я угодил в ловушку. Возможно, связанную с подобранным предметом. Он имеет какую-то ценность? Что же, пусть заберут, меня ждут другие дела...

Но не похоже, что мои хозяева интересовались этой штучкой. Им был нужен я.

Жрецы? Нет, они просто убили бы.

Заговорщики, вроде моего учителя Дсебы? Едва ли. Они попытались бы допросить.

Может, это и есть допрос? Машина, подслушивающая беглый шепот маленьких молний моего мозга?

— Нет кажись. Ты есть нет спать. Встать. Идти сюда, — донеслось вдруг из-за моего затылка.

Судя по чудовищному произношению, человек, выдавший этот набор слов, практически не владел западным торговым. Причем акцент показался мне смутно-знакомым. Как если бы родным его языком был...

— Повторять. Нет кажись. Иначе наказывать. Встать. Идти сюда.

Да, очень похоже... Фейсейский... Или даже староферсейский...

Но у кого же в этих краях родной язык...

Я приподнялся и обернулся. В стене позади меня виднелся прямоугольный проход. Что же, я не в храме Звездного огня. Уже радуется.

— Выйти. Встать стена. Руки стена, — продолжал радовать меня знанием западного торгового загадочный голос. И я решил рискнуть:

— Кончай терзать мои уши, говори нормально, — это я произнес по-

староферсейски.

На той стороне, похоже, замялись. Когда голос зазвучал вновь, говорил он уже на том же языке, что и я, хотя и чуть коверкая слова:

— Пожалуйста, покинь отсек. Встань лицом к стене и обопрись о нее ладонями на расстоянии ширины плеч. Ноги расставь на ширину плеч. Не напрягай мышцы.

Стараясь не выдать удивления, я выполнил приказ. Какие-то маленькие механизмы, жужжа, облетели меня всего, словно осматривая. Могли уже девять раз осмотреть, пока я валялся...

— Пожалуйста, пройди по коридору налево и присядь. За тобой придут.

За коротким коридором с полукруглым потолком и абсолютно гладкими вертикальными стенами открывалась комната. Никаких занавесей или дверей. Никаких драпировок. Но стены на ощупь теплые. Свет исходит от потолка, явных источников не заметно.

Пройдя в комнату, я присел прямо на пол, поскольку мебели не было.

Ожидание получилось недолгим. Стена сбоку от меня разошлась, и появились два человека, одетые в странные облегающие платья — без подолов, обтягивающие ноги и руки. Дикари, живущие в холодных местах, вне тени Башен, сшивают полы юбок, а затем разрезают их по шву и получается, что ноги вдеты как бы в рукава — они это называют словом «штаны». Но у них ножные рукава болтаются свободно, а тут — словно бы облепляют тело... Словно скафандр?

Они были безволосыми, как и хампуранцы, но уже по обследовавшим меня маленьким машинам я понял, что имею дело с развитой культурой, возможно, равной нашей или даже превосходящей ее в чем-то. Однако на Жемчужине нет другой цивилизации, кроме...

Откровение прошибло меня, но я отвел резкие эмоции, чтобы решать проблему спокойно. Иные. Сургири. Вот, кто это. Изгнанные под землю в результате древней войны.

Первый из вошедших, по виду, старший, разглядывал меня с интересом. Второй — с плохо скрываемой враждебностью. Их лица ничем не отличались от людских. Разве что... Эти вытянутые подбородки... Длинные носы... Они больше походили на мужчин из рода жриц Весенницы, если бы у тех были мужчины, чем на хампуранцев. А вот глаза — серые. Странного, нереально-серого цвета... У наших такого не бывает, у жриц — не знаю, но те две, которых видел — черноглазы.

— Твое имя? — произнес первый на староферсейском. Мне показалось, что, все же, это не родной язык для него, но, очевидно, хорошо

знакомый.

— Ксената, — я не видел смысла скрываться. Напротив, если уж попал сюда, возможно, стоило бы дать им понять, кого они поймали. Если еще сами не догадались.

— Ты служитель культа звездных огней?

— Жрец Звездного огня? — поправил я. — Нет.

— Почему тогда это... — он нарисовал основные линии тонкого узора в воздухе перед моим лицом.

— Я изгнан из учеников храма.

— Зачем взял наблюдатель?

— Что? — я искренне удивился.

— Наблюдатель, — он пальцами показал небольшой размер предмета. — Из пещеры.

Так вот оно что... Их механизм для слежки за пещерой. Может, они даже забыли его там давным-давно, а я выдернул, да еще и завернул себе в пояс... Ну, спасибо, Пол, твоя любовь к кристаллам... Впрочем, буду справедливым, не Пол заставил, я сам взял... Пол-то как раз мог бы и догадаться, что это за штука.

— Я не знал, что это. Хотел потрогать кристаллы. Я... люблю камни. Он выпал. Ну, я решил взять с собой, разобраться, что за вещь такая. Раньше не встречал.

Оба сургири глянули на меня с недоверием. Тот, кто помоложе — еще и со злостью, но говорить он, похоже, не осмеливался.

— Зачем ходил по пещерам?

— Искал выход в Нагорную.

Сургири переглянулись.

— Что такое «Нагорная»?

— Гипсовые гроты, усыпальня анамибсов... — начал я было плести сказку, но на ходу передумал и решился окончательно говорить только правду. — Там жила женщина, которая меня спасла. Дом, прорезанный в горе. На вершине горы...

— Знаем дом, — остановил меня старший. Они опять переглянулись. — Кто ты?

— Ксената...

— Не имя, — он впервые за разговор усмехнулся. — Что ты?

— Почему вы спрашиваете? — осмелился я на контрвопрос.

Младший сделал шаг вперед, будто хотел ударить, но второй его остановил. А зря. Случилась бы у сургири большая неожиданность.

— Машина не смогла ответить, — посмотрев мне в глаза, произнес

старший. — Я хочу, чтобы ты помог нам... сам.

По реакции его напарника я понял, что тот никак не ожидал это услышать. Возможно, со мной говорят более откровенно, чем предполагалось сначала. Что ж. Машина не смогла влезть мне в голову? Приятный сюрприз. Но есть ведь еще пытки... Однако они просто говорят со мной. Безжалостные сургири из сказок, пожирающие человеческий мозг, ха.

— Мне не известно, почему ваша машина не справилась, — отрицательно повел я плечом. — Впрочем, ответить на заданный вопрос могу. Я — Рожденный Пустыней. Меня вы ловили два года назад в этих пещерах. Меня у вас отбила мурикси и унесла в Нагорную. От вас мы бежали на вирмане сначала на юг, а потом на запад, до берега моря Гем.

Не знаю, как у Иных выглядит крайняя степень изумления, но люди выразили бы ее так же, как эти двое.

— Зачем же ты вернулся? — смог, наконец, вымолвить тот, кто моложе. Ага, значит, ему не запрещено говорить, я понял неправильно.

— Чтобы привлечь ту мурикси.

— Невидимку? Зачем она тебе?

— Ее хозяйка... сестра... старшая женщина, жившая в Нагорной — погибла. Вторая женщина пропала. Я ищу ее, — я взглянул в глаза сначала одному, потом второму, но не смог понять их выражения. Не верят? Не понимают?

— Как погибла женщина из древних залов Майсы? Из... Нагорной?

— Огнелуч в голову. Ее убили жрецы Рыбака.

— Рыбака?

— Один из наших... священных предков. Бог. Рыбак. Его храм.

— Почему жрецы стреляли в жрицу? Между вами разве война? Они не боятся возмездия?

Похоже, мне, все-таки, не верили. Ну... Что же, другого варианта, кроме как рассказывать правду, я все равно не видел:

— Никто не узнает. Жрица с волосами не может быть — значит, изгнанница. Она пошла против жрецов, чтобы помешать им... отослать корабли. Вестник. Машины жрецов заговорили и показали мираж...

— Стой! — почти вскричал старший. — Когда это произошло?

— Два оборота назад.

Они снова переглянулись, и в их взглядах мне померещилось отчаяние.

— Продолжай, — повел рукой тот, кто говорил со мной.

— Часть жрецов против этого. Они считают, Вестник нельзя трогать. Потому что сюда летит чудовище, которое погубит Жемчужину...

— Они считают правильно! — резко бросил молодой, но второй сделал ему знак помолчать.

— Но у них нет власти. Они затеяли мятеж. Вернее, нападение. Армир... Так звали жившую в Нагорной... Как-то участвовала в заговоре. Она привела нас в храм Рыбака, но там оказалась засада. Они убили Армир, а Нарт... ее дочь... и еще одна женщина, они бежали. Возможно, попали в плен или были убиты. Или Нарт вернулась на остров Лальм... Или... Я не знаю. Мне надо найти ее. Для этого мурикси.

— Позже о женщинах, — властно поднял руку старший сургири. — Заговор, расскажи. Ты спасся из храма? Как?

— Я умею сражаться, — заявил я, мельком посмотрев на второго, но тот и бровью не повел. — Убил всех жрецов храма Рыбака, что встали на пути, и ушел по крышам. Прибежал в храм Синеокого... Это другой наш предок-бог. Когда-то меня учили там. Мой учитель, Дсеба, принял меня и посвятил в план нападения на Великую башню. Он участвовал в заговоре.

Мне не хотелось вдаваться в подробности моего изгнания, и как Дсеба все спланировал за много лет до этих событий. Пусть такое совпадение кажется случайным, мой учитель — заговорщик, не думаю, что остальное важно для сургири.

Действительно, Иных больше интересовало дальнейшее.

— Мы полетели к Великой башне. На боевом вирмане. Я пробрался к древней машине, скрытой там. Одной из многих. Это был толкатель. Дсеба... Я думаю, он напал на другую машину и открыл толкатель. Такое возможно?

Старший сделал утверждающий знак. Ага, они знают о толкателях и о том, как управлять машинами.

— Но святоши... жрецы сбили толкатель. Пустили вдогонку машины-убийцы. Меня спасло то, что кабина отделилась. Потом я вернулся сюда. Выбраться было трудно, унесло далеко, шел долго.

Тот, кто помоложе, обратился ко второму:

— Два оборота назад. Они должны были тогда...

— Они не смогли. Он повредил управление или выключил систему. Там можно... — он прервался, и обратился уже ко мне: — Как, говоришь, его имя? Жреца, который остановил машины?

— Дсеба.

— Он великий герой.

Оба сургири прикрыли глаза и скрестили ладони на груди. Они молчали дважды девять ударов моего сердца. Возможно, это был ритуал. Знать бы еще, какой.

— Нужно, чтобы ты помог нам. Ты ведь хочешь спасти Жемчужину, но не можешь, так?

— Ну... да, — во мне затеплился интерес. Есть шанс выполнить уже загубленную миссию, порученную мне наставниками Дсебой и Армиром?

— Открой свой разум нашей машине. Не бойся, мы не повредим тебе. Нам нужно только знание. Твое знание о жрецах. О машинах. О башнях. Чтобы остановить их.

— Но... Как вы остановите их? Вы, конечно, сильны, но там не подземелье. И оружие у жрецов...

— Мы остановим их, — с удивительной убежденностью заявил он. — У нас будет время подготовиться. Мало, но будет. Жрец Дсеба не убил машины. Не выключил их. Он остановил. До следующего самостоятельного включения. Оно будет примерно через пять оборотов. Жрецы снова получают контроль над машинами и смогут отправить корабли и оставить Жемчужину без защиты... Ты поможешь нам?

Повисло напряженное молчание. Они не могут меня заставить. Я даже сам не уверен, что смогу пустить их в разум, ведь мне неизвестно, как это делается, и в чем у них проблема. Но... Возможно, они и есть тот последний шанс, на который рассчитывала наставница Армир. Шанс, которого бы я не получил, если бы не своевременная помощь и влияние Пола.

— Хорошо, — согласился я.

Меня вернули в комнату с округлым потолком.

— Мы будем помогать тебе советами. Слушай наши голоса. Нужно расслабиться и не оказывать сопротивления. У тебя будут миражи. Сны. Тебе может казаться, что на тебя нападают чудовища. Что тебя пытаются обмануть или убить. Не сопротивляйся. Пусть сожрут. Пусть убьют. Пусть обманут. Плыви по течению. Держись за течение...

Голос уплыл, и я провалился в пустоту, из которой не могу вспомнить совершенно ничего.

Когда пришел в себя, лежал на мягком полу в комнате с большими окнами. В своей одежде.

В окнах виднелись какие-то вьющиеся растения с незнакомыми цветами... или это были листья? Яркие освещенные, они прикрывали стены пещеры, по которым я понял, что нахожусь все там же, мне это не приснилось. Просто меня перенесли «на свежий воздух».

А воздух, действительно, оказался свежим и теплым. Как им удастся достичь этого под землей? Тоже, небось, какие-нибудь машины... Не

удивлюсь, если здесь есть сады и даже моря, над которыми пылают искусственные звезды и солнце... Но мне не до чудес сургири, нужно как-то выбраться от них и найти Лиен. Если у нас все получилось, я им больше не нужен, значит, меня убьют... Почему не убили до сих пор? Не получилось войти в мою память?

— Благодарим тебя, сын поверхности, — церемонно произнес голос рядом со мной. Это был третий, незнакомый мне сургири. Лицо его избороздили морщины, голова оказалась так же безволоса, как у предыдущих двух, но одежда — иного цвета. На ней угадывалось наложение нескольких узоров, читающихся по-разному, в зависимости от угла зрения.

— Получили, что хотели? — не очень вежливо спросил я.

— Да.

— Так я вам больше не нужен?

— Нет. Но думаю, ты хочешь знать, кто такой Пол.

Я вздрогнул, не успев поймать этой своей реакции.

Поняв мое молчание за согласие, он пояснил:

— Существует все сразу, но не все равнопроявлено. Проявления кажутся зависящими друг от друга, но это не всегда так. Пол — человек другого проявления. Однако что-то воплотило связь между вами, и он начал проявляться здесь, а ты — там. Это могла бы, наверное, сделать древняя машина, но... мы не умеем создавать такие каналы, и предки... только пытались. Есть стены толще, есть стены тоньше. Между вами есть что-то еще, оно истончает стену до незаметности. Я думаю, это женщины.

Он бросил на меня быстрый взгляд и, удовлетворенный моей реакцией, продолжил:

— Она тоже проявлена там и тут. Создается полюсное усиление... То есть вы можете действовать совместно как одно целое, если не сойдете с ума. В обоих проявлениях. И послушай еще. Когда канал открыт, но не завязан, он опасен. Мы пытались закрыть, не понимая, с кем он связан. Со стороны это сделать трудно. Нам не удалось. И больше мы не будем пытаться, поскольку все вопросы разрешились. Мы... сожалею, что ошибались.

На несколько ударов сердца повисла тишина.

— Твой подвиг, Ксената, сопоставим с подвигом твоего учителя Дсебы. Мы увековечим ваши имена.

Он прикрыл глаза и сложил ладони на груди. Ну, точно, знак какой-то. Надеюсь, почтения.

— Тебя вернут на поверхность.

Произнес он вместо прощания и удалился.

Появились два незнакомых мне сургири. Они вернули мое оружие, фонарик и вещи и проводили до подъемного устройства.

Очень скоро я уже топал по знакомым пещерам, продолжая прерванное занятие.

Совершенно невероятным казалось, что я, попав в такой переплет, вышел из него живым. Еще одна дощечка в ящик невероятностей, ведущих меня по жизни с момента, когда голос Пола зазвучал в моей голове. Еще немного, и я поверю, что неуязвим.

Мне удалось обнаружить проход в разоренную Нагорную.

Люди поместника, действительно, не закрыли тайную дверь, да и не смогли бы закрыть, поскольку камень был расколот ими же — похоже, долго долбили, чтобы войти.

Они раскурочили все. В зал с колоннами я даже не поднялся — только заглянул в него снизу. Верхняя часть горы обвалилась, когда разнесли колонны. Какие глупцы... Какие бессмысленные разрушения...

Я прождал на руинах трижды по девять дней. Жег костер, видимый в проломах в стене и сверху. Если бы Айбис пролетала, она заметила бы — даже если не свет, то тепло она распознает на огромном расстоянии.

Припасы закончились, и я вернулся в долину, где оставил пастись своего верного скакуна. Признаться, без особенной надежды встретиться с ним вновь. Но нет! Ксенги не отходил далеко от места нашего расставания и с радостью принял меня обратно в хозяева.

Последняя надежда быстро отыскать Лиен испарилась.

Не думаю, все же, что она вернулась на остров Лальм, а даже если и так, не могу представить, как бы мне удалось добраться до нее там. Да и где он, остров этот? Я видел его однажды в мираже, глазами мурикси. Чужие корабли к нему не подпускаются. У старших жрецов Звездного огня должна быть эта информация, наверняка вирманы сожгли множество стержней, рассекая небеса над морем, чтобы обнаружить... Или нет? Или они боялись потерять такие драгоценные вирманы? Ведь летающие механические хищники, подобные тем, сбившим мой толкатель, могут дремать и в логове жриц Весенницы...

Пожалуй, для начала лучше проверить историю о некоей отшельнице, поселившейся в горах к югу отсюда... Едва ли это Лиен. Но я не могу

бросить поиски.

И я направил своего панцирного скакуна на юг.

Мне предстояли годы надежд и разочарований, проверки слухов и «совершенно достоверных данных», купленных за немалую цену, но лопающихся пенными пузырями.

Еще пять оборотов я искал ее.

* * *

Ксенги остановился на тропе, в сумраке подлеска, и я спешил. Длинные мягкие иглы сибиса устилали землю, податливая почва утоптана человеческими ногами. Теперь к ним добавятся следы панцирного скакуна.

Так же, как сибисовый бор, развивается и наша жизнь. Мы долго зреем в утробе матери, затем стремительно растем. Мы долго готовимся к переменам, заполняя собой густой подлесок обыденности; ожидание становится привычным, а кто-то уже и перестает ждать, полагая, что сумрак второго уровня леса — навечно. Мы роняем бледные от нехватки света недоразвитые листья и выращиваем новые, многие из нас погибают, так и не дождавшись. Но затем случается что-то — смерч или молния, старость или болезнь исполина — и вот уже место наверху свободно. Солнце ударяет в мягкие слабые иглы, готовые набухнуть и раскрыться широкими крепкими ладонями, стать огромными и непадающими и вытянуть ствол вверх, вровень с другими, ранее недостижимыми великанами.

Но это — не случайность. Это — груз ожидания, перешедший в силу прорыва. Это — количество времени, преобразовавшееся в новое качество дерева. Гиганты, качающие макушками высоко вверх, и слабые подростки под ними — одни и те же сибисы. Просто некоторым из них удастся сделать рывок.

Тропинка пересекала мой путь с востока на запад, но выбор, куда идти, не стоял — неподалеку из-под разлапистых папоротников выглядывала крыша хижины. Я отпустил ксенги и, бесшумно приблизившись, коснулся ладонью двери. Еще не зная, чего ждать, приподнял кусок коры, сползший с крыши на косяк, вошел.

Она сидела боком к узкому окну, на квадратный столик падала полоска света.

Непривычные складчатые одежды, безволосая голова.
Тот же наклон подбородка, та же осанка. Тот же голос:
— Приветствую тебя, гость.

Еще вчера я не мог бы и подумать, что так скоро увижу Лиен.
Ту, кто когда-то давно откликалась на горское имя Нарт.

Еще вчера еще один бесплодный день поисков сменялся другим, и можно было уверенно ожидать таким же и третий, и четвертый, и пятый — из года в год. Семь полных оборотов сделало колесо сезонов с тех пор, как я покинул убежище в холме на восточном берегу моря Мессем. И вот теперь груз ожиданий обрушился одним махом, словно упало нечто огромное, преграждавшее мне путь. Но оно упало не само. Не упало бы, если бы не эти годы скитаний, казавшихся безнадежными.

— Лиен... — произнес я, не будучи уверенным, что она сразу вспомнит меня. Тем более, в таком виде. — Мое имя Ксената.

— Приветствую тебя, Ксената, — с прежней интонацией повторила она. Ничто не дрогнуло в ее голосе.

Равнодушный или, скорее, спокойный жест рукой:

— Прошу, садись. Что привело тебя ко мне в этот лес?

Я не знал, как себя вести, что сказать. Многие обороты представлял себе нашу встречу не такой. Готовился к радости, холодности, даже гневу, но... не быть узанным...

А, меж тем, похоже, что Лиен действительно не помнила меня. Спокойно смотрела через стол прямо в глаза, вопреки традициям хампуранских женщин, и ни один взмах ресниц не указывал, что когда-то имя Ксената что-то значило для нее.

Рассказывать о прошлом знакомстве в таком положении, пожалуй, не самый умный ход. Если она и вправду все забыла, вызову подозрение. Если скрывает — не признается все равно. Но вдруг она ведет какую-то игру с неизвестными для меня правилами? Вдруг за нами следит кто-то, не замеченный мною? Но в какой мере искренним тогда могу быть я... Ведь тема для разговора... И как она, вообще, поймет... А как я объясню голос внутри себя? Нет, об этом не может быть и речи...

«Пол!» — в очередной раз мысленно позвал я, и снова тишина. Пол покинул меня семь оборотов назад. Но что он говорил раньше? Напомнить ей об острове... Напомнить о ритуале... Сказать какое-то имя... Женское имя с мужским окончанием, как обычно у них там... Да, Катя. Это имя — Катя.

— Катя, — вдруг вырвалось у меня.

Лиен вздрогнула. В ее черных глазах мелькнул испуг, растерянность, надежда, снова испуг, непреклонность, боль. Доля мгновения — и она закрыла веки. Вскоре подняла их — ни следа эмоций, ровный взгляд. Так хорошо знакомый мне взгляд жрецов Звездного огня. Похоже, дочери Владычицы времени того же куста ягоды. Квадратный стол указывал, что ветер тут определенно дует с Зеленой звезды, чего хозяйка и не скрывает. В пограничных землях, на самом краю теневых стран, влияние Башен не особенно велико, и жрицы Весенницы могут жить почти в открытую, если им это зачем-то надо. Если их что-то привлекает в диких краях.

— Катя... Привел тебя ко мне? — уточнила Лиен совершенно спокойно.

— Не совсем... — замялся я.

— Что же?

— Просьба Пола.

— Пол? Кто это?

— Это мужчина. А Катя — женщина. Пол сказал, единственный шанс восстановить общность — найти тебя и напомнить о ритуале. Еще он просил напомнить о пещере под плавучим островом. Под Хозяевами островов. О подводной лодке. И... вот это имя... он назвал его последним. Катя.

Она едва заметно вздрагивала ресницами каждый раз, когда я произносил слово «Катя». Любопытно, почему?

— Ритуал... — повторила она, и я понял, что случайным броском попал в какую-то цель, мне неизвестную, но очень актуальную для нее. — Но... Какой ритуал? Для чего?

— Святоши хотят напасть на Зеленую звезду, — рубанул я решительно, развивая наступление. — Мы пытались их остановить...

— Кто «мы»?

— Наставник Дсеба.

Она отвела взгляд, и я понял, что это имя ей известно. Значит, она не так-то хорошо скрывает эмоции. Значит, она действительно не помнит меня... Но как? Что случилось?

— Ты тот, кто улетел на древней машине в океан пустоты?

— На толкателе. Да.

— Они убили эту машину... — Лиен выжидающе посмотрела на меня.

— Кабина наездника отделилась. Я упал далеко. Она спасла мне жизнь. Предки предусмотрели разрушение машины.

— И... где же ты... приземлился? — осторожно подбирая слова, спросила она.

— В долине анамибсов. Это я ее так назвал, — поспешно поправился я. — Небольшая котловина в горах. Там когда-то упал небесный странник. Чудовище вроде того, что летит сейчас к нам. Только поменьше...

— Чудовище?

Я посмотрел ей прямо в глаза:

— Думаю, ты понимаешь, о чем я. Предки усыпили корабли в пасти Вестника. С древним оружием на борту. Корабли, способные пересекать океан пустоты. Эти корабли должны защищать Жемчужину от посещения чудовищ. Одна из машин святош предсказала время, когда чудовище придет. Но святые дураки неправильно поняли. Они решили, что угроза исходит с Зеленой звезды, и решили направить корабли туда. Они израсходуют весь заряд древнего оружия, и никто не защитит Жемчужину.

— Я... знаю об этом, — промолвила Лиен. — Жрецы Звездного огня не послали корабли. Они не могут получить доступ к Вестнику. Машины больше не слушаются их после вашего... посещения. Пока не слушаются. Расскажи о анамибсах.

И я поведал ей, что происходило со мною в долине. Утаил только разговоры с Полом. Описал и то, каким способом покинул горы. И как много лет искал ее. Рассказал о тайнике Дсебы, о своей наивной попытке достичь несуществующего острова вплавь. Она не останавливала, но я решил, что пока достаточно.

Мне показалось странным, что она не спросила, кто же такой этот Пол, столь настойчиво толкавший меня на ее поиски. Откуда я знаю его. Тогда пришлось бы говорить правду о голосе, и она могла бы испугаться или заподозрить что-нибудь, не имеющее отношение к действительности... Но этого вопроса так и не последовало.

— Я жду уже давно, — голос Лиен был по-прежнему ровным. — У меня... есть информация. Не очень ясная, но ты ее дополнил. Твой... Пол... Считает, что нужно провести ритуал совмещения?

Мое плечо дернулось в отрицании.

— Не знаю. Катя. Ритуал. Тайник. Остров. Пещера под островом... Вроде, все.

Она снова прикрыла глаза и просидела так не менее девяти ударов моего сердца.

— Идем!

С неожиданной стремительностью Лиен встала и направилась к двери. Я поспешил за ней. Мой ксенги, обрывавший листья неподалеку, испуганно

отпрянул и отбежал за деревья. Неужели есть что-то, способное напугать панцирного скакуна? Не мы же?

Я оглянулся и заметил тень. Подняв голову, увидел огромное полупрозрачное пятно, словно бегущее волнами. Вот как. Мурикси. И не думала скрываться. А я-то искал ее возле Нагорной... Хотя она-то меня помнит?

— Айбис! — вырвалось у меня.

Спина Лиен напряглась.

— Что ты сказал?

— Айбис. Имя мурикси.

— Ее зовут Эйнис, она моя сестра.

По развивающейся мантии птицы-криворога побежали цветные волны. Лиен выглядела удивленной.

— Она хочет говорить с тобой. Позже. Твой скакун не привязан?

— Ты же видела...

— Значит, не пропадет. Поехали.

И прежде, чем я успел что-либо сказать, она подпрыгнула и оказалась на мантии Эйнис, словно на ковре. Мурикси надвинулась на меня, подцепила краем и бесцеремонно забросила туда же.

Эйнис несла нас, обняв складками плаща. Она пропускала сквозь себя солнечный свет в обход наших тел, и стороннему наблюдателю казалось, что в небе ничего нет. Вот поэтому я и встречал мурикси лишь однажды, когда она сама захотела показаться, и не зря это слово переводится со староферсейского как «невидимка». На самом деле, вполне может быть, что их не так-то уж и мало в природе.

Земля проглядывала сквозь студенистое на вид тело птицы-криворога как дно ручья через бегущую воду. Можно опознать: под нами лес, поля, море, пустыня, обрывистые холмы, опять море...

Теплое тело Лиен прижималось ко мне левым боком. Не знаю, чувствовала ли она что-нибудь, но мне этот полет дался тяжело: постоянно приходилось удерживать на расстоянии ложное ощущение ее доступности, желанной близости — чтобы оно не затопило рассудок.

Но вот под нами засверкали, запереливались отраженным солнцем многие тридевятки огоньков — плавучий остров. Эйнис плавно снизилась и отпустила нас прямо на огромный прозрачный панцирь, на треть занятый копошащимися папперонами — фиолетовыми пузырьками с ножками, медленно плавающими вверх-вниз в мутной воде. Вокруг, насколько хватало глаз, едва покачиваясь на волнах, лежали такие же плавучие

панцири: паппероновые плантации Хозяев острова — их неиссякаемый, надежно защищенный источник пищи.

Мы сползли вниз, на пружинящий «настил», образованный прочными соединительными лентами. Я вопросительно посмотрел на Лиен. Она молча подняла руку: жди.

Вскоре три больших панциря нехотя разъехались в стороны, вода заплескалась между ними, и на поверхности появился покатый борт подводной лодки. Мы плавали на такой же в озере рядом с Солнечным городом. Лодка святош? Как интересно...

Быстро погрузившись на небольшую глубину, она вошла в подводную пещеру и всплыла там. Возможно, над нами не слишком уж и много воды.

Мы выбрались из лодки. Низко нависающий потолок, два светильника в традиционной форме перевернутой трехгранной пирамиды... Дорожка посыпана красным песком... Мы в храме Звездного огня, что ли?

Я напрягся. И тут же нам навстречу вышли два ритуальных стража. Их тонкий узор скрыт краской служения, но и по ней самой нетрудно догадаться — они посвящены Рыбаку. Тому самому, в храме которого мы попали в засаду. Где была убита мать Лиен. Как же звали жреца...

— Не обращай на них внимания, — Лиен кивнула на стражей. — Следят за мной, пока я тут, и охраняют. Вместе нас было трое, теперь четверо.

Я улыбнулся ее шутке: три — священное число, почитаемое святошами, число Жемчужины, четыре — число Весенницы, которой служит Лиен.

— Здесь храм Рыбака?

— Вроде того. Убежище несогласных. Твой Пол угадал местоположение, отсюда можно доплыть до выхода из бухты, которую ты описал.

— Но...

— Ты искал плавучий остров. Семь оборотов назад его здесь не было. И меня — тоже.

— Но...

— Хозяева островов помогают нам. Мы приманили их сюда, они скрыли нас от парящих. Но лодка не может отходить далеко, ее видно с неба. Даже ночью стало опасно. Они что-то делают с глазами парящих. Вживляют что-то... противоестественное. Чтобы видели тепло, как мурикси.

Она говорила тревожные вещи, но ее бархатистый голос успокаивал.

Мы прошли в комнату для трапезы и перекусили. Треугольный стол

уже не удивил меня: раз это строили жрецы, пусть и заговорщики, я бы удивился любой другой форме.

Периодически Лиен, словно испытующе, оглядывала меня.

Однажды мне показалось, в ее глазах мелькнули одновременно узнавание, сомнение и испуг.

Стол убрали, мы остались сидеть друг напротив друга на низких диванчиках.

— Скажи, эта... Катя... Ты не видел ее? — спросила она вдруг.

— Нет, — честно ответил я.

— А Пола?

Ну вот и приехали. Теперь придется рассказывать все. Или можно обойтись минимумом? Соккрытие части правды ведь не является ложью, которая так ненавистна жрицам Весенницы? Я не буду лгать.

— Видел.

— Но ведь... Не здесь?

— Нет. Я видел его... во сне. Или в видениях.

— У тебя бывают видения, Ксената?

Она впервые назвала меня по имени с момента нашей встречи. Словно пробуя его на вкус.

— Бывают. И голос. Пол говорил со мной.

Я ступил на зыбкую болотистую почву, ни в коем случае нельзя испугать Лиен неосторожным словом, нельзя вызвать в ней подозрений — мало ли, что жрица Владычицы времени ожидает услышать.

— Ксената... Откуда ты знаешь о Айбис?

Вот этого вопроса я, признаться, уже никак не ожидал.

Глаза Лиен смотрели на меня почти в точности как тогда, во время путешествия от крепости Костей, но в них была какая-то непонятная мне неуверенность.

И я решил прыгнуть в этот омут с головой. И будь что будет.

— Это птица твоей матери.

Лиен побледнела.

— Продолжай...

— Ты не помнишь меня?

— Продолжай...

— Тебя звали Нарт. Твою мать — Армир. Вы жили в Нагорной, неподалеку от пустыни. Она послала тебя и Трану, вашего слугу, подобрать меня. Рожденного Пустыней...

Я выжидающе глянул на нее. Ее губы пошевелились:

— Продолжай.

— Сургири захватили вас. Подселили вам чужие сознания. Ты справилась и обманула их. Трана не справился. Он погиб. Ты сбежала. Мурикси Айбис вытащила меня из плена сургири и принесла в Нагорную. Оттуда мы летели на вирмане к берегу Гем. Жили в песках. Твоя мать, моя наставница, учила меня видеть миражи. Ты помнишь, Нарт?

Я назвал ее так, чтобы дать зацепку. Она прикрыла глаза и сделала жест рукой: продолжать.

— Мы полетели через Гемское море. Оставили вирману в пещере, вышли через подземные ходы в Солнечный город. Наставница вела нас в храм Рыбака. К Гаруссе. Но нас ждала засада.

Лиен подняла на меня глаза, полные слез:

— Ксената... Что с ней? Что с Алар?

Мое горло сжалось, но я смог выдать слова:

— Она погибла. Умерла мгновенно. Огнелуч в голову. Не думаю, что они опознали ее.

Лиен молча смотрела на меня сквозь слезы. Не останавливаясь, они текли по ее щекам.

Не в силах больше сдерживаться, я пересел к ней и неловко прижал к себе. Ее голова склонилась ко мне на плечо, материя на нем тут же промокла.

Довольно долго мы просидели, не шевелясь.

Тишина была настолько глубокой, что я слышал биение наших сердец.

— Забыла все... — прошептала Лиен. — Если б ты не пришел, осталась бы в лесу... Прошла бы испытание, стала б жрицей... Никогда бы не вспомнила тебя, но всегда бы пыталась вспомнить... О, эта пытка... У них есть машины. Такие же, как у сургири. Они умеют исправлять, знаешь, делать другим то, что было. В твоей голове... Я сопротивлялась, я спрятала глубоко, скрыла, накрыла сеткой с тряпками, как наш вирмана, помнишь? А сверху закидала песком. Они думали, у них получилось. А я думала, смогу раскопать... Но если бы ты не пришел...

— Я же пришел, — проронил я, чтобы не молчать. Мне казалось, ей нужен звук моего голоса.

— Да, ты пришел! — воскликнула она и сжала мою ладонь обеими руками. — Ты ведь не уйдешь теперь? Как тогда, не уйдешь?

— Когда?

— В прошлый раз.

— В прошлый?

— Я видела будущее. Прошлое будущее. Я знаю, что будет потом, помню. Это горькая память...

— Но...

— Меня убьют. Отдадут воде. В темной пустой комнате. Останками накормят священных рыб. Но сначала они сделают маску и повесят на стене в зале отступников. Ты украдешь ее и построишь усыпальню. Будешь ходить туда, пока ноги не откажут... Я не хочу видеть это, не хочу!

Она вновь уткнулась мне в плечо, глухо всхлипывая.

А я не мог понять, о чем она говорит. Какой прошлый раз? Она видела миражи. Наверняка, речь о миражах, они свели с ума Харрис, ее бабу, они чуть не свихнули меня... Может быть, Лиен слишком увлеклась видениями, пытаясь вспомнить вытертое жрицами, и это повлияло на ее рассудок?

Мне трудно было думать. Я не привык к девушкам, рыдающим на моем плече. К девушке, которую хотел бы защитить, с которой не хотел бы расставаться, которую хотел бы... И память услужливо подставила ту ночь в храме Синеокого, когда мне приснилась маленькая рыжая варварка по имени Жанна, женщина Пола... Одна из его женщин. Да, я хотел бы того же с Лиен. Как неуместно думать сейчас о ее теле... Но разве дело в нем? Тело лишь инструмент сближения, только способ соединить готовое к слиянию, открыть канал...

Словно почувствовав что-то, Лиен отстранилась от меня.

— Ты говорил о ритуале, — произнесла она чуть надтреснутым, но таким же мягким голосом.

— Да, — подтвердил я. — Я вспомнил. Пол говорил, что надо открыть канал. Но не объяснил, какой.

— Понятно, какой, — хриловато рассмеялась она, и в звучании ее слов мне почудился кто-то другой, не менее знакомый, не менее притягательный и близкий. Похоже, мы все тут сходим с ума. — Этот ритуал запрещен со времен древнее древних. И сестры тут же узнают, что он был проведен...

Она резко поднялась с диванчика.

— Пойдем к машине, — в ее движениях появилась знакомая мне неуклюжая резкость.

Мы покинули комнату и пошли по коридору, присыпанному песком. Снова появились двое стражей.

— Сюда, — сказала Лиен.

Она отодвинула ткань, и я увидел комнатушку, в которой не было ничего, кроме голых стен, переходящих в полукруглый свод. Сопровождающие остались снаружи.

— А... машина?

Лиен снова рассмеялась, но, на этот раз, мелодично.

— Это и есть машина. Ложись.

— Куда?

— На пол. Вот, съешь.

И она вложила мне в рот горошину. Прямо с ладони. Я не удержался, и прижался губами — Лиен не отвела руку.

«Наркотик...» — мелькнуло в голове слово, когда-то сказанное Полом. Но я готов был принять из этой руки и мучительно убивающий яд.

— Усыпляющее, — тихо шепнула она. — Ты должен быть совершенно расслаблен.

И коснулась руками моего лица, а губами ненадолго прижалась к моим губам.

Воздух, рожденный нашим дыханием, смешался.

* * *

С ощущением прохлады ее ладоней на щеках я уснул.

Во сне мне слышался голос, шепчущий на искаженном староферсейском.

То, о чем он говорил, напоминало сказку.

Он говорил, а я видел мираж, почти как тогда, возле черного камня анамибсов.

Возможно, это и было сказкой. Сказкой из будущего. Легендой:

«Во время тьмы они вышли из стен и встали из мостовых.

Они спрятались в тенях, слились с ними.

Люди спали.

Стража топала с ночным обходом, болтая о всякой ерунде или угрюмо помалкивая.

Тень пропустила стражу. В ней уже никого не было.

Они крались под настилом крытых трехэтажных улиц и вдоль стен. Никто не видел и не слышал.

Стража городской Башни обходила периметр, с неприступной высоты иногда поглядывая, иногда поплеывая на спящий город.

Еле заметные наросты ползли вверх по высокой стене из древнего металла. Свет Вестника блестел на другой грани Башни, но никто не обнаружил бы их и при свете, ведь чтобы узреть их, недостаточно поглядывать, нужно всматриваться.

Они перевалили через край, никого не тронув.

Верхняя стража продолжала патрулировать периметр.

Внутренняя стража обходила коридоры новых башен, в давние времена построенных наверху городской Башни. Город был моложе новых башен настолько же, насколько они были моложе ее. Город построили в незапамятные времена, как и все города Башен. И все это время машины спали. Они начали просыпаться недавно, и первой пробудилась та, что в Великой башне. Люди, именуемые жрецами Звездного огня, захотели управлять всеми машинами. Жрецы думали, что обладают достаточной мудростью, чтобы понять слова предсказания, сделанного на слишком древнем языке. Им казалось, они знают, как управлять.

Жрецы знали больше других. Они понимали знаки, подаваемые машиной. И они решили, что боги-предки дали им в руки большую силу, чтобы помочь защититься от беды. Чтобы нанести удар прежде, чем враг нанесет свой.

Но большая сила притягивает большую силу. Маленькой ошибки может быть достаточно для того, чтобы тщательно выдуваемый сосуд из расплавленного прозрачного камня — лопнул. Маленький сосуд, лопнув, может поранить мастера ремесла. Большой сосуд, полный топливной массы, способен уничтожить город, оставив на его месте яму, и сорвать деревья с гребня ближних холмов.

Жрецы Звездного огня получили от предков силу, многократно превосходящую самый большой из доступных им воображению топливный стержень. И всю ее они решили направить не туда. Маленькая ошибка в понимании слов, сказанных на слишком древнем языке. Ошибка, порожденная заносчивостью, страхом, чрезмерной верой в собственную непогрешимость, привычкой следовать привычному, искать новое в известном старом. А новое ведь бывает и новым. Или настолько забытым старым, что память о нем не сохранилась.

Заносчивые жрецы решили направить всю силу на удар по Зеленой звезде.

Ту силу, лишь части которой хватило бы для исполнения предназначения — отклонить смерть от Жемчужины. Подтолкнуть чуть-чуть в сторону чудовище, летящее к ней из глубин океана пустоты.

Но приказ, заготовленный предками стгоряча, на последний случай — удар возмездия, который никогда не был ими нанесен — теперь, по глупости своей, намеревались вызвать потомки, даже не понимающие, что же они на самом деле творят. Ковыряющиеся в предсказаниях и старых письменах, в предрассудках и домыслах, как детишки в игровых

дощечках. Но ведь это не дощечки. Это — боевые корабли, способные преодолеть океан пустоты и стереть жизнь с целого мира.

Жрецы решили, их ума достаточно.

Жрецы ошиблись.

Теперь они заплатят за ошибку, хотя плата не является целью тех, кто уже проник в Великую башню. Затихли на полу в узких коридорах первые охранники из внутренней стражи, которых невозможно было обойти. И уже не крадутся, а идут в открытую человекоподобные создания с кожей, цвет которой сливается с поверхностью стен, с огромными выпуклыми глазами на плоских лицах...

Десятки родников выплеснулись из подземных ходов, из подкопов, приготовленных в спешке, но тщательно. Ручьи от них протекли в древнее сердце каждой Башни, и не было от них спасения, ибо просачивались они неудержимо и незаметно, как вода сквозь песок и трещины в камне.

Сотни Иных — людей, изгнанных в почти забытой войне, искаженных вечной тьмой под поверхностью Жемчужины — порождения страшных сказок, именуемые сургири — вот какие воды неслышно журчали в ту пору по спящим улицам городов Башен.

Почти одновременно из сумрака коридоров перед каждой древней машиной возник силуэт, похожий на человека, обтянутого толстой шкурой ксенги.

Почти одновременно каждый из них стянул с ладоней внешнюю кожу и отбросил на пол. Больше она не пригодится.

Почти одновременно они наложили голые руки на столбы древних машин и замерли в ожидании. Бесшумно прямо в воздухе возникли миражи.

Сургири знали, что делать. Они неспешно, словно вспоминая заученный урок, разворачивали мираж за миражом, пока не достигли нужного.

Залы, где стояли машины, вспыхнули ярко-голубым. Свет моргал, давая понять: что-то изменилось.

Машины взвыли, выводя звуком тот же ритм, что задал голубой свет.

Сургири продолжали стоять спокойно. Они не пытались бежать, хотя, с их способностями, был шанс успеть.

Едва ли они не знали, что произойдет дальше.

Они пришли, чтобы принести себя в жертву.

Десятки родников схлестнулись в реки и ударили почти одновременно. Гул донесся до самых отдаленных стран, до крайних земель обитания человека.

Согнулись деревья, а где-то были вырваны с корнем.

Покачнулась, дрогнув, сама земля.

С вершины Крепости Костей обломился давно шатавшийся зуб.

Звук несколько раз облетел горизонты, но нечуткие уши людей слышали его лишь трижды. Трижды трубный звук. Священное число жрецов Звездного огня, символ Жемчужины.

А на месте городов Башен вскипел расплавленный камень.

Воздух быстро остудил его. Огромные ямы со временем наполнились водой. Вода же и смыла яд в реки и моря, люди смогли вновь приходить сюда, в бывшие страны Башен, чтобы заселить опустевшую землю. Вышли сургири из пещер и каверн подкаменных, спустились дикари с гор высоких, приплыли мудрые женщины из-за морей далеких, и наступил новый день.

Небесное чудовище, несущее Звездный огонь, пришло в срок. Но раскрылась пасть Вестника, выпустив из утробы боевые корабли, как завещали предки.

Подобно Многорукому, устремились они на бой с чудовищем, натравленным на людей древними богами тьмы — звездами. Содрогнулось оно от веры людской, веры в силу предков, в завещанных ими защитников, и бежало прочь, не коснувшись Жемчужины.

Так было.

Запиши это, сын мой, и передай сыновьям своим. И да отринут они ересь, и да вознесут хвалы и молитвы единственному богу, живому воплощению ушедших предков — Солнцу.»

* * *

— Пол? — донеслось до меня из темноты. — Пол, ты не спишь?

Я пошарил рукой по направлению Катиного голоса и коснулся ее обнаженного бедра.

Спина затекла от непривычного лежания на твердом. Твердом... Другой рукой я ощупал пространство слева от себя. Какая-то ткань, а под нею... Подтянул материю к себе, смял, еще подтянул, чтобы понять, что же

там... Похлопал ладонью, постучал костяшками пальцев. Похоже на камень. Вроде, камень, но не холодный. Вот тебе и проснулись...

— Катя, где мы?

— Не знаю. Давно не спишь?

— Не очень...

— Тут тряпка какая-то, прям на камне. У меня вся спина затекла...

— У меня тоже. Катя, что происходит?

— Пока не знаю. Пол, не волнуйся, разберемся.

Ее голос звучал непривычно. Здесь эхо? Оглядеться бы, да темно. Придется ощупью.

— Разве я могу волноваться рядом с самым лидер-инспектором? Конечно, разберемся.

— Шут.

— Я серьезно.

— Лидер-инспектор тоже человек.

— И даже женщина.

— И даже.

— В первобытных обществах, между прочим, главенствовали самцы, так что, если считать, что мы в пещере, вперед должен лезть я.

Катя фыркнула.

— Главные вперед не лезут. Так что, правильно, полезешь ты. Только осторожнее, Пол, мало ли что...

— Держи меня за пятку, — сострил я и тут же почувствовал крепкий браслет из Катиных пальцев на своей лодыжке. — Катя, я пошутил!

— Разумно. Ползи.

Водя руками по камню, я начал разведку. Катя не отпускала меня, передвигаясь следом. Смотрелись бы мы, конечно, ржачно, если бы кто-нибудь включил свет... Двое голых на четвереньках ползают по полу, причем один вцепился другому в пятку, как мать Ахилла, погрузившая младенца в воды Стикса, чтобы сделать сыночка неуязвимым.

Катя уловила мою мысль:

— Пятки буду менять, быстроногий.

— Благодарю, богиня, но так мне не догнать черепаху. Позволь все же встать с карачек, быстрее пойдет...

— Не позволю.

Я вздохнул и, выставив руку вперед, коснулся вертикальной преграды.

— Вроде, до одной стены добрался, пошел вдоль...

— Доблестен ты, Ахиллес, на бессмертных похожий... — из темноты

в районе моего таза донесся смешок.

— Я серьезно. Катя, я не помню «Илиады» наизусть, помилосердствуй!

— Полно лукавить: меня провести иль склонить не сумеешь! — в довершение к словам донесся шлепок, и мою ягодицу словно обожгло.

— Ай! — вырвалось у меня. Я зашипел, обернувшись: — Что за игрища? Нас куда-то затащили, пока мы спали, в какую-то камеру, надо быстро разобраться и думать, что дальше.

— Прости, Пол, не смогла удержаться. Щупай свою стену дальше.

И мы поползли дальше.

Катин голос... Что-то с ним все же не так. Не могу понять, что. Ощущение... Так бывает во сне. Когда видишь знакомого человека, допустим, Надира Камали, нашего приятеля, командира группы спасателей, общаешься с ним, что-то вместе делаете... А потом просыпаешься и понимаешь, что Надир из твоего сна был голубоглазым блондином. И, вообще, лицом на него не похож ни капельки. Но во сне-то ты точно знал, что это он, не кто иной...

— А давай встанем уже? Буду опираться о стену, а ты за меня держись?

— Ладно. Только медленно...

Поздно. Я уже распрямился и влетел головой во что-то твердое.

— Ты что-то сказал?

Много чего. Но вслух вырвалось только одно слово, и то негромко.

— Нет, ничего. Тут потолок, похоже.

Катя прыснула. Поняла, зараза. Ну невозможно жить с женщиной, которая чувствует, что чувствуешь ты, понимает, о чем ты думаешь. Невозможно... если не научиться прятать одни мысли под другими. Эту последнюю мысль я спрятал.

— Тут кто-то слишком торопится, похоже, — Катя с трудом сдерживала смех, но озабоченность тоже звучала: — Не сильно ушибся?

И снова у меня это странное чувство... Когда такое уже было? Было ведь...

— Не, нормально. Максимум, шишка будет. Потолок полукруглый, дальше от стены он выше.

— Хорошо.

Я почувствовал ее пальцы на своей талии. Да, так пойдем намного быстрее.

— Потанцуем? — что-то она слишком веселится. Это меня разозлило.

— Кать, мы в какой-то заднице, понимаешь? Кончай уже хохмить!

Сосредоточься.

Она чуть обняла меня и прижалась сзади. И в этом ощущении от моей спины тоже что-то было не совсем так... И это я тоже рефлекторно спрятал в глубине сознания.

— Пол, успокойся. Знаешь, с тех пор, как у меня в голове поселились три женщины, я поверила в бессмертие души.

— Две.

— Почему?

— Одна там жила с самого начала.

— Ну, да, две. Неважно. Стало три, и все три — твои, между прочим.

— Тройная ответственность, — понимающе кивнул я, но она в темноте не увидела.

— Рада, что ты это понимаешь, — то ли шутя, то ли всерьез шепнула она и отодвинулась.

Мы пошли дальше вдоль стены, и буквально через два шага моя рука коснулась ткани. За ней была пустота.

— Тут выход, похоже.

— Что же... Веди меня из пещеры, мой повелитель.

— Ты заговорила как Надир.

— Ты же вспоминал Надира.

— Я вспоминал его про себя. Не вслух.

— Правда? — в ее голосе послышалось сомнение. — Прости, Пол, я часто путаю, что ты говоришь, что думаешь.

Мы прошли под тканью, отодвинув ее, и камень под ногами закончился. Мои босые ступни ощутили что-то очень похожее на песок, но песок плотный, в который не проваливаешься. Он оказался прохладным.

— Пойдем дальше? Илипустишь меня вперед?

— Зачем тебя?

— Ну... Почувствуешь себя главным... Это же важно для мужчины? — в голосе опять лукавство. Такое впечатление, что она чуток пьяна. Правда, алкоголь на Катю действует слабо и лишь вызывает сонливость, не влияя на рассудок. Наркотик какой-то? Могли же нам дать что-то такое, чтобы мы отключились, и перетащить сюда...

Слово «наркотик» показалось мне очень странным. Словно чужим. Оно не сходило с языка, а неуклюже ворочалось на нем. Его было бы непросто произнести.

«Сэндвич» — напомнила память, и я остановился так резко, что Катя влетела мне в спину, слегка стукнувшись о мой затылок.

— У, Пол... Губу разбила, кажется... Точно...

Сердце упало в пятки, и теперь, едва слышное, тревожно билось где-то там, на уровне песка, боясь выдать свое присутствие.

— По-ол... — Катин голос чуть дрожит. Ага, она тоже заметила. — По-ол... А почему... Ты присел?

— Нет, Катя, я не присел, — ответил я так спокойно, как смог. — Ты, похоже, выше меня ростом. Произнеси слова: «наркотик», «сэндвич», «скафандр»?

Но ответ уже не требовался. Я только что произнес их сам, слушая собственными ушами.

— Мы на каком языке говорим? — Катины руки ощупали мою голову, плечи, грудь... — Пол, это не твое тело. Ксената?

— Надеюсь... — пробормотал я, и, в свою очередь, ощупал ее. Где же твои локоны, Катя? А грудь... Какое знакомое ощущение... Это тело уже когда-то было под моими руками, но...

— Лиен? Тело Лиен? — Катя почувствовала мое смятение.

— Думаю, да. И ее голос.

Катя нервно рассмеялась.

— Представляешь, я ни разу не коснулась своей головы.

— У нее нет такой привычки?

— Должна быть. Она же долго жила как дикарь...

— Как-как?

— Ой... Забавно, некоторые слова подставляются сами, но так... я бы не сказала так... варвар. С прической, в общем. Шикарные темно-каштановые волосы. Ксената встретил ее такой... Господи...

Я тоже почувствовал это. Как сход лавины, как прорыв долго копившейся воды, разрушающий дамбу, как подземный ключ, выбившийся на волю, в меня хлынули воспоминания. Вот я бултыхаюсь в ласковом море Гем, и солнце садится за горизонт, а вот уже забираюсь в заросли серпарид, чтобы спрятаться от голодных рвачей...

Жизнь Ксенаты не прошла передо мной подобно стереофильму — она накрыла меня одновременно всеми своими деталями и подробностями, и ноги мои подкосились.

Тишина. Темнота.

Я пошарил рукой и коснулся обнаженного бедра...

Это уже было?

Нет, не совсем это. К моей влажной ладони прилепился песок.

Повернувшись, я приник к Катиной груди. Сердце бьется ровно. Дыхание глубокое.

Подполз повыше, стряхнул с рук песчинки и погладил ее щеку, лоб, лишенное волос темя. Поцеловал в губы. Сначала они казались неживыми, но вдруг дрогнули и ответили мне.

С большим трудом я заставил себя отстраниться.

— Катя. — осипший голос плохо слушался. — Лиен?

— Ксената? — донеслось в ответ. — Все получилось? Пол... Да?

— Не знаю. В голове бардак. Будто пчелы сошли с ума.

— У меня тоже... Будто у йови лопнула кора... — она тихонько хихикнула. Совсем не как Катя. Совсем как когда-то Нарт. Лиен проснулась окончательно.

Когда дерево йови перезреет, его кора разлетается от напора усиков, пружинками сжатых под ней в ожидании сезона дождя. Катя не знала этого. Я, кстати, тоже. Но я-то знал. Кто я теперь? Пол? Ксената? Ксенатопол? Полоксенат?

Я заржал в голос, как дикий конь. Ксенги не ржут.

— Катарсис, — донеслось из темноты брошенное Катей слово. Прозвучало оно как диагноз медицинской установки. — Меч свой огромный в ножны тогда опустил Ахиллес, покоряясь...

— Покоряясь?!

— Воле Афины, — успокоила она меня. — То есть моей. Хватит смеяться, таинне распугаешь.

— Они нам еще нужны? Кстати, почему свет погас?

— Если не нужны, что же, пугать их теперь? Неблагодарный.

— Свет...

— Откуда мне знать? Пластины выгореть не могли.

— Не могли...

— Или могли? — в голосе Кати-Лиен появилось сомнение.

— Оборотов двенадцать... Или двудеять... Черт их знает, какой там ресурс, может и лет на тысячу хватить...

— Мы тут столько провалялись? Без обновления?

— Не пойдем, пока не выберемся. Кстати, заметь, наших друзей с крашеными головами нет.

— Прячутся? Сбежали?

— Стражи-то? — я хмыкнул. Храмовые стражи не покидают места службы до конца дней. И прятаться бы они не стали.

— Ну, да... Глупо.

— Катя, слушай свою вторую половину и давай ей побыть первой, не дави.

— Чья бы корова...

— Здесь нет коров, и молоко не доят. Табу.
— Попробовал бы ты подоить ксенги, — она звонко рассмеялась.
— Лучше валабора, но его не за что ухватить.
— Он же ящерица.
— Я и говорю, не за что. А тебе не кажется, что мы ведем себя так, будто нас обоих окунули в Стикс, как быстроногого Ахилла?

Молчание было мне ответом. Прикидывает, каково стать бессмертными?

А что, если мы умерли?

Я никогда всерьез не задумывался, что происходит при смерти человека. Дело казалось мне предельно ясным: умер и все. Сказки, понавыдуманные предками по обе стороны океана пустоты, обслуживали только их собственный страх перед умиранием. И многообразие версий о «жизни на том свете» свидетельствовало как раз в пользу предположения, что «тот свет» существует только в суеверных головах. Не боги сотворили людей — люди сотворили богов по образу и подобию своему. А другие люди воспользовались этим и создали системы поклонения и подавления, жертвоприношения и воздаяния — фактически, продавали воздух обманутым и поработенным, брали в кредит их труд и почитание — но оплачивать не собирались. Не случайно родилась на Земле древняя поговорка, почти забытая ныне: «чем ближе к церкви — тем дальше от бога».

Но что же происходит с нами?

Пока речь шла только обо мне, можно было пытаться списать все на сумасшествие. Первоначально я так и поступал. Однако весомые доказательства указывали на то, что я вменяем, а виденное мною в марсианском прошлом — соответствует действительности. И едва ли моим безумием смогла бы заразиться Катя Старофф — всесторонне подготовленный, опытный и критически мыслящий лидер-инспектор Комитета Контроля — одна из старших должностей главной силовой структуры современной Земли. А Сильвия? Она же тоже видела...

Единственное остающееся разумным предположение, что нет ни Кати, ни Сильвии, ни, разумеется, Лиен, Жанны, Ксенаты... Никого нет. Вернее, все они — фантомы моего сознания, погруженного в обычный сон или по какой-то причине находящегося в саркофаге медицинской установки. Выдумка. Пшик.

И когда мне суждено проснуться, они могут выветриться из головы или, напротив, возвращаться в новых снах, даже свести меня с ума, если еще не свели. Потому что безумие — прекрасное объяснение всему и

всегда. Шизофрения. Конечно, у нас уже давно не болеют ею. Но где это «у нас»? А весь мир, в котором я родился и вырос, не является ли выдуманным? Быть может, это просто болезнь? И лежу я, прикрученный веревками к железной кровати в лечебнице в каком-нибудь девятнадцатом веке... Как это тогда называлось? Смирительная рубашка? А иногда через меня пропускают электрический ток, пытаюсь вылечить по сверхновой экспериментальной технологии. Какого-нибудь доктора Джефферсона... Почему бы и нет? Катей зовут сестру милосердия, Жанной — девочку из моего реального детства, Лиен и Ксената — выдуманы мною на почве романа Жюль Верна, прочтенного еще до приступа, или кто тогда писал... Герберта Уэллса?

— Пол, остановись, — рука Лиен сжала мое запястье. — Ты не безумен.

Конечно, да, и это «слышать мысли». Человек не может слышать чужие мысли. Если они — не его собственные. Из соседнего отдела головного мозга. Маленькие молнии по маленьким усикам, да-да, именно. Протекают через щели одного псевдосознания в другое.

— Пол, — она привлекла меня к груди. — Обними меня.

Я механически подчинился.

Ее тело поначалу было прохладным, но быстро нагрелось от контакта с моим.

— Вот так это и происходит, — шептала она. — Ты был один. Теперь нет. Мы соединились. Поэтому слышишь. Не маленькие молнии и не электромагнитные волны от них. Сущность пространства такова, а время лишь его кажущееся свойство. Мы не сделали маску. Помнишь, мы говорили о парадоксе? Ксената и Лиен не могли вспомнить Пола, потому что никогда его не знали. Пол не мог говорить с Ксенатой до того, как наложил ладони на каменное лицо, предсмертную маску Лиен, но ведь если бы Пол не направлял его, Ксената не пришел бы к Лиен со словами о ритуале.

Я чувствовал, как по мне растекается тепло и покой. Не от слов. Слова звучали не особенно убедительно, ведь они лишь указывали на нестыковки в моей истории, и можно было с равным успехом дать им физическое... метафизическое объяснение или списать на шизофрению.

Катя продолжала теперь уже не шепотом, а вполголоса:

— Маски нет. И не будет. Пол не наложит на нее ладони, не придет в прошлое. Но мы есть и мы существуем. Все вместе. И, возможно, нам удалось то, ради чего все затевалось изначально, тот последний шанс спасти Жемчужину от астероида. Сургири, пытавшиеся убить нас,

прорвавшись через канал, поняли истину, поэтому они отступили. Я не смогла тогда тебе объяснить, у нас не было слов с Лиен. Они поняли, что мы пытаемся помешать жрецам Звездного огня отправить корабли с Вестника... С Фобоса. И тогда они выступили сами. Они уничтожили все башни, больше нельзя управлять кораблями, увести их, а защита сработает автоматически...

Я слушал ее, внимая словам, но больше слушал стук ее сердца и непередаваемую вибрацию чего-то иного, не воплощенного в теле, но словно бы распределенного по Вселенной. По нашей Вселенной.

Лиен прижалась щекой к моему лбу.

— Мы изменили мир двух планет. В новом прошлом не случилось того ужасного нападения на Землю, цивилизации наших далеких предков не погибли. Цветущая Жемчужина не превратилась в безжизненный Марс, потому что астероид был отклонен. Наверху нас ждет новый мир. Не знаю, в прошлом или будущем Жемчужины мы окажемся... Я готова быть где угодно, лишь бы с тобой.

— Вы, — поправил я ее, вспомнив, как когда-то на Ганимеде говорила она сама.

И лбом почувствовал, как она улыбнулась.

— Знаешь, милый, никто не знает наверняка, что не безумен. Что все вокруг не рождено бредом. Что мое тело в твоих объятьях — не галлюцинация. Но каждый может выбрать, верить ли себе.

Она замолчала и отодвинулась от меня. Сняла с себя мои руки. Я оказался в тишине и пустоте. Один.

— Да что тут выбирать, — рассмеялся я. — Конечно, я выберу тебя.

— Нас, — поправила она в отместку, и тоже фыркнула, передразнивая мою манеру цеплять ее. — А мы выбираем вас, ваши величество, великие доктора Джефферсон и Ксената.

Она взяла меня за руку и вслепую, но совершенно уверенно повела по невидимой, посыпанной песком дорожке. Конечно, она же знала это место.

Вскоре я почувствовал, что вхожу в воду. Впереди замаячил едва заметный свет.

— Это солнце, дорогой мой, солнце! — радостно засмеялась она. — Но я готова и во тьму, и в океан пустоты. Продышись, набери побольше воздуха и не вздумай захлебнуться!

Мы нырнули в подводный тоннель и поплыли к свободе.

Чем ближе темнела арка выхода, тем ярче становился свет...